

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ
МАТЕРІАЛЫ,

собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ.

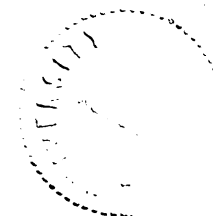
Выпускъ 2.

Разказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр.

Б. Д. Гринченко.

ЧЕРНИГОВЪ.
Типографія Губернскаго Земства.
1897.

[Faint handwritten text, possibly bleed-through from the reverse side of the page]

B73264
133
X

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Заключающіеся въ этомъ выпускѣ матеріалы записаны въ разное время слѣдующими лицами: Е. Н. Гаврилеемъ, А. А. Гарнье, д-ромъ Гребенюкомъ, М. Н. Гринченко, Н. Г., М. А. Дикаревымъ, Е. Ѳ. Дорошевымъ, И. И. Зозулею, Г. А. Коваленко, М. С. Кононенко, В. Г. Кравченко, В. Е. Кристалловскимъ, М. М. Нечипоренко, В. Ф. Степаненко и А. А. Тишинскимъ; наконецъ, неподписанные номера записаны лично нами. Главный и самый интересный матеріалъ доставленъ намъ г-номъ В. Г. Кравченко, собравшимъ, кромѣ сказокъ и рассказовъ, часть которыхъ печатается здѣсь, также и много пѣсенъ, еще ожидающихъ издателя. Записывалъ печатаемое г. Кравченко преимущественно отъ солдатъ, — этимъ объясняется не совсѣмъ чистый языкъ сказокъ; чужая примѣсь въ двухъ-трехъ изъ нихъ такъ велика, что онѣ кажутся изложенными какимъ то жаргономъ полумалорусскимъ-полурусскимъ; въ этомъ отношеніи очень интересна сказка подъ № 248-мъ. Въ записяхъ г. Кравченко читатель найдетъ также рядъ рассказовъ, посвященныхъ исключительно солдатской жизни.

Мы старались, насколько это было достижимо для насъ, обставить этотъ выпускъ возможно большимъ количествомъ библиографическихъ указаній; въ концѣ же прибавили дополненіе къ библиографическимъ ссылкамъ для I-го выпуска. Кромѣ того,

II

читатель найдетъ здѣсь болѣе обширныя библіографическія указатели малорусскаго матеріала къ цѣлымъ отдѣламъ, а именно къ отдѣламъ II, III, V и VI. Первоначально эти указатели были нами составлены для собственнаго употребленія и не предназначались для печати; потомъ мы рѣшили ихъ напечатать, не смотря на ихъ неполноту: и въ такомъ видѣ они могутъ принести хоть нѣкоторымъ работающимъ на томъ же полѣ ту пользу, которую принесли намъ, тѣмъ болѣе, что указатели эти, даже и при всей своей неполнотѣ, все же является пока наиболѣе полными по даннымъ вопросамъ.

Систематизація матеріала осталась та-же, что и въ первомъ выпускѣ.

Въ концѣ книги, для болѣе удобнаго пользованія ею, помѣщено краткое изложеніе содержанія всѣхъ номеровъ обоихъ томовъ.

Въ рецензіяхъ на I-й выпускъ нашей работы попадались укоры за то, что нѣкоторые номера явились у насъ не въ оригиналѣ, а въ переводѣ или въ стихотворной передѣлкѣ (№№ 149—153); конечно, это недостатокъ; но мы могли печатать только то, что имѣли, и въ такомъ видѣ, въ какомъ имѣли, и, за неимѣніемъ оригинала, сочли не лишнимъ напечатать и переводъ или передѣлку; эти записи и въ такомъ видѣ все же дають что либо до тѣхъ поръ, пока кто нибудь не запишетъ этихъ вещей въ оригиналѣ,—если только запишетъ...

Приносимъ нашу глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, доставившимъ намъ матеріалы.

Б. Гринченко.

1896. VI. I.
Черниговъ.

I.

Представленія и рассказы о явленіяхъ природы и изобрѣтеніяхъ.

1. ТЕПЛО ВЪ СТАРОВЫНУ.

Теперь якъ холодно въ насъ стало, а кажутъ, шо въ старовыну такъ було душно, шо оце въ жныва поставлють кулишъ проты сонечка, такъ винъ и зварыть-ся; або яйца покладуть у писокъ, такъ воны й попечуться.

Записала М. Н. Гринченко въ Харьковской губ.

2. ЗМІЙ (МЕТЕОРЪ).

И я такы бачыла змія. Разъ росчесала барышню на ничъ, управылась у горныцяхъ та й иду въ людську. Колы це такъ и осіяло. Я глянула,—ажъ винъ летыть, а искры такъ и сыплють-ся. Такъ я швыдче прыпала до земли, бо на його, кажутъ, грихъ дывыть-ся, та молюся: да воскреснетъ Богъ.... Колы чую—якъ загуде. Ото вже, значыть, прылетивъ. Тоди я встала, перехрестылась, глянула на небо, ажъ його вже нема, тилкы смуга по небу, де пролетивъ.

— Куды жъ то винъ летивъ?

— А хто його зна. Кажуть, шо винь до жинокъ литае та молоко зъ грудей тягне. Якъ прылеть, ударыться обь землю та й стане парубкомъ. И та молоды-дя, до якои винь унадыться, жовта, жовта буде, якъ вискъ, бо винь, якъ не стане молока, такъ кровь тягне. Записала въ Харьковской губ. М. Н. Гринченко отъ бывшей крѣпостной няньки.

Чубинскій, I, 16—17.—Харьковскій сборникъ, IX, 271—274, Огненный змій, Змій-любовникъ.

---

3. ОГОНЬ.

Не годыться плюваты на вогонь: губы попрыщыть.
Записала въ Харьковской губ. М. Н. Гринченко.

---

4. ПЕСЫГОЛОВЦИ.

Бувъ соби такый мужыкъ багатый, шо зроду не знавъ ніякого горя.—Прыйде до нього бидный та клопочеться: „хлиба нема, нема й того й сього.“—А багатый його й пыта: „И яке то таке на свити горе е?“

Одного разу прыйшовъ багатый мужыкъ зъ млына додому, осидлавъ коня й пойхавъ горя шукать. Йихавъ винь мо сутокъ съ пѣять и зайхавъ у таку землю, де нема людей, а сами песьголовци. (Я йихъ не бачывъ, а кажуть, шо вони зъ однимъ окомъ, зъ однимъ рогомъ,—на правій сторони—око, а на ливій—ригъ).—Дывыться, у степу хата; зайшовъ винь туды, а тамъ сыдыть йихъ чоловика пѣять.—Песьголовци пытають його: „чого ты сюды зайшовъ?“ А винь и видмовля: „прыйшовъ горя шукать.“—„Не йидь“—кажуть вони йому,—„дали горя шукать, вже ты й такъ знайшовъ горе вельке.“—Пытають вони його дали: „Колы ты плотныкъ, або коваль,

або кравець, то будешъ жывий у свити, а колы ни, — то мы тебе заразы зарижемо и ззимо.“ „Я, — каже, — слюсарь такой, шо проты мене ништо не вылле лучче.“ — „Колы ты, — каже одынъ песыголовецъ, — такой слюсарь, то мо зъуміешъ изробыты мени друге око?“ — „Купы, — каже, — мени шевськоїи смолы и лаку копійокъ на висимъ.“ — Песыголовецъ купывъ йому смолы й лаку копійокъ на висимъ. — Мужыкъ зробывъ таку пичъ, замурувавъ туды казанокъ такой и топе ту смолу. Зробывъ таку хорошу, наливъ туды смолы, — вона захолинула въ тій хорми, винъ навивъ лакомъ. Песыголовецъ прытулывъ до ока й дывытсья въ люстру й неначе тымъ ще бильше баче, якъ своимъ. Каже: „молодецъ, гарне око зробывъ!“ — Мужыкъ и каже: „вамъ такъ не можна його вставыты, а треба вывертыты у голови дирку.“ — Песыголовецъ и говоре: „То й можна; проверты-жь,“ — каже. — Якъбы, — каже мужыкъ, — васъ привъязать, шобъ вы не трусылыся, а то якъ буду свердлыты, то вы будете трусытсья. — „Поведешъ мене въ кошару, — тамъ, у кошари, вивци, тамъ до стовпа й привъязешъ.“ — Узывъ мужыкъ, розигрывъ зубыло, узывъ килкы ременивъ, повивъ песыголовця въ кошару привъязавъ його плечыма до того стовпа. Добре вкрутывъ його!

— Заплющте й це око, шобъ вы, — каже мужыкъ, — не бачылы, якъ я буду въ голови дирку довбать. — Той заплющывъ, а мужыкъ навивъ зубыло та якъ трахне молоткомъ, — такъ йому й те око вылизло. Теперь уже въ нього нема ни одного ока. (Найшовъ слюсара!) Стрепенувся песыголовецъ! Те реминня на йому полопалося! Гонывсь, гонывсь винъ за тымъ мужыкомъ — не піймае въ кошари мижъ вивцями. Потимъ узывъ, одчынивъ двери й ставъ на дверяхъ ракомъ и почавъ вивци выпус-

каты съ кошары, думаячы, шо й того чоловіка такъ піймае.—Дывыться мужыкъ, шо беда... А тамъ бувъ такый цапъ, самый наибильшый,—винъ того цапа заризавъ, изнявъ изъ нього шкуру и надивъ на себе, а тоди йде прямо помижъ ноги тому песьголовецю. Той песьголовець—лапъ, лапъ, лапъ.... — „А, каже, це ты, той, шо всю ва-тагу водышь.“ — Мужыкъ выбигъ поманесеньку кризь його ноги; побигъ у його домъ, забравъ гроши, осидлавъ соби гарну коняку та тоди каже: „ось, о я!“ — Змій кынувъ ти вивци выпускаць та за нымъ! Гонывсь, гонывсь, — ніякъ не піймае. Вернувся змій та ще поки знайшовъ соби выдющихъ помишныкивъ, то мужыкъ и дома опынывся.

С. Ивковецъ Чигиринскаго уѣзда. Отъ Василя Коробки записаль
В. Г. Кравченко.

Различные рассказы о песьголовцяхъ-людѣдахъ: Рудченко, I, № 39.—Малор. пред., стр. 2, № 3 и стр. 384.—Гринченко, I, № 2.—Номись, № 4081.—Ястребовъ, 80—83.—Этногр. обозрѣніе, 1890, № 1, 94 и № 3, 236. Moszyńska, Bajki i zagadki ludu ukraińskiego. № 4, Про вкрадняного хлопця.—Харьк. Сб., II, 86.

У Чубинскаго (I, 212) есть рассказъ о «Сыройидахъ»-людѣдахъ съ однимъ глазомъ и одной рукой,—очевидно, вариация «песьголовцивъ». Гораздо дальше стоитъ сказка «Дивчына мижъ сыройидами» (>Этнограф. збирныкъ,» ред. М. Грушевскій, Л., 1895, т. I, стр. 47, № 13). Здѣсь «сыройиды»—цыгане, и въ концѣ прибавленъ мотивъ изъ извѣстной сказки «про Ивасыка та видьму» (см. П. Кулиша «Заниски о южной Руси,» II, 17; Малор. пред., 353, № 32; Рудченко, II, № 15 и пр.) о сажаніи обреченной на съѣденіе въ печь, о ея бѣгствѣ на дубъ и спасеніи на крыльяхъ гусей.

5. ЧОЛОВИКЪ ТА ЯТЕЛЬ.

Отъ колысь то ятлы якъ почалы на свити плодяться, вывели вони диты. И ятель хотивъ соби, шобъ похрестыть ихъ. И винъ литае, литае и ниде не може найты соби

кѹмувъ. Лита, баче, шо вже диты таки вельки, а ще не хрещени.

Скаче винъ по дереву, дывыться,—бижить лысь старый. Лысь зголоднивъ такъ, шо вже йисты хоче. Забачывъ його ятель та й каже: „Може-бъ ты мени диты похрестывъ?“ — Каже: „Добре, -- каже — похрустаю.“ — А лысь радый, бо добре йисты схотивъ.—Ятель то въ дупли ведеться, не на верси; прывивъ його до того дерева, де його диты: ятель полизъ у дупло и кыдае звидты свойихъ дитей, а лысь хрустае йихъ. Выкыдавъ йому вси диты. Выкыдавъ йому вси диты та й пытається: „А шо, каже, похрестывъ?“ Каже: „Похруставъ.“ — „Ну, то подавай!“ — „Я-жъ, каже, похруставъ йихъ: ты-жъ просывъ, шобъ я похруставъ, я й похруставъ.“

Ятель баче, шо дитей нема, бере, летыть, вылетивъ на дорогу, ажъ везе чоловикъ глыну; винъ не зна шо робыть,—ну, зъ жалю сивъ волови на голову та й почавъ довбать вола у лобъ; а чоловикъ за сокыру, хотивъ ятла вбыть, та такъ и розрубавъ волови голову. Ятель полетивъ и влетивъ до його въ хату, бо викно було въ хати; дывыться—дытына лежить у колысци, сивъ на ту дытыну та давай довбать у лоби. Жинка побачыла, схватылась за мняло да хотила дятла вытятъ, да вбыла дытыну. Почала за нымъ гоныться, піймала його, хотила заризать, та каже: „Ни, пидожду чоловика.“ -- Посадыла його пидъ горщыкъ, а сама сила й почала плакаты. Прыйшовъ чоловикъ, вона показала й розказала якъ було дило.— „Давай,—каже жинка, - його вбъемо.“

— Э, ни,—каже чоловикъ, —я черезъ його й вола вбывъ; давай масла, помажемъ його да я живого вквотну.—Уковтнувъ його. Якъ почне ятель тамъ пурхаты, якъ почне пбратысь! Да й найшовъ ту дирочку, да й вы-

гляда звидты. А чоловікъ крычыть и рады не дасть. А жинка каже: „Ставай, чоловіче, ракомъ, а я подывлюсь чы далѣко винъ?“ Винъ ставъ ракомъ, а вона якъ забачыла ятла голову, та за сокыру, да хотила його зарубать. Якъ рубне його! Розрубала задъ, а ятель вылетивъ да й полетивъ крозь викно, а въ чоловіка съ того часу задъ роздвойный.

Отъ Зяневича изъ Острожскаго уѣзда записаль В. Г. Кравченко.
См. Гринченко, I, № 155.—Ястребовъ, 164—165, № 24.

---

6. КИНЬ.

Кинь за дванадцять день чуче весилля або весну: чуче на себе лыху годуны, що робыты доведеться важко.

Записала М. Н. Гринченко въ Черниговской губ.

---

7. СОРОКА ТА ВОРОНА.

Ворона клуче гній, а сорока прылетила до нейи та й пытається (швыденько):

— Чы кысле? чы кысле?

А ворона (съ протягомъ):

— Да-арма! да-арма!...

Черниговская губ. Записала Н. Г.

---

8. СОЛОВЕЙКО.

Потерявъ соловейко голосъ черезъ яшний колосъ. Соловейко спивае покы на ячмени колосу немає: якъ показався колосъ, тоди пропавъ його голосъ.

Записаль В. Ф. Степаненко въ Каневскомъ у. Кіевской губ.

Гринченко, I, № 11.

9. ЖАБА.

Э, ни! ци жабы страшни. Отъ вы кажете, що вони не кусаються, а я вамъ искажу, шо одна жинка пишла до крыныци по воду, а тамъ жаба. Вона ту жабу якость тамъ и роздратувала. Дакъ та жаба якъ пльгоне на нейи, а молодыця навтики, а жаба слидкомъ та такъ и пльга, такъ и пльга на сажень. Насылу та жинка втик-ла та вбигла въ хату та й зачынылась, а жаба не на-здогнала ййи та якъ пльгоне на двери та такъ и вльп-ла въ двери, такъ и выпылась...—А другій жинци въ щоку выпылась...

Записано въ Екатеринославской губ. въ Славяносербскомъ у.
Харьковскій сборникъ, VIII, 309. Манжура, 149, «Жаба».

---

10. ГАДЮКА.

Гадюку вбий, — сонечко засміється, выясниться.
Записаль въ Каневскомъ у. Киевской губ. В. Ф. Степаненке.

---

11. ГАДЮКА ВЪ РОТА ВЛИЗЛА.

— Та хыба жъ такы можна, шобъ гадюка людыни въ рота влизла?

— Та, звисно, вы не вирыте. А онъ одній моло-дыци шо було! Греблы вони сино. Ну, значыть, пооби-далы и полягалы спаты. Колы тій молодыци й сныться, шо вона холодну, холодну воду пье, таку холодну, шо ажъ прокынулась и чуе, — у ней шось у роти ворущыться. Вона лапъ рукою та й ухопыла гадюку за хвостыкъ. Та не

вдержала, бо гадюка жъ слызка и влизла йй у горло. Та молодыця перелякалася, заразъ побудыла всихъ. Такъ шо вже йй не робылы, такъ не вылазе гадюка, а мучыть ий,—якъ пидкотыться пидъ серце, такъ отъ смерть заразъ. Та вже одна баба сказала:

— Хай,—каже,—вона засне, а вы поставте йй биля рота мысочку суныць, такъ гадюка зачуеть суныци и вылизе.

Такъ вони такъ и зробылы. Якъ та молодыця заснула, такъ вони й поставылы йй до рота мысочку суныць. А вона пияся того лыха було якъ спыть, такъ рота роззявыть,—такъ йй дыхаты важко. Такъ гадюка якъ почула, шо суныци пахнуть, то й вылизла.

Такъ онъ якъ воно буває!

Записала М. Н. Гринченко въ Харьковской губ.

12. ГАДЮКА, ШО ЗЪ ЖИНЬИ ВЫСКОЧЫЛА.

Не скажу вже вамъ, якъ воно тій жинци сталося, ну тилкы це правда. Значыть, вона себе вже замытала. Тилкы ни однію дытыною не було йй такъ важко ходыты. Усе хворае, усе хворае, и жывить здорово росте. А якъ уже прыйшлося, такъ просыть вона чоловика питы по бабу. Винъ прывивъ. Баба поглядила да й каже чоловикови:

— А зачыны двери да шобъ щильно.

Винъ зачынывъ. Такъ съ тійи жинкы якъ выскоче гадюка та до дверей. А баба та чоловикъ ййи й піймалы у банку та й завъязалы: повезе чоловикъ ййи до ликаря. Хоть вирьте, хоть ни, а мени такый чоловикъ казавъ, шо самъ ййи бачывъ: лежыть,—каже,—въ банци, чымала и такъ ажъ чорна неначе.

Записала М. Н. Гринченко въ Екатеринославской губ.

13. УЖАКА.

Отъ якъ ужака злюбыть корову и ссе ййи, такъ молока буде багато й густе буде, тилкы не можна йому нйякойи шкоды робыты. У однійи молодойи винъ ссавъ корову, а вона й не знала, а одного разу вона выйшла дойтиы корову та й углядила, шо винъ обкрутывся корови коло ногы та й ссе. А та молодойи його и вдарыла, такъ винъ и полизъ соби въ погрибъ, бо винъ тамъ живъ. Отъ вона процидыла молоко та й понесла у погрибъ, а ужака съ стели впавъ на нейи, обкрутывся кругъ нейи та й почавъ ййи ссаты. Такъ уже шо не робыла, де не ходыла—не одпадае. Съ тымъ и вмерла, такъ тоди вже одпавъ. И корова звелася.

Записала М. Н. Гринченко въ Харьковской губ.

Манжура, Сказки, стр. 149, Ужака той, шо корову ссе.—Харьк. Сборн., II, 96.—VIII, 309.—Чубинскій, I, 65.—Кіевская Старина, 1890, № 4, 161—162. Къ повѣр'ямъ о томъ, что ужъ любить молоко и сосеть коровъ *И. Манжуры.*

---

14. ЖАБА.

Якъ шо жаба перебижыть дорогу, такъ буде шо небудь погане.

Записала въ Черниг. у. Н. Г.

---

15. ВИДБИЛЯ ВЛОХЫ.

То була соби дуже стара баба, така, шо вже й робыты не дуже могла, билше сыдыть. А сыдиты такъ нудно. Отъ вона й молыться:

— Гошподы! Хочь бы ты мени хочь манешеньку яку втиху пошлавъ!

То Богъ и вкынувъ йй у пазуху клубокъ блихъ. Якъ почалы ййи кусаты та стрыбаты, то вона:

— Гошподы, яке втишне! И кушà, и штрыба и плыга!

То съ того часу й блохы.

Отъ крестьянина изъ с. Вильшаной Харьковскаго уѣзда.

Житье и слово, томъ II, 185, № 14.

16. МУХА ТА ВЛОХА.

Се жъ муха летила зъ города у село, а блоха йшла зъ села въ городъ. Стрилысь и почалы распытуватысь. Блоха й каже:

— Литомъ у городи мени лучче, анижъ у сели, бо въ сели люде рано встають, а лягаючы прудять блохы, а въ городи довго сплять, то мени й добре йихъ кусать.

— А я,—каже муха,—лечу зъ города въ село, бо що за жыття мени у гброди: знайдешъ де стаканъ молока, почнешъ йисты, а тутъ заразы хто небудь нагодыться, вытягне, обмокче та й выкыне. А на сели якъ улизешъ у глекъ зъ молокомъ, то хазяйка прыйде, помишае молоко ложкою та ще й глыбше утопыть.

Записаль В. Е. Кристаловскій въ Нѣжинскомъ у. Черниг. губ.

Манжура, Сказки, стр. 7, «Блоха та муха».

17. ЗЪ ЧОГО НА СВИТИ ТАВАЕЪ.

Колысь то святыхъ було тилькы трое—Богъ, Святи Петро й Павло; а бильшъ святыхъ не було у свити. И ходылы вони соби въ трьохъ, товаришувалы. Задумалы вони зробить церкву: „зробимъ, кажуть, церкву на вказъ людський (тоди вира була жывивська, ну, було въ разбродъ—зна шо Богъ е, а де винъ е,—того не зна), мы будемъ дзвонить, будемъ Богу молыться, а люде до насъ ходытымуть, будутъ на насъ дывыться и будутъ у нашу виру прыставать“.—Деревню зъ лиса вони не возылы, а на плечахъ носылы; шо наносять вони за день, то чорты за ничъ усю роскыдають. Пишлы вони и зайшлы до одного ченця на ничъ; винъ же не зна, шо то Богъ и Святий Петро, а думает шо то прости люде. Балакають вони промежъ себе: „отъ мы, кажуть, пидрядылысь одному выстроить таку церкву на гори, шобъ було де Богу молыться, — ну, гёмоны скидають древо зъ горы.“ — Чернецъ и каже: „може якъ небудь выстрою ту церкву.“ А Богъ и говоре: „ну, колы ты выстроишь, то я тоби втрое заплачу.

Сыдыть чернецъ, Богу молыться—якъ укуснулысь до його чорты!—Почалы скушать його: набижать у церкву та якъ навоняють, шобъ винъ хочъ засмйався... А винъ одно зна—Богу молыться.

Ставъ голодъ—нема хлиба, чернецъ бере попилъ, меле його на жорнахъ, пече проскурочки й роздае людамъ.—Ти чорты до його лазють, не дають йому Богу молыться.—Задзвонивъ винъ до церкви, накадывъ ладаномъ у каплычи, — чорты позбигалысь, перебувають.... Винъ якъ почавъ ганятысь за нымы и пйймавъ одного.

Чортъ просыться: „пусты, —говорыть, —уже я не пиду, не пидуть и други!“ „Ни, —говорыть, --не пущу! Якъ ты наносышь мени на ту гору деревни на всю церкву, такъ пущу. Гляды, не думка въ тебе наносыть, то я все одно тебе піймаю!“

Дождавъ чортъ вечора, зибравъ усихъ чортивъ и наносылы воны такого деревни, шо не тилькы одну, а вже дви церкви можна построить.

Прыходыть Богъ и святой Петро, и каже Богъ: „скільки тоби дать за си труда, шо ты деревни наво- зывъ?“ „Я, —каже, —не хочу ничего, тилькы якъ-бы ме- ни такъ Богъ давъ, шобъ я взнавъ шо въ свити діеть- ся.“ Богъ йому й каже: „такъ, —говорыть, —не треба, шобъ ты все знавъ, а хыба, —говорыть, —третю часть.“ Давъ йому, тому ченцеви, такъ Богъ, шо винъ соби трохи знавъ. Постройлы воны тамъ церкву, и чернецъ остався у тій церкви Богу молыться. Почалы люде туды ходыть, приставать у виру—винъ ихъ навчае.

Чорты дывляться, шо вже багато виры набирається, прыйшлы до його—скушалы, танцювалы, музыки гралы... А винъ не дывыться на тее. Одынъ чортъ узявъ, зро- бився такимъ конемъ—геть чысто якъ у того ченця; прыйшовъ и ставъ у його передъ викномъ. Глянувъ чернецъ у викно, дывыться—кинь. „Хто се, —говорыть, — мого коня выпустывъ? Се винъ на стани трохи засто- явсь, треба його пройиздыть.“ Тилькы той задумавъ, а кинь уже осидланный стойть. („Колы-бъ ты вже, —дума чортъ, —скорише сидавъ“).—Чернецъ дывыться—стойть осидланный кинь,—думавъ шо може послушныкъ осид- лавъ, и не заглянувъ у хливъ, шо його кинь стойть. Сивъ на його й йиде. Выйхавъ на двиръ винъ—такъ и загувъ у гору той идоляка, той кинь. Вылетивъ винъ

трохы не пидъ сами облакы, тоди йому й каже: „ну, шо тоби, каже,—чы тебе пустыть звидсы, шобъ ты вбывся, чы пустыть тебе такъ, шобъ кого вбывъ?“ (А чортови однаково—чы самъ чернецъ убъеться, чы кого другого вбъе, абы согришывъ). „Пусты,—говорыть,—мене: я не то одного, я десять чоловика вбъю, тилько ты пусты мене, шобъ я на свити живъ.“ — Чортъ не кынувъ його, а спустывся, бо повирывъ на його, шо той убъе десять чоловика. Спустывся внизъ и пустывъ ченця.

Прыйшовъ чернецъ у свою келю, а тамъ сыдятъ його послушныкы—де то винъ? Журяться!.. А якъ побачылы його, то дуже зрадили. Почавъ винъ зновъ соби Богу молыться.

Чортъ ждавъ погы той убъе десять чоловика, не диждався, приходить зновъ до його и не дае йому Богу молыться. Скушала, скушала—ничого не вдиють. Старшый чортъ и каже другимъ: „Зробимся богамы, повлитаемо до його въ келю,—винъ буде Богу молыться, винъ гляне на насъ, шо мы йому осіаемо келю, задывыть на насъ, кыне Богу молыться, почне зъ намы пыть, гулять и мы тоди шо схочемо, те зъ нымъ зрбымо.“ — Осіаылы воны кимнату, чернецъ и подумавъ, шо то анголы, и винъ возрадувавсь, а воны йому паморокы забылы, кынувъ кныгу чытать, уставъ, а воны йому й кажуть: „доволи тоби чытать, сидай зъ намы погуляешъ, мы до тебе въ гости прыйшы.“ Чернецъ зрадывъ, уставъ, поздоровкавсь до йихъ,—давъ одному руку, другому... а якъ ставъ давать третьому та якъ глянувъ, а въ йихъ пазури такъ якъ у пивнивъ! Чернецъ упавъ и зубы вытрищывъ, а чорты такъ и загулы зъ тыйи келійкы, вже думалы, шо його не буде въ свити.

Слугы його вчулы, шо шось тамъ загуркотило, побиглы до його подывыться. Прыбиглы, дывляться, а винъ якъ неживый лежить; воны ножемъ роздявылы йому рота, налылы йому въ ротъ воды; якъ почалы,—одлылы його водою. Уставъ чернецъ я каже: „Ахъ,—говорить,—лукави, шо наробылы!?” Умывся винъ, помолывся Богу и сивъ соби кныжку чытать.

Коло його келійкы стоявъ дубъ такый дуплынаты! Ти чорты запалылы дого дуба—воны скушаютъ, шобъ чернецъ выйшовъ гасыты. Побачывъ чернецъ, шо дубъ горыть, узявъ и заклявъ чорта у тому дубови, и той дубъ почавъ зростаться и чорта роздавыло у тому дубови такъ, шо й кровь потекла зъ його. Чорты й думаютъ: „шо-бъ його зробыть зъ сыейи крови, шобъ вона не пропала?”—Поробылы воны таки кочёргы и почалы воны розгортать у двоухъ лысть—пидъ одынъ бикъ и пидъ другый бикъ. И такъ и бурьянъ тамъ порисъ—такый лыстатый! Туды паны приходять и рвутъ тее лыстя, а воно йимъ указуе такымъ пахущымъ. И такъ воны се дило призвели, шо почалы ризать, курыть и нюхать.

Такъ якъ воны розгорталы ту кровь на два боки, то такъ и табакъ порисъ не одинаковый—тамъ лехкый порисъ, а тамъ—коринци, мархотка, лыстатый... То якъ табакъ выйшовъ изъ крови чортовойи, то його й не годыться курыть.

Оце якъ прочытають (*), то й скажутъ, шо й справди не можна курыть його.

А тамъ ише напышете: „предупреждаю, люде, я васъ, крыстяны: не курыть його, проклятого, бо не

(*) Разказчикъ зная для какой цѣли записывается его разказъ. Б. Г.

тильки вы воняете, а вже весь свить засмердився нымъ. Хочь котора й праведна, може, душа е, то й та не пиде въ рай черезь табакъ.“

Записаль В. Г. Кравченко отъ солдата Коробки Чигиринскаго уѣзда.

Различныя вѣрованія о происхожденіи табаку: Манжура, стр. 144 («Табакъ, хринь, цибуля та часныкъ») и 145 (Табакъ).—«Малор. пред.», стр. 13, № 38. Табакъ. Черти и табачники.—Гринченко, «Этн. мат.», I, № 17.—Харьк. сборникъ, VIII, 319.—Житье и слово, томъ III, 374.—Кіевская старина, 1890, № 8, 326—329. Разсказъ о происхожденіи табаку А. Катрухина; 1893, III, 547—548. Украинскій варіантъ о происхожденіи табаку, I—II, М. К. Васильева.—1888. IV. 20. Употребленіе табаку по народнымъ повѣрьямъ.—Зоря, 1887, № 3 Лепкый,—Чортъ, 44.

18. ЗЪ ЧОГО ОСОТЬ РОСТЕ ВЪ ХЛИВОВИ.

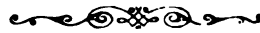
Це зъ прежде вика Господь создавъ хлибъ на всихъ людей и Богъ распрыдилывъ: овесь, гречку, жыто й пшеницю - то все людямъ давъ. А чортъ и каже: „дай мени, Господы, хочь овесь, такъ я соби овесь матыму йисты“ Оддавъ. Идутъ Богъ и Святой Петро. Петро й каже Богови: „Господы, намъ-бы овесь издався: конибъ його йилы.“ — „Ну, якъ-бы намъ у нього взять його?“ — А Петро й каже: „я, каже, пидманю його.“

Чортъ иде и шобъ не забудься, то все приказуе .. „овесь, овесь, овесь“... А Святой Петро бигъ та й сивъ пидъ мостомъ; а чортъ быжить мостомъ та все приказуе те слово; а Петро якъ крыкне: „тю!“ — А чортъ излякався та й каже: „ты мене злякавъ, и я черезь тебе забудь, шо я й казавъ!“ — А Петро йому: „ты, — ка-

же, — казавъ: осотъ!“ — Чортъ побигъ дали та й крычыть: „осотъ, осотъ!“ Съ того часу чортъ мае соби осотъ. И то у биднаго мужика, шобъ мавъ хлибъ родыты, то чортъ соби тамъ осотъ сіе.

Записаль В. Г. Кравченко отъ Коробки Чигиринскаго уѣзда.

Малор. пред., стр. 14, № 40. Овесъ и куколь. — Чубинскій, I, стр. 81. Осеть. — Максимовичъ, Сочиненія, III, Дни и мѣсяцы украинскаго селянина, 489.

II.

Примѣты и повѣрья.

19. МОЛЫТВА.

Якъ скажешъ: Господы, поможи! та перехрыстышся, то й на вирьовци не повисышся, а якъ не скажешъ, то й на нытци повисышся, бо нечытый пособить.

Записала въ Харьковской губ. М. Н. Гринченко.

20 ЯКА БОЛЫ ГОДЫНА ВУВА.

1. Зеленуватый мисяць — на дощъ, ясный — на годуны.
2. Колы комарь зимою литае въ хати, — буде тепло.
3. Колы тынь зимою чорніе, — буде одлыга.
4. Колы жаръ у печи збывається у кимъяхы, — буде морозъ.
5. Колы куры ходють по дощу, — буде винъ иты довго (сутковый).
6. Колы жабы плыгають по земли, — буде дощъ.
7. На Явдокійи якъ витерь віе съ полудня, — буде посуха, а якъ съ пивночи — врожай.

№№ 1—7 записаль въ Каневскомъ у. Киевской губ. В. Ф. Степаненко.

8. Яка година на Покрову, така й зима буде. (Черниг.)

Записала М. Н. Гринченко.

Этнограф. матеріали, II.

2

21. ХАЗЯЙСТВО.

I. Хата.

1. Колы вранци, до схидъ сонця, закладуть хату, — буде вохка зимою й весною.

Записаль В. Ф. Степаненко въ Каневскомъ уѣздѣ.

2. Пидъ недилю неодминно треба на ничъ выместы въ хати, бо вночи янголь по хати ходыть.

3. Треба на ничъ викна й двери хрестыты, а якъ чого дуже бойишся, такъ треба ножемъ хрестыты.

4. Якъ почувешъ уночи, шо хтось ходе по хати босый, то буде вельке нещастя.

5. Не годыться ввиходыть у хату (чи йты съ хаты?) на голу пичъ (якъ выгребено съ печи жаръ, шобъ хлибъ сажать), бо голова облизе. (Екатериносл.).

Записала въ Харьковской губ. М. Н. Гринченко.

II. Начыння хатнѣ.

Не годыться, шобъ нижъ лежавъ на столи гостри-емъ угору, бо буде сварка въ симйи.

Записаль въ Каневскомъ уѣздѣ В. Ф. Степаненко.

III. Одежа.

1. Не годыться браты билу сорочку въ понедилокъ

2. Не треба ходыты въ одному чоботи: батько або маты вмре.

Записала М. Н. Гринченко въ Екатериносл. (№ 1). и Харьковской (№ 2) губерн.

IV. Йижа.

Тейи воды, що варють у йій яйця, не слідъ пыты, бо очи болитымутъ.

Записалъ въ Каневскомъ уѣздѣ В. Ф. Степаненко.

V. Хатня работа.

1. Якъ издѣймешъ пивмитка зъ мотовыла, то годыться поплюваты на його й приказаты: „не гайся та мерщій запрядайся!“

2. Якъ пряжу оснують на снивныцю, то скинувши основу, сразу сйдають на нейи, щобъ швыдче ткачъ сйдавъ ткаты.

3. Якъ основу зберуть на руки и сюды й туды, и кинець одъ нейи лышыться довгый,—то се ткачъ довго не буде ткаты.

Записалъ въ Каневскомъ у. В. Ф. Степаненко.

VI. Свійська тварь.

1. Колы *китъ* понюха якои стравы,—не йижъ йійи, бо нападе нежить.

Манжура, 154, № 7.

2. Першого тыждня велького посту бабы тры дни святкують—пьють горилку, бенкетують, щобъ *телята* были лыси. Се такъ у Гороваси (Каневск. у.), а въ Полствыни се роблють у понедилокъ на масныцю.

3. Не годыться годованому *кабанови* чы *свыни* даваты зерно зъ решета, бо буде сало прыщувате.

4. *Квоцку* годыться пидсыпаты въ недилю чы въ свято яке саме тоди, якъ люде йдутъ исъ церкви,—вылузнутья зъ яецъ якъ слідъ.

5. Якъ пидсыпають *квочку*, яйця кладуть у хлопьячу шапку и прымовляють такъ: „якъ яйця зъ шапки сыпнуться, такъ хай и вылузнуться.“ Писля цього вси хатни сидають на лави й тыхо сыдятъ якый тамъ часть,—щобъ квочка сыдила гарно.

Гринченко, I, № 29.

6. Котре *курча* часто вылитае на квочку, тому не животиты довго,—шулика його скоро вхопытъ.

Записаль В. Ф. Степаненко въ Каневскомъ у.

7. Колы хочешъ знаты; чы буде съ цуценяты злый *собака*, то визьмы потягны за вухо: колы заскавучыть изразу, то буде злый.

8. Якъ убижыть *собака* въ церкву, то ничего, а якъ *кишка*, то треба церкву знову святыты—такъ по книгахъ напысано. Бо, бачыте, собака не така погана.

9. Якъ *собаку* покачае дурна (скажена) *собака*, то та собака покусана бижыть сама такого зилля шукаты одъ сказу; якъ найде та найисться, то одужа, а якъ ни, то сказытсья та ото й бигае.

Записано въ Харьковской губ.

10. Не можна даваты чужымъ молока писля заходу сонця, бо *корова* занедужа, а молоко буде погане.

№ 10 записала въ Черниг. у. Н. Г.

VII. Городына

1. *Бурякы* треба сiяты пидъ повну (якъ мисяць повный), то будуть довги й ровни. (Черниг. г.).

3. *Капусту* класты на зиму треба у третю середу пиля молодыка, або на другий квадри, а якъ положышь на першій квадри або на останній, то буде мьяка або руда. (Черниг. г.).

№№ 1 и 2 записала М. Н. Гринченко.

4. *Капусту* на Спаса бабы лякають, щобъ голова-та була. Иде вдосвита на грядкы й гукае: „добрыдень тобі, капусточко! А ну лышь! Прыйшовъ святой Спасъ, — вже-бъ тобі въ головки складатися часъ!“ — Хрыстыть-ся и йде до дому не озыраючысь.

Цыбулю-засушку годяться сховаты до Покровы на пичъ, щобъ у стовбури не йшла, — Цыбулю якъ садють (пиддымку — засушку), то посадивши въ землю, сидають задомъ на те мисце, щобъ цыбуля була велька, якъ озаддя.

6. *Гарбузы* тоди садють на вгороди, якъ на неби ходють кругли билувати хмары, — таки будуть и гарбузы вельчезни. — Гарбузы садють на перву середу и за кожною насинною, якъ уткнутъ ййи въ землю, прыказують: „ты, чорте, не гуляй та гарбузы надымай!“

№ 3—5 записаль въ Каневскомъ у. В. Ф. Степаненко.

VIII. Садовына.

I.

На Свырыдона лякають у садку дерево сокырою и прыказують: „якъ не родытымешъ, то зрубаю и въ пичъ уметаю, а попилъ на витерь пороспускаю.“ Тоди пидъя-зують дерево перевесломъ.

II.

Хатнье смиття одъ Риздва й до Нового року зми-тають у купку, пидъ покуть, а на новый рикъ удосвита, выносять його въ садокъ и палють тамъ, щобъ садо-вына родыла.

Записаль въ Каневскомъ у. В. Ф. Степаненко.

ІХ. Хлиборобство.

Не можна почынаты сіяты хлибъ у понедилокъ.
(Черниг. г.).

2. Якъ варюць кутю на першый святвечиръ, то дывлюцца, чы рясна роса на покрышци, якъ роскрыть: якъ рясна роса, то й перша гречка буде рясна. Такъ саме дывлюцца на другу кутю, на щедруху: якъ рясна роса, то друга гречка буде рясна; и на третю кутю (на голодный святвечиръ) такъ саме дывлюцца про третю гречку. (Черниг. г.)

Записала М. Н. Гривченко.

Х. Рыбальство.

Якъ идуть рыбу ловыты, то треба вмочыты посудъ у воду та й прыказуваты: „Господы, помагай зъ ночвамы на Дунай, а ты, чорте, не гуляй та намъ рыбу заганяй!“

Записаль въ Каневскомъ у. В. Ф. Степаненко.

ХХ. КУТЯ.

Кутю на стиль ставыты несе баба, а якъ шо бабы нема, такъ маты. Несучы каже: „иде кутя на покутя, -- чуєте, диты?“ А диты кажуть: „чуемо.“ Кто несе одказуе: „дай, Боже, шобъ уси чулы!“ - Якъ донесе кутю до столу, сяде на лаву и соваецься съ кутею по лави и стогне: „охъ! охъ! охъ!“ А потимъ становыть кутю.

На голодну кутю стукають у стину и кажуть: „морозе, морозе! йды кути йсты, а въ Петривку не ходы, бо будемо зализнымы пугамы быты!“

Записала въ Черниговскомъ у. Н. Г. Ср. Чубинскій, III, 2—3.

---

23. ДЫТЫНА.

1. Щобъ дытына тихо спала, годыться ййи класты на ничь туды головою, куды спало вдень, а на день навпаки.

2. Колы дытына вкаляється коло хреста (якъ хрыстять), то зъ нейи выйде вельке ледащо.

3. Ажъ покы введуть дытыну въ хрестъ, пупоризни бабы хрыстять викна ножемъ, щобъ нечыстый не навидавъ и лыха не накойивъ.

Записалъ въ Каневскомъ у. В. Ф. Степаненко.

4. Не можна матери дытыну прокlynаты, грихъ,—бо якъ скаже въ таку минуту, то воно такъ и зробыться. Онъ одна росердылась на сына та каже: „А бодай ты щезь!“ Такъ такъ де й дився. И по сей день нема. А одна налаяла: щобъ, каже, тебе чорты взялы. Такъ якъ загуло, такъ и вхопылы. Бо въ таку минуту сказала. А якъ скаже маты на дытыну: будь ты прокlynата! такъ николы тй дытыни щастя не буде.

5. Пры малй дытыни грихъ згадуваты чорта, бо коло дытыны завсигды янголь.

6. Не треба переступаты черезъ дытыну, бо не ростыме.

7. Не годыться матери за труною йты, якъ умре перша дытына.

8. Не можна показуваты дытыну въ дзеркало та ще ввечери, бо тамъ нечыста сыла, то дытына вночи жыхатыметься. Та й никому не годыться дывытыся въ дзеркало на ничь.

9. Якъ мала дытына у висни сміється, то янголь ййи тишыть.

10 Мале дитя зъ янголямы балакае, бо воно тоди ще зовсимъ не гришне. И тоди воно зъ людьмы не балакае; це Богъ на те такъ изробывъ, шобъ дытя не росказувало того, шо йому янголи кажутъ. А якъ тимъячко заросте, тоди дытя забуде, шо йому янголи казали, тоди вже зъ людьмы почына балакаты.

11. Якъ сповъешъ дытыну, такъ годыться ййи перехрестыты, здавыты за носыкъ и цмокнуты губамы.

12. Не годыться вагитній жинци пекты въ недилю хлибъ съ самага жытного бсрошна,— треба зъ якимсь мишаты, а то родыво буде важке. (Екатериносл. г.).

13. Не годыться увесь першый рикъ качаты дытыни сорочки та пелюшкы.

Записала М. Н. Гринченко въ Харьковской г.

24. СМЕРТЬ. МРЕЦЬ.

1. Якъ несуть мерця ховаты, то души померши выглядають изъ гробкивъ свойихъ и пытаються: „чы не бачылы тамъ нашихъ?“

Записалъ въ Каневскомъ у. В. Ф. Степаненко.

2. Шобъ не боятысь мерцивъ, треба лапнуты старця за торбу.

3. Якъ шо въ мерця тило мъяке, то скоро ще хтось умре въ роду.

4. Не можна выносыть смиття съ хаты, де покійныкъ лежыть, ажъ поковы поховають (см. Чубинскій, IV, 706).

5. Въ тій хати, де мертвый лежыть не можна виконныць зачыняты.

6. Якъ выймешъ хлибъ, съ печи такъ розломы хлибена й покоты на викни, шобъ парувало: тією парою дѹши годуються.

7. Якъ умре баба пупоризна, такъ ййй кладуть у кышеню вузлыкъ маку, бо на тому свити якъ стане вона вылазыты на гору, такъ онуки, шо нехрещени померлы, и вчеплються за нейи, шобъ вона й йихъ исъ собою забрала. А вона сыпнѣ йимъ маку,— отъ вони покы вызирають, вона и втече одъ йихъ. (См. Чубинскій, IV, 708).

8. Якъ прычащае хворого батюшка, такъ дывыть ся на часточку: якъ потопне часточка, то хворый умре, а якъ ни, то одужае. (Екатериносл. г.).

9. Якъ запахне въ хати ладаномъ, то десь родычъ умеръ.

10. Якъ повыбираешъ хлибъ глевкый, а тоди знову посадышъ допикатыся, то двичы вмиратымешъ.

11. Не годыться на людыну потягатыся, бо вмре: треба потягатыся на пичъ.

12. Не можна затыгаты нитку на шыйи, бо нечытый задавыть.

13. У суботу не годыться почынаты шыты, бо той умре, кому шыешъ.

14. Якъ мыешъ та ниткы вьяжуться, такъ ище зносыть той, кому мыешъ, не вмре.

Записала въ Харьковской г. М. Н. Гринченко.

---

25. ВОРОЖИННЯ.

Воно, звисно, можно побачыть того, за кого замижъ пидешъ, та тилкы—це грихъ, бо то нечытый пособляе.

Кажуть, шо одна барышня ворожыла: пидь новий годъ поставыла два дзеркала одне проты одного и по дви свичкы передъ кожнымъ, сама сила передъ однимъ дзеркаломъ, а друге въ нейи за спыною. Отъ дывыться вона въ дзеркало и довго дывылась, ажъ бачыть, опив-ночи ставъ у нейи за плечыма охвыцеръ. А вона не боязька була. Повернулася та й выхопыла въ його шаблю. И того-жъ такы году посватавъ ййи охвыцеръ такый, якъ вона бачыла. Ну, вона пишла за його. Отъ жывуть вони соби такъ гарно. А одного разу перебирала вона въ скрыни и знайшла ту шаблю та й розказала йому, де взяла ййи. Такъ винъ ухопывъ шаблю та такъ ййи голову й знисъ, „бо тоби, каже, нечыста сыла пособляла мене до-буваты“.

А якъ кому на вмируще, такъ труну у дзеркали побачышъ.

А то ще пидь хрещення ходять пидь церкву слухаты: якъ почуешъ, шо спивають винчання, такъ цього году замижъ пидешъ; якъ почуешъ, шо наче зерно сып-леться, такъ за багатого пидешъ, а якъ почуешъ, шо похоронъ спивають, такъ того году вмрешъ.

Записала М. В. Гривченко въ Харьк. губ.

---

26. ЖЫДЫ.

Жыдова паршывіе, колы на йихни кучкы не пиде дощъ.

Въ Каневскомъ у. записалъ В. Ф. Степаненко.

---

27. ЗНАХИДКА.

Якъ шо знайдешъ, такъ спершу перехресты, а то-ди вже беры, а голку краще зовсимъ не браты, бо то нечистый голкою перекидыається.

Записала въ Харьковской губ. М. Н. Гринченко.

Различныя примѣты и повѣрья въ слѣд. изданіяхъ и статьяхъ:
Бѣньковскій Ив. Обычаи и повѣрья, приуроченныя къ Великодню. Киевская Старина, 1895, V, 70—76.

Бѣньковскій Ив. Народныя обычаи и обряды, приуроченныя къ «Спасу». Киевская старина, 1895, VII—VIII, 9—14.

Бѣньковскій Ив. Дѣвничій праздникъ св. Андрея. Киев. Старина, 1895, XII, 100—103.

Бѣньковскій Ив. Повѣрья, обычаи, обряды, суевѣрья и примѣты, приуроченныя къ «Риздвянымъ святамъ». Киев. Старина, 1896, I, 1—9.

Бѣньковскій Ив. Рождественскія святки на Воляни. Киев. Старина, 1889, I, 237—242.

Васильевъ М. К. Къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ. Киев. Старина, 1889, V—VI, 635—637.

Васильевъ М. К. Малорусскіе похоронныя обряды и повѣрья. Киев. Стар., 1890, VIII, 317—322.

Галько И. Народныя звычан и обряды зъ-надъ Збруча. 2 части. Льв. 1861—1862.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы. Вып. 1. Черн. 1895, стр. 11—23, 253—255.

Драгомановъ М. П. Малорусскія народныя преданія и рассказы. Киевъ, 1876, 20—23 и 388—389.

Житъе и слово, томъ IV, 187, № 29. Не годыться мытыся въ недѣлю. № 30. Не годыться пекты хлибъ у свято.

Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, wydany staraniem komisji antropologicznej w Krakowie. Kraków, 1877—1889 г. Томы VI, XI—XIII.

И. П. Народныя представленія и вѣрованія, относящіяся къ вищичему міру. Харьк. Сборникъ, II, 81.

И. П. Народные обычаи, повѣрья, примѣты, пословицы и загадки. относящіеся къ малорусской хатѣ. Харьк. Сборникъ, III, 35.

Kolberg. Pokucie, т. I. Краковъ, 1882.

Крамаренко М. Риздвяни святки въ станицы Павливській Ейського оддиду, на Чорноморіи. Етнографичный збирникъ. Л. 1895. III. 1.

Кузивъ И. Жытьє-бутъє, звычайи и обычаи гирського народу. Зоря. 1889. № 15—21.

Лепкий Д. Похоронни звычайи и обряды у нашего народу. Зоря. 1883. № 1.

» » Весняни звычайи, обряды та вированя на Руси. Зоря. 1883. № 12—14.

» » На св. Андрія. Зоря. 1885. № 3—4.

» » Де яки вируваня про дытну. Зоря, 1886, стр. 269.

» » Домашнє жытьє нашего люду въ деякыхъ его вированяхъ. Зоря. 1887. № 6—8.

» » Обрядъ хрещеня малыхъ дитей на Руси та де яки вированя. Зоря. 1887. № 18.

» » Вода въ людовій вири. Зоря. 1888. № 8—9.

» » Про чебищыквѣ. Зоря. 1890, стр. 150—167.

Зоря. 1892, стр. 257.

Лоначевскій и Купчанко. Сборникъ пѣсенъ Буковинскаго народа. К. 1875. Стр. 95, 97, 99, 100.

Манжура И. И. Сказки, пословицы и т. п. X. 1890. На стр. 154—161. «Якъ стари люде казалы» и «Сны и ихъ значеніє».

Манжура И. И. Малорусскія сказки, преданія и пословицы въ Сб. Хар. Истор.-Фил. Общества, VI, стр. 187—193. Якъ стари люде казалы. Сны и ихъ значеніє. О погодѣ.

Матеріалы для этнографическаго изученія Харьковской губерніи. Харьковскій Сборникъ, VII, VIII, IX. Въ этихъ матеріалахъ, собранныхъ народными учителями, находится много народныхъ повѣрій и примѣтъ.

Миронъ. Южнорусскій громникъ. Кіев. Стар., 1892, III, 482—484.

Маркевичъ Н. Обычаи, повѣрья, кухня и напитки Малороссіянъ. К. 1860. 1—66. Праздничные обряды и повѣрья; 94—95. Примѣты по животнымъ.

Морозъ Д. Родины и хрестыны у сели Сахнивци Чорныгивскаго поввту. Оттиски изъ 36-го № Кіевскихъ Губернск. Вѣдомостей 1863-го г.

Nowosielski A. Lud Ukraiński. Wilno, 1857, т. 2-й.

Номисъ М. Украински приказки, присливья и т. п. Спб. 1864.

Въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются примѣты и повѣрья, напр. на стр. 5—12 и др.

О. Одна изъ народныхъ примѣтъ погоды. Киев. Стар. 1885, V, 172—173.

Осадчий Т. И. Щербановская волость Елисаветгр. у. Херс. губ. Херс. 1891. 1—50. Вѣрованія и суевѣрія.

Петрушевичъ А. Общерусскій дневникъ церковныхъ, народныхъ, семейныхъ праздниковъ и хозяйственныхъ занятій, примѣтъ, гаданій. Львовъ, 1865. (Изъ «Временника» Ставропигійскаго института за 1866 годъ).

Подольскія губ. вѣдомости. Народныя примѣты. О предсказаніи зимней погоды по вѣтру въ Покровъ, 10 октября, въ Подольской, Херсонской и Таврической губ. и о соотвѣтствіи этой примѣты съ наблюденіями Елисаветградской метеор. станц. 1893, № 78.

Свидницькій А. Великдень у Подолянъ. Основа, 1861, XI—XII.

Скубакъ. Одежда крестьянъ с. Араповки Купянск. у., примѣты и повѣрья, относящіяся къ ней и къ матеріаламъ, изъ которыхъ она сдѣлана. Харьк. Сборн., IV, 49—56.

Чернявская С. А. Обряды и пѣсни с. Вѣлозерки Херс. губ. Харьк. 1893. (То-же въ т. V Сб. Х. И. Ф. О.). 1—30. Обряды и повѣрья.

Чубинскій П. Труды этногр.-статист. экспедиціи въ западно-русскій край. Томъ I. На стр. 7—55, 58—68, 76—84, 85—91, 101—104 и 107—110 разсѣяны различныя примѣты и повѣрья. Томъ III. Календарь народныхъ обычаевъ и обрядовъ стр. 1 и слѣд. Томъ IV. 1—2. Примѣты, относящіяся къ беременности. 4—5. Рожденіе ребенка. 18. Примѣты и повѣрья, относящіяся къ дѣтямъ. 697—698. Примѣты, предвѣщающія смерть.

Шарко Е. О. Изъ области суевѣрій малоруссовъ въ Черниговск. губ. Этногр. Обзор. 1891, I.

Шейковскій К. Бытъ Подолянъ. Томъ I, выпускъ 2. Киевъ 1860. Въ статьѣ «О похоронахъ» встрѣчаются примѣты и повѣрья.

Ястребовъ В. Н. Матеріалы по этнографіи новороссійскаго края. Од. 1894. Примѣты и повѣрья находятся на стр. 3—13, 17—32, 39—42, 59—63, 83—87, 117—118.

- Ящуржинській Хр.* Гаданія на кануні Андря перевозваннаго Кіев.
Стар., 1888, XI, 77—81.
- » » Повѣрья и обрядности родинъ и крестинъ. Кіев.
Стар., 1893, VII, 74—83.

— 30 —

III.

Знахарство, заговори и проч.

28. УРОЖЫ.

1. Дивчатамъ годыться иноди вмываться съ помый-ныци, шобъ хто не зъурочывъ.

Записала въ Харьковской г. М. Н. Гринченко.

2. Жинкы й дивчата носють застромлену у пазуси голку, шобъ ниhto не спрозорывъ.

Въ Каневскомъ у. записалъ В. Ф. Степаненко.

3. Щобъ ниhto не зъурочывъ, носють голку въ пазуси жинкы й дивчата, тилкы застромлюють голку го-стрымъ угору, а то не пособлятыметься.

Такъ сѣме застромлюють и дитямъ або хворому, якъ почне одужуваты.

Записала въ Богодуховскомъ у. М. Н. Гринченко.

29. МОЛЫТВА ЗНАХАРЬСЬЕА ОДЪ УСЯБЫХЪ ХВОРОВЪ.

Йихавъ св. Юрій на золотому кони, зъ золотымъ шостомъ, зъ золотымъ хрестомъ. Зустрічае Божу Ма-

тирѣ зѣ Сіянської горы, зѣ святои земли. Куды ты, св. Юріе?—Йду до народженого, молитвяного раба Божого (имя) выгонять оцымъ шостомъ и святымъ хрестомъ хоробу (таку то) въ очерета, въ болота, -де у дзвоны не дзвонять, де люде не ходять, де звиры не бродять, де голоса не чуть, де пивни не поють, де сонце не свитьть...—Йды, святой Юріе, людянь хрыщенымъ помагай та всяку хоробу выганяй, и я тоби буду въ допомози. Аминь. Цю молитву треба проказуваты щоденно, то ніякою хоробою не будешъ хоруваты.

Записаль въ с. Яблунівѣ Каневского у. В. Ф. Степаненко.

30. МОЛЫТВА ЗНАХАРЬСЬБА ПИСЛЯ КОЖНОГО ШЕПТАННЯ.

(Якъ у якои шептухы).

Ослабы, оставы, одпусты, Господы, намъ грихы наши вильни и невилни, - все намъ просты, яко благый Богъ и чоловиколюбець. Богородыце Диво, радуйся благодатна маты Маріе, Господь изъ тобою, благословенна ты жона, якъ ты породыла Хрыста и Спасителя и Спаца душамъ нашимъ. Хрыстителю Хрыстивъ, тоби подано було молыты за насъ. Пидъ твою мылость прыбигаймо, Богородыце Диво йдыно чыстая и благословена. Небесный царю, виру затверды, языкъ ворогови укруты, добре сохрани передъ цею братыею кримъ праведныхъ яко благый Богъ и чоловиколюбець. Аминь.

Записаль въ Каневскомъ у. В. Ф. Степаненко.

31. ВИДЪ ПРЫСТРИТУ.

„Оче нашъ... до кинця. Пресвятая Богородыця на воздуси стояла, намъ Господа мылостывого на помичъ прохала. Святый оче Мыколаю, стань мени у помочи до нарожденного, молитвенного и хрыщеного раба Божого (имъя) прыстритъ измовляты. Прыстритъ—прыстритыше и урокы урочыще, подуманый, погаданый, насланый, названый, витряный, водяной, огняный, дивочый, парубочый, мановый и шляховый, я тебе вышиптую, я тебе измовляю, я тебе изсылаю изъ його рукъ, изъ його нигъ, зъ його плечей, зъ його карыхъ (чы яки тамъ) очей, зъ його пальцивъ и семыдесяты суставцивъ,—тутъ тоби не стояты, жовтойи косты не ламаты, червонойи кровы не спываты, свитомъ не нудыты, серцемъ не въялыты; нды соби на очерета та на болота, на быстройи воды, на гныли колоды; тамъ тоби буде де пыты-гуляты й очереты ламаты. Вжежъ ты тутъ настоявся, серцемъ навъялывся, свитомъ нанудывся; я тебе издымаю, изсылаю, не мойимъ духомъ—Господнимъ, не мойимы сыламы—Господнимы; не я помагаю, самъ Сусъ Хрыстосъ помагае.“ Треба трычи проказаты сю мольтву й за кожнымъ разомъ трычи спльовуваты—пху, пху, пху! нарешти додаты: даруй же, Господы, помичъ!

За сымы словамы роззявляе рота й каже: охъ, матинко, прыстритъ, та ще й великый прыстритъ, видъ чорнявого чоловика (чы то видъ жинкы).

Записаль въ Яблунѣ Каневского у. В. Ф. Степаненко

82. ОДЪ ПРОПАСНЫЦИ.

(Шептанья).

I. „Йшовъ св. Макарый на Сяянську гору на святу й зустривъ 77 трясавыць; ставъ винъ йихъ быты й караты, стали вони святого Макарья слизно прохаты: не бый насъ, святой Макарье, не бый насъ, не карай и зализнымы гакамы не роспынай! Кто тебе, святой Макарье, у помыслахъ буде маты, покы свита сонця не будемо попадаты, одъ ныни й довику.“

Записалъ въ Яблунѣ Каневского у. В. Ф. Степаненко.

II. Щобъ кынула пропасныця, треба лапнуты мерця за ногу. (Харьк. г.).

Записала М. Н. Гринченко.

III. Молытва отъ трясавыци.

Е у полѣ дубъ, а подъ тимъ дубомъ стоить три девять дѣвиць, голіи и босіи и простоволосіи; зазнавъ же ѡхъ Яковъ Исааковъ и святой Арсеній и посилають Ирода: „иди ты, Ироде, въ лѣсъ и вирубай три девять дубцовъ терновихъ, глодовихъ, шепшиновихъ и свидовихъ и будумъ ми тїи три девять дѣвиць бити и карати, чтобы они по сему свѣту не ходили, христїанской кости не ломили и крєвѣ не разбивали и христїянъ не нападали.— Не бийте жъ насъ, не карайте жъ насъ! Кто сію молитву буде знать, то того хату девятимъ дворомъ будимъ обминать.— О прєсвятая Госпоже Владичице Дѣво Богородице прейми недостойную молитву мою и сохрани мя отъ наглїе смерти и даруй ми прежде конца покаяніе.

Изъ старой рукописи. Доставилъ В. Ф. Степаненко.

33. ЧОРНА ВОЛИСТЬ.

Видъ чорной Солисты треба вкрываты хворого хусткою, що була на плащаныци, чы то пидъ плащаныцею. Найбільшъ допомагае хустка ся, колы ййи вкрасы съ церкви, съ пидъ плащаныци, тоди, якъ знаменуешся.

Записалъ въ Каневскомъ у. В. Ф. Степаненко.

34. КРОВЪ ЗАМОВЛЯТЫ.

I. „Йшли калички черезъ тры ричкы, рубалы лозу, сіялы рожу, рожа не зійшла—щобъ кровъ зъ раны не пишла“. Трычи треба слова си проказаты й за кожnymъ разомъ трычи спльовуваты.

II. „Йихала Пречыста маты на осляти, Сусъ Хрыстось на жеребъяти до нарожденного, молитвяного й хрещеного раба Божого (имъя) кровы замовляты. Летивъ чорный воронъ черезъ чорный городъ, нисъ чорне руно, заткнувъ нарожденному, молитвяному и хрещеному рабу Божому (имъя) червоне джерело. Даруй, Господы, помичь! „

Си слова треба трычи проказаты, а проказавшы перехрестытысь.

III. „Йшли майстри на Сіянську гору деревни рубаты, церкву майструваты, а за нымы дивка кровы замовляты. Йшли тры калички черезъ тры ричкы, а за нымы дивка прыйшла, щобъ кровъ не пійшла.“

IV. „Летивъ воронъ черезъ сынье море, заткнувъ перомъ червону кровъ.“

Записалъ В. Ф. Степаненко въ с. Полствивѣ (I—II) и с. Мартыновкѣ (III—IV) Каневского у. Послѣдніе два ЖЖ записаны отъ «хлопца».

35. ПЕРЕПОЛОХЪ ОТХОЖУВАТЬ.

(Якъ) въ дарять помертвецѣ въ усѣ звони говорить — якъ мертвому съ лави Невставать такъ переполоху Неоживать Нивживотѣ Невголовѣ ниврукахъ Нивногахъ нивсоставахъ младенцу имя переполоху и переполошищу переляку иперелячищу сопротивнику исопротивячищу — говорить трижди каженъ разъ заоднимъ духомъ.

Старая рукопись. Доставилъ В. Ф. Степаненко.

36. РАЗМОВЛЯТЬ БРЕКЛИВИЦЫ.

взявши младенцу Наруки вечеромъ выйти Надворъ исмотрить снимъ Налѣсъ говорить ой гу зелена диброво посватаймось побратаймось втебя синъ клинъ въ меня дочка имя асину говорить въ тебя дочка липочка возми своему сину клену Нѣчницѣ икрикливицѣ а моей дочки Дай сонливицѣ имовчаницѣ 3 раза говорить бѣгомъ вхату.

Старая рукопись. Доставилъ В. Ф. Степаненко

37. ВИДЪ ВЫШЫХЫ (ШЕПТАННЯ).

„Оче нашъ... до кинця. Присвятая Богородыця на воздуси стояла та Господа мьлостывого на помичъ, прохала. И ты, святой оче Мыколаю, стань мени у помочи до нарощенного й молытвяного раба Божого (имѣя) бышыху измовляты. Бышыха-бышышыще, болячка-боля-

чыще, чы ты водяная—у води втоны, чы ты витряная—на витеръ леты, чы ты шляховая—на шляхы иды, чы ты болотяна—у болота йды, чы ты огняна—у огни згоры.

Я тебе вышиптую и спалюю, щобъ ты тутъ не стояла, жовтойи косты не ламала, червонойи кровы не спывала, серцемъ не нудыла, свитомъ не въялыла. Я тебе вышиптую и спалюю на огни, на шевській смоли; иды соби на очерета та на болота, на быстрыйи воды на гныли колоды,—тутъ тоби буде пыты-гуляты, гныли колоды роздыматы (ротъ роззявляе и каже: зъ прыстриту, серденько, ажъ морозъ иде по за шкурою, зъ прыстриту). Тутъ шептуха прыносе до хорого черепокъ зъ огнемъ (жаромъ), зъ смолою й зъ жытнымъ борошномъ; кадыть навкругы хорого *) й шепче дальше: вже ты тутъ настоялась, жовтойи косты наламалась, червонойи кровы наспывалась,—иды соби, де витеръ не віе, де сонце не гріе; не я тебе спалюю—самъ Сусъ Хрыстось, не свойимъ духомъ—Господнимъ, не мойимы сыламы—Господнимы.“ Усе се треба трычи проказаты, за останнимъ разомъ додаты: даруй, Господы, помичъ! За сымъ зновъ каже: зъ прыстриту, зъ прыстриту серденько,—ще бъ треба святою водыцею спрыскаты.—Прыскае, спльовуе трычи й хрестытсья.

Записалъ въ с. Яблуновѣ Каневского у. В. Ф. Степаненко.

---

*) Иначи шептухи обмотууть бышыу червонымъ поясомъ, покрывають пачосамы (ключчамъ чесанымъ) и спалюють тымъ огнемъ, що въ черепку.

38. ЛЫШАЙИ.

Лышайи того бувають, шо вступышъ у те мисто, де кинь качався, або де видро стояло.

Харьковская г.—Ястребовъ, 9.

---

39. ДЕРЕВО ВЪ ТИЛИ.

Якъ выймешъ загнате дерево съ тила, то годыться покусаты його зубамы, щобъ на тому мисци не ятрылось.

Записалъ въ Каневскомъ у. В. Ф. Степаненко.

---

40. ОПУХЪ.

Терте ясынове вугилля хочъ яку пухлятыну прорве и выпустыть извидтиль гній.

Записалъ въ Каневскомъ у. В. Ф. Степаненко.

---

41. ЯБЪ УБУСЕ РАДЫНА (шепты).

„Оче нашъ.. одъ лукавого, описля—Богородыце Диво... душъ нашихъ, за симъ: святой великомученыче Пантылымоне сцилытелю, стань мени у допомози одъ гадюкы измовыты. У поли золота груша, на золотій груши—золоте гнздечко, въ золотимъ гнздечку - гадюка-шевелюха, царыця. Прошу тебе, гадюко-шевелюхо, царыце, изберы увесь гадъ и спытай, котра упустила

сьому нарожденному й благословенному (колы скотына — назваты якои масты) рабу Божому (колы чоловикъ — имъя) ядъ, — и не прыймы ййи у ладъ Зубъ до долу, хвала до Бога. Аминь. Пху, пху, пху! (Трычи одъ початку). За третимъ разомъ визьме знайдену кистку, обчеркне нею навкругы раны трычи заразомъ, потимъ удруге й у трете, тежъ по трычи, а въ кинци скаже: даруй, Господы, помичъ!“

Записаль въ с. Яблунувъ, Каневского у. В. Ф. Степаненко.

42. ВИДЪ ВИЛЬМА НА ОЧАХЪ.

I. „Оче нашъ... одъ лукавого. Присвятая Богородыця на воздуси стояла, намъ Господа мылостывого на помичъ прохала. И ты, святой оче Мыколаю, стань мени у помочи до нарожденного, молитвяного и хрещеного раба Божого (имъя) бильма измовляты. И ты, великий мучыныче Юрые, стань мени у помочи. Йихавъ святой Юрий на билимъ кони, у билимъ брыли, зъ билимы хортамы, въ биле поле полюваты. Йихала Пречыстая Маты на осляти, Сусъ Хрыстось на жеребъяти. Йидуть, та й зустрили його й пытаются: куды ты, святой Юрые, йидешъ?—У биле поле полюваты.— „Не йидь же въ биле поле полюваты, та йидь до нарожденного й благословенного (*), нарожденного, молитвяного й хрещеного раба Божого (имъя) бильмо зрывать“.

Слова си треба проказаты трычи, писля кажного разу по трычи спльовуючы, а въ кинци додаты: „даруй, Господы, помичъ!“

(*) А якъ до скотыны це замовляння, то тутъ мастъ кажутъ.

II. „Йихавъ святой Юрій на билимъ кони, въ сиримъ сираци, въ билій колыци (?), а за нымъ бижить тры псы—одынъ билый, другой сирый, а третій чорный. Билый бильмо зганяе, сирый сльозу втырае, а чорный злызе.“ — Казаты трычи.

III. Йихавъ св. Юрій на билому кони, въ билому жупани—самъ билый и стремена били; за нымъ биглы тры псы: одынъ билый, другой чорный, а третій червоный. И билый червоного покусавъ и въ кровь умаравъ, а червоный облызавъ, очамъ свитлость показавъ.

IV. Волю-буйволю, идить до мене бильма зганяты, рогамы здійматы, хвостамы замитаты, очамъ просвитлосты даты.

V. Прыскають хворому въ вичи св. орданською водою й прыказують: вода орданька, омываешъ луга й берега,—змый же нарощенному зъ ока бильмо.

Записаль въ сс. Яблуновой, Полствинѣ и Мартыновкѣ Каневского у.
В. Ф. Степаненко.

---

43. ЯЕЪ ЗАМОВЛЯТЫ ЗУБЫ.

„Вирую у едыного Бога отца содержителя, творця земли. Мисяць у неби, каминь у мори, а мертвецъ у гроби, колы ти тры браты зйдуться гуляты та пыты, тоди у мене, раба Божого (имя рекъ) будутъ зубы болиты.“ (Трычи треба слова си проказаты, за кожнымъ разомъ по трычи спльовуваты).

Записаль въ с. Полствинѣ Каневского у. В. Ф. Степаненко.

---

44. ОДЪ ЗУВИВЪ.

Щобъ зубы не болилы, треба кожной п'ятныци зри-зуваты (а ще краще—скушуваты) н'юхти, починаючи зъ мезыного пальца на ногахъ. Зубы видтоди николы не болитымутъ.

Записаль въ с. Полствинѣ Каневского у. В. Ф. Степаненко.

---

45. ПЛИСНЯВКА.

Щобъ плиснявка покынула, треба, якъ сыплешъ свынямъ йисты, приказуваты: „свыни до помый, жабы до болота, а плиснявка зъ рота!“

Записаль въ Каневскомъ у. В. Ф. Степаненко.

---

46. ОДЪ ГЫКАВБЫ ЗАМОВЛЯННЯ.

„Гыкавко, гыкавко, скачь до воды, кого хочъ напады,—чы коня, чы вола, чы корову, чы жыдивку чорноброву.“

Записаль въ с. Мартыновкѣ Каневского у. В. Ф. Степаненко.

---

47. ВИДЪ ПЕРЕЛОГИВЪ.

І. „Оче нашъ... одъ лукавого. Прысвятая Богородыця на воздуси стояла, намъ Господа милостывого на помичъ

прохала. И ты, святой оче Мыколаю, стань мени у помочи до нарощенного, молитвяного раба Божого (имя рекъ) перелогы измовляты. Господы, стань мени у помочи! Святой Харлантые и Уласые, станьте мени у помочи! Йихала Пречыстая маты на осляти, самъ Сусъ Хрыстось на жеребъяти, до нарощенного раба Божого (имя рекъ) одъ перелогивъ шептаты. Йихалы та выломылы святу вербу, та вдарылы по бокови скотыну,— одъ перелогивъ, щобъ не болилы ноги.“ Бере стару шапку, абожь рукавыцю й проймае по-пидъ хорымы ногамы, чы й рукамы, вдарыть по боци й наже: даруй же, Господы, помичъ! Слова си треба трычи проказаты, за кожнымъ разомъ трычи спльовуваты. (С. Яблунова Каневского у.)

II. „Йшла Маты Божа золотымъ мостомъ, зъ золотымъ хрестомъ, въ золотыхъ рукавычкахъ, въ золотыхъ черевычкахъ. Зустрічае ййи Сусъ Хрыстось: „куды ты, Божа Маты, йдешъ?“ — Пиду до раба Божого (имя рекъ) одъ перелогивъ шептаты.— Де взявся святой Юда, та схватывъ перелогы та кынувъ нечыстому мижъ рогы.“ Казать трычи. (С. Полствинъ Каневского у.)

III. „На гори дубъ, на дубови роса. Прыйшла Маты Божа росы збирать, перелогивъ одганять (це проказаты трычи й за кожнымъ разомъ гилькою вдарыты скотыну чы й чоловика по бокови). Сыдять перелогы на покути, а чортъ на порози,— беры, чорте, перелогы въ рогы та тикай за пороги.“ Сказаты трычи й робыты тежъ.

IV. „Перелогы, идить соби на дороги одъ його жылъ, одъ його пиджилъ, одъ жовтойи косты, одъ *такойи* масты.“

V. „Йшовъ Богъ и Петро, найшлы сорочку й штаны; Богови сорочка, Петрови штаны, а перелогы чортови пидъ ноги.“

Записалъ въ Каневскомъ у. (сс. Полствинъ и Мартыновка) В. Ф. Степаненко.

---

48. ОДЪ ГРЫЗИ.

„Ты грызь, ты грызыще,—въ тебе два, а въ мене тры, въ тебе тры, а въ мене чотыри, въ тебе чотыри, а въ мене пъять, въ тебе пъять, а въ мене шистъ, въ тебе шистъ, а въ мене симъ, въ тебе симъ, а въ мене висимъ, въ тебе висимъ, а въ мене девъять, въ тебе девъять, и въ мене девъять.“ Казаты трычи й давыты потроху те мисце, де болыть.

Записалъ въ с. Полствинѣ Каневского у. В. Ф. Степаненко.

---

49. НАРОСТЪ.

Якъ на руци наросте наростъ, такъ треба, шобъ хто небудь погрызъ; тилькы шобъ та, що буде грызты, була перша дочка або остання.

Записала въ Черняг. у. Н. Г.

---

50. СПЫНА.

По весни, якъ загримыть першый гримъ, люде, почувшы, бижать до стины чы до инчого чого, й пидпи-

рають спинами, — кажуть, що се помагає: въ жныва не болитыме спына.

Въ Каневскомъ у. записалъ В. Ф. Степаненко.
Гринченко, I, № 60.

51.

Якъ сечь запирається, вжывають сокырки (квиткы) та яловець.

Записалъ въ Каневскомъ у. В. Ф. Степаненко.

---

52. ЯКЪ ПАНІЯ ПАНА ПРЫЧАРОВУВАЛА.

Наша барыня хотила одного пана прычарувать до себе, такъ йй и сказано, шобъ добула матеріи съ труны. А въ насъ у саду похована була барышня маненька барынова одъ первой жинкы. Такъ вона разъ уночи й звелила, шобъ кучерь и я й Хвйона ишлы зъ нею въ садъ, а тоди загадала, шобъ кучерь одкопувавъ труну. Звисно, якъ бы теперь, шо нанятый чоловикъ, такъ не схотивъ бы та й не пишовъ, а тоди, якъ панськи булы, то треба слухать. Хочъ и страшно, а копа, и мы стойимо, дывымось. Отъ якъ одкопавъ уже трунку, такъ барыня звелила, шобъ ййи подавъ. Такъ винъ подавъ, ажъ на йй уже немає матерійи, уся потлила. Такъ барыня не побоялась гриха, роскрыла трунку, думала, шо може въ середыни ще цила матерія. Такъ шо жъ вы думаете? Лежыть воно бидненьке и хрестыкъ на шыи золотый. А якъ барыня торкнулася, такъ такъ попиломъ и россыпа-

лося. Такъ пился того стала на могильци вночи свичечка гориты. То, значить, душечку ййи потревожено, бо вже якъ пипъ запечата труну, такъ грихъ раскрываты. Такъ наймала барыня попа, щобъ одираывъ похоронъ надъ могылкою. Тоди й не стала свичечка гориты.

А то було якъ не приходе любезный довго, такъ вона й гука його въ трубу, щобъ швидче прыйшовъ.

—Якъ то въ трубу?

—Стане на табуретку, одчыне дверкы, оти де труба въ груби закрывається, та въ трубу й клыче.

Записала въ Харьковской губ. М. Н. Гринченко.

53. ЗНАЕ ОДЪ ВЛИХЪ.

Есть таки люде, що одъ усього знаютъ. Росказывавъ одынъ чоловикъ, шо возывъ винъ разъ якогось пана и довелось йимъ у одній слободи ночуваты—впродылыся до однійи жинкы. Такъ панъ усе бойитися, шо блохы спаты не дадутъ. А жинка каже:

—Не бййтесь, паночку, у мене васъ и одна блоха не вкусе.

Та заразъ узяла та й замела хату и виныкъ мижъ кочергы поставыла. Такъ той чоловикъ якъ глянувъ ажъ на тому виныкови такого блихъ начиплялось. Винъ у нейи й спытавъ:

—Якъ то вы йихъ туды позбиралы?

А вона каже:

—То вже мое дило. А тилкы васъ уночи и одна не вкусе. Уси отамъ до ранку будутъ.

И справди жъ такы блохы йихъ не кусалы. А вранци узяла вона виныкъ та якъ труснула, дакъ такъ уси й посыпалысь.

Записала М. Н. Гринченко въ Славяносербск. у. Екатеринославской губ.

54. КОРОВА.

1. Якъ молоко въ печи збижыть, треба силлю те мисце посыпаты, щобъ дййки не репалысь.

2. Щобъ видьма коровы не псувала, треба корови якъ ще вона телямъ, тилькы народыться, въ пула закладаты свяченого.

3. Колы корова дае мало молока (якъ хто поробе), треба даваты йй зоряну воду пыты. А ту воду роблють такъ: яснойи noci ставляють на выдноти, супроты зирокъ, дйныцю зъ водою; то вона повинна простояты всю ничъ, а вранци оддають ту воду корови.

№ 1—3 записалъ въ Каневскомъ у. В. Ф. Степаненко.

4. Якъ несешъ молоко куды черезъ воду (черезъ ричку), такъ треба його трохи прысолыты, а то це корови негарно. (Екатериносл. г.)

Записала М. Н. Гринченко.

55. ВАВА, ЩО ЗМЮЕЪ ИСКЛЫБАЛА.

На нашому хутори—мени батько казавъ—жыла стара баба така, шо вмила змюкъ склыкаты. Була тамъ велька гребля хворостомъ гачена,—дакъ йихъ тамъ

сыла була. Повылазють на сонци та й гріються. То вона й ихъ якомь тамъ склыкала,—такъ вони й позлазються. И дуже сердылась, якъ хто вбывавъ. Возьме та щобъ ни хто не займавъ ихъ, збере ихъ на паличку чы на кочергу,—такъ вони й высять,—та й однесе въ прирву. (Харьковскій уѣздъ.)

Харьковскій Сборникъ, I, 261—262. Сзываніе змѣй знахарями; II, 96.

56. ВДЖОЛЫ.

Старая рукопись.

Околь красна позимѣ висна въсѣхъ сирдца увисилаетъ на краснѣйшій ирадоснѣйшій день сей намъ являетъ въвеснѣ цвѣти разніа квѣти зимля испуцаеть и тимъ въласнимъ цвѣтомъ краснымъ себе украшаеть и поднесъ лыки святихъ вѣки богъ воскресъ отъ гроба воздвигнувѣй правовѣрнарада что вѣщаю ижилаю вамъ получитъ небеснаго раю севоскресеніемъ христовимъ въсѣхъ васъ поздоровляю сій три пунти говоритъ скоро въ пасѣку вошовъ.

Яко випомянути исуса христа бога нашего Аминь трижди говоритъ господи якъ нѣхто низнае небесной висоти аморской глиботи щобъ такъ нѣхто низнавъ урѣкать и нарѣкать нашой пасѣки работницѣ бчولي трижди говоритъ господи гос(по)ди якооградилъ есиморя пескомъ такъ огради нашу пасѣку отъ урокѣвъ иодурочищѣвъ иодъ пристрѣту иодъ пристрѣтищѣвъ Трижди идму(х)нутъ.

Нависнѣ водою с̄: покропивъ навсѣ 4-рѣ страницѣ и каждое мѣсто ибогу молица на всѣ страницѣ 4-рѣ во-

да шпроскури и зуби стругати и гудувати (?) зубивъ (слово оторвано) шпрваку поставити и 2римъ (одно слово не разобрано и нѣсколько словъ оторвано).

Говорить мѣсяць у небѣ камень у морѣ апень улѣсѣ якъ тѣ три брата докупи несходятся щобъ такъ и ти бчело докупи не сходилась инедусилась три раза говорить.

Послѣ этого въ рукописи, больше новымъ почеркомъ, записъ о женитьбѣ крестьянина Терещенка, сдѣланная въ 1834 г., а затѣмъ слѣдующій, неизвѣстно къ чему относящійся, заговоръ:

у степу теринъ коло того терна гѣруша стоить испитиѣ груши вѣйшло три дѣвокъ голѣ ибосѣ ипростоволоси икъ ѣмъ вѣйшовъ святѣй макариѣ ирече минайте рожденного молитвенного ихрещеного раба имкъ бо всѣму терну есть мѣчъ тоя издѣйму голови съплѣчь.

Доставилъ В. Ф. Степаненко.

---

57. БАРТЫ.

Щобъ карты добре вгадувалы, треба ѣихъ посвятыты пидъ паскою. Гуляты въ таки карты, шо ворожуть ѣимы, не можно.

Записала въ Харьковской губ. М. Н. Гринченко.

Матеріалы, относящіяся къ этому отдѣлу, см. въ слѣдующихъ статьяхъ и изданіяхъ:

Антоновичъ. Заклинанія противъ чаръ. Этногр. Обзор., 1890, II, 72—76.

Арендаренко. Записки о Полтавской губ. Полт. 1819, ч. 2-я. Заговоры вошли въ сборникъ Ефименка.

Брайловскій. Способъ лѣченія отъ сглазу. Живая Старина, т. III.
Бьленькій. Народныя заклинанія надъ пчелами. Каменецъ-Подольскъ,
1880. 67 стр.

Вашилевичъ. Гуцули. Пантеонъ, 1855, кн. 5.

Гавриловъ М. С. Девять заговоровъ изъ Черниговской губ. Сб. X.
Истор.-Фил. Общ., IV.

Golebiowski L. Lud Polski, jego zwyczaj, zabobony.
W. 1830. Заговоры вошли въ сборникъ Ефименка.

Головацкій Як. Винокъ Русынамъ на обжынкы. Упливъ Ив. Голо-
ловацкый. Часть II. 1847. На стр. 262—272: «Вороженье у Русынивь.»

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, I. Ч. 1895.
Стр. 24—37, 255—282.

Данильченко Н. Этнографическія свѣдѣнія о Подольской губ., за-
писанныя въ Литинскомъ у. Вып. 1-й. Каменецъ-Подольскъ. 1869. Заго-
воры вошли въ сборникъ Ефименка.

Довнаръ-Запольскій. Современное дѣло о знахарствѣ. Кіев. Стар.
III, 498—499.

Драгомановъ М. П. Малорусскія народныя преданія и рассказы. К.,
1876, 24—37 и 389—390.

Erheuterungen (Лейпцигскій журналъ) 1861, № 22, ст.
«Die Gebirgsbewohner in Galizien.» Заговоры вошли въ сборникъ
Ефименка.

Ефименко П. Попытка околдовать волостной судъ. Кіев. Стар.
1884, № 3, 508—509.

Ефименко П. С. Сборникъ малорусскіихъ заклинаній, напеч. въ
«Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн.» за 1874, потомъ отдѣльно. На-
ибольшій сборникъ малорусскіихъ заговоровъ. Здѣсь заговоры частью пря-
мо записанные изъ устъ народа, а частью (большую) выбраны изъ дру-
гихъ сборниковъ и статей, которые здѣсь указаны въ своемъ мѣстѣ.

Заря, бывш. Кіевск. газета. 1881, № 183. Заговоръ на пчелы.

Zbiór wiadomości, wydawany staraniem komisji antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie. 1877—1889. Томъ
III. *Руликовскій.* Этнографическія записки изъ Украины. Томъ IV. *Под-
берескій.* Матеріалы для украинской демонологіи. Томъ XI. *Руликовской С.*
Этнографическія записки изъ Новградволинска (см. отдѣлъ «демонологіи»).

Ивановъ П. В. Изъ области малорусскіихъ народныхъ легендъ.
Этнограф. Обзор. 1891. II, 112. Два заговора отъ перелоговъ.

Этнограф. матеріалы, II.

4

Ивановъ П. В. Въ III кн. «Живой Старини» 1891 г. П. В. Шеннъ приводитъ изъ рукописнаго сборника Иванова два заговора отъ зубной боли.

Ивановъ П. В. Народные рассказы о кладахъ. Харьковскій Сборникъ, 1890. Нѣсколько заклятій на клады.

Ивановъ П. В. Знахарство, шептанія и заговоры въ Старобѣльскомъ и Купянскомъ уѣзд. Харьк. губ. Кіевск. Старина, 1885, XII.

Ивановъ П. В. О вовкулакахъ. Кіев. старина. VI. 356—364. Четыре заговора, оберегающихъ молодыхъ отъ обращенія въ волковъ.

Ивановъ П. В. Народныя представленія и вѣрованія, относящіяся къ внѣшнему міру. Харьк. Сборникъ, II, 81.

Ивановъ П. Народные обычаи, повѣрья, приѣты, пословицы и заговоры, отвсящіяся къ малорусской хатѣ. Харьк. Сборникъ, III, 35—66

Ивановъ В. В. Народное лѣченіе бѣшенства. Ветеринарн. Вѣстникъ, 1886.

Иващенко. О южно-русскихъ шептаніяхъ. Труды 3-го Археол. съѣзда 1878.

Кирпѣнко О. Средство отъ водобоязни. Черниг. губ. вѣд. 1853, № 10 (о народномъ лѣченіи болѣзни въ Городницкомъ у.).

Кіевлянинъ 1866, №№ 24 и 26. Заговоры отъ «пристриту» и зубной боли.

Коваленко Г. О народной медицинѣ въ Переяславскомъ у. Полт. губ. Этногр. обзор. 1891, IX, 141—150.

Kolberg, Pokucie, 1888, III.

Комаровъ М. Нова збирка народнихъ малоруськихъ приказокъ. Од., 1890. На стр. 104—116-й 33 заговора.

Короленко П. П. Черноморскіе заговоры. Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общества, IV.

Кузиевъ И. Жытьє-бутъє, звичайи и обычаи гирського народу. Зоря. 1889, № 15—21.

Лепкій Д. Якъ то дивчата приворожують женихивъ. Зоря. 1884. № 1.

» » Про народни забобоны: уроки, перестраха. Зоря. 1884. № 13—15.

» » Деяки вируваня про дытну. Зоря. 1886. Стр. 269.

Линда М. Д. Четыре заговора въ IV т. Сб. Х. И. Ф. Общ., IV, стр. 289.

Линденбергъ. Нѣсколько заговоровъ. Кіев. Стар. XII. 293—295.

Липскій. Малороссійскія заклинанія въ Харьковскомъ у. Харьк. Губ. Вѣд., 1890, № 88.

Лоначевскій и Купчанко. Сборникъ пѣсенъ Буковинскаго народа. К. 1875. На стр. 101—110 заговоры отъ различныхъ болѣзней.

Манжура Ив. Сказки, пословицы и т. п. X., 1890. На 150—153 стр. 19 заговоровъ.

Манжура Ив. Малорусскія сказки, преданія и пословицы въ VI т. Сб. Харьк. И.-Ф. Общ. Въ статьѣ «Якъ стари люде казали» (187—192) попадаются номера, относящіеся къ знахарству.

Маркевичъ Н. Обычай, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. К. 1860. Заговоры вошли въ сборникъ Ефименка. На стр. 85—97 «Знахарская ботаника», «Болѣзни особеннаго рода и лѣченія ихъ» и «Любощя».

Марковичъ А. В. Родинные обряды. Этногр. очеркъ. Черн. Г. Ст. Ком. кн. 2. На стр. 346—347 заклинанія.

Марковичъ В. Знахарки новаго типа. Кіев. Стар. 1891, XII, 413—429.

Матеріалы для этнографическаго изученія Харьковской губ. Харьковскій Сборникъ, VII, VIII, IX.

Морозъ Д. Родыны и хрестыны у сели Сахивци Черниговскаго повиту. Оттиски изъ 36-го № Кіевскихъ губернскихъ вѣдомостей 1863 г.

Надеждинъ. Объ этнографическомъ изученіи русской народности. Зап. Русск. Геогр. Общества, 1847, II. Заговоры вошли въ сборникъ Ефименка.

Н. И. Заговоры на просо и пшеницу. Кіев. Стар., 1884, XII, 747.

Nowosielski A. Lud Ukraiński, jego pieśni, bajki, podania, klechdy, zabobony itd. 2 t. Wilno, 1857. Заговоры вошли въ сборникъ Ефименка.

Номисъ М. (М. Симоновъ). Украинскія прыказки, прысливья и таке инше. Спб. 1864. Заговоры вошли въ сборникъ Ефименка.

Носъ Ст. О растеніи «багунъ», считающемся мѣстнымъ населеніемъ цѣлебнымъ. Черниговск. губ. вѣдомости, 1893, № 95.

Н. Т. Домашняя медицина малороссіянъ. Харьк. Губ. Вѣд. 1884, № 289 (о знахаряхъ и знахаркахъ, пользующихъ отъ укушенія змѣи и бѣшеной собаки).

Оіевскій П. Столѣтній старецъ І. А. Тарасевичъ.—Послѣ этого старца, мелкаго помѣщика, осталась рукопись съ заклинаніями: «Наука о пчеловодствѣ», но безъ начальнаго и послѣдняго листковъ.—Черн. губ. вѣд., 1853, № 19. Заговоры вошли въ сборникъ Ефименка.

Оіевскій. Изъ области народной медицины. Киевское Слово, 1888, № 473.

Партыцкій О. Руська читанка для выжчихъ клясъ середнихъ шкиль. Л. 1871. II, стр. 174—176. № 3. Народни вироваия про огонь и воду. (Буковинскіе заговоры «видъ урокивъ» и «одъ гадюки»).

Пассекъ. Очерки Россіи. 1840, II. Статья о малорос. повѣрѣяхъ; заговоры отъ урокивъ и гадюкъ и шептанія при родинахъ.

Петровъ А. Л. Угросурскіе заговоры и заклинанія начала XVIII в. Живая Старина, 1891, № IV. 122—130.

Podbereski. Materialy demonologii ludu ukraińskiego. Zbiór wiadom., IV, стр. 67—81. Заговоры отъ пристрита и болѣзней

Потебня А. О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзи, 1860. Краткія замѣтки о заговорахъ (стр. 32, 33, 76, 79—80, 109, 137, 139).

Потебня А. Малорусская народная пѣсня по списку XVI в., 1877. На стр. 20—26 о строѣ заговоровъ.

Потебня А. Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсень. Т. I, 1883. Стр. 103—127 замѣтки о заговорахъ отъ болѣзней и при родахъ.

Потебня А. Малорусскіе домашніе лѣчебники. Киев. Стар., 1890, I, II, III, прилож.

Про хворобы и якъ имъ запомогаты. К. 1874 и 2-я часть той же книжки: «Лику своенародни зъ домашнього обыходу и въ картынахъ жыття». К. 1875. Въ обѣихъ книжкахъ находится много указаній на народныя лѣкарства и нѣсколько народныхъ разсказовъ о лѣченіи болѣзней.

Пытинъ А. Ложныя и отреченныя книги въ III вып. «Памятниковъ стар. рус. литер.» 1862. На стр. 167—168 малорусскіе заговоры изъ Саратовск. губ. отъ болѣзней.

Ревякинъ П. Сближенія и слѣды. Зилля. Оттиски изъ 41—44 №№ Киевскихъ губернскихъ вѣдомостей. Киевъ, 1863.

Rehor F. Lidowa lecba u halickych Malorusu. Casopis Musea ces., 1891, LXV. На стр. 283, 285—286, 292, 296 заговоры отъ болѣзней.

Рокосовская — см. *Zbiór wiadomości*.

Rulikowski. *Zapiski etnograf. z Ukrainy*. *Zbiór wiadom.*, III, 109—119. Заговоры (23 №№ + 1) отъ болѣзней на пчелы и др.

Свидницкій А. Великдень у Подолянъ. Основа, 1861, XI—XII. Заговоры вошли въ сборникъ Ефименка.

Семенцова. Сборникъ заговоровъ изъ Кролевецк. у. Черниг. губ. Сб. Харьк. И.—Ф. Общ., IV. 20 заговоровъ отъ болѣзней.

Современникъ, журналъ 1853 г. № 9. Критика (Этнограф. Сборн. Изд. Геогр. Общ.) Заговоры вошли въ сборникъ Ефименка.

Современная извѣстія, 1879. (О лѣченіи «пропасныци»).

Сорокинъ, свящ. Мѣстечко Дмитровка Херс. г. Херс., 1891. 17 заговоровъ на стр. 15—17.

Срезневскій. Взглядъ на памятники укр. нар. словесности. «Ученыя записки професс. Моск. ун.», 836. Заговоры вошли въ сборникъ Ефименка.

Срезневскій. Объ обожаніи солнца у древнихъ славянъ. Журн. Мин. Нар. Просв., 1864, VII. Заговоры вошли въ сборникъ Ефименка.

Стороженко Н. В. Малорусскія суевѣрія, собранныя въ 1776 г. изъ рукописи Чепы). Киев. Стар., 1892, I, 119—130.

Сумцовъ. Культурныя переживанія. 1890. Особенно параграфы 99—108 и др.

Сумцовъ Н. О. Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ. 1888. На стр. 147—151 о молитвахъ апокрифическихъ.

Талько-Грынцевичъ Ю. Д. Народное акушерство въ южной Россіи. Черниг., 1889. Отдѣльный оттискъ изъ №№ 26—28 газеты «Земскій врачъ» за 1889 г.

Терещенко А. Бытъ русскаго народа. Спб. 1848, V, VI. Заговоры вошли въ сборникъ Ефименка.

Трублаевичъ. Крестьянскіе заговоры «вроки». «Подольск. Епарх. Вѣдом.», 1868, № 16.

Франко Ив. Лики народни. Зоря. 1886. Стр. 292.

Харьковскія Губ. Вѣдомости, 1884, № 289 (о лихорадкѣ).

Чубинскій П. Труды этногр.-статист. экспед. въ зап.-русскій край. Томъ I. 56—59. Лѣченіе болѣзней домашнихъ животныхъ. 68—75. Заклинанія, относящіяся къ животнымъ. 85. Заклинанія, относящіяся къ растеніямъ. 91—96. Заклинанія. 110—141. Лѣченіе болѣзней. 56. Заго-

воръ при лѣченіи коровы. 60. Заклинаніе отъ воробьевъ. 79—84. Цѣлительныя свойства травъ. 319. Колдовство. Томъ IV. 16—17. Средства, которыми народъ лѣчитъ дѣтей.

Черниговскія губернскія вѣдомости, 1855, № 19—21. Описаніе с. Юриновки Новгородсѣв. у. Заговоры вошли въ сборникъ Ефименка.

Шейковскій К. Опытъ южно-русскаго словаря. Вып. 1. К. 1861. Заговоры вошли въ сборникъ Ефименка.

Шипацкій-Иличъ А. О заговорахъ. Черн. губ. вѣд., 1858, № 17. Заговоры вошли въ сборникъ Ефименка.

Щербина. Наговоры отъ болѣзней у Черноморцевъ. (8 №№) Кіев. Стар., 1883, № 7, 586.

Эварницкій. Въ Екатериносл. губ. вѣдом. 1880, № 43. Заговоры отъ присушки, пропасницъ и на пчелы. Перепеч. въ Этногр. Обзор., 1890, 200.

Ястребовъ В. Н. Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края. Од. 1894. Стр. 8—16, 42—59, 84, 87.

У.

Вѣрованія и разказы о сверхъ- естественныхъ существахъ.

58. ЧОРТЬ ЯГНЯМЪ.

То, знаете, нашъ такы, Старо-Вышневецкый, староста та пойхавъ чогось до Заруддя, литъ тому зъ двадцять уже буде; пойхавъ верхы; не дойиздючы далеченько такы до того мисточка, шо передъ Заруддямъ, тамъ саме коло лиса,—а ноччу було,—баче, ягнятко маленьке бига надъ дорогою, файненьке, карёньке, мекекекае.—Шкода стало старости покынуты такее ягнятко у лиси, винъ злизъ, высадивъ його на коня и самъ сивъ; сивъ самъ, а кинь усылу йде,—ніякъ не скине староста того ягняты, таке здорове стало!—А до мистка тежъ ніякъ не може дойихаты, хочъ и недалеко вже було—усылу чоловікъ скинувъ те ягня. Тилкы скинувъ, а воно вже тоди до його узялось, учепылось за ноги, стягло съ коня тоди, якъ кинь дійшовъ до мистка. Кинь стойти на мистку, не йде, а воно чоловіка узяло й потягло пидъ мистокъ и давай тамъ уже розправлятыся зъ нымъ. Уже й невидомо, шо бъ воно було бъ съ того, та тилкы саме Ракивецкый батюшка вертався додому, побачывъ,

шо кинь стойить на мистку, веливъ кучерови злизты, подывыться. Дали чуе батюшка съ хурманомъ—шось сопе; полизлы пидь мистокъ, ажъ тамъ староста лежить пидь пидвальною, наверхнутый. Тамъ бы мабуть и околивъ, кобъ не батюшка съ хурманомъ. Вытягли вони його,—а того вже ягняты давно нема,—посадылы на свою брычку, привезлы ажъ пидь самый Вышневецъ, та вже тамъ той сивъ верхы та дойхавъ додому.

Записаль В. Г. Кравченко

О появленіи черта овцою см. Чубинскій. I. 183.

59. ЧОРТЬ БАГАТОГО ДУРЫТЬ.

Чортъ якъ не съ пьяного посміється, такъ зъ багатого. Багатый якъ йиде въ лисъ, то горячку стача таку, шо неодминно два дни пройиздыть,—це чортъ зъ його сміється. У насъ бувъ мужыкъ, хотивъ везты продавать деревню (колеса, грабли, выла), а тутъ йихъ ище не багато, до сотни не хватало.—Винъ пойхавъ на пивъ-дня, а пройиздывъ два дня.

Тамъ е Матронынъ мастырь и тамъ лисъ ченци продають,—прыйхавъ винъ у Ведмедивку, найшовъ соби знакомого, те-жъ багатого мужыка, упылысь гарно, выйхавъ пьяный за мистечко, бычкы йдутъ соби шляхомъ; ийшлы, за лису десь зачепылы и геть чысто поламалы передню осю; а винъ спавъ пьяный на вози й не чувъ. Хтось йихавъ, выпригъ ти бычкы, прывъязавъ до воза, де сино було. Прокрынувся винъ ажъ удосвита, дывыться неначе торопленный. Дождавъ винъ ранку, та покы осю налагодывъ та покы додому вернувся, то два дни й прошло.

Отъ Коробки, Чигиринскаго уѣзда, записаль В. Г. Кравченко.

60. ЯБЪ ЧОРТЪ МУЗЫКЕУ ДУРЫВЪ.

То одынъ бувъ такый музыкантъ и винъ такъ мигъ гарно грать, шо вже лучче нихто не заграить. Гравъ винъ зъ вечора десь на свальби у мужыкивъ. Ишовъ додому и перестрича його наче шось знакове, наче винъ його десь бачывъ.

— Куды ты, братъ, идешъ?

— Додому.

— А де ты бувъ?

— На свальби. (Винъ и самъ добре зна, де той бувъ, тилкы ше його пытае).

Чортъ йому й каже:

— Ще рано, ходимъ до мене, погуляемъ: выпьемъ у мене—ты заграешъ.—Идутъ вони черезъ греблю, а тутъ же й млынъ недалеко; чортъ каже: „я тебе, говорить, перевезу, я конячкою прыйхавъ.“—А то верба стояла крива - схлыста на ставъ,—ну, музыкантови здавалось, шо то брычка. Ставъ сидать на ту брычку—такъ вылазыть, такъ вылазыть!—„Ото, каже, бисовойи виры, брычка, ниякъ не вылизу, така висока.“ - И вылизъ винъ ажъ на верхушку вербы,—гиляка обломилась, а винъ и впавъ у воду. Купавсь винъ тамъ скилькы йому хотилось—насылу вылизъ. Иде й лається. Хто його й знаить, кого винъ лае. Пьяный, не молыться Богу, а лається.—Чортъ зновъ до нього пидйшовъ и зновъ почавъ зъ музыкантомъ розбалакувать, бо той Богу не хоче молыться. Зновъ каже: „ходимъ до мене.“ Йшлы, йшлы, трохы не до пивночи йшлы. Чортъ його черезъ воду перевивъ, шо той и не замитывъ, наче по сухому; и вывивъ у таке мисто, шо скризъ вода, а тамъ

де вони—очереть та лоза. Тамъ люде вѣятири просушувалы, а тому мужыку здалось, шо то шапки высять: „дай но украду хочъ одну—сыву, хочъ чорну шапку, похрантую дома.“ Колы пивни десь заспывалы—чортъ десь утикъ. Мужыкъ заснувъ, а вранци уставъ, колы роздывыться,—а винъ на купыни лежыть. Чортъ укоськавъ його.

Записалъ отъ Коробки Чигиринскаго у. В. Г. Кравченко.

61. МУЗЫКА У ЧОРТИВЪ (око, що баче чорта).

—Скажы, будь ласка, Хрыстычу, чы то правда, шо чортъ не такой справди страшный, якъ його малюють? Чы правда тому, шо чорты люблять поглузувать надъ чоловикомъ, хочъ шкоды йому великойи й не зробе?—Ну, ось хочъ бы узять тебе: чы не пхавъ тебе чортъ ни зъ того, ни зъ сього у болото або у яму?

—Ни, мене николи винъ не водывъ, а зъ мойимъ дидомъ то було: гравъ винъ на висилли у недилю (бувъ винъ музыка, гравъ на скрипци). Тоди на те весилля прыйшовъ до його маленый хлопчыкъ и просыть у дида, шобъ той давъ йому скрипку погратъ; а дидъ його налаявъ: иды ты, каже, къ чортовій матери! чо-го ты до мене прычепывся!“—А той хлопчыкъ и каже:—„Ну, пострывай-же, згадаешъ же ты мене, колы такъ мене лаешъ!“—Повернувся хлопчыкъ назадъ и тилькы выйшовъ за ворота одъ дида, а въ дида саме скрипка луснула. А хлопчыкъ якъ выскочывъ ото, кажу, за ворота та выхватывъ зъ пидъ полы свою скрипку и почавъ гратъ. Дидъ за нымъ и почавъ просыть, шобъ

винъ давъ йому своейи скрипки—одограць весилля. Хлопчыкъ давъ йому свою скрипку; дидъ до вечора догравъ, а увечери ставъ иты додому—такъ шо о-пивночи, а на мистку зустривъ його кумъ и просыть:

— „Иды, куме, до мене, трохи пограешъ у хати, розвеселышъ.“ А дидъ та бувъ п'яный, та взявъ и пишовъ до кума, и якъ почавъ той кумъ дида весты и довивъ винъ його до Чыгрына, ажъ туды до млынивъ, а тамъ провалля вельки: зъ того боку—провалля йи зъ сього боку—провалля, а по середыни гребинь; ну завело його на той гребинь, сивъ винъ тамъ и почавъ гратъ йимъ, и показувалось дидови, шо винъ у хати; а воны, прокляти, почалы тамъ танцювать,—танцюе, танцюе и бижыть до прыпичка; а на прыпичку стойить черепокъ, а воны умочають у той черепокъ пальцы и мажутъ соби очи.—А дидъ бачывъ те та взявъ и соби вмочывъ палець, та помазавъ очи, та тоди й каже: „годи вамъ, прокляти, прыставляться!“—А воны його й пытають: „якъ же ты знаешъ шо мы—прокляти?“— „Бо я бачу, шо вы чорты.“—Воны допытуються: „якъ же ты бачышъ, шо мы—чорты?“

— „Бо я помазавъ одно око тымъ, шо й вы мажете.“—Сталы його пытать: „яке око?“— „Ливе,“—каже. Такъ воны узялы та й выдавылы йому те око, и ставъ винъ слипый на те око. Заспывалы пивни, и чорты порозбигалысь, а дидъ сыдивъ тамъ до ранку, а рано у понедилокъ люде йихалы у Чыгрынъ на ярмарокъ та вже каната подавалы дидови, та тяглы його зъ того провалля, бо ниякъ було не можна туды пидійты.

Записалъ отъ Григорія Христыча, Чигиринскаго уѣзда изъ с. Явича,
В. Г. Кравченко.

Чубинскій, I, 186, 187, 190.—Рудченко, Сказки, I, № 41.—Малор. пред., 43, № 6, 52—54, №№ 19 и 20.

62. СКРЫШКА Й ЧОРТЫ.

Бувъ у насъ такой парубокъ, шо вывчывся винъ на скрипку грать и найшовъ винъ такого чоловіка, шо носывъ скрипку продавать; такую скрипку, шо вона може рубливъ съ п'ять вартъ, а той просе за нейи рубъ. А парубокъ и каже до чоловіка такъ, наче парубкови тійи скрипки й не треба:— „на, каже, дядьку, двадцять п'ять копійокъ.“ — Давай, та тилки визьмы ййи зовсимъ.— Парубокъ та не розшолопавъ, шо то той казавъ „зовсимъ“, то то значить, шо зъ усимъ чортъами, тымы, шо вчылы того чоловіка грать.

Якъ хоче хто навчытысь грать, то йде проты жилогого понедилка у льохъ и давай тамъ грать, а чорты й позбигаються: танцюють, стрыбають, и наче вони й скрипку побъють, а вона все такы цила и той, шо вчытыся грать, усе такы вывчытыся грать.— Тамъ же й танцювать учаться.

Прыносить ййи додому, сивъ обидать, а скрипку повисывъ на ключци. Вона, та скрипка, якъ загра сама!— Бачыть парубокъ, шо дило кепське, та давай у пичъ кідать, а вона згорыть и зновъ на ключци высыть; та вже насылу, насылу продавъ, бо насылу знайшовъ такого дурня, шо купывъ ййи „зовсимъ.“

Записаль отъ солдата Коробки, изъ Чигиринскаго уѣзда, В. Г. Кравченко.

63. ЧОРТЬ ЗЪ ВЕРШОЮ ТА ЧЛОВИЕЪ ИЗЪ ЖИНКОЮ.

Бувъ такой чортъ, дурный десъ вырвався, сивъ соби надъ водою, надъ кручою, спустывъ ноги та й хлю-

пощеться соби въ води; а чоловікъ иде, покынувъ свою жинку,— може була скажена, шо чоловіка бѣе, лається зъ нымъ. Иде винъ, ставъ, а чортъ и пыта:

—Куды се, брате, тикаешъ?

—Та такъ соби, каже, йду по дилу, може де зъ рубъ зароблю.

А той чоловікъ пыть хоче и каже на чорта:— Эй, каже, напій мене отою вершою, то я тоби душу свою, говорыть, оддамъ. — Той чортъ зрадивъ, узявъ вершу та туды—въ воду.—Набравъ воды въ нейи, ставъ вытягать зъ воды, а вода й вытекла. И той чортъ морочывсь, морочывся и разу воды не прынисъ тому чоловікови. Кынувъ ту вершу, прыйшовъ до чоловіка й пыта:

—Ну, скажы, куды ты йдешъ, шо ты ажъ пыты схотивъ?

—А такъ, каже, йду зъ дому, зъ досады: въ мене жинка клята, такъ я кынувъ ййи.

—А въ тебе винчана вона жинка?

—Винчана, каже.

—А въ мене, каже, верша й не винчана, а я зъ нею й то морочусь.

Та взявъ, кынувъ ту вершу та й подався, бо злякавсь тыйи верши гиршъ, нижъ той чоловікъ своейи жинкы.

Записаль отъ Коробки Чигиринскаго уѣзда В. Г. Кравченко.

---

64. ЩЫРЫЙ ЧОРТЬ.

Бувъ соби одынъ такой чортъ, шо, бывало, яку йому задачу дадутъ чорты, шобъ винъ яку капость зробывъ

людямъ, ну, винъ и геть то старається—у трое—ажъ изъ кожи лизе,—такъ якъ отъ буває, шо салдаты хоче йихрейтура заслужить та старається, та лупе свого жъ брата москаля. Ну, й достарався той чортъ до того, шо вже й чорты не прыймають його у свою каглу спать.—Пишовъ винъ—ходывъ, ходывъ—нема де дить ся,—сивъ коло млына надъ проваллямъ и спустывъ ногы. Сыдыть та хытае головою, такъ якъ дурный, и говоре: „шо годъ, то й гирше, шо годъ, то й гирше.“—А мирошныкъ слуха—шось говоре, та взявъ качалку—мняло, та якъ зайшовъ иззаду, та якъ луснувъ його въ потылицю тымъ мняломъ! Такъ чортъ и полетивъ у провалля, шо й лобомъ диставъ стины: „Ну, каже, хужого года не було й не буде, якъ оце, шо вже, каже, й мени дисталося!“

Отъ тоби чортъ и выстаравсь передъ чортамы—винъ думавъ, шо колы робытыме вельки капости людямъ, то його й чорты похваляютъ, а воны—бачъ!

Отъ Коробки, Чигиринскаго уѣзда, записаль В. Г. Кравченко.

65. ЯКЪ ЧОРТЪ ОДДЯЧЫВЪ ЧОЛОВИКОВИ.

(Жинка не вирный товаришъ).

Бувъ соби рыбалка. Отъ разъ винъ и каже: „а ну, поставлю ятирь на чортову матиръ“. Поставывъ, а туды якось и влизъ чортъ. Пробувавъ винъ бувъ вылизты та ще дужче заплутався. „Ну, постій же, каже, я тоби дамъ!“ Отъ, прыходе рыбалка, вытягъ ятирь, а чортъ: „пусты, каже, мене видсиля.“ А рыбалка: „э, ни, поне-

су, хочъ покажу.“ „Та выпусты, спасыби тоби, я вже тоби мишокъ грошей дамъ, тилькы прыходь на таке мисце,—винъ бачъ и мисце вызначывъ,—та не одынъ, а зъ вирнымъ товаришомъ.“ Рыбалка взявъ и выпустывъ чорта. Прыходе додому та й хвалыться жинци, а дали й каже: „кто жъ найвирнишый изъ товаришивъ, якъ не жинка? Пидемо у двоохъ, жинко съ тобою.“

Пишлы ото воны. Прыйшлы на те мисце, дывлять-ся,—никого нема. Силы воны й сыдятъ. А рыбалка: „пось-кай мени, жинко, покы въ голови.“ Отъ ськае йому жинка въ голови, а винъ лежыть у нейи на колияхъ, та такъ усмажывся, що й заснувъ. Ажъ тутъ прыходе й чортъ, у брыли, тд-що, та й маха жинци, щобъ вона не будыла чоловика. А дали: „на,— каже,—оцей нижъ, та зарижъ чоловика, а ты будешъ тоди зо мною жыты и ци гроши будутъ твойи...“ показуе на мишокъ, що пры-нисъ исъ собою. Тилькы жинка пидняла нижъ, а чортъ якъ крыкне: „бережысь, чоловиче, жинка зариже!“ Про-кынувся чоловикъ, ажъ справди у жинки въ руци нижъ. Тоди чортъ и каже: „ты мене одъ смерты спасъ, а я тебе, а грошей тоби не дамъ, бо прыйшовъ не зъ вир-нымъ товаришомъ“. „А хто жъ мій вирный товаришъ?“ пыта рыбалка. „Собака!“ каже чортъ та й подався и гроши съ собою взявъ.

Записаль отъ Игната Ломановскаго на х. Короповъ Змиевскаго у.

Харьк. губ. И. И. Зозуля.

Малор. пред., 59, № 34.—Рудченко, Сказки, I, № 40.

Мотивъ, находящійся въ началѣ этой сказки (о чортѣ, пойманномъ рыбалкою), см. въ юмористическомъ анекдотѣ «Чоловикъ та чортъ» (Мавжура, 121).

66. ЧОРТЪ КОЗОЮ.

Бувъ соби чоловікъ, любивъ на охоту ходыть; выйшовъ рано, празныкъ бувъ, сивъ идъ дубомъ, гонять вовкы козу. Коза каже:

—Эй, Иване, зделаѣ мылость, обороны!

Той подумавъ:

—Вовка я ридко бачу, а козу часто.—Взявъ и вбывъ вовка.

Коза йому сказала:

—Я тобі одгоджуся у турецькій земли, а въ чорта въ лози.

Та й побигла. А той подумавъ: „И чога я тамъ у турецьку землю попадуся?“ Та й пишовъ соби до дому. Скоро потребувалы його въ москали; була война, одбылы його въ пленъ, узялы въ Турещыну. Начавъ винъ утискать. Зайшовъ у таки лѣзы, шо вже думавъ, шо й не выйде звидты. Дывыться—стойнтъ домъ высокій та красивый и свитыться въ тому доми. Зайшовъ винъ туды, а той и впознавъ його.

—Ахъ, каже, здоровъ, каже, Иване,—де ты такъ ходышь?—Попався теперь ты до мене!—Знаешъ, якъ ты колысь на охоти бувъ и ты мене одъ смерти одборонывъ? Теперь, каже, твоя жинка вже замижъ иде. (А то бувъ чортъ. Бувайить такый празныкъ, шо неименно у той день изидять вовкы одного чорта). Пославъ чортъ свого сына, шобъ той довидався—чы скоро свальба буде въ жинкы того чоловіка.—Той злитавъ хутко й каже: „Ще дома сыдять“.

Побулы воны, погулялы зъ повчаса.

Батько зновъ пославъ сына; той вернувся й каже:

— Уже, каже, въ церкви.

— Ще поспіємо, — каже старый. — Выпылы й закусылы и пославъ у третье своего сына; той вернувся й каже:

— Скоро будутъ на рушныкъ ставать. — Чортъ ухватывъ того чоловіка, прылітають у церкву и воны усе бачать, а йихъ ниhto не бачыть. Тилькы молоди поставалы на рушныкъ и винъ соби ставъ на рушныкъ.

— Шо ты вже, каже, винчаешся зъ другимъ, колы первый чоловікъ живый? — Поодступалысь зъ рушныка — и теперь воны живутъ.

Записалъ отъ Луки Зиневича, Острожскаго у., В. Г. Кравченко.

О чертѣ, явившемся козою, см. Чубинскій, I, 188.

О чертѣ, котораго хочеть съѣсть волкъ см. Малор. пред., 43, № 4. 59, № 34. — Рудченко, Сказки, I, № 40.

67. КУПЕЦЬ, ЩО ПРОДАВЪ ДУШУ НЕЧЫСТОМУ.

У Харькови купецъ одинъ бувъ, П. Кажуть, шо винъ прыйшовъ изъ Москвы въ лаптяхъ и ничего въ його не було. Такъ винъ продавъ свою душу нечыстому, а той и почавъ йому гроши возыть. И такый винъ ставъ багачъ, шо, може, на весь Харьковъ первый. А якъ прыйшлося вмирать, такъ Господы мучывся! Тры дни кончався и ниякъ не кончыться. Та вже якъ зирвалы стелю, такъ воно якъ загуде, такъ ажъ наче выхоръ исхопывся. Тоди вже й кончывся та почорнивъ якъ земля. А якъ неслы його черезъ Нетечу (ричка), такъ дошки на мосту зрывало, — насылу перейшлы.

Этнограф. матеріали, II,

5

А якъ негришна людына вмирае, шо, значить, съ покаяніемъ, такъ можно душу побачыты якъ выходыть. Такъ наче дымокъ сыненый зъ рота пиде, та тоди вже й кончыться.

Записала М. Н. Гринченко въ Харьковской губ.

Различные рассказы и вѣрованія о продажѣ души черту: Чубинскій I, 97, 184, 187, 189.—Малор. пред., 43, № 5; 55—57, №№ 24, 25, 26, 27; 120—123, № 20 (черта здѣсь замѣняетъ смерть).—Мавжура, 128. Шість разъ и одно.—Рудченко, Сказки, I, № 35; II, № 10.—Зоря, 1887, № 3, *Лепкый*, Чортъ. 44.—Гринченко, I, № 73, 75, 76.—Кіевская старина: *Андріевскій*. Письмо къ тремъ діаволамъ. 1884, № 6, 340—342;—Изъ области нар. суевѣрій: Илія Човпила, бѣсамъ въ службу записавшійся, 1882, № 2, 429—431;—*Кистяковскій*. Къ исторіи вѣрованій о продажѣ души черту, 1882, № 7. 180—186.—Этнограф. збирникъ, I, №№ 12 (стр. 46) и 24 (стр. 90—92).—Харьковскій сборникъ, III, 42—43; VIII, 294. *Ивановъ*. Изъ обл. и. н. легендъ Этн. Обзор. XXI, 93—95.

68. ЧОРТЬ ЗА ПОКУТУ СЛУЖЫТЬ ТРЫ ГОДЫ У ЧОЛОВИКА.

Було соби два браты—одинъ багатый, а другой—бидный. Багатый то майить багато худобы, а бидный ничего не майить. Пиде бидный на базарь, найметься до жыдивъ рубать дрова, чи тамъ що—заработыть копійокъ съ п'ять, чи съ тры и такъ перебувается. Пишовъ бидный на заробиткы, заробывъ килкы грошей и купывъ соби поганеньки бычки. Винъ соби цымы бычками то за десять, то за двадцать копійокъ робыть по людяхъ такихъ бидныхъ, якъ и самъ.

Булы соби чорты, и одынъ чортъ бувъ такый, шо зробывъ винъ десь таку капость, шо вже й

чорты розібрали, що зовсімъ не треба було бь такъ переборщити. Наложылы йому покуту: „Йды,— говорюють,— найдешъ дуже бидного мужыка и за це ты йому прослужышь тры годы“. Пишовъ чортъ шукать того мужыка: удився у сыву невірненьку свыточку й приходить у село—найшовъ того мужыка. Увійшовъ у хату, а мужыкъ сыдыть, снидае сами солони огиркы съ картоплю, безъ хлиба, бо хлиба нема.

— Здрастуйте, каже, дядьку, дайте мени воды напыться.— Той давъ, а чортыкъ сивъ на лави та й говорыть:

— Спытайте мене, дядьку, чого я до васъ прийшовъ. А той одвичае:

— Якъ ты прийшовъ, то ты й самъ скажешъ.

— Наймиць мене,— говорыть.

— Нема въ мене самому чого йисты, а ты хочешъ, шобъ я й наймыта наймавъ.

— Та ничого,— каже,— дядьку, може якъ небудь заробымо, то прохарчуемось.

— Ну, пидожды жь, говорыть, сынокъ, пиду на городъ, распытаюсь своейи жинкы.— А вона полола тамъ чы картоплю, чы цыбулю.— Приходе мужыкъ и каже жинци, а та йому й одвичае:

— Та, чоловиче, воно й мени здається, шо колы наймыта матымешъ, то може бильше заробышь. Пишовъ дядько у хату до хлопчыка й пытае:

— Шо-жь ты, каже, визьмешъ?

— Я, каже, тры годы вамъ за дарма прослужу.

Мужыкъ згодывсь; давъ и чорту картопли та цыбули йисты, а чортъ и говорыть: „Я-бъ, дядьку, й огиркы йивъ та боюсь, шо вони дуже солони“. (А чорты не люблять, бояться солоного).

— Я, — каже мужыкъ, — скажу свойй жинци, шобъ вона накыдала огиркивъ у видро та налыла водою, шобъ було тоби шо йисты.

Почалы воны соби робыть съ тымъ хлопчыкомъ: бычки справылы соби вже кращи. Одного разу прыйихалы зъ роботы, повыпрягалы волю, дали йимъ йисты и сами пишылы у хату вечерять. А дило було ще за панщыны, ну, увечери прыходыть прыжчыкъ одъ пана загадувать:

— Прыславъ, каже панъ, шобъ вы, дядьку, йшылы до пана завтра на тикъ молотыть.

— Добре, каже, прыйду. — Выйшовъ прыжчыкъ, *) а мужыкъ и говорыть до чорта: „Отъ нещастя, договорывся у однойи вдовы поле выорать за карбованця, а теперь треба йты робыть до пана.

— Ну, ничего, дядьку, каже хлопецъ: вы пойдете поле орать, а я пиду до пана молотыть.

— Та мене-жъ ще выбьютъ за те, що я такого малого прыславъ.

— Не выбьютъ — якое воно буде! — Мужыкъ згодывсь. Вранци мужыкъ пойихавъ орать, а чортъ, узявши ципа, пишовъ молотыть. Прыходыть до пана, а тамъ прыжчыкъ роздае людямъ снопы, а люде тикъ зами-тають, збираються молотыть. Прыжчыкъ пыта:

— Чый хлопчыкъ? — Той сказавъ, а прыжчыкъ:

— Отъ, бисовойи виры, таки злыдни, а й ти не хочуть сами йты робыть, а наймытивъ прысылають. Та й що ты зробишь?

Прышовъ панъ, побачывъ його, распытавсь и тежъ саме сказавъ: „Ну, завтра, — каже панъ, —

---

*) Прыжчыкъ — приказчыкъ.

хай твій хазяйинъ прыйде, засыплю я йому съ п'ятдесять за те, шо самъ не прыйшовъ, а приславъ таку дытыну молотыть!“—А той хлопчыкъ одвичае:

— Ничого, пане, шо я маленький,—давайте мени однаково—шо тымъ, шо по два молотють, а я за ныхъ ще справлюсь.—Панъ сказавъ дати:—„Побачымо, каже, шо то съ того буде?—Наскыдалы воны йому снопивъ зо скурды стилкы, якъ и тымъ шо по два. Прыкажчыкъ пишовъ снитати, а панъ додому пишовъ. Хлопчыкъ пишовъ за скурды и такъ помаленьку молотывъ, шо до вечера й скуртивъ тыхъ не стало; а було йихъ штукъ изъ сто, а може й меншь—того не знаю, не буду й брехати. Прышовъ до прыжчыка та й каже:

— Пане, йдиги, поможете мени хочъ трохи, бо самъ не вправлюсь.—Той подумавъ: „може й справди не вправытсья, бо мала дытына“.—Прышовъ, та якъ глянувъ—ажъ ни жаднойи скурты не осталося—винъ уси помолотывъ! Вороха—такъ до неба! а соломы такого, шо п'ятдесять чоловика й за тыждень не перетаскають!—Такого багато. Прыжчыкъ злякався, пишовъ до пана. Прышовъ панъ и той здывувався:—„Ну, каже панъ, хай завтра твій хазяйинъ прыйде до мене свойимъ воламы, хай визьметь мишкы, я йому дамъ усього по четверты: пшеныци, жыта, ячменю й проса.—Прыходьты чортъ до дому, та не каже хазяйинову такъ, якъ йому панъ казавъ, а каже:—„Оце панъ казавъ, шобъ вы прыйшлы до його чогось“.—Оце вже, думае дядько, шось наробывъ тамъ наймытъ—дасть мени панъ!—Пишовъ, а панъ йому й каже:—„Иды-жъ ты додому, запряжы бычечкы, визьмы мишкы, а я дамъ тоби усього хлиба по четверты за те, шо твій наймытъ харашо мени вслужывъ.“—Той наймытъ и каже: якъ пойдете вы, то

берить тильки одного лантуха и продерете въ йому дирку. а то вже я самъ постараюсь. — Чортъ выкопавъямку одъ самого вороха та ажъ до мужыковойи хаты, а зверху коло вороха соломкою прытрусывъ. Прыходыть панъ, побачывъ шо той зъ однимъ лантухомъ и пытайть: — чого, каже. ты бильшь лантухивъ не взявъ? — Та вы мени цього одного насыпте й то буде зъ мене. — Почалы сыпать, а мужыкъ одкынувъ ту соломку одъ ямы и наставывъ своего лантуха зъ диркою. Сыплють и сыплють. Уже ворохъ кинчається, а лантухъ ище не повенъ. Панъ дывується! Ну, якось насыпалы того лантуха; мужыкъ зновъ прытрусывъ соломкою тую дирку. Изъ вороха осталось панови мишечкивъ съ пъять — тилкы шо на посивъ. Прыйздыть мужыкъ додому, а наймытъ сыдыть на лави й пыта въ дядька:

— А що, чы добре?

— Гарно, — каже.

— Ну, лягайте-жь, каже, спать, а я уберу усе, шо тамъ есть. — Полягалы спать, а наймытъ зибравъ усихъ чортывъ, забралы те зерно зъ ямы, понасыпалы скризь, де можна було: у синяхъ, на горищи, у хатахъ и въ погриби, и въ сарайи; ну, прямо ниде й ступыть. — Вранци хазяйинъ уставъ, побачывъ и самъ злякавъ, а чортъ и говорыть:

— Ничого, дядьку, хлиба цього стане для насъ зъ вами и для дитей вашихъ. — Почалы вони хлибъ той потрошку на базари продавать и справылы волы вже добри.

— Ну, говорыть чортъ, вы бачылы въ пана магазей зъ хлибомъ зъ усымъ зерномъ? — Вы договоряйтесь

съ паномъ, шо привезете все те одразу оцымы воламы.— Мужыкъ пишовъ; може винъ тамъ на роботу пишовъ до пана. Ходыть панъ и мужыкъ говорыть:— Ну, говорыть, пане, буде мій оцей гамазей, якъ я його додому свойимы бычками перевезу?— А той:

— Якъ ты оцей гамазей довезешъ до свого двору, то я тобі ще дви тысячи грошей дамъ.— Пишовъ мужыкъ додому за воламы, а панъ усе такы не йме виры.— „А ну, каже, я самъ спробую“.— Позганявъ увесь свій скоть зъ усього степу, запригъ його у той гамазей—и зъ миста не зворухнули!—Запригъ мужыкъ волы, нарвавъ ярмо, вйце прычепывъ. Прыганя ти бычки, а панъ и каже: „Ну, запрягай“!—А панови, звисно, смихъ, бо винъ пробувавъ усымъ своимъ скотомъ повезты—та не зворухнувъ, а той хоче однією парою потягты. Запригъ мужыкъ волы—йдуть и ярмомъ телинають, бо йимъ не важко. Панъ дывыться й ничего не баче, а чорты якъ бджолы ухватылы той гамазей и донесли ажъ у двиръ до мужыка. Панъ заплатывъ мужыкови дви тысячи грошей и самъ умеръ съ переляку.

Записаль отъ солдата Коробки Чигиринскаго уѣзда В. Г. Кравченко.

Манжура, Якъ чортъ одслужувавъ шкаточокъ хлиба (127). Литературная передѣлка этой сказки сдѣланная самимъ Манжурою (подъ псевдонимомъ *Ивана Камички*), издана подъ тѣмъ же заглавіемъ отдѣльно въ Екатеринославѣ въ 1885 г.; другая литературная передѣлка этого мотива (въ связи съ изобрѣченіемъ водки) обработана въ разсказѣ галицкаго писателя Льва Трещаківскаго: «Село Лыповци».—Этногр. збирникъ, I, № 17 (стр. 60—63).—Житѣ и слово, томъ III, 52.—Чубинскій, I, 157.—Ивановъ, изъ области м. н. легендъ—Этногр. Обзор. за 1890 г. кв. IV.

69. ВОВЕЪ ТА СЪВАТЫЙ ЮРІЙ.

Выгнали мужыка на панщину, а мужыкъ та бувъ дуже бідный и въ нього тилькы може й було, шо еденъ хлибъ-

грысякъ. Пишовъ мужыкъ одбувать свою панщину у лись, збирать хворостыння. Працювавъ винъ тамъ мобилше якъ пивдня, захотилося йому йисты и хотивъ винъ своего грысяка ззисты, але подумавъ соби: „ни, краще повишу його на лису, хай высьты, а вже якъ упораюсь, то передъ тымъ якъ вже буду мавъ додому йты, ззимъ хлибъ“.

Наносывъ скикы йому було треба хворостыння на воза, пишовъ до хлиба—хлиба нема. Шкода, а вдіятьничого не вдіешъ; пишовъ додому голодный.—Отъ якъ уже свѣтатый Юрій почавъ склыкаты до себе усяку звирину, почавъ распытувать, хто й де що зробывъ.—Той каже, шо винъ у мужыка свыню забывъ, другый—шо винъ теля звивъ... усяке каже про свое, а тутъ иде вовкъ на пры кинци, та й каже: „А я, свѣтатый Юрые, ззивъ у мужыка хлибъ-грысякъ, шо высывъ на лиси.—„Якъ-же ты мигъ такъ зобидыть чоловика? У нього тилькы й його було, шо кусокъ хлиба грысяка, а ты й того ззивъ. Не гарно ты зробывъ, бо бидного чоловика обидывъ, иды ты теперъ до того мужыка служыть,—за те, шо ты ззивъ у того мужыка хлибъ, иды одслужы йому тры годы“!.—И пишовъ той вовкъ до мужыка одслужувать: зробывся хлопцемъ, прыходе й каже:

— Дядьку, визьмить мене до себе, я у васъ робытуму, а вы ничого не платить мени, буду у васъ за хлибъ робыть“.

— Та у насъ, сыну, нема коло чога й ходыты, намъ и самымъ ничого йисты.

— „Та я такы останусъ, платы мени не треба, а на хлибъ я, може, й самъ зароблю“.—А жинка тоди й

каже до чоловика: „а такы й такъ, чоловиче, хочъ и не заробе багато, а все за хлибъ выробе; визьмимо його.“ Й узяли воны того хлопця до себе.

На другый день хлопчыкъ найшовъ десь зó тры старыхъ гвиздка, распалывъ у груби, узявъ у хадзейина молотка (який уже у того хадзейина й молотокъ бувъ?); розигривъ ти гвозди и хутко выкувавъ тры ножи:

— „Нате, хадзейко, понесить на базаръ — за що продайте, то продайте а все мо на хлибъ заробите; та вже й зализа кусочокъ купить мени, буду кувавъ.“ — Хадзейка вынесла и одразу продала. — Купылы, ниhto и й не торгувався. Купыла вона хлиба, купыла й зализа и съ того зализа винъ уже бильшъ ноживъ накувавъ, а вона тийи попродала и вже бильшъ зализа купыла и съ того зализа винъ выкувавъ плуга, продавъ. Дали заходывся, выстройивъ соби кузню, накупывъ струмецийи, куде плугы, рала, усе... Почавъ уже той мужыкъ багатить, по ярмаркахъ возыть, продавать те, шо наймытъ зробе.

— Казалась я туби, чоловиче, возьмимо хлопця, а ты все не хтивъ, а теперь самъ бачышъ, у який прыгоди ставъ винъ у насъ; це така одна, шо зъ нею можно вика прожыты.“ — Наймытъ почавъ уже й хадзейина привчатъ до работы, почавъ и той кувать плуга; стало у ныхъ грошей ще бильшъ, нижъ було.

Оце хлопецъ побачывъ стару собаку, шо була у хадзейина, шо вона вже не гавкала, такъ хлопецъ, — и каже:

— „Дядьку, а вы знаете, я зъ оцього рябка зроблю молоду собаку, — чы хочте?“

— Робы, сказавъ той, зглянувшы на хлопця и здвигнувшы плечыма, думаючы, шо той жартуе. — Хлопецъ

ухватывъ собаку за хвистъ и поволикъ до кузни; тамъ винъ ййй у горенъ, спалывъ, положывъ на ковадло, ударывъ разъ, другой и вже стала собачка молоденька, файненька, бигае та собачка, гавкае, радіе!—Прыходьтъ хлопецъ до хадзейина й каже:

— „А що, дядьку, чы це той вашъ старый рябко?“

Той глянувъ и, побачывшы свого Рябка молоденькымъ, дуже здывувався. Тоди той коваль узывъ и матиръ хадзейинову, шо була дуже стара баба,—кувавъ, палывъ и зновъ кувавъ и стала зъ нейи молода дивчына, литъ восимнадцяты. Тутъ тоди вже вси взналы, на весь свить узналы, шо есть такый коваль, шо зъ старыхъ людей выковуе молодыхъ; почалы до його везты зъ усього свиту, тамъ король везе свою стару жинку зробыть йййи на молоду; тамъ панъ везе матиръ, той батька; та усяке-жъ то ййде, усяке хоче быты молодымъ.—Хлопецъ той усихъ кувавъ, никому не було одказу, а тилькы вже хадзейина свого винъ не вывчывъ, якъ то зъ молодыхъ, чы то пакъ, якъ зъ старыхъ робыть на молодыхъ людей; хадзейинъ тилькы ковальську роботу й знавъ. И дуже такы шматъ грошей у ныхъ стало--той дядько уже не бидувавъ.—Одбувъ той хлопецъ свое; одбувъ тры годы, збирається додому йты, а дядько не пускае, просе, шобъ той оставався:

— „Ни, каже, не можно вже мени у васъ быты, пиду; буде зъ васъ; а тикы ось шо, дядьку, будутъ до васъ иты люде, якъ мене не буде, будутъ просыть, шобъ вы зъ старыхъ робылы на молодыхъ, але вы не робить того, бо вы не зробыте.“—И пишовъ той соби. А це до чоловика прыходе панъ, прывозе батька, каже шобъ зъ батька старого зробыть батька молодого. Той

чоловикъ божытсья, шо винъ не вміе; але мужыкове таке дило,—колы не слуха пана, то, однаково, голову зитнуть. А панъ одно, прыстае,— „скуй мени молодого батька.“ Той мусывъ кувать: понись у кузню, вкынувъ у вогонь, спалывъ старого пана, положывъ на ковадло хотивъ кувать, а панъ пыломъ и розсыпався. - Прыстають до мужыка, тягають його; почалы судыть и прысудылы того чоловика на шыбеныцю. Отъ, на плацу поставылы шыбеныцю и мужыка повисылы; а рже якъ мужыкъ умеръ, уси пишылы додому, то той хлопецъ прыйшовъ до шыбеныци та й каже:

„А я-жъ казавъ вамъ, дядьку, щобъ вы не бралысь за те дило, которого не знаете.“ — Та взявъ знявъ дядька пославъ його до кузни, щобъ кувавъ зновъ, а замисте його повисывъ куль соломы.— На другый день прыйшылы, щобъ знять мужыка, шо повишенный, колы прыдывлютсья, а тамъ замисте чоловика — куль соломы. Вони до кузни, а той — куче. Вони зновъ його до шыбеныци, зновъ повисылы, а той хлопецъ зновъ прыйшовъ, знявъ того чоловика, пустывъ його додому, заставывъ кувать, а на його мисти прычепывъ колоду. Прышылы знимать чоловика, а тамъ — колода. До кузни — тамъ чоловикъ куче. Вони зновъ його забралы, зновъ потяглы до шыбеныци, повисылы; хлопецъ зновъ прыйшовъ, знявъ свого хадзейина, пустывъ додому и сказавъ:

— „Глядить, якъ тики хто появытсья на порози у кузни, то щобъ у васъ у рукахъ не було — пускайте прямо въ мордяку —ничого не буде, ништо не пидступыть, не займутъ васъ“. — И той чоловикъ пишовъ соби додому, ништо його вже не займа, и я його оце бачывъ, — брычку у ньго вчора кувавъ.

Записалъ отъ Григорія Сорочана изъ м. Вишневецъ, Кременецкаго у., В. Г. Кравченко.

Эта сказка—вариантъ предыдущей; чертъ замѣненъ здѣсь волкомъ; что это замѣна позднѣйшая видно изъ пересказа иного варианта въ «Сборникъ Харьк. ист. ф. общества», V, 36—37. См. еще: Чубинскій, I, 154—153; II, 333—353.—Малор. пред.. 403—406.

70. ЧОЛОВИКЪ, ЧОРТЫ И ВИДЬМЫ.

Бувъ чоловикъ бидный, удовецъ; кохався винъ соби у куряхъ; нема ніякого скота, ни свыней, тилькы одни куры, и було въ його чотыри пивня и вже йимъ по чотыри года. Не риже винъ йихъ, ничего, а тилькы—нагодуе и сыдятъ вони соби у хати, на жертци у кутку. Ноччу прылита пѣтый пивень, зовсимъ билый, якъ снигъ; улетивъ винъ у дымарь и въ коминъ, натрусывъ тому чоловикови сажи зъ мишокъ на прыпичокъ; усю сажу вытрусывъ. Увійшовъ, сокоче, сивъ на жертци. Чоловикъ спавъ, а то почувъ и подумавъ:

—Де винъ узався такой пивень? У мене такого не було.—А пивень той и прыказавъ другимъ пивнямъ:

—Не спивайте, говорыть, покы я съ хаты не вылетю, а на той вечеръ я прылетю и васъ заберу.—Тутъ, тилькы шо винъ улизъ у пичъ, хотивъ у коминъ лизты, а пивни заспивалы, винъ тамъ застрявъ, зачепывся пазурями и дряпа такъ, шо й печыны надряпавъ съ комена. Мужыкъ дывыться, шо несчастя, взявъ кочергу та хотивъ його вытаскать съ того дымаря, а чортъ якъ рвонувъ, то й крышу за собою потаскавъ. Увійшовъ чоловикъ у хату, ажъ ни одного й пивня нема; зажурывся винъ за нымы, бо въ нього й скотыны ніякойи не було. Дождавъ ранку и давай шукать тыхъ пивнивъ,—йому ни шо й не мыле, жалко тыхъ пивнивъ.

Ходывъ, ходывъ — зайшовъ у таке, шо вже й самъ не зна, де ходыть. Зайшовъ у ту хатку, тамъ сыдыть старастара баба; просыться винъ:

— Эй, бабо, пусты ночувать, бо чужа сторона, а нема де переночувать.— Та ночуй, каже, хаты не перележышь.— А та баба — вона видьма. Послала вона йому, лигъ винъ, а йому й не спыться. Черезъ яку годину прыходыть молодыця до тыйи бабы. Воны думалы, шо винъ спыть, а на прыпичку стойить горщыкъ зъ якимсь масломъ; понамазувалысь вони тымъ масломъ и такъ и загулы у дымаръ. Побачывъ чоловикъ це, уставъ, намазавсь и соби — и винъ такъ и загувъ у коменъ. Прылита десь то тамъ ажъ на Лысу гору; дывыться винъ — ажъ тамъ есть опырякы и возять видьомъ туды, на ту гору. Вылетивъ винъ и соби на ту гору и тамъ побачывъ ту бабу и ту молодыцю. Молодыця впизнала його, пидйшла та й каже:

— Эй, дядьку, тикайте звидсиля, зъ горы, а то видьмы якъ побачять, то й розирвуть.

Винъ говорыть:

— Якъ же я звидсы втечу?

— На, говорыть, оцього сывого коня тоби и тикай на йому, винъ тебе донесе.— Якъ сивъ винъ на його! Пидйизджа додому, колы роздывыться — ажъ винъ на ослони йидеть, шо то мужыкы спыци на йому стружуть. Увийшовъ черезъ дымаръ у ту бабыну хату, лигъ, укывсь рядномъ и лежыть. Лежавъ, лежавъ и заснувъ. Прокывнуса вранци — ажъ та молодыця сыдыть у хати и та баба. Молодыця каже:

— Скыльки, каже, диду, ты зъ мене визьмешъ за те, шо ты мене додому довезешъ?

— А далеко? — пытае дидъ.

— Гинъ зъ трое буде, — говорыть.

— Карбованця дасы, то довезу.

Дала вона йому карбованця й не торгувалась. Выйшли вони съ хаты, сила вона на його й йиде. Дойшовъ винъ зъ нею до такого, шо вже языкъ вывалывъ такъ якъ собака, а вона важка — такъ якъ чортяка.

— На тоби рубъ цей назадъ, каже дидъ, тико встань.

-- Ни, не хочу, договоръ паче грошей. — Привизъ ййи до хаты, кынувъ.

Йде вже соби той чоловікъ додому, дывыться, на шляху б'ється два чорты за батькившыну; чортъ старый пропавъ, а вони не подиляться. Дывыться винъ, шо хлопци, каже:

— Здорови, хлопци!

— Здоровъ, диду!

— За шо вы б'єтесь?

Вони йому одвичають: „За батькившыну: одъ батька осталыся чоботы скороходы, шапка невыдымка и кушельокъ самотрьось; якъ бы вы насъ, дядку, розсудылы кому воно зъ насъ доведеться?

Винъ тымъ чортамъ такъ сказавъ: „Идите вы ажъ на гоны и тамъ станьте на межи, а коло мене все оставте: который упередъ прыбижить, такъ того усе будетъ. — И ти чорты дурни йшли туды й не оглядалы; помы вони дойшлы туды, то винъ узувъ чоботы скороходы, надивъ шапку невыдымку, узявъ кушельокъ самотрьось и пишовъ.

Записалъ отъ солдата Коробки, Чигиринскаго уѣзда, В. Г. Кравченко.

Запутанная сказка, составленная изъ различныхъ мотивовъ:

- 1) явленіе чорта бильмъ пивнемъ, 2) полетъ на собраніе вѣдьмъ и
- 3) обманное полученіе отъ чертей чудесныхъ предметовъ.

Вариантовъ перваго мотива въ такомъ видѣ, какъ онъ здѣсь раз-
работанъ, мы не знаемъ; второй мотивъ см. Чубинскій, I, 197—199.
Малор. пред., 70, № 11, 393, «Вѣдьмы на Лысой горѣ.»—Сб. Харьков.
Ист. Ф. Общ. III, 169—170, 174—176.—Харьковскій Сборникъ, IX,
249, № 24.—Манжура, 138, Чудесные угольки.

71. ДУРНИ ЧОРТЫ ТА ХЫТРЫЙ НАЙМЫТЬ.

У попа бувъ наймытъ и гонывъ товаръ пасты.
Выгнавъ товаръ пасты, сивъ, плете соби постолы; вы-
ходыть до його чортокъ и пытае:

— Що ты, Иване, робышь?

Каже: „Плету ситкы, щобъ выловыть уси чорты.“

— Эй, каже, зделай мылость, уси ловы, тольки ме-
не не ловы.

— Эге, каже, тебе на самый передъ зловлю.

— Эй, — каже, — зделай мылость, не ловы, — я тоби шо
хочъ, те й дамъ.

— Шо жъ ты мени дасы?

— Я тоби дамъ мишокъ грошей.

— Ну, — каже, — добре, иды, каже, прынесы. — Прыхо-
дыть винъ до батька и каже:

— Тамъ Иванъ сыдыть, плете ситкы, шобъ выло-
выть уси чорты, то я йому обцявса мишокъ грошей,
шобъ винъ мене не ловывъ.

— Иды, — каже, — у поле, тамъ стойить озеро, и коло
гозера стойить кобыла — хто тую кобылу обнесе кругомъ
озера — той тому дасть мишокъ грошей. — Прыходыть
чортокъ до Ивана та й каже:

— Ходимо, Иване, тамъ коло гозера стойить кобыла —
хто обнесе кругомъ озера тую кобылу, той тому дасть

мишокъ грошей.—Прийшли. Чортокъ узавъ ту кобылу, обнисть кругомъ озера й поставивъ коло Йвана. Иванъ и каже:

--Э, дурню, дурню!—Я, каже, мизъ ноги возьму та й то обнесу.—Сивъ Иванъ на ту кобылу, обйхавъ кругомъ озера.—Прыходе чортокъ до батька та й каже:

—Я взавъ кобылу на руки та насылу обнисть, а винъ узавъ мизъ ноги и духомъ обнисть ййи кругомъ.

—Иды жъ,— каже,— до його: котрый котрого поборе, то той тому дастъ мишокъ грошей.—Той прийшовъ да й каже:

—Ну, давай будемо боротья.

—Эхъ, каже, дурню, дурню! Шо мени съ тобою боротья: въ мене, каже, батько старый есть и то винъ тебе поборе.

—А де винъ?— каже,— покажы його.

А зъ нымъ бувъ ведмидь.

—Беры, каже Иванъ, зачынай, бо винъ тебе не визьме, а треба, щобъ ты роздражнивъ його.—Винъ якъ почавъ дражнить, а ведмидь якъ схватиться, да якъ почне давить!—Да тилькы що його живого пустывъ.—Прыходить до батька, да й росказуе все якъ було.

—Ну, каже, иды—котрый котрого пересміе, то той тому оддасть гроши.—Прийшовъ до Ивана да й каже:

—Давай, будемъ зновъ сміяться—хто кого пересміе?

---Э, — каже, — дурню, дурню! Въ мене, каже, маты старая и то тебе пересміе. — Найшовъ конячу голову, прывивъ до нейи чортыка та й каже:

—Съмійся!—Скільки не сміявся той, а не мигъ

пересміяты, — та усе у одній мири. Прышовъ до батька, та й каже:

— Його маты стара, та й то я не мигъ пересміяты.

— На жъ, — каже, — сюю булаву, которыѣ выкшей выкыне? — Прынісь чортокъ тую булаву, та якъ кынувъ, то й не выдно! А дали каже до Ивана:

— На, — каже, — кыдай! — Той узявъ у руки и насылу зъ мнисця зворухне, та й дывыться на небо, а чортъ його пытае:

— Чого ты дывышся на небо? Кыдай уже!

— Э, я, — каже, — дывлюся, на небо, тамъ на неби мій братъ, я, — каже, — дывлюся, шобъ винъ ййи вловывъ!

— Эй, — каже, — не кыдай, а то мени шкода буде. — На, — каже, — тоби дудочку! У нього така дудочка була... Той узявъ дудочку, а отдавъ булаву. Прыходыть той зновъ додому, а батько його й пытае:

— А що, — каже, — хто выще выкынувъ?

Винъ каже: „Я кынувъ, то вона заразъ же упала, а винъ хотивъ кынуть на небо до свого брата, да я не давъ, а отдавъ йому свою дудочку.“

— На жъ, — каже, — несы йому мишокъ грошей, да хай тилькы не ловыть насъ. — Той прынісь тыйи гроши та й каже:

— На гроши, да тилькы насъ не ловы.

— Якъ тебе не ловыты? Колы занесешъ до моеи дома, то тоди не буду ловыть.

Каже: „Занесу, тилькы не ловы вже.“ — Занисъ винъ йому тыйи грошы, поставывъ, а той каже: „Теперь не буду вже тебе ловыть — иды.“

Той пишовъ, а Иванъ на другый день гоныть соби товаръ пасты и бере съ собою дудку тую, шо чортокъ йому давъ. Понайидавсь товаръ и полягавъ оддыхать, а

Этнограф. матеріалы, II.

Иванъ якъ загравъ на тую дудку, такъ увесь товаръ почавъ гулять.—Винъ радується, шо товаръ такъ гуляе. Товаръ такъ повыгулювався, якъ наче усю недилю стоявъ голодный,—такъ повытрухувався. Прыгонить увечери товаръ додому, пипъ выйшовъ подывыться, чы понайдався товаръ. Каже:

—Де ты його пасъ такъ, шо винъ такый голодный, наче весь день ничего не йивъ?

—Я не знаю, чога винъ такый, я його пасъ увесь день.

На другый день зновъ бере товаръ гонить пасы. Товаръ понайдався и тилькы хотивъ лягать, а винъ зновъ давай гратъ на ту дудку.—Увечери прыгонить додому, а товаръ ше хужый, якъ бувъ першого дня. Пипъ выйшовъ, глянувъ на товаръ и ничего вже не сказавъ йому. На третій день гонить той пасты, а пипъ каже:

—Пиду подывлюсь, шо винъ йому робить, шо товаръ такый худый

Товаръ пасеться, а пипъ сивъ у терну. Тилько товаръ понайдався да хотивъ лягать, а той якъ загравъ! А товаръ давай пидскакувать, а пипъ у терну давай и соби танцювать та выгукувать: „гу, гу!“

Винъ побачывъ, якъ пипъ полизъ у терень та вмысне гравъ, гравъ и не перестававъ до самого вечора. У попа обидралась уся одежда и винъ самъ обдерся объ терень; увечери приходить додому, а його попадя побачыла да й пытае:

—Що це, каже, тоби зробылося?

—А сè,— каже,— душко, у нашего Ивана е така хороша дудка. Я засивъ його пидглядить, якъ винъ товаръ пасе, а винъ якъ заграе на ту дудку, то увесь товаръ и я гулялы до самого вечора. Отъ,— каже,— ска-

жи йому, — нехай винъ тоби заграе, то ты послухаешъ.

Увійшовъ Иванъ у хату, а пипъ каже:

— А ну, Иване, заграй но попади, нехай послухае, якъ ты граешъ. А я вылизу на гору, а ты накрывешъ мене соломъяныкомъ, щобъ я не чувъ, якъ ты гратимешъ.

Вылизъ пипъ на гору, винъ накрывъ тамъ його соломъяныкомъ. Увійшовъ Иванъ у хату, — попада дижу мисыла, — якъ загравъ! А попада якъ ухватить дижу, да й пишла зъ дижею гулять, а пипъ якъ схватиться, да вхвате соломъяныкъ да давай и соби гулять! Гулявъ, гулявъ, а дали якъ полететь зъ горы разомъ съ соломъяныкомъ:

— Нехай, — каже, — тебе чортъ возьме съ твоею дудкою! Трохы, — каже, — не вбывся!

Записаль отъ Луки Зиневича, Острожскаго у., В. Г. Кравченко.

Здѣсь сведено вмѣстѣ два мотива: *о хитромъ наймитѣ, обманувшемъ чертей* и *о чудесной дудочкѣ*. Первый мотивъ см. Рудченко, Сказки, I, № 33, 34, 36. — Kolberg. Rokucie, IV, № 19 (черть замѣненъ медвѣдемъ) и 37 (вторая половина сказки). — Чубинскій, II, № 107 (стр. 382). — Гринченко, I, № 175. — Литературную обработку этого мотива сдѣлалъ В. Н. Забилю, см. у Петрова: Очерки исторіи украинской лит. XIX ст., стр. 150: 152 — «Остапъ и чортъ».

Второй мотивъ см.: Рудченко, Сказки, II, № 34. — Малор. пред., 339, № 27. — Moszyńska, Bajki, № 33. Про попового наймыта. — Манжура, 76, Дурень та Богова дудка.

72. ЧОРТОВА МАТИРЬ.

Було два браты: одынъ багатый, а другой убогий. Такъ той убогий на багать-вечиръ понисъ вечерю до багатого. „Прынисъ я, — каже, — брате, до тебе вечерю.“

А той каже: „Понеси ййи къ чортовій матери.“ Выйшовъ винъ на двиръ, заплакавъ, пишовъ соби. Иде по надъ лугомъ, а його зострича дидъ. Винъ иде та плаче, а дидъ пыта: „Чого ты, каже,— плачешъ, чоловиче?“ — Винъ ставъ йому розказувать: „Отсе носывъ до брата вечерю, а винъ пославъ мене къ чортовій матери, та не знаю, де ййи шукаты.“ — „Йды,— каже,— отсію стежною и дійдешъ до кладкы, до кладкы дійдешъ, тамъ станешъ та свыснешъ. Гляды, выскочать, возьмутъ тебе и що даватимуть, такъ ты не беры, а просы— буде баранъ ходыть по хати— просы, шобъ барана тоби далы.“ Прыйшовъ той та свыснувъ коло кладкы. Заразъ чорты выскочылы увелы його, а чортова маты й пыта: „чого ты прыйшовъ?“ — „Я,— каже,— прынисъ вечерю.“ Вона забрала ту вечерю, а його повела до золота та сребра. „Беры, каже,— скильки ты хочешъ соби золота, сребра.“ — Винъ не схотивъ: „дайте мени,— каже,— отого барана.“ Вона дала йому барана; винъ узявъ и пишовъ додому. Прыходыть винъ додому, лигъ спать и коло себе барана поклавъ; кынувся ранкомъ и злякався—де те багатство набралося! Зразу забагативъ. Убравсь и пишовъ до церкви. Побачывъ його у церкви братъ и каже: „десь когось обигравъ, брате: забагативъ,— такъ прыбрався.“ Винъ йому ничого не сказавъ, выйшовъ зъ церкви та давай його просыть до себе у гости. Той прыйихавъ до його у гости и злякався, шо бидный такъ забагативъ. „Боже мій,— каже,— вже й мене,— каэ,— покрывъ багаствомъ!“ — Увійшовъ у хату, той садовыть його йисты,— винъ и йисты не хоче, роспытуе: „де ты взявъ, съ чого ты,— каже,— забагативъ?“ Винъ йому каже, „се мени чортова маты дала.“ Жинка багатого заразъ його поклыкала: „нумо йихать,— каже,— додому.“ — Прыйихалы;

вона заходилась — понапикала хлиба, понаварювала. „Неси, — каже, — чоловіче, й ты вечерю до нейи.“ Винъ узявъ, понисъ до нейи вечерю; зострича його баба й пытає: „куды ты, — каже, — идешъ?“ Винъ каже: „понесу до чортовой матери вечерю“. — Вона вытягла клубокъ валу, дала йому й каже: „йды жъ ты за клубкомъ; клубокъ котытыметься, то й ты за нимъ иды.“ Клубокъ прыкотывся до хаты до чортовой матери, чоловікъ прыйшовъ за нимъ и пишовъ у хату. Його чортова маты пытає: „чого ты, — каже, — прыйшовъ до мене?“ Винъ каз: я, — каз, прынисъ до васъ, бабо, вечерю.“ — „Ну, йды жъ, — каже, — я тоби за сю вечерю заплачу.“ Повела вона його до золота; набравъ винъ мишокъ, усылу пиднявъ. Прыносыть додому мишокъ золота, кынувъ съ плечей черезъ поригъ додолу, а самъ упавъ и луснувъ.

Записалъ отъ Григорія Хриistica, Чигиринскаго уѣзда, В. Г. Кравченко.
Малор. пред.. 49, № 16.

73. ЯКЪ ВАВА ЧОРТА ДУРЫЛА.

Зосталась жинка удовою и вже зостарилась; сыдыть, журыться. Преже то степивъ було багато, на йихъ люде булы не дуже голодни; такъ та жинка, горюючи, й каже: „хочъ бы самъ чортъ прыйшовъ та выоравъ мени ныву.“ — Иде той чортъ, зробывся мужыкомъ и до нейи въ хату увійшовъ, каже: „здоровъ будь, бабо!“ Каже: „здоровъ!“ — Я чувъ, шо ты клопочешся, шо нема кому степу выорать? — Каже: „клопочусь.“ — „То я тоби выору,“ — каже чортъ. Теперь той чортъ заходывсь и выоравъ ныву; пытається тейи бабы: „шо мы, — каже, —

посіємо“?—А баба каже:— „Посіємъ,—каже,—моркву,— морква добре росте, а бадылля ше бильше.“ Чортъ не знавъ, шо зъ нейи йисты, та думавъ, шо бадылля. Баба його й пытае: „якъ же мы будемо дилыться?“ — „Дилыться, каже чортъ, будемо такъ: те, шо зверху, те мени, а тоби—кориння.“— Баба тилькы усмихнулась, дума соби: добре!— Отъ, насіялы, вродыла морква. Чортъ забравъ бадылля на въязку й прыносе додому. Ти, його чорты-товарыши, й кажуть:— „Каже, шо винъ розумный. Де въ биса! Його й баба обманыла. Було бъ тоби те братъ, шо въ земли а йий те, шо зверху.“— Винъ каже: „отъ якъ пиду на другый годъ, то я ййи обманю.“— На другый рикъ выоравъ ййи ныву; прыходе до бабы й пыта: „шо посіємо?“ — „Макъ,“ каже баба.— Посіялы. Чортъ старається та полывае. Ти лопуцькы растутъ велыки, а макивки ше бильши. Устарився макъ; баба пыта: „якъ мы будемъ дилыться?“ А чортъ и каже: „мени те, шо въ земли, а тоби—шо зъ верху.“ Та баба макивки позризувала, а чортъ бадылля зъязавъ и понисъ додому.— Ти чорты впъять страмлять його. Винъ тоди съ пересердя каже: „пиду сякойи-такойи виры бабу вбъю.“ — Прыходе винъ до тойи бабы, а вона й пыта: „чого ты прыйшовъ?“ — „Я тебе, бабо, вбыть хочю“. Та баба йому й каже: „Э, ты, чортъ бисовойи виры, здоровый, ище й справди вбъешъ мене, а треба быться по правылахъ.“

—Якъ,—пыта чортъ,—по правылахъ?

— „Визьмы верхови выла, а я визьму качалку, та пидемъ у хливъ быться“ (вона зновъ його обманыла).— Увійшлы воны у хливъ быться, той чортъ зачепывся за бантыну рижкамы, бо выла булы довги, а баба, де влуче чорта, тамъ и бъе. Той чортъ просе: „бабо, голубочко, нà тоби верхови выла, а мени дай качалку та ходимъ на двиръ быться.“ — Оддавъ чортъ баби выла, а самъ узявъ

у бабы качалку и пишли на двиръ бытсья. Чортъ ма-
ха качалкою кругомъ себе, а баба його выламы штурха.
Чортъ баче, шо беда, та хода!—Прыбига додому, а
зъ його сміються и зъ дому прогонють, шо два разы
баба обманула а на третій ше й побыла. Той чортъ
тоди й пишовъ. Ходывъ, ходывъ голодный днивъ зѣ
тры; зайшовъ на степъ. а мужыкъ пенькы корчуе. Чортъ
зробывся чоловикомъ и каже: „здоровъ, чоловиче! Чы
дасы мени хочъ повечерять, якъ я тоби поможу пень-
кывъ корчувать?“ „Дамъ,“ -- каже. Чортъ такъ корчуе, шо
геть уси пенькы повырываваъ до вечора. Прыйизджае
мужыкъ зъ чортомъ (не зна мужыкъ, шо то чортъ) вы-
пригъ коня; пишовъ зъ нымъ у хату; жинка насыпала
тамъ борщу, риже хлибъ. Диты кажуть: „и я йисты
хочу, и я йисты хочу!“ — А той чоловикъ и каже: „Чор-
та ззижте!“ — Той чортъ съ хаты! (И пообидавъ якъразъ!)
Огъ Василя Коробки, изъ с. Ивковецъ Чигиричскаго уѣзда., записаль В. Г.
Кравченко.

Рудченко, Сказки, I, № 29.—Mozzyńska, Bajki, № 21. Про бабу,
якъ чорта одурыла и побыла.

См. № 17. Съ чого на свити табаекъ.

См. № 18. Съ чого осотъ росте въ хлибови.

---

74. ДОМОВЫЕЪ НА ИНШЕ МИСЦЕ ПЕРЕГАНЯЕ.

Боже, якъ мы колысь жылы! Не жыты намъ, не
кохатысь у роскошахъ намъ такъ изнову! Що мы того

меду пойилы! Було, батько якъ заморить колодокъ тры або й билшъ, якъ надбають його, - такъ и йисты вже не хочеться. Гарно мы жылы: якъ оцей Головатенько, то проты насъ и не стойть, якъ мы тоди жылы. Дви корови було, худобы скилкы! А дали все такъ и злетило одразу. Виль издохъ, корова одна здохла... Бьемся такъ, що й ночине доспышъ и не дойисы, а нема добра. Дали й другу корову довелось продаваты. Якъ продалы батько ту лысу корову, —щѳ мы поплакалы за нею зъ Явдохою — все ходымо та плачемо, а воны лають насъ. И самы не знаемо, чога воно таке нещастя. И хто його зна, шо воно й булѳбъ, та показано намъ у другу слободу перейты, —то тутъ уже пиднялыся трѳхы.

— Хто жъ вамъ показавъ?

— Та хто... Разъ батько ляглы спаты бия викна на лави... А воно такъ середъ ночи шѳсь пидйшло до викна та якъ крыкне:

- Выйды!

Батько такъ и схопылся. Хрыстються... Шо воно? Ну, думалы, може прыснылося. Кѳлы на другу ничъ изнову пидъ викномъ:

-- Выйды!

И такъ шо-ночи...

Шо воно? Мы вже бойимось. Якъ прыйде ничъ та треба лягаты, —то ажъ трусымосъ. А люде й нараялы матери:

— Пиды та й пиды до Яремыхы, —уже жъ вона зна, то скаже!

Пишлы маты до Яремыхы... Уже жъ знахарка така... Дакъ вона каже:

— То васъ домовыкъ на инше мисто перегоне. Переходьте, то будете маты щастя.

Маты батькови... Батько кажуть, шо выгадки. Ну, ажъ воно свого не покида и намъ жыты де-дали гирше. Тоди вже й батько... Перейшлы сюды на хуторы,—пишло все добре... Теперь пиднялыся хочъ небагато...

Записано въ Харьковской губ. Сб. Харьк. Ист.—Ф. 0—ва, V, 35.

Различные рассказы о домовыхъ: Чубинскій, I, 192.—Манжура, 129, Домовый.—Маркевичъ, 77—78.—*Манжура*, Малорусскія сказки etc. въ «Сборникъ Х. И. Ф. 0.» VI, 185, Домовый.—Ястребовъ, 77—78. Зоря, 1883, № 7, 114—115: *Лепкій Д.* Хованецъ або богъ-домовыкъ. Харьк. Сборн., III, 38, 59—60; VI, 437—448; VII, 447—448. VIII, 83, 296—297; 302; IX, 395, 316.—Житъе и слово, томъ IV, 185, № 25, «Про хованцивъ»—II. *Ивановъ*, «Народные рассказы о домовыхъ, лѣшихъ и русалкахъ» въ «Сборникъ Харьк. Ист. ф. Общества». V, 24—53. Часть записей въ этой статьѣ приведена будто-бы по малорусски; однако записи настолько плохи, что скорѣе могутъ назваться вольнымъ пересказомъ, а въ иныхъ случаяхъ (см. напр. начало стр. 46) это, кажется, переводъ съ русскаго на малорусскій. Должно полагать, что записи сдѣланы были первоначально по русски, а потомъ человекъ, совсѣмъ незнакомый съ языкомъ, захотѣлъ перевести ихъ обратно на малорусскій языкъ. Вообще записи, добытыя г—номъ П. Ивановымъ и помѣщаемыя имъ въ различныхъ изданіяхъ, мало удовлетворительны.)

75. ХЛОПЕЦЪ ПОВРАТЫМЪ СМЕРТИ.

Одынъ хлопецъ остався въ батька сыротою. Батько у бродягы пишовъ, а винъ соби ходыть, хлиба просыть.—„Пиду у базарь, попросю, шобъ хто найнявъ мене.“ Наймае його чоловикъ и пытае: „шо жъ ты вѣзьмешъ на рикъ?“—„Я ничего не хочу брать, тилькы одынъ обидъ у рикъ мени хороший постановыте.“—А жинка, хазяйка того чоловика, дывыться, шо винъ соби гарный хлопецъ, и каже своему чоловикови: „набавымо

йому п'ять рубливъ у годъ, бо на його буде дуже обидно “ А той хлопець и каже: „я одъ васъ бильше ничего не хочу.“—Выбувъ винъ у того хазяйина годъ; наварылы йому обидъ, хороший обидъ поставылы. Иде хлопець съ тымъ обидомъ, а напроты його иде смерть та й каже: „хлопче, шо ты несешъ?“—А винъ каже йй:— обидъ. Такъ вона каже: „давай, хлопче, пообидаемъ удвохъ.“ - Давайте, каже, пообидаемъ удвохъ—мени наравыться удвохъ съ тобою обидать.—И каже винъ, якъ пообидавъ: „Господы, Господы, де я буду жыть, шо въ мене нема ни хаты, ничего?“—А смерть каже: „будемъ удвохъ жыть.“ Выкопалы воны соби удвохъ пидъ горою землянку. Смерть каже: „треба тебе, хлопче, призвесты, шобъ ты ликаремъ бувъ.“ Пишлы воны у мисто, де лежать хвори, и сказала йому смерть: „якъ я стоятому пидъ стиною, воны мене не бачытымуть; махну краснымъ, то воны не бачытымуть, а той, хто слабый, жывый буде; махну чорнымъ—умре. Будешъ угадувать, и за те тоби гроши даватымуть.“ Одного винъ признавъ, шо той черезъ пивъ годыны помре. А хворый и каже: „дамъ п'ятсотъ рубливъ, а докажу, шо не вмру, бо чую, шо я здоровый.“ Той черезъ яку хвылыну вмерь, а сырота узявъ п'ятсотъ рубливъ та й пишовъ соби, бо гроши булы за руки дани. И такъ винъ соби заробля й по сей часъ, бо вдвохъ соби жывуть увъ одній землянци съ смертю.

Записалъ отъ Паламаренка изъ Черкаскаго уѣзда В. Г. Кравченко.

Различные рассказы о врачѣ и смерти (иногда съ замѣной смерти чертомъ) см.: *Ивановъ*, Изъ области м. н. легендъ, Этногр. Обзор., 1890, № 4.—Чубинскій, II, 355, № 93.—См. еще «Совр. малор. этногр.» Сумцова (Кіев, Стар., 1892, VIII, 147—148).—Житѣ и слово, томъ III,

219, № 31, Смерть кумою.—Рудченко, Сказки, I, № 31—32.—Mcszyńska, *Rajki i zagadki*, № 22, Якъ баба чорта голыла.—*Огіевскій*. Легенда. Черниг. губ. Вѣдомости. 1852, № 52, часть неофициальная, стр. 570 (смерть кумою),—Шейковскій, Быть подолянъ, II, Смерть за куму (66—68). Литературную обработку темы см. у Осташевского: *Pi w kory kazok*, Wilno, 1850, Мартынь знахарь (116—124) и у Стороженка: Укр. оповидання, Спб., 1863, I, «Жонатый чортъ».—О лубочномъ рисункѣ на эту тему см. въ Киевской Старинѣ 1890, XII, 506—507.

У.

Разказы о мертвецахъ.

---

76. ГРИХЪ ДОВГО ПЛАКАТЫ ПО МЕРТВОМУ.

Грихъ довго плакаты за мертвымъ. У однійи жинкы вмеръ сынъ, а вона все плаче за йимъ, все плаче. Такъ винъ разъ уночи прыйшовъ та й каже:

— Доки вы, мамо, ще мене будете мучыты? Вы тутъ плачете, а мени тамъ черезъ це спокою немає. Гляньте, скільки вже вы слизъ наплакалы. Оце жъ мени треба йихъ збираты та за собою носыты.

Вона глянула, ажъ винъ повнисиньке видро слизъ держыть. Такъ вона каже:

— Не буду вже, сынку, плакаты.

Та вже й не плакала, и винъ уже до нейи не прыходывъ.

Записала М. Н. Гринченко въ Харьковской губ.

Чубинскій, II, 416—417. № 122.—Малор. пред. и разск., 391—393.—Кулишъ, Записки о Южной Руси, II, 43, 0 томъ, какъ мать видѣла мертвеца сына.

---

77. ЯКЪ МЕРТВЯКЫ ПО ЦЕРКВИ ВНОЧИ ХОДЯТЬ.

Росказувала мени одна жинка, що мертвякы по церкви вночи ходять. Умерло въ нейи трое дивчатъ. Захотилося ййй дизнаться, чы правда, що мертвякы по церкви уночи ходять. „Отъ узяла я, каже, пивня пидъ свыту та й пишла у церкву. Прыхожу, каже, въ церкву, стала въ кутку, батюшка и очеркнувъ перомъ. Довго я стояла, дывлюсь, — иде одна дочка и покривецъ за собою волоче и не глянула, каже, на мене. Дали друга: ця якъ глянула, такъ ажъ морозъ по-за спыною пишовъ, мовъ бы ззисты хотила. Отъ трохи згодомъ иде третя та просто до мене такъ и сикається, такъ зубы й выскыря та простяга руки зъ довгымы острымы кихтямы. Я съ переляку трохи й пивня була не впустила, прыдавила його, а винъ якъ закрычавъ, такъ я й упала.“ — На другый день и та жинка вмерла.

Отъ дивчины Марты Лихобабы записаль въ Змievскожъ уѣздѣ Харьковск. губ. И. И. Зозуля.

---

78. СТОЛЯРЪ-МРЕЦЬ.

Мойи тато вмерлы заразъ писля Водохрещивъ, а того-жъ такы року на Середохрестя и мама вмерлы; а мени тоди було не багато — литъ мо зъ трынадцять, чотырнадцять, то я все було выходжу на двиръ увечери, уночи — хочу йихъ побачыть, бо чувъ, шо люде кажутъ, шо мерци ходють; але скільки я не ходывъ, скільки не прыдывлявся, скільки не прыслухався — ничего, тихо, такъ тихо, шо мо й муха,

якъ то кажутъ, не пролетила й мыша не пробигла. Не побачивъ я ни тата ни мамы,—не прыйшлы.

А отъ уже такъ мо литъ зъ двадцать тому буде, себъ то черезъ пъять литъ, якъ тато зъ мамою вмерлы, бо вмерлы воны литъ тому буде двадцать пъять, то у насъ була страшна холера, — люде якъ мухы мерлы. Тутъ такы надъ шляхомъ, де оце я хожу зъ нового миста до себе додому, е ярочокъ, и тутъ у ярочку стойить брама, тамъ жылы чоловикъ изъ жинкою и малы воны двое дитей, хлопчыка та дивчынку, и стару маму малы соби. Прыйшовъ чоловикъ изъ жинкою зъ церкви додому, послалы хлопчыка до коршмы по горилку, выпылы, а ввечери обое й повмиралы.—А цей самый госпóдаръ та скусный столяръ бувъ, такъ йому нашъ староста та давъ пылку направыть. Ну, а якъ умеръ той чоловикъ, то й пылку старости никому було выправлять. Мынувъ рикъ, староста й забувъ про ту пылку. Вертався винъ якосъ увечери додому, йде мымо тыхъ ворить, дывыться—шось стойить на воротахъ, знайома постать. Староста пыта: „а це хто“? Той мовчыть. Тилькы староста пишовъ, а той крычыть, у слидъ за нимъ:—„Дмытре, визьмы свою пылку“!—Той хóда, бо баче, шо то той столяръ, шо винъ йому давъ направлять пылку. А той одно не остається, бижыть, крычыть: „Дмытре, Дмытре-бо, визьмы свою пылку“! А той якъ повернувся, та навикгли палкою якъ махне, та якъ крыкне: „та, одчепысь, сатано“!

Такъ воно десь якъ туманъ розийшлось.

А то робылы мы въ Ракивци, муръ становылы у скарбу; я то й не якъ робывъ—воду тилькы й возывъ, а робывъ мий дядько, муляръ бувъ файный. Бувало, якъ пидемо у Ракивецъ, то робымо цилый тыждень и до-

дому не заглядаемо. А то вже у суботу заберемъ гроши та й вертаємось додому. Прыйшли мы зъ дядькомъ до Вышневця, а мени шось тра було взятъ въ дядька, той и каже: „ходимъ до мене, переночуемъ, а тоди раненько пидешъ соби додому.“ А одъ дядька хочъ и далеченько було до моеи хаты, а ще до того у мене курочка була на очахъ, та я не остався ночувать, бо жинка тоди ходыла „на дняхъ,“ а я тыждень ййи не бачывъ, хотилось довидатись, бо дома вона одна. Давъ мени дядько ципка доброго, иду, штурхаю тымъ ципкомъ, шукаю дороги. Чую,—дойшовъ у той самый ярочокъ, а не бачу ничего, темно въ очахъ, а воно шось якъ засміється та залопотыть у долони передъ мойимъ лыцемъ, а дали якъ трисне мене то въ одну щоку, то въ другу! А я такъ и полетивъ у болото головою! А воно все лопотыть у долони та сміється!... Полежавъ я, а дали—протыраю очи одъ грязи и ставъ знову бачыть,—такъ выдно мени стало, наче не було въ мене курочки. Прыйшовъ додому, жинка засвтыла, та якъ глянула, то ажъ злякалась, шо я въ болоти весь.

Записалъ В. Г. Кравченко.

79. МЕРТВЫЙ ЧЛОВИКЪ ХОДЕ ДО ЖИНКЫ.

У въ однійи жинкы умеръ чоловикъ та й ставъ до нейи ходыты. Ну вона то мовчала, а то вже й стала хвалыться людымъ:

— Шо мени робыты? Ходе чоловикъ до мене.

Такъ люде ййи и нараялы. Визьмы, кажуть, гребинець, симъя и пивня. Сядь на порози, пивня сховай, а

сама чешы косу и симъя йижъ. А якъ винъ прыйде та спытае, шо ты робышь?—ты скажы: косу чешу. Тоди винъ спыта: а шо ты йисы? А ты кажы: воши. А тоди прыдавы пивня, шобъ кукурикнувъ. То не ходытыме.

Ну, вона такъ зробыла. Взяла пивня, набрала симня, сила на порози й чеше косу. Отъ винъ прыходыть опивночи и заразы пытае:

— Шо ты робышь?

-- Косу чешу.

— А шо йисы?

— Воши.

Та прыдавыла пивня, а той: кукурику! Такъ той чоловикъ и впавъ нежывый. Такъ його поховалы и вже билшъ винъ до нейи не ходывъ.

Записала М. Н. Гринченко въ Харьковской губ,

80. УПЫРЬ ПЪЕ КРОВЬ СЪ ХАТЫ.

Одынъ чоловикъ умеръ та й ставъ упыремъ. А упыри кровь зъ людей пьють. Такъ винъ прыйде до своейи хаты опивночи, якъ уже вси сплять, стане бия хаты, бия кутка, а кровь съ кутка й лыне, такъ винъ пье, ажъ помы напъеться. А ти вси: и жинка, й диты, й невесткы— сплять и не чують. Тилкы таки воны жовти сталы и ходыты вже не здужають. А одынъ чоловикъ. такый бувъ, шо знавъ. Такъ винъ сказавъ, шо то упырь йихъ муче. И винъ знавъ, шо робыты. Такъ тоди пишлы до тийи могылы, де той чоловикъ бувъ похованый, одкопалы, ажъ винъ лежыть червоный-червоный, ажъ сынйй. Такъ напывся кровы. И мъякый, не захоловъ. Такъ його повернулы ныць та й забылы въ

потылицю килокъ осыковий, а кровъ такъ и чвыркнула вгору та високо-высоко. Такъ уже билшъ винъ и не ходывъ, и ти люде поодужувалы.

Записала М. Н. Гринченко въ Харьковской г.

Въ книгѣ Ястребова (Матер. по этн. Нов. края) есть разсказъ объ упырѣ, который пьетъ кровъ, добывая ее ножемъ изъ угловъ хатъ, «послѣ чего на утро многіе оказываются зарѣзанными.» (стр. 75—76).

81. УПЫРЯКА И ГАНЧАРЬ.

Йихавъ ганчарь зъ горшкамы зъ ярмарку, а така завирюха бѣе, шо вже дали й йихаты не можна, зъ дороги збывся и зйихавъ ажъ на кладовыще, выпригъ тамъ коня, положывъ йому сина и самъ сивъ вечеряты та й каже: „иды до мене, Господы, вечеряты!“ Ажъ це вылазе чоловикъ съ пидъ воза й каже: „ось я иду.“ — Той хочъ и злякався, такъ де жъ йому дитысь? „Якъ идешъ,—каже,—чоловиче, то сидай, будемо вечерять.“ По-вечерялы, а упыряка й каже: „ты жъ гляды, не хрестыся: ходимъ,—каже,—въ двиръ на хutory; ось,—каже,—недалеко хутирь.“

— „Та якъ же, мени йты, колы въ мене й скотынка, й горшкы? якъ його кыдаты?“

— Та, — каже, —ничого зъ нымы не зробыться, ходимъ. Пишлы, доходятъ до одного двѣру; упырь каже: „Ахъ, тутъ, с... с..., наймытъ Богу молыться.“ Пидходятъ до друго-го. — „Тутъ, каже, проклята невестка викна похрестыла, тежъ не можна; ходимъ,—каже,—до третього.“ — Пры-ходятъ до дверей, упыряка штовхнувъ ногою, двери видчынылыся, а воны й увійшылы у хату. Чысто вси сплять доли; упыряка заходывся,—чысто всихъ за головы переглядывъ. Невистка спыть зъ дытыною коло

прыпичка; винъ узявъ, походывъ коло нейи и знявъ черепокъ изъ головы; тоди прытульвъ той черепокъ и набигъ той черепокъ повенъ кровы. Винъ выпывъ ту кровъ, а дали ще одынъ выпывъ; наточывъ третього та й дае тому ганчареви: „на,—говоре,—пый и ты!“—А той каже; „я не хочу пыты; якъ такы можна хрыстыянську кровъ пыты?“ (та все ходе по ногахъ, хоче збудыть, дакъ сплять дуже). „Пый, я тоби кажу, а то заллю!“ Та за груды його!—Тутъ пивни заспивалы, упыряка хто його зна де дився, а ганчарь самъ остався у хати. Порушалыся вси; невестка ворущыться, а не встане; ну, тутъ уси до ганчаря: „це ты! Ахъ, ты сякый-такый, це ты наробывъ!“—Ни, це,—каже,—не я, а зо мною бувъ хтось.—Та й розказавъ усе геть, якъ було. Довго йому не вирылы, а тоди повелы його у волость, взялы урядныка, старосту; зибралыся й пишылы на кладовыще. Роздывылыся, а тамъ нема нѣякого знаку; такъ той чоловикъ показавъ, де упырь лежавъ пидъ возомъ. Почалы копать,—до його, ажъ винъ лежыть ныць; вони впгъять закрылы и забылы йому осыковый киллокъ; та якъ забывалы, то кровъ выйшла ажъ на верхъ ямы.

Кобелякскаго уѣзда с. Решетиловка. Записалъ В. Г. Кравченко.

Плохой вариантъ см. у Иванова въ Сборникѣ Харьк. Ист. Фил. Об., III, 224, тамъ же (227—228) пересказъ другого варианта. Мотивъ объ угощеніи кровью см. у Ястребова, стр. 74—76.

82. УПЫРЬ И ЧЛОВИКЪ НА КЛАДОВЫЩИ.

Ишовъ мужыкъ зъ заробиткивъ, дойшовъ до кладовыща и лигъ спать; дывыться,—шось одчынився гробъ и пиднимається звидты хтось старый и пишовъ. А той все дывыться на нього, дывыться, а той пишовъ у село, бо село було недалеко. А той мужыкъ, шо лежавъ съ косою, пишовъ до тѣи могылы, одкрывъ труну и за-

бравъ усе те, чымъ труна була оббыта; прыйшовъ на свое мисто, положывъ те все пидъ головы, а косу взявъ у руки та й дожыдае. Мрець прыходе, баче, шо нема вже ничего у труни въ його; побачывъ, шо хтось лежить коло кладовыща, пидійшовъ до його й говорыть:

— „На шо ты мое забравъ? Оддай, говорыть, бо задавлю!“ — А той: „ни,—говорыть,—не оддамъ; а признайся, де ты бувъ?“ Той не признається та до мужыка, шо лежавъ съ косою. А той мужыкъ мерця косою и поризавъ його дуже. — Признайся,—говорыть,—де ты бувъ, бо все одно не оддамъ твоего. — Той не признавався; тоди признавався: „ходывъ у село и вмертывъ парубка одного и дивку.“

— Якъ скажешъ, чымъ ихъ можна оживыть, то заверну все твое. — Такъ той говорыть: „Пиды въ село и якъ довидаешся, де ти померлы, звельшь нагрить два казаны воды, горячою водою лынуть на ихъ, то вони оживутъ. Оддавъ той усе мерцеви, а самъ пишовъ у село и найшовъ, де ти вмерлы, и сказавъ нагрить два казаны горячою водою, то оживутъ. Уже якъ ожили, то люде пытають: якъ винъ мигъ оживыть? Тоди той розказавъ, якъ було дило. Ну, люде не повирылы. Тоди винъ повивъ ихъ до того гроба, одкопалы и люде побачылы, шо все тило мертвякове було поколоте та поризане косою. Мертвякъ уже не ходывъ билше по селу, бо сказавъ тому мужыкови, шо бувъ съ косою, шо не буде билшь ходыть.

Записаль В. Г. Кравченко.

Мотивъ о чловѣкѣ, подстергшемъ упыря, когда тотъ выходилъ изъ могилы, и заставившемъ мертвеца указать средство для исправленія причиннаго послѣднимъ вреда, разработанъ въ слѣдующихъ сказкахъ: Чубинскій, I, 417—420, № 123;—Гринченко, I, № 86;—Сборн. Харьк. Ист. Ф. Об., III, 222—224, 226—227 (въ статьѣ Иванова);—Харьк. Сборникъ, IX, 248, № 21;—Этнограф. збирникъ, I, 5—8, № 2.

88. МОСКАЛЬ-УПЫРЬ.

Пишовъ чоловикъ у салдаты, выслуживъ винъ свою службу, а на послидньому году умеръ. Прыпысалы до дому пысьмо, шо отъ такой умеръ. Колы въ осены, якъ отпускають москаливъ додому, прыйшовъ и винъ. Жывъ винъ зъ годъ, чы тамъ зъ пивтора, съ своею жинкою и никола не ходывъ никуды ни на весилля, ни на хрестыны, ни на похоронъ, никуды не ходывъ винъ. Умеръ сусидъ, а жинка й каже до його: „никуды не ходышь, пишовъ-бы хочъ Богу помолывся до сусида.“ Винъ зразу не хотивъ, а потимъ одився й пишовъ. Прыйшовъ туды. Тилькы переступывъ черезъ поригъ — люде Богу моляться, а винъ загыржавъ по кишськи, и той мертвякъ загыржавъ до його.

Прыходять той додому, а жинка й почала спорыть зъ нымъ: „люде Богу моляться, а ты такого смиху наробывъ и людей налякавъ!“ — А чоловикъ йй одкававъ: „э, тямышь ты!“ Дали вона почала його по добросты просыть: „шо-жъ то, — каже, — буде, шо ты до його загыржавъ и винъ до тебе обизвась?“ — „То, — каже, — буде упырь. Винъ, — каже, — буде ходыть повсида.“ — „А чы жъ не можна тому шо порадыты, шобъ винъ не ходывъ?“ — Каже: „можно тому порадыты, тилькы хто його буде знать, шо йому треба робыты? Тому, — каже, — можна порадыты, ще й легко, — каже, — тилькы треба тее знаты.“ — Жинка до його каже: „А шо-жъ треба тому робыть?“ — „Взять тую обротъ, котора ходе симъ литъ на сывйй кобыли, — каже, — його буде выдно, якъ винъ буде йты, його всякъ побаче; винъ, — каже, — пиде, не сховаеться: стать на порози, якъ винъ буде йты у хату, накынуть на його обротъ и сказать йому — „тпру!“ и винъ стане, и бильшъ не пйде никуды.“

Молодыця, якъ выпытала все те, то пійшла на другый день, найшла тую обротъ. А выпытувала вона усе те умысне, шобъ чоловика свого піймать. Увечери стала вона на дверяхъ, и якъ ставъ винъ иты въ хату, вона накынула на його обротъ и сказала йому: „тпру!“ Такъ винъ заразъ и розлився смолою и сказавъ: „маешъ ты щастя, шо ты догадалась, а то вже довго ты бъ не жыла, а теперь будешъ жыть!“

И то черезъ те винъ такъ сказавъ, бо винъ самъ не мигъ уже довго жыты, бо бувъ мертвый и узявъ бы й ййи съ собою, бо вже упырь и самъ чувъ, шо вже не довго йому жыты.

Отъ Зивевича, Острожскаго уѣзда изъ с. Курозвонъ, записаль В. Г. Кравченко.

---

84. БАТЬКО-УПЫРЬ.

Бувъ соби чоловикъ, а въ його два сыны; одного у службу виддавъ, а зъ другимъ вику доживавъ. Якъ умиравъ батько, то сказавъ сынови, шобъ цилый рикъ шо-ночи страва була, то винъ прыхдытыме йисты,—шобъ було порося жарене и кварта горилкы. А сынъ його узявъ та й подавъ пысьмо менчому братови на службу, шо батько вмеръ, и шобъ той прыйшовъ у гостя додому. Одпросывся москаль додому, прыйихавъ, а братъ його на вессилли гулявъ у тестя. Прыйихавъ увечери, дывыться,—на столи стойить поросятына, горилка. Такъ винъ походывъ, походывъ по хати,—немайить никого,—та взявъ, наливъ соби чарку горилкы и повечерявъ. Годыни у дванадцятій прыходыть його батько, а москаль уже помолывсь Богу, похрестывъ викна и лигъ спать; такъ батько, якъ прыйшовъ, наробывъ на двори крыку: „на шо ты мою вечерю пойивъ?“—Почавъ сту-

коть, лаять сына и добываться у двери: „одчны, — каже, — бо, однаково, пропадешъ, — иззимъ тебе, якъ ты мою вечерю пойивъ!“ — Москаль злякався, схопився, ставъ молыться Богу, а батько крычавъ, крычавъ: „одчны!“ — той не одчыня, то винъ давай двери грызты. Прогрызъ синешни двери, давай хатни грызты; а хатни прогрызъ та втаскавъ голову; тики втаскавъ голову, — тутъ пивни почалы спивать; а сынъ ухватывъ шаблю и зрубавъ батькови голову, тоди взявъ и поставывъ його у синяхъ за дымарь, а самъ лигъ спать. Стало розвыднаться, а його братъ одъ тестя й посылае свою жинку додому: „бижы, — каже, — хочъ на столи попрыбирай писля батька.“ Прийшла вона, увійшла у двирь, баче: синешни двери прогрызени; зазырнула у викно, а москаль лежить на пидлози, ну, вона й злякалась, бо думала, шо то батько; узяла й утекла звидты назадъ и почала казати своему чоловикови, шо батько лежить на пидлози. Чоловикъ почавъ ййи лаять: „дурна, — каже, — де винъ узявся у сього та въ тóго?“ Не вирыть ййи та самъ пишовъ подывыться. Приходыть, — ажъ такъ: двери прогрызени, заглянувъ у викно, побачывъ, злякався та давай тикать! Москаль схопився, выбигъ на двирь и крычыть: „постій, брате, не тикай, се я!“ Той пизнавъ брата, вернувся. Поздоровкалысь, а москаль и каже: „уже, — каже, — брате, я батька упіймавъ.“ — Де жъ винъ? — „Онъ, каже, за дымаремъ стойить.“ Дали москаль почавъ труну робыть; зробывъ труну, положывъ туды батька и набывъ тры зализныхъ обручи. Такъ якъ удванадцатій годыни ночи положывъ батька на воза и повизъ у лисъ ховать и прыготовывъ соби квартиру горилкы, булку и пройхавъ винъ зъ одну верству, а обручъ и лопнувъ на довмыни; пройхавъ другу — другой лопнувъ; недалеко уже дойизджать йому до ямы, — и третій лопнувъ! Третій якъ лопнувъ, батько схо-

пывся й каже: „отеперь я тебе ззимь!“ — Москаль давай тикать одъ його, баче, — стойить хатка надъ шляхомъ, винъ у ту хатку, а батько за нымъ! Съ хаткы чоловикъ схопывся зъ його батькомъ за груди и не пускайить його черезъ поригъ у хату. Такъ вони водылысь тамъ удвохъ ажъ помы стали пивни спивать, (а сынъ у хати, на печи). Заспивалы пивни, вони попадалы той по той бикъ порога лежыть, а той по той бикъ: чоловикъ у хати, а батько въ синяхъ и обое мертви. Москаль досыдивъ соби до ранку, а вже ранкомъ роздывывся, — ажъ пидъ дубомъ то не хатка була, а яма выкопана, и той чоловикъ бувъ такожъ мрець. Москаль положывъ свого батька у труну и повизъ його у яму, шо выкопавъ; укынувъ його у ту яму, загорнувъ; и була въ його батька осыкова чепига, девъять литъ не була вона въ работи; винъ узявъ и затесавъ зъ нейи килокъ и прыстромывъ у голову батька у ями. Одъ тоди батько вже не ходывъ.

Записалъ отъ Григорія Христича, Чигиринскаго уѣзда, В. Г. Кравченко.

Слѣдующій № «Про салдата и мертвого чоловика» представляеть вариацию этого; см. еще въ отдѣлѣ VI, № 88 Москаль, дви сестри видмы та батько видмакъ (вторая воловина сказки). Кромя того: *Ивановъ*, Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ, VII. Этногр. Обзор. XXI. 89—91; *Маяжура*, 130—131, Упырь, Лупыряка (упырь хочеть умертвить съѣвшихъ его вечерю, поставленную ему родными).

85. ПРО САЛДАТА И МЕРТВОГО ЧОЛОВИКА.

Мавъ соби мужыкъ два сыны и якъ помиравъ, то сказавъ: „якъ я вмру, то не хоронить самы, а хай хто другой; хочъ сто рубливъ заплатитъ другому, а сами не ховайте.“

Якъ померъ батько, то одынъ братъ пишовъ шукаты, шобъ хто захоронывъ батька. Йиде салдатъ, пишни спива. — „Шо, салдате, може ты мого батька захо-

ронышгъ?“ — „А што-жъ ты, — говорыть, — дасы мени?“ — „Шо ты схочъ, те я дамъ.“ — „Та дай хочъ рублей съ пъятдесять.“ — Иды, я тоби й сто не пожалую. — „За сто я васъ усихъ перевозю“.

Салдатъ сивъ на труну, пидйиздыть до шынку; выпывъ салдатъ бильше, сивъ на труну, писни ройить. Пройихавъ винъ верстовъ съпъятнадцять и замича салдатъ, шо кони уже важко йдутъ. Ледьви салдатъ добывся до трьохъ дубивъ, скинувъ сина, пидложывъ конямъ йисты, а самъ вылизъ на дуба. Почавъ дывыться салдатъ, ажъ труна розскрывается и мертвякъ вылазыть съ труны й пытае: — „Де той, шо мене визъ?“ — „Отъ на дубови,“ — одвича салдатъ. — „Элизъ, а то дуба буду грызты.“ — „Грызы — чортъ съ тобою, колы зубы маешъ велики.“ — Перегрызъ мертвякъ дуба й пытае: „Де той, шо мене визъ?“

— Ось, на дубови. (А винъ якъ перегрызеный дубъ падавъ, перелизъ на другой). Почавъ той и другого грызты; а якъ третього до половины догрызъ, то пивни заспивалы и мертвецъ упавъ нежывый. Тоди москаль злазе зъ дуба, знима люшню й каже: „Тепереча я тоби нагрызу!“ — Почавъ його люшнею быты; побывъ йому зубы, а дали взявъ и положывъ мертвого впяты у труну; синъ на труну й поганя кони. Прыйихавъ у село, — колы коваль. И пыта його салдатъ: „Што возьмешъ, шо ты вирванты накладешъ на цього с....ого сына, толькы съ харошого зализа?“ — „Та дай, — говорыть, — три рубли, я тоби добри накладу.“ — Салдатъ заплатывъ три рубли и подякувавъ ковалеви, сида на труну й говорыть: „Ну, теперь благополушно я должно дойиду.“

Прыйихавъ винъ до попа такъ шо у пъятому часу и говорыть батющи: „хороны, а то тоби буде лыхо й мени!“ — „Шо-жъ я-бъ радый, ну, дяка нема, — хай буде до завтрыго.“ — „Та винъ-же ни тоби, ни мени не дасть

покою.“ — „Э, то ничего: въ мене есть така книга, шо я заклыну.“

Увійшовъ салдаты у хату, а тамъ дванадцять комнаты, а въ одной комнаты дванадцять печей; коло каждой печи дровъ наносено. Салдаты одличывъ одинадцять печей, а въ дванадцятую самъ зализъ и дровамы заложывсь. Почавъ батюшка закlynать, дывыться— вирвантъ лопнувъ; винъ ше йому лучче закlynать. Такъ винъ закlynавъ, помы лопнувъ третій вирвантъ, а дали погасывъ свитло, а самъ пидъ одіяло.

Мертвецъ выбывъ викно и влзаты у хату, пытае: „Де той, шо мене визъ?“ А салдаты мовчыть. Теперъ подывывсь пидъ одіяло:— „Се, - каже, — не той, шо мене визъ.“ — И почавъ зновъ шукать. Полизъ по печахъ, у дванадцятій печи одкыдавъ дрѡва, найшовъ салдаты и тягне за ногу. — „Закlynай лучче!“ — крычыть салдаты. — Помы винъ його вытягъ, пивни заспывалы. Мертвецъ упавъ и упъять лежавъ неживый. Салдаты устаетъ и говорыть: „Теперъ же я тебе наклenu!“ — Бере оцупокъ и давай закlynать!..

Салдаты сказавъ батюшцы: „Што хоты дѡлай, а я не хочу возыться.“

Прыйихавъ салдаты и взявъ и ты пъятдесять рубливъ.

Записалъ отъ солдаты Ткача, Чигиринскаго уѡзда, В. Г. Кравченко.

См. № 88 Москаль, дви сестры видьмы та батько видьмакъ.

Объ упыряхъ и хожденіи мертвецѡвъ см. въ слѡдующихъ книгахъ и статьяхъ:

Булаковскій. Пинчуки, 1890 г, стр. 189—190.

Гринченко. Этнографическіе матеріалы, I, №№ 83—86, 92, 93. 209; II, № 76—85, 88.

Де-Волланъ. Угро-русскія народныя пѡсни. 1885, стр. 11.

Драгомановъ. Малорусскія пародныя преданія и рассказы. К. 1876, 62—66, 71—73 (№ 14) 391—393, 394—395.

Ефименко П. Упыри. Кіевская Старина, 1883, VI, 371—379.

Житъе и слово, томъ IV, стр. 173—178 (№ 12), 186, (№№ 27 и 28).

Ивановъ П. Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ, VII. Этногр. Обзор. XXI, стр. 70—73, 84, 89—91.

Ивановъ П. Народные рассказы о вѣдьмахъ и упыряхъ. Сборн., Харьк. Ист. Фил. Об-ва, III, стр. 168, 172—175, 198, 201—205, 216—228.

И(вановъ) П. Народные обычаи, повѣрья, прихѣты, пословицы и загадки, относящіяся къ малорусской хатѣ. Харьковск. Сборн., III, 56—57.

Кіевлянинъ, газета, 1868, № 45 (убійство въ XVIII в. священника с. Войтовки по подозрѣнію, что онъ упырь).—1875, № 30 (дѣло 1727 г. объ упырѣ). 1872, № 58 и 1865, № 87 (упыри).

Кошовикъ. Живой упырь въ борьбѣ съ умершими упырями. Кіев. Старина, 1884, I, 169—171.

Кулишъ П. Записки о южной Руси, II, 42—44. Рассказы о мертвецахъ. (Перепечатка одного изъ нихъ подъ заглавіемъ: «О томъ, какъ мать видѣла мертвого сына» въ «Руській читанци» О. Партыцкого I. 1871, II, 181).

Левицкій Ив. Свитоглядъ украинскаго народу. I. 1877. (Сперва въ журналѣ «Правда» за 1876 г.).

Лепкій Д. Про небищыкивъ. Зоря, 1890, 150, 167; 1892, стр. 257.

Линиченко. Два дѣла о волшебствѣ. Кіевск. Стар., 1889, X, 172—179. (О врожденномъ упырѣ, который узнавалъ вѣдьмъ.)

Малинка А. Рассказы о вѣдьмахъ. (Рассказъ на тему Гоголевскаго Вія). Кіев. Стар., 1894, III, 551—552.

Манжура. Сказки. 130—132. Упырь. Лупыряка. Якъ кума куму за рябу корову доглядала. Утопленникъ. 136—137. Видьма.

Манжура. Малорусскія сказки и etc. въ Сб. X. И. Ф. Общ., VI. 186—187. Самоубійцы. 165—166. Мыколай угодныкъ—сыроти помошныкъ.

Маркевичъ Н. Обычаи etc. 78—79, 84.

Матеріалы для этнографическаго изученія Харьковской губ. Харьк. Сборн., VII, 449; VIII, 291—292; IX, 246—247, 248 (№ 21), 259—261 (№ 36).

Миронъ. Сожженіе упырей въ с. Нагуевичахъ въ 1831 г. Кіев. Стар., 1891, № 4, 131—154.

Nowosielski. Lud ukraiński, II, 56, 106, 161.

Омельковичъ М. Антивъ Михайловичъ Таньскый. (Легенда). Основа, 1861, VIII, 29—32. (Литературная обработка народной легенды).

Podbereski. Materyaly do demonologii ludu ukraińskiego въ Zbiór wiadom., IV, 3—83.

Потебня. О мнѣнческомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. 1865. 279—310.

Przeddziecki. Podole, Wolyń, Ukraina. II, 35. (Во время чумы 1770 г. сожгли въ Подольской губ. захожаго изъ Турціи челоуѣга какъ упыря, распространявшаго заразу).

Раевскій. Малорусскія повѣрья въ «Воронежской Бесѣдѣ на 1861 г.».

Руданскій. «Вечерницы» и «Упырь» (Ивась и Ганнуська)—два стихотворенія въ журналѣ «Зоря» 1895 г. №№ 17 и 18 (литературная обработка народнаго сюжета).

Рудченко. Сказки. II, № 12.

Rulikowski. Zapiski etnogr. z Ukrainy въ Zbiór wiadom., III, с. 94.

Созоновичъ. Русскіе варианты сказки о женихѣ мертвецѣ. Русск. Филолог. Вѣстникъ, 1890, IV, 332—334.

Сумцовъ. Культурныя переживанія. 1890 г. §§ 122—123.

Сумцовъ. Параллели къ повѣсти Гоголя «Вій». Кіевск. Старина, 1892, III.

Сълецкій. Колдовство въ юго-западной Руси въ XVIII ст. Кіевск. Старина, 1886, VI, 193—236.

Филаретъ, архіеп. Историко-статистич. описаніе Харьк. епархіи. 1857 г. II, 286—289.

Чубинскій. Труды, I, 47, 200—203, 205—206, 219—220, 336—339, 425—432 (№ 55); II, 410—420, 422 (№ 125), 405—406 (№ 115).

Шейковскій. Быть подолянъ, II, 16—18.

Ш. Я. Убіенство упыря въ Кіевщинѣ во время чумы 1770 г. Кіевск. Стар., 1890, II, 338—340.

Этнографичный збирникъ, ред. М. Грушевскій. Л. 1895. I, 5—8, № 2. Чоловикъ безъ страху и упырь.

Ястребовъ. Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края. Од. 1894. 64—66, 74—77, 157—188 (№ 20).

VI.

Вѣрованія и рассказы о людяхъ съ чудесною силою. (Вѣдьмы, ворожки, волшебники, вовкулаки).

86. МАТЫ-ВИДЬМА.

Бувъ соби одинъ парубокъ и все винъ ходывъ гулять. А въ його маты та була видьма, а винъ того не знавъ. Отъ, вона й каже:

— Чого ты все ходышь гулять? Отъ попаде тебе колы-нѣбудь видьма!

А винъ и каже:

— А де ти видьмы взялися? Я ихъ не боюсь.

Отъ, разъ винъ пишовъ гулять, а йому треба було черезъ тынь перелазыты. Винъ дывыться, — а на тыну сыдыть собака (а то була його маты). Винъ хотивъ ййи прогнаты, а вона не йде. Винъ тоди взявъ ййи и понисъ додому, узявъ ножа и одризавъ ййи ухо, а самъ пишовъ съ хаты. Вертається, — ажъ уже собаки немає; а на печи маты стогне, каже:

— А на шо жъ ты мени вухо одризавъ?

Черниг. у. Записала Н. Г.

87. ВИДЬМА И ПАРУВОКЪ.

Служывъ хлопецъ у хазяйина, выгнавъ волю въ горѣдъ, на леваду пасты; волю перескочылы до сусиды у картоплю. Сусида выбигла съ хаты, баба, и зачала того хлопця бытъ. Была, была и волю зайняла. Той хлопецъ ййи налаявъ: „ахъ, ты, стара,—каже,—видьма!“ Вона росердылась, якъ винъ ййи назвавъ видьмою, и сказала: „пожды-жъ ты, будешъ ты знать, яка то видьма.“ Повечерявъ хлопецъ, лигъ у двори на вози; вона прыйшла ноччу й почала його душыть. Такъ його подушыла, шо винъ усылу жывый остався. Вранци вставъ, пишовъ до сусиды, до дида; ставъ дида просыть: „шо мени, диду, робыть, шо вона давить мене, видьма?“ Винъ, той дидъ, наказавъ: „стережы,—каже, ййи,—якъ буде выходыть съ хаты увечери; ты туды якъ прыйдешъ, а вона якъ выйде съ хаты, то заразы же упаде й засне; возьмешъ куды вона буде ногамы лежать, то туды,—каже,—повернешъ головою.“ Прыйшовъ той, дывыться, выйшла вона съ хаты, на прычилокъ упала. Винъ ййи повернувъ туды головою, куды ногамы лежала, а самъ пишовъ додому. Тутъ пивни стали спивать уже удосвита, хлопецъ той дывыться, шо воно по надъ хатою ходе у сусиды. Пидйшовъ винъ туды—жинка ходыть коло того тулуба; такъ винъ тоди взявъ пишовъ и повернувъ ййи такъ, якъ и лежала, тоди вона схватылась и пишла въ хату.

См. Сб. Харьк. Ист. Ф. Об., III, 161—162; Харьк. Сб., VIII, 290.

Коло видьмыного тулуба ходыла ййи душа. Видьма тилькы якъ родыма, то вся ходыть, а котра от така, шо вчыться, то якъ вывчыться вона херетерству, то души въ нейи нема, а живе въ ній нечыста сыла. Родымй такъ уже Богъ дасть, шо вона вродыться видьмою, а вчена сама съ себе добига прахтыкы. Родыму

видьму можна взнать черезъ те, шо въ нейи хвистъ на спыни.

Вчену видьму можна взнать, бо вона заразъ же зъ усякого глумыться, бѣе, возыть, коровы дѣйить, збавляйить йихъ.

Отъ Христича, изъ с. Янича Чигиринскаго уѣзда, записаль В. Г. Кравченко.

88. МОСКАЛЬ, ДВИ СЕСТРИ ВИДЬМЫ ТА ВАТЬЮ-ВИДЬМАКЪ.

Постановылы салдата на кватырю у такій хати, де було дви дивкы. Прожывъ винъ тамъ соби зъ місяць, ничого йому не було; потимъ, якъ сестры были волошебныци, то старша почала на йому кататься. Менча дывыться, шо старша замучыла москаля й каже йому:

— „Жывы ты зо мною; я такъ зробию, шо вже ты будешъ на ній кататься.“

— Буду жыть, говорыть, тилькы зроби.

— „Прывъязы свого коня чымъ небудь, а самъ возьмы гуздечку; ты будешъ иты, а вона стане на тебе обротъ накыдать, то ты рукою махны и накынь на нейи свою гуздечку, а тоди сидай и катайся; та тилькы тюпки йиздь, а то зразу замучышь ййи.“ — А винъ якъ накынувъ гуздечку, та не послухавъ, якъ та вчыла, а почавъ ганяць ййи, шо е сылы! Баче вона,—дило кепське, не вытрымала, прытыхла та й умерла. Менча сестра й каже до його:

— „Слухай, говорыть, пиды, куны трисокъ, та тилькы гляды, дарма не беры; а хочъ бы й сто рубливъ просылы, то не торгуйся, давай.“ — Узявъ винъ мишокъ и пишовъ у плотню, пытае: „продайте трисокъ!“ — А

той, жартуючы, говорыць; „дай п'яць рублівъ, дай сто рублівъ, (бо, звисно, йихъ и дарма можна набратъ). Той москаль выймае й дае сто рублівъ. Прынісь, вона й пытае:

— А шо, може, дарма набравъ?

— Ни,—каже,—давъ за мишокъ сто рублівъ.

— „Ступай, говорыць вона, до попа, хай пипъ посвятыць; скількы пипъ заправыць, стількы й давай йому.“ Пишовъ той до батюшкы та й пытае:

— Шо, батюшка, визьмете, шо мишокъ трисокъ посвятыць?—Батюшка думавъ, шо той у жартъ пытае, та й каже:

— „Дасы, говорыць, двисти рублівъ.“ Той салдатъ выймае гроши та й дае. Батюшка посвятыць трискы. Прыносыць винъ тійи трискы, дае йій: „це, говорыць, батюшка уже посвятыць трискы.“

— „Ну,—говорыць вона,—иды теперь на кладовыще, коло йійи мугылкы розстелы трисочки, нехай тамъ лежать, а ввечери, якъ уберешъ коня, повечеряешъ, тоди пидешъ спать.“

Винъ увечери, убравшы коня, повечерявъ.

— „Ну,—говорыць вона,—иды на кладовыще, лягай коло мугылкы; на трискахъ лягай и шобъ трискамы укывся, шобъ тебе зъ ныхъ не выдно було. Вона устане, буде бигать кругомъ свиту, шукатыме тебе. Скризь бигатыме, а у дванадцятому часу прыбыжыць до тебе та й стане будыць.—Давай вона його будыць (бо вже весь свить выбигала, уси канавкы, кущыкы—шукала його).—„Уставай, говорыць, Иване, серце, пора коня вбирать, часъ на вчення йты!“—А винъ усе не встае, бойыцца, дожыда помы будыць до церкви дзвоныць (звисно, винъ уже давно не спыць). Чуе винъ, пивни сталы спивать, вона у труну ускочыла та й лежыць, а москаль и соби вставъ, та тилькы не заразы, а

якъ розвыднылось, бо боявся жъ. Прыйшовъ додому, до другойи сестры, поснидавъ и вдвохъ пишлы коня вбирать, шобъ нагнать, бо винъ спизнывся. Почыстылы коня, дали вивса. Дали вона йому и говоре:

— „На другу ничъ буде далеко гиршъ, та тилькы гляды, не ворущысь, бо якъ поворохнешся, то вона заразъ-же розирве тебе на маленьки шматочки.“ Пишовъ винъ, лигъ. Устала вона часу у десятому, шукае його; выбигала ввесь свить — нема його, а хотила найты. Прыходыть до його, стала надъ нымъ и говорыть: „Уставай, сердце, Иване, бо вже нерано, — поснидаемъ и пидешъ на вчення.“ Скильки вже вона його не просыла и „голубчыкомъ“ называла, — винъ не вставъ. Заспывалы пивни, вона зновъ у труну сховалась. Баче, — вже розвыдняється, уставъ, зибравъ стружки и поклавъ коло мугылкы, а самъ прыходыть, поснидавъ и зновъ пишлы коня убирать удвохъ, шобъ догнать товаришивъ. — „На третю ничъ буде ше гирше, — сама буде спивать пивнямы, сама дзвонатыме до церкви, кыдатыме на тебе каминня, трискы буде палыть; та тилькы каминня не буде прыставать, а трискы не будутъ горить, бо свячени.“ — Увечери пишовъ, лигъ спать, (а може винъ тамъ и не спыть). Устала часу у десятому, забигала по усьому свиту, шукае його, бо якъ ляже вона теперь, то вже не встане. Прыходыть до його и говорыть: „Уставай, говорыть, сердце, Иване, часъ обидъ варыть, хутко будутъ пивни спивать, скоро служба Божа правытыметься.“ — А винъ лежыть та трусыться. Вона будыла, будыла, а дали: „уставай!“ та — „куку-ри-ку!“ — „Уставай, чуешъ, говорыть, Иванцю, уже трети пивни проспывалы!“ — А дали: „бомъ, бомъ, бомъ! Уставай, сердце, бо ты й доси спышъ, а вже на службу божу дзвонять!“ Давай вона трискы палыть; ти трискы не горять. Давай вона на його каминнямъ кыдать! А дали якъ крыкне на своихъ чортивъ:

„тягнуть його крючками, рубайте його! Достягайте його сюды!“ — Бигають, крычать, тянуть; коло його тилькы ходять, а до його а ни прыступу, бо трискы свячени. А йй-же то ременя короткыйи прыходють; через те то вона й хоче його такъ замучыть. Чую москаль, шо пивни наши заспивалы, тоди вона ускочыла у грибъ, а вси нечысти поросходылысь. Розвяднылось, устае москаль, баче, а коло його крючка всяке, сокыры, ямы повыкопувани, каминня лежыть; а винъ тоди вже кыдае все и вже йде додому, до другойи сестры, а та й говорить: „ну, шо, благополушно?“ — Хвалыты Бога, — каже той. — „Ну, колы такъ, то вже теперь пойидемъ до мого батька у гостя.“

А въ нейи батько такый велькый волошебныкъ, шо вже добре знавъ, шо то зробывъ москаль зъ його дочкою, шо вмерла. Прыйшылы воны до його, а москаль и каже: „здрастуйте!“, — „Здоровъ, здоровъ! Дочку вже замучывъ, та ще й мене хочешъ“. — Отъ винъ своему тестеву и одвичае: „я до васъ, тату, у гости прыйшовъ“ — „Добре, — говорить той, — гостюй!“

Погостювавъ москаль який небудь зъ мисяць а дали тесть його прытайився, наче вмеръ. Теща и заставля: „ну, — говорить, — на, везы де хочъ хороны свого тестя.“ — Дае йому тройку коней, зробылы йому домовыну, а винъ узывъ, той москаль, закувавъ його на дванадцять оброчивъ и поклавъ на воза. Теща дала йому грошей и сказала: „доты везы, докы де динешъ ци гроши, а тоди уже хочъ и на дорози кынь його.“ — Повизъ москаль. Тилькы выйихавъ зъ села, а такъ, шо вже примерка, надъ вечиръ, годына восьма, давай оброчи лопать. Годыни въ девъятій дывыться — ажъ крышка пиднимається! Баче, дило кепське, почавъ коринного

коня выпрягать, сидае на нього, тикае. Баче, ни села, ни людыны, тилькы въ лиси одна хата, огонь бльще въ ній. Озырнувсь,—ажъ той мрець женеться за нымъ — ось, ось нажене! Винъ у ту хатку, ажъ тамъ другый мрець лежыть, уже нашъ, свичка передъ нымъ горыть. Убигъ москаль у хату, двери, викна перехрестывъ, пичъ перехрестывъ; зализь на пичъ та й сыдыть. Волошебныкъ и говорыть на нашего мерця: „Эй, одчыны!“ — А той йому одказуе: „Ше,— говорыть,— мени не часъ уставать.“ — Будывъ винъ його, будывъ — той не встает, а тутъ пивни заспивалы, волошебныкъ у свое мисто! Зновъ москаль везе його. На другу ничъ баче, обручи давай одразу лопать, пиднимается крышка! Баче,— погано, выпряга коринну, сидае, тикае! Баче — наганя волошебныкъ и баче, зновъ така жъ хатка, а тамъ мрець — уже завтра ховать його. Не вспивъ москаль и дверей перехрестыть, а перехрестывъ пичъи тилькы. Москаль тилькы на пичъ, а волошебныкъ у хату; а той мрець схопылся зъ лавы, та давай заступаться за москаля,— счепылысь та давай бытсья; а москаль баче, шо нашъ мрець помагае йому, вынявъ складаного ножа та й пишовъ ризать того волошебныка. Пивни заспивалы, волошебныкъ побигъ до себе въ труну, а нашъ мрець лигъ на лави.— Ранкомъ бачыть москаль: стойить пляшка горилкы, тутъ и хлибъ и силь; винъ выпывъ, закусывъ, а дали зновъ везе того волошебныка. Ноччу зновъ обручи лопають,— выпряга винъ коня, сидае, тикае. Баче,— ни лису, ничего, а баче, шо вже коняка выбылась изъ мочи, а той уже ззаду по ногамъ коня бье, наганяе! Глянувъ москаль,— передъ нымъ одынъ дубъ стойить; винъ скочывъ съ коня та на того дуба, сыдыть. Волошебныкъ давай дуба грызты, а салдаты крычыть: „Рятуйте, хто въ Бога вируе!“ — Баче салдаты, шо дидусь якыйсь

йде та й каже до москаля: „хто тамъ сыдыть на тому дубови? Злазы!“— А той йому одвича:

— „Якъ я,—говорыть,—злизу, колы вже онъ половыну дуба перегрызено?“—Пидійшовъ дидусь до дуба съ паличкою въ рукахъ (а то та самъ Богъ бувъ) та тїю паличкою волошебныка!—Злазыть москаль и пытае дидусь у його: „шо ты,—говорыть,—везешъ?“— „А везу мерця, и самъ не знаю якого,—це вже третю ничъ винъ за мною ганяється.“—Прыйшли до воза, запригъ москаль коня; везуть уже зъ дидусемъ, а дидусь и говорыть: „зъ цымы трьома киньмы, зъ возомъ и зъ домовыною, пхай у море, хай рыба глытае!“—А зъ моря рыба дуже нахлінула на берегъ, якъ почула мертве тило. Москаль пхнувъ, а рыба захватала. Давъ дидусь москалю грошей и одиславъ його додому, у ридне село.

Отъ солдата Федора Звѣря изъ с. Копитановки, Чигиринскаго уѣзда, записаль В. Г. Кравченко.

Мотивъ о причивеніи смерти вѣдьмъ и чтеніи надъ нею см. Грянченко, I, №№ 92, 93, 209.—Ястребовъ, 64—66.—Сумцовъ, Параллели къ повѣсти Гоголя «Вій». Кіевск. Стар., 1892, III, 472.—Сборникъ Харьк. Ист. Ф. Общ. III, 201—205.—Podbereski, Materyaly do demonologii ludu ukr. въ Zbiór wiadom. IV (сказка «Нареченная вѣдьма»)—Рудченко, II, № 12.—Манжура, 136, Вѣдьма. Малор. пред., 71. № 14 и 394—395: Наказанныя вѣдьмы.—Манжура, Малорусскія сказки въ VI т. Сб. Х. И. Ф. О., стр. 166—169. Миколай угодникъ—сыроти помощникъ.—Чубинскій, I, 200—203; II, 27,—№ 7 (Мертвая замѣнена змѣю),—Кіевск. Старина, 1894, III, 551—552. Другой мотивъ этой сказки—о похоронахъ упыря—см. въ этой книгѣ № 85.

89. ПРО ТЕ, ЯКЪ ЖИНКА ЗРОВЫЛА ЧЛОВИКА СОВАЮЮ, А САМА ЗИЗНАЛАСЬ ИЗЪ НЕЧЫСТОЮ СЫЛОЮ.

Бувъ соби хлопчыкъ и хто його зна, видкиля винъ и взявся. Було йому симъ литъ. Пишовъ винъ у

городъ, на зустріч йому йде купецъ. А хлопець, звычайно, ходять вечера шукають. Купецъ и пытає: „Чи не найнявся-бъ ты за хлопчыка, бо мени треба такого хлопчыка, шобъ бувъ у двори?“ — „Наймусь, — каже. — „А що ты визьмешъ?“ — „А що дасте. Абы харчувалы“.

Побувъ хлопчыкъ у того купця недилу, чы, може, тамъ мисяць; купецъ дывытсья, — хлопчыкъ ставъ такой розумный — хазяйиновытый. А въ купця та було дванадцять лавокъ, ну, винъ и взявъ того хлопчыка въ лавку, шобъ винъ учывся торгувать.

Побувъ той хлопець у лавци зъ мисяць; хазяйинъ дывытсья, — хлопець ничего, справный, — ну, й постановывъ його за прыкащыка надъ усима прыкащыкамы. Побувъ годъ чы два, купецъ баче, що хлопець гарный, ну, й подарувавъ йому лавку. Жаліе його, якъ ридну дытыну. Покры хлопчыкъ своейи лавкы не мавъ, то й купецъ торгувавъ, а теперъ уже нихто не йде до купця, а вси пишлы купувать до того хлопчыка. Ну, прямо люде йдуть та йдуть! Наче наслано. За два дни до годового празныка хлопчыкъ продавъ увесь свій крамъ; зъ своейи лавкы на сорокъ тысячъ продавъ, а на годовый празныкъ ничымъ торгувать. Купцеви прыкащыкы повыходылы може у сьомій годны, поодмыкалы лавкы й торгують; а якъ выйшовъ самъ купецъ подывытсья, якъ торгъ иде, баче шо сынова лавка замкнута. (Хлопчыка винъ зве сыномъ, а той його — *папашою*). Купецъ и росердывся, чого той не одчыня; шо, мовъ, сьогондья тилькы й поторгувать. — „Не буду, — каже хлопчыкъ, — я сьогондья торгувать, бо велькый празныкъ; та й краму въ мене вже ниякого нема.“ — „Якъ нема? Цього не може буты.“ — Ну, й заспорылы на сорокъ тысячъ, бо той каже: „е“ а той каже: „нема.“ Одчынылы воны двери, колы й справи -- ни жадного аршына нема краму. Ну, купецъ и заплативъ хлопчыкови сорокъ тысячъ.

Стало тому хлопчыкови мо литъ зъ двадцять, ну й схотивъ винъ жениться. А въ купця та була дочка, але хлопчыкъ ййи не злюбывъ, а у сусиднього купця горнышну. А хазяйинъ його и одмовля: „Не беры ййи, бо вона зъ лыхымъ духомъ знаеться“.— Це вы,— каже хлопчыкъ,— за тымъ цее говорыте, щобъ я вашу дочку взявъ“.— Ну, й пишовъ до тыей горнышнои сватать; та пишла за нього.

Выстройивъ винъ соби домъ коло тыей лавочки, шо йому подаровано, и жывуть соби.

Чоловикъ и каже: „Такъ якъ я хахолъ, чоловикъ прбстый, то не буду сторожа найматы до лавкы, а стерегтыму самъ.“— Ну, надине кожуха та й иде на ничъ. А до жинкы, якъ чоловика нема дома, литае нечыстый духъ, такъ якъ и люде казалы. Ну, й донеслы чоловикови; а той не вире; ну, а про те хоче дизнатися, чы справди воно такъ?

Увечери винъ стукнувъ дверыма, неначе пишовъ, а тымъ часомъ притайивсь у куточку. Жинка метнулася, зачыныла двери, а чоловикъ пидлизъ пидъ кровать. Колы ноччу шось осяло хату и прылетило зъ рогамы: то— нечыста сыла. Посидалы й почалы воны соби говорыть на кровати. Нечыста сыла говорыть: „Чы не хочешъ ты хорошого мянся пойисты?“ — „Хочу,“ каже жинка.— „Ну, то полетымо на кладовыще: у мужыка вчора вмерла дытына, ну, його поховалы, то я й посмакувавъ.“ — Вона зрадила. Полетилы воны такъ скоро, що чоловикъ и не бачывъ, де вона вылетила; а дали пишовъ соби до лавкы, а вранци, вернувшысь, баче, -- жинка дома. Вона и пыта його: чы не хоче винъ чого йисты, чы пыты? — „Я такъ рано не йимъ; то ты тилько вночи разомъ зъ нечыстою силою йисте мертвыхъ дитей.“ — „А ты бачывъ?“ — „Бачывъ.“ — „Якъ?“ — „А такъ.“ — „Де-

жъ ты бувъ!“ — „А пидъ кроваттю.“ — „Ну, то будь же ты на тры годы собакою!“ — Якъ сказала вона це, то винъ заразъ-же й зробився чорною собакою; назвала жинка його Жучкомъ и почала быть. Ну, винъ на дръгый день и втикъ зъ двору.

Бижыть по степену, а тамъ хлопци паслы коней. Дали вони йому хлиба. Ну, а мижъ тымы хлопцями бувъ такий, що самъ не хотивъ завертатъ своихъ коней, а дастъ дръгому табаку, чы шо, ну, той и заверне. Але на цей разъ нихто не схотивъ завертатъ; а якъ собака почула, шо треба, то й завернула. Той дывується, — ну, й узявъ цю собаку до себе. А въ цього хлопця та бувъ такий батько, шо ни за шо не любывъ, щобъ була собака въ двори; ну, колы сынъ прививъ цього Жучка, батько й закрычавъ: „мени й тебе кормыть ничымъ, а ты ще й собакъ наводышь.“ — „Та це, тату, не така собака, якъ уси.“ — И росказавъ батькови, якъ ця собака завертала коней. — „А ну, ну, побачу завтра, чы правда.“ — Повивъ. батько самъ коней пасты, сказавъ собацѣ, щобъ та глядила, а самъ лигъ спать. Собака напасла, напоила и прыгнала до хазяина. Прокрынувся хазяинъ и дывується, шо така въ нього собака розумна. — „Теперь, — каже хазяинъ, я визьму уси вивци пасты, бо я трохы знаю на йихъ, — сынъ буде пасты свыни, а собака — товаръ.“

Собака, бувало, тилькы побаче, шо хазяинъ жене вивци до воды, то заразъ и собѣ заганя товаръ. Заробывъ цей дядько за одно пивъ лита карбованцивъ съ трыста.

Колы це прыйиздыть лкыйсь купецъ до цього мужыка, щобъ купыть собаку (звисно, люде заразъ рознесуть по всьому свиту й те, чого нема). Ну, й колы-бъ не жинка, то й мужыкъ не продавъ-бы собаки; а жин-

ка усякого зибѣ: „та волыкы купымъ, та у лисъ бы йиздывъ, да грошей багато!...“ — Купецъ дававъ зразу сто; дали—двисти; а мужыкъ и не дывыться.— „Не могу, — каже, — продать, бо це така собака, що иншойи такойи и на всьому свити не знайдешъ.“ — А жинка все пидторкуе. Ну, за пѣятсотъ продавъ.

Побула та собака у купця мисяць, чы два. Колы це одного разу получае винъ бамагу, щобъ цю собаку купецъ прыставывъ до царя. Про гроши въ цій бамази ничого не згадувалось, бо, звычайно, то не купецъ пысавъ, а самъ царь, — не правыть же зъ нього гроши! „Описля прынесе,“ — подумавъ соби купецъ. Але ничого не получывъ.

Царь улюбывъ ту собаку, бо вона шо не напыше царь—заразъ прочтае. Пыше собака до якого строку ще буты йій собакою... Царь такъ улюбывъ його, шо хоче оддать за нього свою старшу дочку, а та не хоче йты за собаку; тоди батько—середню,—й та не хоче; а найменча пишла за нього зъ великою охотою. Тилькы вона дуже любыла старцивъ и бувало накупе килька корзынъ бублыкывъ, иде пидъ церкву и роздае йимъ.— Писля весилля пишла вона одного разу роздавать мылостыню: набере прыгирщъ та й дае кожному; а старци товпляться, то вона й не замитыла, якъ мынула одного старця; а собака, шо ззаду йшла, якъ ухватыть съ корзыны обома лапамы бублыкывъ! Та скилькы набрала, то вси й оддала тому старцеви. И говоре до нього старецъ: „Давно часъ тоби у люде, та нема такого чоловіка, щобъ вывивъ тебе.“ А дали узявъ ножа та й переризавъ мотузочку у собаки на шыйи. Жинка оглянулася, — ажъ тамъ замість собаки чоловікъ стойить. Кынула вона й мылостыню давать, та скоришъ побигла

до батька. И якъ бигла, то дидъ и сказавъ, щобъ той чоловікъ прыйшовъ увечери до нього. Царь возрадувався нымъ.

Увечери царивъ зять пишовъ до старця, а той давъ йому дви вуздечкы й сказавъ: „Пиды ты до прежньоїи своєїи жинкы: якъ пидходишешъ до синей, то вона думатиме, що то нечистый, то заразъ кинеться тобі на шыю; ну, ты крыкны: „тпру!“ Вона зробыться кобылою, а ты йй и накынь вуздечку. А дали ляжешъ на кровати, прылеть нечистый, думатиме, що то жинка, а ты тпрукнешъ, — и винъ зробыться жеребомъ. А дали ты скажы зробыть соби хвайтонъ у тры тысячы пудъ зъ чавуна и упряжъ таку крипку, щобъ вона держала тры годы; а дали запряжы туды цыхъ коней и йиздъ нумы тры годы, ну, не выпрягай, ни напувай и не кормы йихъ, а тилькы знай бигать!“

Пишовъ той чоловікъ до своєїи прежньоїи жинкы и все зробывъ такъ, якъ той дидъ йому казавъ. Йизде на тыхъ коняхъ прямо по оздуху. А якъ уже трохы уганявъ, то ставъ йиздыть по земли. Ну, и якъ йиздывъ винъ, то дарма пидвозывъ и людей тыхъ бидныхъ, що ходять на заробиткы, отъ у Харсонъ, чы що тамъ; тысячы по дви душъ бравъ винъ одразу.

Выйиздывъ винъ такъ два годы и самъ зморывся та й заснувъ: колы прокынувся, ажъ стойить чоловікъ та жинка, вже православни. Ну, винъ и зоставывъ йихъ удвохъ соби жыть, а самъ пишовъ до царя и живе тамъ зъ його дочкою.

Записалъ В. Г. Кравченко отъ солдата, уроженца с. Яблунки, около Сяблы.

Сборн. Харьк. Ист. Ф. Общества, III, 207—213. V, 28—29. Чубинскій, II, № 118.—Манжура, 84, Дыковына.

90. ПАНЪ, ШО ВСЕ ЗНАВЪ, ТА КУЧЕРЬ.

Бувъ такый панъ, шо винъ усе знавъ и любывъ на охоту йиздыть. Выйхавъ одного разу у лисъ, а съ пидъ самого кориня вылизла била гадюка, панъ узявъ и застрелывъ ййи; привозыть додому, давъ повару, шобъ винъ ййи зварывъ до тойи поры, покы стане зелена трава. Поваръ зварывъ ййи, выливъ воду на траву—трава выгорела; зварывъ у друге, выливъ ййи на траву—трава выгорела; и такъ винъ варывъ ййи до того, шо вже якъ выливъ на траву ту воду, то трава осталась зелена. А потимъ ставъ тую гадюку пиджарувать и якъ пиджарувавъ, то одломылась одна крышечка,—поваръ узявъ и положывъ ййи у ротъ, тоди винъ ставъ усе знать, а панови не сказавъ того. Пойихалы воны на охоту: йидуть воны лисомъ, и всяке зилля кланяється йимъ и говоре: „я одъ того,“ а друге: „а я одъ того,“ а едно сказало: „я, каже, одъ кылы.“—А винъ засмїявся, а панъ и спытавъ його:

„Чого ты смїешся?“ А винъ каже: „я дывлюся на колѣса: передни маленьки, а задни вельки и едно другого не дожене.“ Панъ догадався, шо той усе знае. Прыйизджають воны додому и панъ уже хоче стребыть його съ свита, шобъ винъ не живъ. Прыйшовъ кучеръ спать у конюшню (а винъ бувъ за кучеря й за поваря; бо кримъ його у пана другого слугы не було), лигъ и чуеть—кони почалы говорыть: „эхъ,—каже,—жалко нашего кучеря, добрый,—каже,—чоловикъ, да вже йому не жыть довго на свити; кобъ винъ,—каже,—знавъ, да сидлавъ мене, може бъ хотъ якъ небудь да втиклы.“—Винъ учувъ тее и начавъ сидлатъ того коня, сивъ да й йиде, колы озырнувся назадъ—ажъ за нымъ уже панъ йиде. Озырнеться—панъ уже недалеко. „Эй,—каже до

коня: брате, втикаймо!“ „Не бійсь, брате, утичемъ!“ — каже кинь такъ. Недалеко була ричка, кинь якъ прыгнувъ, — такъ и перескочывъ! — „Эй, — каже, — брате, теперъ не боймось!“ — А той якъ прыйхавъ до рички, да не хоче той кинь иты. „Ну, — каже панъ, — маешъ ты щастя, теперъ, — каже, — будешъ ты жыть тилькы пидъ чорнымъ деревомъ ляжъ заснуты, то ше будешъ лучче знать.“ — Ну винъ догадався и де тилькы чорне дерево побаче, такъ винъ не лягавъ пидъ йимъ, а якъ выпывъ винъ чарку и лигъ пидъ чорнобыломъ спать, то якъ уставъ, то й забувъ усе, шо знавъ.

Отъ Луки Зиневича, Острожскаго уѣзда, записаль В. Г. Кравченко.

Малор. пред. № 20, стр. 75. — Максимовичъ, Сочиненія, II, Дни и мѣсяцы украинскаго селянина, 479. — *Васильевъ*. Къ повѣрѣямъ о цѣлебномъ значеніи змѣй. Киев. Стар., 1889, № 5—6, 634. — *Ястребовъ*. Сказка о чловѣкѣ, понимавшемъ разговоръ животныхъ. Киев. Стар., 1895, VI.

91. МОСКАЛЬ У НАЙМАХЪ У ЧАРИВНЫКА.

Бувъ соби москаль и прослужывъ винъ не багато: двадцять пѣять литъ. Йшовъ винъ уже додому и командиръ полка давъ йому двадцять пѣять копійокъ грошей на дорогу и давъ йому чысту одставку. Подякувавъ москаль, помолывсь Богу и йде додому. Ишовъ день ишовъ два — гроши тѣйи пройивъ, ни за чымъ правыться йому. Стоить така превелька економія! Винъ увиходыть у двиръ у економію, бижыть дви дивкы съ кухни у горныцю, винъ пытае йихъ: „чы не можна у васъ поробыть у сій економіи?“ — Воны йому одказалы: „не можна, наша пани якъ побаче москаля за двадцять пѣять верстъ, то собакамы зацькуе; не любе москаливъ.“ Винъ узывъ и пишовъ видты. Иде, та йде, дывыться — стойить друга економія; винъ зайшовъ у ту другу

економію; тамъ стойить панъ на кганку. Ставъ москаль пытать: „пане, чы не можна у васъ поробыть день або два?“ — „Може ты, -- каже, — москалю, на рикъ наймешся?“ И згодылысь на рикъ: шобъ москаль цилисинь-кый рикъ топывъ пичку, съ такою умовою, шобъ винъ цилый рикъ не заглядавъ у казанокъ, шо тамъ кыпыть, бо колы загляне, то його рикъ пропаде. Топывъ москаль, топывъ, — рикъ мынае, а й доси не заглянувъ, шо въ йому е, у тому казанку, винъ и каже: „э, шо то я за москаль буду, колы ось рикъ мынае, а не бачывъ, шо тамъ?“ — Та взявъ и заглянувъ, — тамъ кровъ скупається. Рикъ мынае, йде винъ до хазяйина за росчотомъ. „Дозвольте, — каже, — пане, мени росчотъ.“ Той його й пытае: „а шо жъ ты выдержавъ, не зазырнувъ у казана?“ „Ни, — каже, — пане, не зазыравъ.“ — „А ходимъ, — каже панъ, -- туды, тамъ узнаемо.“ Прийшлы туды, а панъ пытае: „пичко, а чы зазыравъ москаль у казана?“ Вона каже: „зазыравъ.“ Такъ панъ тоди й каже: „якъ хочъ, москалю, то наймысь ще на рикъ, то й за сей рикъ оддамъ, колы вытрымаешъ, не зазырнешъ.“ Такъ винъ узявъ та й найнявся ще на рикъ. Другый рикъ проходить, його впъять скортило зазырнуть, почавъ самъ москаль пытать сейи печи: „пече, не скажешъ, шо я зазыравъ у казана?“ Вона сказала: „не скажу, москалю.“ Зазырнувъ винъ, ажъ зъ тойи кровы вже чоловікъ скупається до миста. Винъ добувъ году, йде до пана на росчотъ: „давайте, — каже, — пане, росчотъ мени.“ Той и пытае: „а шо жъ то теперь, не зазыравъ у казанъ?“ — Винъ каже: „ни, пане,“ (не признається). Пишлы до печи, панъ и пыта: „пичко, заглядавъ москаль у казана?“ А вона одказала: „ни, пане.“ Поклыкавъ панъ салдата до себе у двиръ, а тамъ стойить вымурованый стовпъ, а въ тому стовпу

дирка; панъ и пытае: „дирко, дать йому наказаные, чы хороше слово?“ Дирка йому одказала: „пане, якъ самъ схоче.“ Винъ и пыта: „москалю, шо тоби дать — наказаные, чы хороше слово?“ Солдатъ каже: „пане, дайте краще хороше слово.“ Панъ сказавъ: „ну, йды жъ соби зъ Богомъ, москалю.“ Не давъ панъ салдатови й хлиба шматка; винъ заплакавъ и пишовъ соби. Иде та йде, стойить городъ; винъ увійшовъ у сей городъ часу у дванадцятому, ноччу; дйшовъ до базарю, по надъ лавкамы ходыть сторожъ, дидъ. Москаль прыйшовъ, поздоровкавъ, пытае: „диду, де бъ тутъ знайты зайиздъ, шобъ переночуваты?“ Дидъ йому одказуе: „не можна, москалю, йты дали, бо обходъ захвате, то забере; колы хочъ,—каже,—то лягай тутъ, оддыхнешъ до свиту.“ — Остався винъ коло дида. Дидъ каже: „тутъ у одного купця обикрадено лавку.“ Винъ каже: „я,—каже,—диду, сю пропажу можу знайты.“ Дидъ сыдивъ, сыдивъ, та вставъ, пишовъ по надъ лавкамы, а салдатъ схопився та до дверей и пытае: „дирко, дирко, де гроши съ тѣей лавкы подилысь?“ Вона каже: „воны не далеко, тутъ у купця, у другій ларци, тутъ и стоять.“ Сивъ москаль зновъ на свое мисце, а дидъ тутъ до його прыйшовъ. До ранку досыдили; вранци дидъ давъ знать тому купцеви, шо гроши пропалы,—шо отъ мовъ, е салдатъ такый, шо може вашу пропажу розшукать. „Колы винъ може розшукать,—каже купецъ,—то я йому половины оддамъ.“ Забралы полицію й пишлы трусыть тыхъ грошей. Доходятъ до тей лавкы, москаль каже: „Йды, пане, тамъ за краснымы товарами стоять твоя гроши.“ Той пишовъ и знайшовъ свои гроши, передилывсь, и тоди салдатъ пишовъ соби додому.

Записаль отъ Григорія Христича, Чигиринскаго уѣзда, В. Г. Кравченко.

**92. ЯКЪ ПАРУБОКЪ ХОТИВЪ ЧАРИВНЫКОМЪ
ЗРОВЫТЫСЬ.**

(Вовкулакою бувъ).

Бувъ парубокъ; якъ выйде винъ на вулицю, то було усяку кумедію показує: зробиться собакою, вовкомъ, видьмою, чымъ схоче, тымъ и зробиться. А його товаришови и понаравылася ця кумедія и ставъ просыть: „вывчы й мене, братухо!“ „Ты,—каже,—не вытерпышь; я тебе й вывчывъ бы, та ты не вытерпышь.“ „Вытерплю“,—каже. „Купы жъ,—каже,—кварту горилкы, та выпъемо, а ввечери выйдешъ сюды, гулять до мене.“ Такъ той купывъ кварту горилкы, выпылы и ставъ винъ иты додому, а той йому й наказавъ: „иды додому, та склады дули и склады руки пидъ пахвы, шобъ никто не бачывъ дуль.“ Той такъ и зробывъ,—иде додому, дойшовъ до одного двору, сыдыть бабивъ купа. Одна баба схопылась, прыстала до його: „на що ты стывъ дули?“—Винъ ййи не послухавъ, пишовъ. Коло другого двору друга баба схопылась; винъ и тыейи не послухавъ, иде додому. Коло третього двору перестрила його ше третя баба (а ти вси бабы, шо перестривалы його, то булы видьмы) и почала його лаять. Винъ ййи не послухавъ, пишовъ додому и лигъ спать; дождавсь до вечора, увечери устає, вбирається, йде гулять. Погулявъ у корчми, йде додому. Коло первойжъ хаты перестрила його баба и почала його быть, шобъ винъ не дававъ ййи дули удень (а видьма, хочъ ты якъ ховай дули, а колы склавъ руки, то вона знатыме шд, то й сама тебе зачепыть.) Пустыла його, а коло другого двору почала його друга баба быть. Друга такъ його набыла, шо винъ у сылу пиднявся та пишовъ звидтиля. Дійшовъ винъ до третього двору, а

та якъ почала давати йому духопелу, то винъ видтила вже й не вставъ: поперебивала руки й ноги.

Вранци люде йдуть на мисто, дивлються, шо парубокъ валяється, сказали його батькови; батько прыйшовъ за нымъ. Прыйшовъ батько, а винъ и просить: „пидить, тату, покличте мого товариша.“ Пишовъ батько до його товариша; прыйшовъ його товаришъ, помазавъ йому руки, ноги, винъ такъ якъ и не лежавъ, уставъ и каже: „спасыби тобі, брате, шо ты мене одъ смерты одволавъ.“ Товаришъ и каже: „выходь же ты увечери гулять“.

Винъ удигъ чысту одежу и выйшовъ увечери гулять; выйшовъ, а товаришъ и каже: „ну, ходимъ же теперь на степъ“.—Выйшли на степъ и стали на перехреснимъ шляху. Товаришъ його давъ йому порвану свытку, а ту зъ його знявъ.

— Теперь,—каже,—перекыдайся черезъ дорогу.— Той перекынувся черезъ дорогу и побигъ вовкомъ. Не багато винъ бигавъ, а рикъ выбигавъ вовкомъ и на той день упъять вернувся назадъ. Прыходять на те мисто, тамъ його товаришъ стойить. Товаришъ знявъ зъ нього ту паршыву свытку и ставъ вовкъ зновъ чоловикомъ. Товаришъ спытавъ: „чы хочешъ ще яку муку прыймать?“—Такъ той не схотивъ уже, бо надокучыло йому й вовкомъ бигать цылый рикъ.—Сю казку мени казавъ мій батько, ше якъ жывый бувъ.

Записаль отъ Григорія Христича, Чигиринскаго уѣзда, В. Г. Кравченко.

98. СЫНЪ-ВОВКУЛАБА.

На Велыкдень пишлы люде пасокъ съватить, а чоловикъ зъ жинкою зосталысь дома да й согришылы и

вродывся въ йихъ сынъ и ставъ винъ уже здоровый, такъ йому литъ десять. Пйде винъ куды небудь и дня тры й чотыри нема його, и воны не знаютъ, куды винъ ходыть; думалы воны, що винъ до дивчатъ ходыть, пытаються въ його, дакъ винъ ничего не каже. Порадылысь воны, — давай оженымъ його, може винъ покается. (А винъ вовкулака бувъ, той сынъ). Оженылы його; побувъ зъ день, узявъ и втикъ зновъ, не схотивъ бутъ. Прыходыть черезъ днивъ тры батько й маты началы сварыться й жинка плаче. Лають, а винъ мовчыть да вбирається, наче въ хливи хоче спать. Пишовъ винъ у хливъ, а батько за нымъ наглядцемъ -- шо вже той буде робыть? Якъ прыйшла до його тая пора, шо вже йому треба бигты, то винъ такъ стогне! Выйшовъ за клуню, устроивъ ножа въ землю, почавъ розбираться, геть розибрався, голый зостався. Потимъ перекынувся черезъ той нижъ да й ставъ вовкомъ. Батько злякався и догадався, шо вже сынъ не вынуватый. Ходяты телята, винъ прыйшовъ до ныхъ (а батько йде про те за нымъ), да якъ затрубывъ! Назбигалось до його штукъ зъ десять вовкывъ. Взялы воны теля, розирвалы и ззылы. Його сынъ и каже до вовкывъ: „ходимъ, — каже, — до мого сусиды, винъ зо мною спорыться, дакъ тамъ овечку ззимо.“ -- Прыйшлы, винъ узявъ, стину выкыдавъ, улизь туды у хливъ и выкыдавъ йимъ звидты овечкы, а ти порозрывалы и пойилы. А батько його бачыть, шо воны роблять, да вже не показується йимъ, бо воны бъ и його розирвалы. — Батько вернувся, увйшовъ у хату да й росказавъ своййй жинци. А той вернувся днивъ черезъ два, и батько росказавъ йому, шо винъ усе бачывъ и сказавъ, шо не хоче зъ нымъ жыть. Оддывся батько одъ його и такъ пройшло съ пивъ году, и той трохы покаявся, не такъ часто ставъ бигаты. Батько построивъ нову хату и сыдыть у своййй хати. Сынъ якось

- поспорився съ своею жинкою да взявъ уночи и розирвавъ ййи, а матери й snyться: „пйды но въ тую хату, зобачъ, шо тамъ робыться.“—Вона встала, перехрестылась,—нема ниде никого; взяла, зновъ лягла. Другый разъ snyться: „пйды-жь но,—каже,—да подывыся шо тамъ у тйй хати робыться.“—Вона зновъ устала, перехрестылась - нема ниде ничего, изновъ лягла й заснула. Третйй разъ snyться: „да йды жъ ну,—каже,—да подывыся, шо тамъ робыться у тйй хати.“—Вона встала и пишла у тую хату,—дывыться: жинка мертва лежить посередъ хаты, а винъ сыдыть на печи закривавлений .. А якъ розсвилло, то винъ якъ побигъ, то й доси бигае, а батько зъ матиррю й доси живутъ.

Отъ Луки Зиневяча, Острожскаго уѣзда, записаль В. Г. Кравченко.

О сынѣ-вовкулакѣ иной рассказъ см. въ Киевской Старинѣ. 1894, XII, 496—497.

См. № 70. Чоловнѣкъ, чорты и видѣмы.

О вѣдмахъ, ворожкахъ, волшебникахъ и вовкулакахъ см. въ слѣдующихъ статьяхъ и книгахъ: *)

Александровъ Ст. Вовкулака. (Повѣсть стихами въ «Южножъ рускомъ Сборникѣ» Метлинскаго, 1848. Рассказъ о превращеніи челоѣка въ вовкулаку и о жизни его животнымъ. Народныя повѣрїя въ формѣ стихотворной повѣсти).

Антоновичъ. Заклинанїя противъ чаръ. Два заклинанїя XVII в. Этногр. Обзор. 1890, II, 72—76.

Антоновичъ. Колдовство (изслѣдованіе и 70 процессовъ о колдовствѣ XVIII в.) «Труды» Чубинскаго, I, 323.

---

*) При составленіи этого указателя мы пользовались изданнымъ въ 1891 г. указателемъ по тому же предмету профессора Н. Ф. Сумцова (Сборн. Харьк. Истор. Филол. Общества, III). См. кромѣ того, нашъ указатель къ отдѣлу 3-му этой книги.

Арандаренко. Записки о Полтавской губ. 3 тома, 1849. Во 2 томѣ на стр. 219—220 замѣтка о вѣдмахъ (узнають ихъ въ ночь наканунѣ свѣтлаго праздника, оборотничество, отведеніе тучъ); на стр. 229—232. о знахарьскомъ лѣченіи болѣзней.

Аоанасъевъ. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. 1869. 3 тома.

Булаковскій. Пинчуки. 1890. На стр. 189—190 краткія замѣтки о знахарѣ.

Бьлюкурый. Знахари и бабы. Одесскій Вѣстникъ, 1865, №№ 107—109.

Бьньковскій. Разсказъ о вовкулакахъ. Кіевск. Стар., 1894, XII, 495—497. Вовкулаки вѣчныя и на время заклія. Вовкулака разрываетъ вмѣстѣ съ вовками любовника своей жены, сдѣлавшей его вовкулакою. Люди дѣлающіеся вовкулакою по временамъ. Отецъ подсмотрѣлъ, какъ сынъ дѣлался вовкулакою, ѣлъ съ волками корову.

Волянъ, 1890. № 64,—о знахарѣ-гадателѣ по славянской библии, вѣдунахъ и вѣдуньяхъ Бердичевского у.

Г. М. Вѣдьмы. Недѣля, 1875, № 46. Очеркъ изъ жизни Полѣся: испытаніе вѣдьмъ топленіемъ въ озерѣ во время засухи; отыскиваніе у бабъ хвоста; жалоба начальства на трехъ «хвостатыхъ» бабъ, заподозрѣнныхъ въ вѣдовствѣ.

Гринченко Б. Этнограф. матеріалы, I. № 82. Про вовкулакивъ (по ошибкѣ попалъ въ отдѣлъ IV; это перепечатка изъ VI-й книги «Кіевской старины» за 1894 г.). №№ 87—89, 4, 92, 93, 207—209.

Данильченко. Этнографическія свѣдѣнія о Подольской губ., вып. I. 1869. О разныхъ суевѣріяхъ и предрасудкахъ. Между прочимъ, о вѣдмахъ и ворожбѣ въ Литинскомъ у.

Де-Волланъ. Угро-русскія народныя пѣсни. 1885. На стр. 25 о колдунахъ и вѣдмахъ (топленіе).

Довнаръ-Запольскій. Современное дѣло о знахарствѣ. Кіевск. Стар. 1892, III, 498—499. Волостной судъ присудилъ къ штрафу знахаря за неудачное лѣченіе.

Драюмановъ. Малорусскія народныя преданія и разсказы. К. 1876. 21 сказка о вѣдмахъ, знахаркахъ и волшебникахъ (68—77). Вѣдьмы врожденныя и ученые; какъ увидѣть ихъ, какъ поймать (на очкуръ); доеніе коровъ; собаки-ярчуки; соль для вѣдьмъ; вѣдьма и вѣдьмакъ (вариантъ Гоголевскаго «Вія»); вѣдьма въ видѣ рѣшета; знахарка вызываетъ суженаго и насылаетъ смерть; можетъ и отводить смерть; на

Этнограф. матеріалы, II.

9

стр. 353 сказка про Ивасика и вѣдму. На стр. 393: Вѣдмы на Лысой горѣ (Мужъ полетѣлъ на Лысу гору за женой-вѣдмой); на стр. 394—395: Наказанныя вѣдмы. (Умертвившій вѣдму читаетъ надъ ея тѣломъ въ церкви).

Ефименко П. С. Судъ надъ вѣдмами. Киев. Стар., 1883, XI, 374—401. Повѣрья о чертяхъ, вѣдмахъ, чаровницахъ, характеристики вѣдмъ, способы узнать и поймать вѣдму, жалобы на вѣдмъ въ судъ, испытаніе вѣдмъ водою, архивные документы о вѣдмахъ (1718). Въ дополненіе къ этой статьѣ въ XII кн. Киевск. Стар. 1883, 697—700, приведено три народныхъ разсказа о вѣдмахъ-колдуньяхъ (ворожба по слѣду, обсыпаніе макомъ, топленіе вѣдмъ).

Ефименко П. С. Околдованіе начальства, въ Киевск. Стар. 1884, III, 508—509 (попытка околдовать волостной судъ посредствомъ обсыпанія судей макомъ въ Сумскомъ у. Харьк. губ. въ 1883 г.) и въ Киев. Стар. 1886, V, 175—178 (попытка околдовать Черниговскій полковой судъ въ 1733 г. посредствомъ жабы).

Житѣе и слово, томъ II. Дыка баба (Литавця) (358—359): любить горохъ, если отнять у нея чоботы, дѣлается слугою, за возвращеніе сапогъ научаетъ знахарству).—Дивчына-видьма (355): ее подкопали, перевернули ногами туда, гдѣ была голова, и душа не могла 4 дня войти въ тѣло,—она оставила вѣдмовать.—Мельникъ панъ надъ щурами (357): мельникъ управляетъ крысами.—Щуры въ Бучачу (357—358): планетникъ изгоняетъ крысъ.—Томъ III. Млыны и мельныкы (75): мельники-знахари.—Томъ IV. Чары и чаривныци (182): чаровница портитъ ребенка (лѣчатъ, купая съ соломою, вырванною изъ чужой крыши), не дозволяетъ выходить замужъ, ссоритъ мужа и жену.—Що кому призначене, те його не мyne (183—184): исполняющіяся предсказанія знахарей.—Про вовкулакы (185—186).

Zielinski. Lnd basiowiecki, въ «Вислѣ» 1890, IV, 784—786. Запѣтки о колдовствѣ и вѣдмахъ вблизи г. Львова; договоръ съ сатаной; какъ узнать чародѣевъ и вѣдмъ; чары, панунци и заморы.

Ивановъ П. Изъ области народныхъ малорусскихъ легендъ. Этн. обозр. XXI. Смерть вѣдмы (88), смерть вѣдмака (89), вѣдмакъ-упырь (89—91).

Ивановъ П. В. Знахарство, шептаніе и заговоры въ Старобѣльскомъ и Купянскомъ уѣздахъ Харьк. губ. Киевск. Стар., 1885, XII, 730—744. Шептанія надъ водою, отъ пристриту. сглазу, испуга и др., всего 10 съ указаніемъ на манипуляціи и обрядныя дѣйствія знахарекъ.

Ивановъ П. В. Кое что о вовкулакахъ и по поводу ихъ. Киевск. Стар., 1886, VI, 356—364. Пѣсня, 4 заговора-оберега, охраняющихъ молодыхъ и поѣзжанъ отъ обращенія въ волковъ. Нѣсколько преданій, сказокъ и повѣрій. Въ одной сказкѣ вѣдьма обращаетъ коровье молоко въ кровь, обращаетъ на перекресткѣ молодыхъ и поѣзжанъ въ волковъ. Вовкулаки невольные и добровольные. Оборотничество.

Ивановъ П. В. Народные рассказы о вѣдьмахъ и упурихъ. Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ., III, 1891 и оттиски. Большой и интересный сборникъ сказокъ и повѣрій о вѣдьмахъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь, какъ и въ иныхъ записяхъ г. Иванова, записи неточны; относительно языка, записи не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Сначала говорится о томъ, какъ женщины дѣлаются вѣдьмами и какъ можно узнать вѣдьмъ, далѣе подробно объ оборотничествахъ и смерти колдуновъ и вѣдьмъ и, наконецъ, объ упурихъ и связи ихъ съ вѣдьмами и колдунами.

И(вановъ) П. Народныя представленія и вѣрованія, относящіяся къ виѣшнему міру. Харьк. Сборн., II, 93. Ярчукъ. 92. Корова.

И(вановъ) П. Народные обычаи, повѣрья, примѣты etc., относящіяся къ малорусской хатѣ. Харьк. Сборн., III, 51 (если хочешь узнать, какая вѣдьма корову испортила, «такъ треба молоко на сковороди смажыты»).

Иващенко. О южно русскихъ шептаніяхъ. Въ трудахъ 3-го археологическаго съѣзда 1878.

Исаевичъ. Еще разсказецъ о вовкулакахъ и чаровникахъ. Киевск. Стар., 1883, XII. На одной страницѣ (700) замѣтка объ обращеніи свадебныхъ поѣзжанъ въ волковъ и о томъ, какъ чаровникъ сдѣлалъ такъ, что у колдуньи выросли на головѣ рога до потолка.

К..... А..... Своимъ землякамъ хлиборобамъ дарю двѣ казочки одна объ томъ «Якъ вѣдьма хотила зйисты Ивашка, та невадалось його та Оленку зйила», а друга «Объ хымородныку Васылю, якъ винъ на свальби у Нычипира Зубенка поробывъ усихъ вовкулакамы». Харьк. 1876. 22 стр.

Квитка Г. О. Повѣсти (по малорусски и по геликорусски). Цѣнныя этнографическія черты въ повѣстяхъ «Конотопська вѣдьма», «Мертвецкій белякдень», «Отъ тоби й скарбъ» и въ «Зназарѣ».

Кіевлянинъ. 1865, №№ 69 и 70 (о знахаряхъ, вѣдьмахъ и руслакахъ), 1878, № 93 (завертка), 1875 № 67 (одмина), 1870 № 51 (отыскиваніе вѣдьмы въ с. Боркахъ Киевск. у.), 1872 № 33 (о злыхъ

духахъ), 1877 № 132 (истязаніе крестьянки въ Конотопскомъ у. по подозрѣнію въ чародѣйствѣ), 1867 № 117 (дѣло 1710 г. о чародѣйствѣ), 1872 № 61, 1869 № 44, 1877 № 83, 1868 № 15, 1871 № 81, 1875 № 115, 1877 № 80 и 1875 № 65 (о знахаряхъ), 1872 № 94 (амулеты).

Кіевскія Епарх. Вѣдомости, 1879, № 33, о закруткахъ.

Коллинсъ. Нынѣшнее состояніе Россіи, въ Читеніяхъ Моск. Общ. Ист. 1846. Англійскій путешественникъ, прожившій въ Россіи 9 лѣтъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, говоритъ: «черкасы очень преданы колдовству и считаютъ его важной наукой. Имъ занимаются женщины высшаго сословія».

Koregnicki. Przyczynek do etnografii ludu ruskiego na Wołyniu въ Zbiór wiadom. XI. На стр. 194—199 замѣтки объ укр. нар. повѣрїяхъ о вѣдьмахъ и чародѣйствѣ (способъ доенія коровъ—перегораживать имъ дорогу, способъ узнать вѣдямъ—держатъ во рту сыръ въ церкви въ великую субботу; предохранительныя средства—конопляный цвѣтъ и др. Оборотничество вѣдмъ въ жабу и др. животныхъ; ворожба по волосамъ, по слѣду, данье).

Корвинъ-Пиотровскій. Матеріалы для исторіи, этнографіи и статистики Черниг. губ. Ч. 1887. Въ статьѣ «Внутр. и внѣшній бытъ мѣстн. населенія» въ главѣ «Народныя обычаи вѣрованія и проч.» замѣтка о знахаряхъ, вѣдьмахъ, закруткахъ.

Kosinski. Materjaly do etnogr. Goralii bieskid. въ Zbiór wiadom. V, VII. Подъ № 12 помѣщена сказка о вѣдьмѣ, полетѣвшей ночью въ трубу, и парубкѣ, воспользовавшемся ея мазью и тоже за ней помчавшемся. Подъ № 69 сказка о женитбѣ царскаго сына на дочери колдуньи, послѣ разрѣшенія трудныхъ задачъ. Подъ № 108 сказка о чаровникѣ, изгнавшемъ крысъ изъ водяной мельницы. Подъ № 116 сказка о парубкѣ, женившемся на дочери вѣдьмы.

Костомаровъ. Литературное наслѣдіе. 1890. На стр. 360—364 о чародѣйствѣ и бабахъ чаровницъ въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Краснокутскій въ Кіевск. Епарх. Вѣдомостяхъ 1880 №№ 26, 30, 37, 38 говоритъ о мѣстныхъ народныхъ повѣрїяхъ о вѣдьмахъ, порчѣ коровъ, сниманіи звѣздъ, оборотничествѣ вѣдмъ, предохранительныхъ средствахъ; между прочимъ, бросаютъ черепаху въ ту лаханъ, изъ которой пьютъ коровы.

Kraszewski. Wspomien Wołynia, Poles'ai i Litwy. 1840. О повѣрїяхъ малоруссовъ на Волини о вѣдьмахъ (закрутка, причиненіе дѣтямъ болѣзни и проч.).

Крыжановскій. Замѣтка о колдунахъ, въ «Николаевскомъ Вѣстникѣ» 1866 № 31.

Кулишъ П. Записки о южной Руси. 2 тома. Спб. 1856. Въ 1 т. на стр. 77 изслѣдов. о запорожскихъ химеродникахъ. Въ 2 т. на стр. 17 сказка объ Ивасѣ и вѣдьмѣ. На 33—41 стр. рассказы о вѣдьмахъ. Способы узнать вѣдьмъ. О томъ, какъ вѣдьма призываетъ къ себѣ чарами человѣка. О томъ, какъ знахарь управляетъ бурей. О томъ, какъ вѣдьмачъ управляетъ пчелами. (Перепечатку первыхъ трехъ рассказовъ см. въ книгѣ: «Руська читанка для ныжчихъ клясъ середнихъ шкиль. Уложывъ Омелянъ Партыцькый. Часть II, Л. 1871, стр. 179—181). На стр. 35: »Превращеніе въ вовкулаку и «превращеніе въ «пригижкова-таго» волка.

Лазаревскій А. Черты быта и нравовъ XVII—XVIII в. Колдовство и ворожба (выписка изъ старыхъ документовъ). Записки Черн. Губ. Стат. Ком. Черн. 1872. Книга 2-я, вып. 5—6, стр. 90—96.

Левицкій Ив. Свитоглядъ украинскаго народу. Эскизъ украинской мифологіи. Л. 1877. (Сперва печаталось въ журналѣ «Правда» 1876 г.) Содержание: Свитли Боги. Темни силы. Богыня сонце. Богыня зоря. Богъ громовыкъ-войннъ. Громовыкъ-пастухъ. Громовыкъ-хлиборобъ. Громовыкъ-ловчый. Богыня весна. Весняни играшки. Купайло. Коляда. Темни зимови силы. Смерть свитлыхъ богивъ. Видьмы и видьмакы. Упирѣ и вовкулакы.

Лепкій Д. Де що про вовкулакивъ. Зоря, 1885, № 20.

Лепкій Д. Про небыщикивъ. Зоря, 1890, стр. 150, 167.—Чаривныця важка писля смерти. Чаривныця завела въ лисѣ пасербыцю и кынула тамъ.

Лепкій Д. Лыцари та розбійныкы въ деякихъ людовыхъ казкахъ та' вированяхъ. Зоря, 1887, № 19—20. Малорусскіе «лыцари» и герои обладаютъ сверхъестественной силой. Знахарка Гася воспитала сироту и, когда его взяли въ солдаты, сдѣлала такъ, что его пуля не брала. Разбойника Добуша также не брала пуля,—его убили пшеницею, которую священникъ на семи литіяхъ семь разъ поблагословилъ. Князь тоскуеть объ умершей женѣ, ворожка указываетъ ему, какимъ образомъ онъ можетъ пробраться на тотъ свѣтъ, и князь видится тамъ со своей женой. Воры и разбойники усыпляютъ людей свѣчею изъ человѣческаго жиру. Чудотворное «зиля», отпирющее всѣ замки. Разбойники въ уговорѣ съ чертомъ.

Линниченко въ «Кіевской Старинѣ» 1889, X, 172—179 «Два дѣла о волшебствѣ» первой половины XVII ст. Въ одномъ дѣлѣ рѣчь

идеть о попыткѣ околдовать судъ посыпаніемъ черного песка; въ другомъ—о врожденномъ упырѣ, который узнавалъ вѣдьмъ.

Лоначевскій и Купчанко. Сборникъ пѣсенъ буковинскаго народа. 98—99. Вѣдьмы въ хозяйствѣ (обереги отъ вѣдьмъ и пр.). Вѣдьмы на горѣ (мужъ полетѣлъ за женою-вѣдьмою).

Малинка А. Разказы о вѣдьмахъ. Кіев. Стар. 1894, III, 551—553. Разказъ на тему Гоголевскаго Вія. Обученіе вѣдьмъ: несутъ молоко со звѣрей къ болоту, лягушки дѣлаютъ изъ него масло, вѣдьма беретъ гадовъ зубами и топчетъ крестъ. Береги отъ вѣдьмъ.

Максимовичъ. Собраніе сочиненій, II. Дни и мѣсяцы украинскаго селянина. На стр. 504 краткая замѣтка о вѣдьмахъ (крадутъ «мечки», которыми бабы трутъ коноплю); крапива, какъ береги отъ вѣдьмъ.

Манжура. Сказки, пословицы и т. п. Харьк. 1890. 12 сказокъ о вѣдьмахъ (134—140): вѣдьмы крадутъ звѣзды, собираютъ росу, доятъ чужихъ коровъ; береги; оборотничество въ лошадь; снитникъ—видьомське мисто; вѣдьма не оставляетъ слѣдовъ даже на снѣгу; вѣдьма-упырѣ—сказка типа Гоголевскаго Вія; новобравецъ, улетѣвшій за вѣдьмою въ трубу; вовкулакъ старше вѣдьмы.

Манжура. Малорусскія сказки въ Сб. X. И.-Ф. О., VI, 165—166. Мыколай угодникъ—сыроти помошникъ. Смѣшано нѣсколько мотивовъ. Конецъ—отчитываніе мертвой въ церкви.

Матеріалы для этнографическаго изученія Харьковской губ. въ Харьковскомъ Сборникѣ, 1893—1895. Томъ VII, 419—420. Замѣтка о вѣдьмахъ. 449—456. Характеристика вѣдьмъ. Солдатъ, улетѣвшій за вѣдьмою на лысую гору. Разказъ крестьянина о томъ, какъ онъ убилъ вѣдьму (стр. 451; тотъ-же самый разказъ раньше былъ напечатанъ у Иванова въ Сб. X. И.-Ф. О., III, 179). Вѣдьма собакою (452; раньше напечатано у Иванова, 180), клубкомъ, иголкою (452; раньше напечатано у Иванова, 196), собакою (452; раньше у Иванова, 183—184), кобылою (452; раньше у Иванова, 200), собакою, яблокомъ (453; раньше у Иванова, 197), копицею (453; раньше у Иванова, 194), ловля вѣдьмы очкуромъ, смерть вѣдьмы. *Вовкулаки* (454—456).—Томъ VIII. Замѣтка а вѣдьмахъ (19), тоже (43), вѣдьма приходитъ на кипящее молоко (43), сосѣдку, желавшую хорошей сметаны, вѣдьма обращаетъ въ собаку и велитъ смотрѣть въ яму, тамъ сосѣдка видитъ мученія вѣдьминой души и отказывается быть вѣдьмою, затѣмъ слѣпнетъ (44—45), знахарки (45) *вовкулаки* (45—46), береги отъ вѣдьмъ (46), замѣтка о вѣдьмахъ (83), сказка объ Ивашкѣ и вѣдьмѣ (142—143), закрутка (193), береги отъ вѣдьмы (263), замѣтки о вѣдьмахъ (288), солдатъ,

улетѣвшій за вѣдьмами (289), мужъ повернулъ тѣло жены-вѣдьмы головою туда, гдѣ были ноги, и ея душа прилетѣвъ мухою, не могла войти въ тѣло (290), отбиваются отъ вѣдьмъ клечальною палкой (290), вѣдьма клубкомъ, колесомъ безъ обода, собакою, полѣномъ, свиньею, кобылою (290—291), вѣдьма мертвая ходитъ къ дѣтямъ (291—292) *вовкулаки* (292—293), колдуны (293—294), папоротникъ (299), обереги отъ вѣдьмъ (300—301) ярчукъ (302), причарованіе (337—338).—Томъ ІХ. Вѣдьма кобылою (244), вѣдьма крадетъ дождь, умирая велитъ вырвать у всѣхъ пѣтуховъ перья и заткнуть въ яру—пошелъ дождь (244—245), якъ видьму пійматы (245), якъ пидглядивъ видьму (245, видьма копною), якъ побачыты видьму: ийти съ блиномъ масляничнымъ на Великдень въ церковь (246), вѣдьма-упырь (246—247), видьмы зъ пидылкѣмы на голови (247—248), видьма клубкомъ (248), мертвый упыряка и знахарь (248), сердитая вѣдьма разорвала и чертей (248), прохожій переложилъ тѣло вѣдьмы на другое мѣсто, и ея душа не могла войти въ тѣло (249), прохожій улетаетъ за вѣдьмою (249—250), вѣдьма собакою, копною, клубкомъ (250—251), *про вовкулаку* (251—252), *колдунъ и вовкулака* (252—254), два колдуна (263—264), купецъ-колдунъ, управляющій гуртомъ скотины (265—266), наслана худоба выголочыла хлибъ (265), Ромахъ пошелъ красть кавуны, а сторожъ-знахарь заставилъ его пробыть на бакшѣ всю ночь (261), чумахъ Галяпа-знахарь имѣетъ силу дѣлать людей неподвижными (266—270), знахарка избавляетъ отъ перелесныка (273), Божыча-еретница (знахарка, 274—275), вѣдьму узнать можно «стульвышы дулю» (315), замѣтка о вѣдьмахъ (395), то-же (427).

Маркевичъ. Обычай, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. 1860. Замѣтка о вѣдьмахъ на стр. 83.

Марковичъ В. Знахарки новаго типа. Кіев. Стар., 1891, XII, 413—429.

Мордовцевъ Д. Малорусскій литературный сборникъ. Саратовъ. 1859. Стр. 366—370. № 3. Казка про Ивашечка и про видьму.

М. К. Путевые очерки Подолія. Кіев. Стар., 1884, X, 274—275. О «видьомствѣ и знахарствѣ» въ с. Бакотѣ, считающейся центромъ знахарства въ подольской землѣ.

Мякотинъ. Дѣло 1749 г. о волшебствѣ, въ Кіевской Старинѣ, 1890, XII, 515—517.

Nowosielski. Lud ukraiński. 1857 г. Въ 2 т. на 80—91 стр. о вѣдьмахъ и колдовствѣ. Вѣдьмы портятъ коровъ, причиняютъ есаху, удерживая дождь въ горшкѣ подъ покутемъ; одежда вѣдьмъ; кол-

довство на сырѣ; оберегъ—макъ вѣдюкъ; полеть на лысую гору; сказка о солдатѣ и вѣдьмѣ (улетѣлъ за вѣдьмой); колдовство въ связи съ солнечнымъ освѣщеніемъ, жалоба общества с. Бобрлицъ Житомир. у. въ 1832 г. на вѣдьму Чижиху, которая обсыпала макомъ, насыпала плаксы, дѣлаеть закрутки, постить на зло людямъ первое воскресенье каждаго мѣсяца. Вѣдьмы влюбляются въ парубковъ. на стр. 93—96 о знахаряхъ и чаровникахъ; насланья, уроки и дання; передача чародѣйскихъ знаній при смерти. На стр. 96—99 о вовкулакахъ.

Podbereski. Materyaly do Demonologii ludu ukraińskie го въ Zbiór Wiadom. IV, 3—83. Большой матеріалъ, собранный въ Чигиринскомъ у. Киевск. г. О способѣ поймать вѣдьму. Вовкулакъ изъ с. Матусова. 9 разсказовъ о вѣдьмахъ: 1) Оситняжская вѣдьма Гундыха (доить коровъ, поймана на поясъ-очкуръ, обращается въ лошадь, собаку, клубокъ); 2) вѣдьма попова жинка (летала по селу и морила, людей пока не поймалъ ее козакъ-характерникъ; ее отвели на судъ въ городъ и сожгли); 3) Нареченная вѣдьма (сказка типа Гоголевскаго Вія); 4) Шалабайка (уничтожила тѣхъ щенятъ, изъ которыхъ должны были выйдти ярчуки); 5) Кудурвалка (вѣдьма мститъ парубку за внучку, сбиваетъ его съ ногъ въ видѣ кота, потомъ свиньи; знахаръ избавляетъ посредствомъ осиковой палочки); 6) Марта Кострубаха (въ видѣ бѣлой собаки прыгаетъ на плечи къ парубку); 7) издѣвательство вѣдьмъ надъ полевыми крестами (ср. стр. 48 и 201); 8) Шабашъ вѣдьмъ на лысой горѣ; 9) Китайгородская вѣдьма (съ собачьей губой; собираніе росы; доение коровъ; масло, добываемое вѣдьмами, всегда нечисто, съ волосами, мухами, щепками). Вѣдьмы проходятъ сквозь дерево, воду, стѣну. Отдѣльная глава (60—84) о знахаряхъ, характерникахъ, планетникахъ, чарахъ, урокахъ и разныхъ суевѣрныхъ лѣченіяхъ болѣзней. Здѣсь также мѣстами попадаются замѣтки о вѣдьмахъ, напр., какъ Шалабайка околдовала парубка за то, что онъ не захотѣлъ жениться на ней (62).

Подольскія Епарх. Вѣдом. 1864, № 12 (о заламахъ).

Покровскій. Страшный судъ въ памятникахъ византійскаго и русскаго искусствъ, въ «Трудахъ VI археол. съѣзда», т. III. На стр. 327-й говорится о южнорусской картинѣ Страшнаго суда на полотнѣ XVIII в. съ изображеніемъ вѣдьмы съ деревянной дойницей, чаровника съ змѣей и стеклянкой и колдуньи, заламывающей жито.

Потебня. О мифическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій. 1865. Гл. 3-я: «змѣй, волкъ и вѣдьма (233—310).

Потебня. Къ исторіи звуковъ русскаго языка. II. 1880. На 30—31 стр. объясненіе словъ *химородникъ* и *чаклувать*; на 131 стр.— *потворъ*, *потворити*.

Путникъ. По роднымъ палестинамъ. Кіевское Слово, 1896, № 2894. О знахаркѣ и знахарѣ въ с. Соколовкѣ Проскуровскаго уѣзда. О знахаркѣ Анисѣ говорятъ, что у нея въ распоряженіи «маленьке, дуже ще молоде, а черезъ те не дуже ще й хытре и невидлыве чортыня». Когда ея односелець Борисъ началъ у нея перебивать практику и она обвинила его въ сношеніи съ нечистой силой (будто Борисъ «подмазался къ одной вѣдьмѣ—сестрѣ ея чертенка» и т. д.), то сельскій сходъ, по жалобѣ Бориса, выдалъ ему слѣдующій приговоръ: «Мы, нижеподписавшіеся, даемъ сей приговоръ односельцу своему Борису К. въ томъ, что онъ не вѣдьмаръ и не колдунъ, колдовствомъ не занимался никогда и теперь не занимается, а всегда занималась имъ и занимается колдунья Анисья, которая имѣетъ при себѣ чорта, съ помощью котораго много вредитъ намъ, нашимъ дѣтямъ и нашей худобѣ, что можемъ подтвердить присягой».—Дальше сообщеніе о парубкѣ 19 л. (с. Павловка Звенигородскаго у.) увѣрявшаго, что ему «на дворѣ, у порога, явился духъ въ видѣ коня, масти сѣрой съ тавромъ на ногѣ—вотъ и сейчасъ стоитъ онъ у окна». Этотъ конь далъ ему силу лѣчить.

Радченко Зинаида. Гомельскія народныя пѣсни. 1888. На стр. XIV—XV замѣтка о вовкулакахъ, вѣдьмакахъ и вѣдьмахъ (наружность, доеніе коровы, способы узнать ихъ—сѣсть подъ бороною; оберегъ: бросать кучи муравьевъ по улицѣ).

Раевскій. Малорусскія повѣрья въ «Воронежской Бесѣдѣ на 1861 г.» На стр. 192—194 о вѣдьмахъ; оборотничество (не болѣе 12 видовъ: въ сороку, собаку, кошку, свинью, иглу, копну, сѣно, клубокъ, козу, метлу, колесо и муху); доеніе коровъ, лѣченіе коровы «не початой» водой, егоровской росой и режзовымъ гнѣздомъ; вѣдьмы причиняютъ засуху; ловля вѣдьмъ на очкуръ; обращеніе вѣдьмы послѣ смерти въ упыря на стр. 195 знахари и вѣдьмы обращаютъ людей въ вовкулаковъ.

Ревякинъ. Вовкулаки (Невро-Литвины) въ «Основѣ» 1861, XII, Народный рассказъ о колдунѣ-вошеѣдѣ, обратившемъ Гудзя и всю его семью въ волковъ. Сравненіе съ геродотовскимъ сказаніемъ о Неврахъ и приуроченіе ихъ къ бѣлоруссамъ, страдающимъ колтуномъ.

Rokossowska. O swiecie roslinny w podaniach ludu ruskiego na Wołyniu. Zbiór wiadom., XIII. Зелья при ворожбѣ и вѣдомствѣ (168, 176, 177, 178, 180, 185). Втыканіе во дворѣ осино-выхъ кольевъ, чтобы вѣдьмы не дошли коровъ.

Рудченко. Народныя южнорусскія сказки. 2 тома. 1869—1870. Т. I, на стр. 78 сказка о вѣдьмѣ; женщина сдѣлалась вѣдьмой вслѣдствіе проклятія матери и семь лѣтъ жила съ чертомъ, потомъ сошлась съ парубкомъ, крещена и повѣнчана съ нимъ. (Литературная обработка этой темы у Стороженка: «Закоханный чертъ».) Оберегъ—ножъ, что святился съ пасхами семь лѣтъ. Ловля вѣдьмы на очкуръ.

Rulikowski. Opis powiatu Wasylkowskiego. 1853. На стр. 163—166—о вѣдьмахъ и колдунахъ (порча коровъ, полеты на Лысю гору, насыланіе болѣзней, одежда вѣдьмъ, данье, превращеніе людей въ волковъ). Колдуны-гайдамаки. Знахари (лѣчатъ болѣзни, предсказываютъ будущее).

Rulikowski. Zapiski etnogr. z Ukrainy, w Zbiór wiadom. III. На стр. 90 одежда вѣдьмъ, отличіе ихъ отъ чаровницъ, раздѣленіе на родимыхъ и ученыхъ; злодѣянія ихъ; кievскія чаровницы; о знахаряхъ и данѣ (102), бѣлоруссы—колдуны въ глазахъ малороссовъ (103); способъ изловить вѣдьму, когда она доитъ коровъ; картина, изображающая казака Мамія и чаровницу съ могилы Сороки; ворожба по волосамъ (104); свѣча изъ человѣчьего жира; закрутки. На стр. 105—108 документъ XVIII в. о судебномъ процесѣ вѣдьмы, гдѣ отмѣчено обхожденіе вокругъ дома, клятва съ преклоненіемъ лѣваго колѣна и проч.; 109—119 заговоры.

Сементовскій. О праздникахъ малороссіянъ. Маякъ, 1843, XI. Матер. на стр. 25. замѣтка о вѣдьмахъ, доеніи коровъ, оберегахъ.

Стороженко О. Украинскіи оповидання. Спб. 1863. 2 т. Т. I. Закоханный чортъ. (Литературная обработка народнаго повѣрья о любовныхъ сношеніяхъ между вѣдьмой и чертомъ).

Сумцовъ. Культурныя переживанія. 1890. Сравнительно-этнографическіе этюды объ украинскихъ знахаряхъ (§ 108), цыганской ворожбѣ (109,6), вѣдьмахъ (57,144), топленіи ихъ (4), ворожбѣ надъ тучами (4), по слѣду (110), по волосамъ и ногтямъ (111), по восковой фигурѣ (112), наузы (117), закрутка (118), подиѣнь ребенка (81), собираніе росы (120), порча коровъ (119, 144), похищеніе звѣздъ (121), насыланіе болѣзней (99—106), украинскіе инкубы и суккубы (125).

Сълецкій. Колдовство въ юго-западной Руси въ XVIII в. въ Кіев. Стар. 1886, VI, 193—236. О происхожденіи колдовства; происхожденіе чертей; природа ихъ; оборотничество (по сборникамъ Чуб. и Драг.) о бѣсѣ летавцѣ. Судебные процессы вѣдьмъ (по Антоновичу). Объ упыряхъ. Способы колдовства.

Тополя К. Чары или нѣсколько сценъ изъ народныхъ былей и

разказовъ украинскихъ. М. 1837. Въ драматической формѣ тема пѣсни: «Ой не ходы, Грицю, та на вечерныци»; на стр. 41—44, 56—62, 82—84 сцены, довольно точно передающія народныя вѣрованія о знахарствѣ и колдовствѣ вѣдьмъ, полетѣ ихъ и вѣита на Лысую гору и о томъ, что тамъ бываетъ.

Филаретъ, архіеп. Историко-статистич. описаніе Харьковской епархіи 1857 г. Во 2 т. на стр. 286—289 дѣло 1750 г. объ унырѣ, показывавшемъ въ консисторіи, какъ и чему его научила вѣдьма. Эта вѣдьма созывала змѣй и снимала съ неба звѣзды. VII, стр. 70—судебный процесъ 1666 г. по обвиненіи въ колдовствѣ—дѣланіи закрутокъ.

Филаретъ, архіеп. Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи. Книга пятая. Стр. 271: «въ 1711 г. во время моровой язвы, бунтовщики взбунтовавшись, многихъ женъ, признавая ихъ яко за видіомство, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ (1755 г.) крестъ стоитъ, пожгли и въ томъ числѣ умершаго бунчуковаго товарища Михаила Выховца матеръ, а пановъ Тетранскаго и Ошовскаго по женамъ бабу сожгли же. Послѣ моровой язвы согласяся бунчуковой товарищъ Мих. Выходецъ съ тѣми обывателями, коихъ матери и жены сожжены, сперва на томъ мѣстѣ каплицу сдѣлали, а потомъ, когда каплица обветшала, панъ Ошовскій 1728 г. испрося благословеніе у преосвященнаго Варлаама Вонатовича поставилъ крестъ». (с. Олишевка Козелецк. у.)

Харьковскія Губ. Вѣдомости, 1886, № 142. Вѣдьма въ видѣ бѣлой собаки бѣгала ночевать къ парубку, превращаяся во время свида, ній въ дѣвушку. Волостное правленіе, урядникъ и крестьяне ловили эту вѣдьму.

Чубинскій. Труды этногр. статист. экспедиціи въ западно-русскій край. 1872—1877. Томъ I, стр. 111—140 о заговорахъ и суевѣрномъ лѣченіи болѣзней; 196—205 о вѣдьмахъ, природныя и ученыя вѣдьмы. волшебная мазь, полеты; сказка о солдатѣ и вѣдьмѣ (улетѣлъ за нею); порча коровъ; собака первакъ, сборища вѣдьмъ на перекресткахъ у крестовъ, оборотничество; старшая вѣдьма, ѣзда на вѣдьмѣ; отчитываніе умершей вѣдьмы дьячкомъ въ церкви; способы узнать вѣдьмъ, ловля ихъ на очкуръ; вѣдьмы высасываютъ кровь у людей, производятъ засуху. О вѣдьмакѣ (205), вовкулакахъ и мавкахъ (206), чаровницахъ и планетникахъ (207), знахарѣ-ворожитѣ и чортѣ-выхованцѣ (208), характерникахъ и знахаряхъ, (209). Томъ II-й: сказки о вѣдьмахъ (403—409 — пожираютъ человѣчье мясо обращаются въ упыря). На стр. 27 № 7—сказка, подобная № 12 во II т. Рудченко, сказкѣ у Манжуръ: Мыколай угодникъ—сыроти помощникъ

(С. Х. И.-Ф. О., VI, 165—166) и у Ястребова (126—129), только вместо мертвой в церкви «змія». V-й томъ: пѣсни о чарахъ (414—424).

Цыбульскій. Всенародное купаніе вѣдьмъ в озерѣ (въ Черниг. у.) и судебная отъ того волокита. Киев. Стар. 1885, XI, 566—570.

Этнографичный збирникъ. Редак. М. Грушевскій. Томъ I. Л. 1895. На стр. 33—36. Невдячный братъ и живуща вода. (Чаровница во дворѣ в лѣсу каждого пробѣжжаго дѣлаетъ камнемъ; окропляетъ камни водою и изъ нихъ опять дѣлаются люди; потомъ ее убиваютъ). № 13. Дивчина мижъ сыройидамы (47—49, во второй половинѣ—вариатъ сказки про Ивасика и вѣдму).

Ястребовъ. Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края. Од. 1894.—Какъ узнать вѣдму; смерть ея; превращенія (64). Парубокъ проводитъ ночи у тѣла умершей дивчины-вѣдьмы (64—66). Вѣдьма открываетъ тайны своего занятія (66—69). Волшебница (69). Чумакъ дѣйствіемъ чаръ своей жены, летаетъ по воздуху (70). Парубокъ по желанію превращается въ вовкулака и, во главѣ стаи вовкулакъ, нападаетъ на людей (70). Теща превращаетъ въ вовкулака зятя, св. Юрій даетъ ему въ помощь двухъ волковъ (71). Парубокъ превращенъ въ вовкулака дивчиной, по совѣту одного знающаго человѣка, онъ пробѣгаетъ подъ ея ногами, становится человѣкомъ, а она вовкулачкою (71—72). Вовкулака живетъ въ обществѣ волковъ, надъ которымъ поставленъ старшина, на вовкулаку нападаетъ собака, причемъ на немъ лопаются кожа, и онъ снова становится человѣкомъ (72—73). Человѣкъ дѣлается вовкулакою въ сонномъ состояніи, въ компаніи съ волкомъ онъ прокармливается домашнимъ скотомъ своихъ дѣтей, одинъ изъ его сыновей бьетъ его палкой, и онъ обращается въ человѣка (73—74).

Ящуржинскій. О превращеніяхъ въ малорусскихъ сказкахъ. Киев. Стар., 1891, IV, 82—83. Замѣтка о вовкулакахъ по «Кіевск. Старинѣ» и «Трудамъ» Чубинскаго.

VII. О кладахъ.

---

94. СКАРВЪ СВИЧЕЮ У ТРУНИ.

Скарбъ такой буває, шо оце ввечери дывышся, — ажъ горыть огникъ, а якъ пидійдешъ, такъ буде стояты труна, а въ тій труни лежать гроши й свичка стойить. Ото й беры той скарбъ, та тилькы не можна лякаться, а то воно де й динеться.

Черниг. у.—Записала Н. Г.

---

94. ШКАРВЪ ДИДОМЪ.

А то батько розказувавъ, якъ йому случався (скарбъ). Винъ тоди живъ у роботныхахъ у Токаря. „Погнавъ я, каже, разъ скотыну у лись, а тамъ по-надъ Козацькою (такъ мисце звалось) була невеличка могылка, такъ, може, якъ казанъ перевернутый. И така, каже, ця могилка втишна була, шо я на ній и йивъ, и такъ сидивъ постоянно. Ну, погнавъ ото, — каже, — дывлюсь, а видъ тійи могылкы иде дидокъ, тамъ и дидокъ, — каже, — невеличкый, борода сыва. Иде та все кыва на мене рукою та клыче: „Сынашу, сынашу, иды сюды!“ А я, бачъ, въ

куцахъ съ краю, и йому видно мене, и я його гараздъ бачу. Я й загукавъ на хлопцівъ, а, бачъ, умести съ съ хлопцями пасъ. Прыбиглы воны, а дида того вже нема. Шукалы, шукалы та такъ и покынули. Прыгнавъ я увечери скотыну та й похвалывся хазяйинови, а винъ не вире. Ну, ото на другый день не погнавъ туды скотыну, а на третій упгъять погнавъ туды. Дывлюсь, ажъ та могылка розрыта: тамъ и зализо лежить зъ обручивъ, значыть и выдко—щось пидыйиздыло брычкою чы може тарантасомъ: слидъ вузенькый и колеса ше бушовани. Прыгоню я скотыну та й кажу хазяйинови та й пишлы ото удвохъ. Подывывся винъ та й каже: „Выкопавъ хтось шкарба“.

Записаль на х. Короповомъ Зміевского у. отъ Игната Ломановскаго И. И. Зозуля.

96. ШКАРВЪ БИНЬМЫ.

И мени лучалысь шкарбы, та не умивъ узяты, ше якъ пастухомъ бувъ, саме у Спасивку. Женемо мы скотыну зъ лису на стигло, ти жъ два пастухы особе, а я самъ соби иду. Дывлюсь, а помижъ деревами стойить трое коней и якъ заразъ памъятаю двое сывыхъ, а одинъ рыжий, та все грывами мотають. А на йихъ вуздечкы, такъ якъ сонечко пляшуть. Я тоди на хлопцівъ почавъ гукаты: „Хлопци, хлопци, сюды“! Та все дывлюсь на йихъ (на коней). А потимъ якось и одвернувсь подывыться, чы бижать хлопци, та упгъять гукаю: „Хлопци, ось идить сюди, дывыться яки кони!“ Та гулькь туды упгъять, на коней, бачу, а йихъ вже й нема. Прыбиглы хлопци, пытаются: „Де жъ ти кони?“— „Та ось заразъ булы отутечкы“, вказую я на мисце. Ходылы мы, дывылысь скрызъ, ни, не знайшлы, такъ и

пропалы. Прийшовъ я та й похвалывся дома, а маты й кажутъ: „Ото жъ шкарбъ тоби давався, та не вмивъ узяты“. Записавъ отъ Игната Ломановскаго на Короповомъ хуторѣ Зміевскаго у. Харьк. губ. И. И. Зозуля.

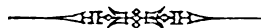
97. ЗАЗДРА НА ГРОШИ.

Багацько есть на свити билому тыхъ, хай Богъ простыть, ненажерцивъ на гроши. Аджэ отъ про одну такую бабу чутка й доси помижъ людьмы ходыть. Десь то, кажутъ, жыла соби баба удова, а у нейи бувъ сынъ та невестка. Грошей у нейи було багато, але жъ сыдила вона на йихъ и кряжыла, мовъ тая собака на стерви, що сама не йистъ и другимъ не дае. Ховала вона ти гроши у землю, та не на одному мисци, а такъ: сьогодни оце сховае тамъ, а черезъ який часъ поличыть йихъ и перехова у друге мисце. Отакъ вона й ховалася зъ нымы ажъ до кинця свого жыття. Передъ смертю, замистъ щобъ охвируваты йихъ на яке добре дило—на церкву святу, або старцямъ за спасеніе своейи души, чы то оддаты свойимъ дитямъ на вжытокъ,—вона пишла переховуваты йихъ у друге мисце. Ще колыбъ тилькы переховала, та й годи (таки гроши, якъ знайдешъ, можна взяты—даються у руки), а то ше й заклала йихъ (а заклати гроши, хочъ и знайдешъ, то абы якъ и не визьмешъ: не даються у руки, бо стережуть йихъ ти, що не пры хати згадуючы). Заклынала вона гроши ти, Богъ йий судія, ось якъ. Выгребла рукою, десь то мабутъ у затинку, ямку, поклала туды гроши ти, загребла тею жъ рукою, прытоптала йихъ и сила—не къ вамъ буде ричъ—на те мисце... Сыдыть ото вона, крекче и прыговорюе: „оце яка рука гроши ци загрибала, та хай и выгребаетъ, а хто сее мое... пожере, той и гроши по-

живе“. Зробыла ото свое дило й пишла до хаты. А не далечко коло цього мисця та полола невестка дыбулю и все бачыла й чула. И мовчыть соби вона килька днівъ, никому про се й пары зъ рота не пустыла. Не довго съ того часу стара рясть топтала — черезъ тыждень, чы що й умерла. Отъ невестка, якъ поклалы свекруху въ труну, ныщечкомъ одирвала у нейи ту руку, що загребала гроши, побигла на те мисце, де вони сховани булы, выгребла йихъ звидтиль тею рукою, а те, що зверху було, завынула въ хусточку и поклала на коминъ сушытысь; руку зновъ усунула свекруси въ рукавъ и ходыть соби по хати, порается, мовъ бы ничого того й не було. Поховалы ото свекруху, а про гроши чоловикови — ни згаду, ни спогаду. Черезъ кильки днівъ, а може й тыжднівъ, достала жинка зъ комина вузлыкъ зъ тею поганню, зимьяла його въ макитерици и щоденно сыпала його чоловиковы у страву замисць перцю, ажъ покы выйшло усе. Отъ, якъ выйшла та погань уся, тоди жинка внесла гроши въ хату и каже: „на тоби, чоловиче, це твоейи матери гроши колысь булы, т'але жъ теперь вони твойи“. И жинка прызналась чоловикови, якъ пидслухала ненарокомъ свекрушыну клятьбу надъ гришмы, якъ выгребла йихъ звидтиля и якъ, замисць перцю, сыпала йому у страву ту погань. Чоловикови хочъ и занудыло було спершу, але жъ гроши все перемоглы, и винъ не гнивавсь на жинку.

Записаль отъ своей матери въ с. Полствинѣ въ 1895 г. В. Ф. Степаненко.

Объ откапываніи клада рукою умершаго хозяина его см. въ Харьк. Сборн., IV, 34—35. О приправѣ къ кушанью, упоминаемой во второй половинѣ разказа, въ томъ же томѣ «Харьк. Сборн.» стр. 35, а также у Чубинскаго, II, 520, № 16.

VIII.

98. ЛИНЬВОМУ ПАРА — ПРАЦЬОВЫТА.

Якъ ходывъ Богъ съ Святымъ Петромъ,—идуть шляхомъ у жныва, а дивка жне, уси люде жнуть; але за дивкою було дуже багато снопивъ, а Святый Петро й каже: „Господы мылостывый, де цій дивци пара, шо вона мае спихъ такой?“ — „Стрывай,—каже,—святый Петре, йтымемъ, то я заразъ найду й покажу де йй пара“.

Идутъ, а винъ лежить пидъ грушою, и коло його лежить цила гора грушъ; а винъ таке ледащо, що й не поворухнется, та роздявивъ рота та й каже: „Грушо, упады въ ротъ!“ — А вона не пада. — „Ты, Петре,—каже Господь,—пытавъ, де цій дивци пара,—оце винъ — тій дивци пара“.— „Господы мылостывый, на що жъ ты робышь такъ, що вона така працьовыта, а винъ таке ледащо, шо й не поворухнется, щобъ грушу узяты, та положыты соби у рота?“ — „А на те,—каже Господь,— вона зъуміе хочъ хлиба заробыть та нагодѹе його, а то винъ такой ледащо, що пропаде самъ.“

Записалъ отъ Анны Базилевичъ Черкаскаго у. В. Г. Кравченко.

Сборникъ Харьк. Ист. Ф. Общ., IV, 71.—*Ивановъ*. Изъ области халорусскихъ народныхъ легендъ. Этногр. Обозр. 1891, II.

99. ЧОЛОВИКЪ, СВ. ПЕТРО ТА ПРОРОКЪ ИЛІЯ.

Жывъ соби чоловикъ бидно и йшовъ винъ съ ципомъ на заробиткы и взявъ соби въ пазуху окраецъ хлиба и зостричае його пророкъ Илія, пытае його: „куды, чоловиче, идешъ?“ — Де небудь хлиба заробить. — „Чы не давъ бы ты мени, чоловиче, пообидать?“ — Мужыкъ пытається його: „шо жъ ты таке?“ — „Я — Илія.“ — „Якъ Илія, то дамъ, — сидай, удвохъ иззимо; бо до святого Иліи якъ дожждаться, то вже есть усього — йисты й пыты.“ — Ззилы воны окраецъ хлиба, пишовъ Илія у одынъ край, а мужыкъ пишовъ у другый край. Зостричае мужыкъ святого Петра. Пытае святой Петро: „куды, земляче, идешъ?“ — Иду де небудь хлиба заробить. — Святой Петро просыть у його окраецъ хлиба. Винъ його пытае: „шо жъ ты таке?“ — „Святой Петро.“ — Якъ Петро, то я не дамъ, бо у петривку найбільшый голодъ. — А дали Петра ципомъ! Налаявъ и прогнавъ одъ себе: „Самъ голодный, ше й мене хочъ голоднымъ зробить“. — И пишовъ Петро туды, а мужыкъ пишовъ у свій шляхъ. На середыни дороги зостричае святой Петро Бога и Илію пророка и почавъ розказувать: „Господы мылостывый, розкажу я свою прышту, шо зо мною скойилось: зостривъ я середъ шляху чоловика, шо йшовъ зъ ципомъ, ишовъ на заробиткы; ставъ я просыть у його хлиба, а винъ мене перше спытавъ: „шо жъ ты таке“? А я йому сказавъ, шо я — святой Петро. А винъ мене налаявъ и вдарывъ ципомъ, и прогнавъ одъ себе, и говорыть: „саме въ Петривку найгиршый голодъ, шо нема ниде ничого.“ Господы мылостывый, чымъ бы його накарать за сее? Я бъ такъ йому зробывъ: якъ заробить хлиба и змеле, и спече, и шобъ первымъ хлибомъ удавився.“ — А Господь Петрови сказавъ: „не можна та-

койи кары даваты; на чомусь на другому накараемо.“

Потимъ той мужыкъ ставъ у другого мужыка молотыть за такую плату: шо въ постолы упаде; договорывся той бидный зъ багатымъ мужыкомъ такъ: „якъ помолотю я въ тебе мисяць и стилько зернять вынесу постоломъ, шобъ те на твойй земли посіять.“ — Бидный чоловікъ молотывъ мисяць и заробывъ соби корячокъ (пивъ гарчыка) пшеници и звеливъ йому багатый мужыкъ сіять на готовій, выораній рилли и звеливъ багатый мужыкъ питы наймытови зъ граблями, заволочыть. Багатому — радости, а бидному — плачь. Пишовъ бидный мужыкъ сіять на поле пшеницю, выйшовъ, перехрестывся: „Господы, поможы розсіять сюю пшеницю для мойихъ голодныхъ дитей!“ — Почавъ бидный мужыкъ пшеницю сіять и засіявъ нею цилыхъ два десятины. А багатый выйшовъ подывытыся на бидного мужыка, шо бидный робыть исъ тією пшеницею. А бидный мужыкъ и не высіявъ тіи пшеници — стилько було, стилько й есть. Потимъ багатый мужыкъ ставъ бидного проганять изъ своего поля: — „буде съ тебе й сейи на твою долю“. — Бидный мужыкъ узявъ свою пшеницю и пишовъ додому и надумавъ соби: „занесу я въ млынъ та змелю, — занесу дитямъ хочъ галушку зварыть“. Тымъ часомъ Господь, святой Петро та Илія пророкъ проходятъ по земли подывытысь, який то урожай? А на одному поли така пшениця, шо выще чоловіка, та колосыста! И пытається святой Петро: „Господы мылостывый, чого жъ то воно такъ, шо скризь, де не проходылы — поганый урожай, а тутъ така пшениця? Чыясъ це доля така щаслива. — Господь одвичае святому Петру: „Се того чоловіка, шо тебе побывъ.“ — Господы мылостывый, выбыймо йи грядомъ.“ Господь каже: „Добре!“ — Десь та взялася туча — великий дощъ и грядъ. Збыло ту пшеницю, зосталась сама стерня.

Бидный мужыкъ выйшовъ подывыться на свою пшеницю, выйшовъ и тяжко заплакавъ; помолывся Богу и пишовъ додому. Черезъ тыждень скортило бидного мужыка: „пиду я, ще подывлюсь, де то мойи тяжкыйи труда зосталысь?“ Выйшовъ на поле,—ажъ пшениця ще краща! И зъ радощу, и зъ усердымъ помолывся Богу и пишовъ додому за своею симнею—йты пшеници жать.—Выжавъ ту пшеницю и поставывъ копа коло копы съ краю въ край. А Господь и святой Петро та Иля пророкъпроходылы, продывлялысь, у кого скилко то кипъ стойить. И де не проходылы, то все мало; а на одному поли такъ то багато кипъ! Пытається святой Петро: „Господы мылостывый, чья се доля така щаслива?“—Одвичае Господь: „се того чоловика, що тебе побывъ ципомъ.“— „Господы мылостывый, накараймо його такъ: стилко возивъ привезе, шобъ стилко мишкывъ винъ намолотывъ.“—А Иля пророкъ пишовъ до бидного мужыка и сказавъ: „Е въ тебе четверо дитей и васъ двое,—робы усякому по возыку.“—Бидный мужыкъ зробывъ шість возыкывъ и возыть свй хлебъ и скилкы возыкывъ привезе, стилкы въ його мишкывъ пшеници. Перевозывъ бидный мужыкъ усю пшеницю и наклывъ высоченькый пивстыртокъ. И намолотывъ бидный мужыкъ зъ усякого воза по мишку и надумавъ соби змолоть и спекты хорошу паляныцю и роздать на старцивъ за те, шо Господь наполывъ його усимъ прыдовольствиємъ. Узывъ бидный мужыкъ паляныцю у пазуху и пишовъ до церкви. Прыходыть,—ажъ стойить трое старцивъ у воротяхъ, коло церкви. Перехрестывъ бидный мужыкъ, розломывъ хлебъ на трое и роздавъ тымъ старциямъ. И стоявъ первымъ Петро, Иля и Господь. Мужыкъ отдавъ первый окраецъ паляныци первому старцеви -- святому Петрови. Святой Петро захотывъ йисты и укусывъ тйи паляныци та й

удавывся, а дали махае рукою: „Господы, помылуй, шо я согришывъ передь Тобою, шо я просывъ Тебе нака- рать бидного чоловіка!“

Записаль отъ солдата Сидоренка, изъ Чигиринскаго у., В. Г. Кравченко.

Ивановъ. Изъ области малорусскихъ нар. легендъ. Этн. Обзор., 1890, IV, 78.

---

100. ХРЫСТОСЪ ПО ЗЕМЛИ ХОДЕ.

Одъ Велькодня до Вшестя що-году Хрыстосъ по земли ходе.

Записала въ Харьковской губ. М. Н. Гринченко.

См. № 17. Зъ чого на свити табакъ.

См. № 18. Зъ чого осоть росте въ хлибови.

---

101. ВЫХРЕСТА НА ТОМУ СВИТИ НЕ ПРЬЙМАЕ НИХТО.

Выхрестывся десь то одынъ жыдъ; выхрестывся ото винъ, та недовго й поживъ, зразу и вмеръ. Отъ и пйшовъ винъ до святого Петра, щобъ той одперъ йому рай. Глянувъ на мышымыта (выхреста) Петро та й каже: „не одипру я тоби раю, бо ще про тебе спыскы мени не прыйшлы, шо ты перейшовъ у хрыстіянську виру,—йды соби до Мусія.“

Отъ, пйшовъ той мышымытъ до Мусія: „Прыймы мене Мусію, до себе, я твій,“—каже. А Мусій и каже: „ни, не прыйму я тебе до себе, бо ты вже выпысаний зъ нашихъ спыскывъ.“ Зйшовся тоди Петро зъ Мусійомъ и почалы радыться. Радылысь воны, радылысь и порадылысь оддаты його чортови. „То якъ же се воно буде?“

пытае мышымытъ. „Було ранійшъ выхрыщуватысь,“ сказавъ Петро. „Булобъ не выхрыщуватысь, бувъ бы у мене,“ сказавъ Мусій. И такъ бидолашний мышымытъ ни до Петра, ни до Мусія не попавъ, а у чорта й теперь воду та дрова до пекла возыть.

Записаль въ с. Мартыновкѣ отъ Максима Иваненка въ 1895 г. В. Ф. Степаненко.

102. ПРО ЧОЛОВИКА, ЩО РОЗДАВЪ БАГАСТВО СВОЕ НА ВБОГЫХЪ.

Бувъ соби багатый чоловікъ и въ його дитей тилько двое було,—хлопецъ та дивчына. Ну, винъ не одъ Бога бувъ багатый (бо якъ бы винъ заробывъ, то мавъ бы винъ одъ Бога, а то винъ не робе, а „той“ йому носыть). Якъ умиравъ винъ, то дуже важна смерть у його була. Сынъ надывывсь на його смерть и сказавъ до сестры: „Не хочу я сього багаства,—каже,—подилимся: ты свое де хочъ подинешъ, а я свое на вбогыхъ роздамъ.“ Подиылысь вони и роздавъ винъ свою часть на вбогыхъ. Попроцався съ своею сестрою: „пійду,—каже,—де очи понесуть.“ Узявъ и пійшовъ. Зайшовъ у лисъ, а тамъ мизъ яры и печеру соби найшовъ, ричка недалеко. Винъ улизъ у ту печеру, прожывъ тамъ день-два и такъ стало йому досадно, шо ничего не може робыть и все крычыть, горюе, бо здумавъ, шо було таке багаство, а теперь ничего немає. Выйшовъ якийсь дидъ и черезъ ричку гукае: „чого ты, сыну, такъ крычышь?“ Винъ йому росказавъ: „беры,—каже,—деры лыка, та плеты постолы, то ты,—каже,—забудешъ.“ (А то прыходывъ до його Богъ). Винъ почавъ дерты лыка, почавъ плеты постолы и забувъ про тее багаство. Жыве винъ тамъ багато рѣкувъ и ставъ знать, шо на свити робыться—

ставъ спасенный. Почалы до його люде йихать, и винъ йихъ личывъ. Пишло скризь по городу, и почалы до його йихать и такъ, кажутъ, що його никто не спокусыть, бо дгныкъ коло його горыть, то винъ ливую руку на огни пече, а правую тамъ шо робыть. Една дивка сказала: „я,—каже,—пидведу його на грихъ.“ Прыйшла до його й каже: „туть мени болыть, отуть мени болыть.“ Почала показувать йому, и винъ согришывъ. И остався винъ гришный такый, якъ и бувъ, и теперь тамъ жыветь—зновъ старається.

Отъ Зяневича, изъ Острожскаго у. Записаль В. Г. Кравченко.

108. ДВА БРАТЫ.

Було два браты—одынъ багатый, а другой бидный бувъ. Багатый запригъ шистъ паръ воливъ у зализный плугъ и оре толоку на пшеницю; выоравъ. А убогий тилькы шо подряпавъ раломъ. Пишлы воны сiять. Багатый сiе—прямо перешлынкувавъ такъ якъ золото, а бидный—самый послидъ, уже одвiекъ одъ пшеници. Багатый посiявъ и волочыть, а воны ажъ по черево грузнуть—такъ глыбоко поорано. Иде Богъ: „шо ты,—каже,—чоловиче, сiешъ тутъ, шо тутъ таке глыбоке рилля лежыть?“—А винъ йому й одвича, каже: „Будякы посiявъ.“—А Богъ и каже: „Якъ будякы, то нехай тоби и вродять будякы.“—И пишовъ одъ нього. Прыходыть до того вбогого, поздоровкавсь: „шо ты,—каже,—чоловиче, посiявъ тутъ на цiй рилли?“—А той човикъ йому й одвича: „Богъ його, диду, зна, шо воно буде, а пшеницю посiявъ.“ Богъ и каже: „диддемъ того году, то шось буде.“

Сталы дощыкы прыпадаты,—у бидного поросла пше-

ныця якъ очеретъ, а въ того багаччого такъ будякы споролы, шо й земли тамъ не знать.

Прыходе часъ, шо вже жать,—приходять багатый и бидный до однійи десятины, бо багатый думавъ: „якъ я оравъ та глыбоко, такъ се въ мене така пшениця вродыла.“ И завелься браты за ту пшеницю бытсья... И съ того часу люде завжды сваряться межы собою, не ймутъ виры едно другому. Особливо бувае за землю сваряться: прыйде весна, выйдуть люде орать и заведуться: „ты моейи земли скибу переоравъ лышню“, а другый— „моейи“... И такъ завжды сваряться. Певне воны ще й черезъ те сваряться, шо людей багато стае, а земли—однаково. У батька шистъ чы симъ сынивъ, та першъ хата тилькы батькова була, а теперь той каже: „мени ниде хаты постановыты“; а другый тежъ и соби: „мени нема де ййи ставляты“...

Записалъ отъ солдата Коробки, изъ Чигиринскаго у., В. Г. Кравченко.

104. ПРАВЕДНЫЙ У ЦЕРКВИ И ЧОРТЫ.

Десь, кажуть, въ одному сели жылы соби чоловикъ та жинка. Жылы воны дуже убого: кримъ хаткы та ступинивъ десятка того вгороду, ничего не малы. Дитокъ йимъ Господь дарувавъ чымалои вседри бненьки-дрибненьки, якъ тая ряска. День-у-день воны працювали, ночей не досыпалы, та все зароблялы и дитокъ годувалы. Тяжко и скрутно йимъ жылось, але жъ николы на се не ремствувалы. Сваркы въ симйи николы не було;—все йшло у йихъ якось любо та тыхо. Пovyросталы диты и сталы въ помочи батькови та матери. Въ господарствы пишло все на ладъ: е вже й свынячка, и курчатка, а дали й коривчына.

— Слава Господеви милосердному, подумавъ старый, теперь воны й безъ мене обійдутся, а я, щобъ не мишаты йимъ, одризнясь соби та буду Богу молытысь. Пора вже на спокій; пора думаты й про спасеніе души.

Поставывъ старый на вгороди хливець, обмазавъ його сякъ-такъ глыною, прыбравъ у середыни якъ слидъ и перенись туды все свое збижжа. Съ того часу нигде винъ не показувався на сели, навить у церкви ништо його не бачывъ. У хату до дитей хочъ и зайде було, то хыба того, щобъ узяты соби яку роботу въ свій хливець, або хлиба шматокъ та тыкву воды. Увесь день винъ за працею та за молитвами. И уночи було прокынется, стане навколишкы и молытыся соби, ажъ покы знемощіе, тоди ляже й задримае трохы. Харчувався винъ тилькы хлибомъ та водою. Уси селяне дывувалыся съ святоши (такъ його продражнылы) за таке його жыття й часто дитямъ його выкыдали на очи, що батько йихъ святошою дило жыве, а до церкви не ходыть. Диты довго не вносилы про се батькови у вуха. Одного разу увійшовъ старый чогось у хату, а воны й почалы грызты йому голову: „зъ насъ люде сміются, що вы жывете соби одлюдькомъ, нигде не буваете й до Божого дому не ходыте, - хоча бъ до церкви ходылы!“ „Богъ усюды есть и усюды йому можна молытыся,“ — одмовывъ старый стыха й пишовъ у свій хливець.

Другого тыждня у недилю, чы що, диты зновъ напалысь на батька, щобъ ишовъ до церкви, щобъ не робывъ симйи осудку. Никуды було вже бильшъ старому одмагатысь, треба було йты до церкви, щобъ не робыты колоту въ хати. Надивъ винъ биленьку сорочку, штаны та свытыну й подрывавъ до церкви. Церква була по той бикъ ставка и йты до нейи треба було черезъ греблю. Якосъ дйшовъ винъ до ставка на беригъ та й пйшовъ навпростецъ по води, ишовъ по сухому, ажъ

до самисенькой церкви. Люде, що йшли до церкви, дивувались съ такого чуда и думалы—чы не ввыжається се, що святоша ходыть по води. Алежъ описля, побачышы його у церкви, стали певни, що то йимъ не ввыжалось, а такъ такы й було. И пійшло по церкви зъ його шушукання помижъ людьмы; а винъ ставъ соби коло дверей у бабынцы и молыться Богу. Помолышысь винъ, озырнувся по церкви навкругы себе. Колы дывыться, ажъ по церкви, надъ людьмы, литають штукъ килька чортывъ и пидкушуютъ лыдей на грихъ, а следкомъ за нымы два чорты носять волячу шкуру и запысуютъ туды гришныкывъ. Отъ, дійшли вони такъ ажъ до самисенькыхъ дверей, де стоявъ той чоловікъ, запысуючы гришныкывъ на ту волячу шкуру.

Алежъ на останци не стало шкуру на запысь, и почалы ти два чорты зубамы ростягаты тую шкуру та одынъ зъ йихъ одирвавсь и впавъ. Не вдержався старый, засміявсь,—отъ вони його останнимъ и запысалы на ту шкуру. Скинчылася служба Божа, и старый зновъ пійшовъ по води, черезъ ставокъ, тилькы жъ не такъ якъ до церкви йшовъ, мовъ по сухому, а бривъ уже по колина водою. Постеригъ старый, що винъ тяжко согришывъ у церкві и съ того часу вже николы не ходывъ до нейи, а молывся Богу у себе въ хливци.

Записаль въ с. Полствинѣ Каневского у. В. Ф. Степаненко.
Малор. пред., 140, № 34. Святой и чортъ.

---

105. ГРИХЪ У СВЯТО РОБЫТЫ.

Велькый грихъ у свято роботы, дуже велькый,—не тымъ, то инчымы Господь покарае того чоловіка. Адже жъ, кажуть, одна жинка, щобъ не перемоклы конопля, пійшла на Сикновение тягаты йихъ. Передзвонылы

у вси дзвоны до церкви, трохы перегодя продзвонили достойно, а дали й зъ церкви вже повыходылы, а вона все полоще йихъ та тягае. Збиглыся до нейи люде: „що се ты, жинко, робышь, пытають, аджежъ сьогодни свято?“ Мовчыть вона та все полоще ти конопли, та тягае йихъ то сюды, то туды. Кынулысь ййи звидтиль тягты,— такъ куды вамъ—и зъ мисця не зворухнуть. Вже чога воны зъ нею не робылы: и на службу Божу давалы, и свяченымъ пидкурювалы, и пипъ зъ цехомъ выходывъ— молебствувалы, а ничого не вдіялы. И по сей день, кажуть, полоще соби ныщечкомъ та тягае ти конопли... Оттакъ то Господь карае тыхъ, що супроты його святойи воли йдуть,—сказано свято й шты його якъ слидъ!...
Со словъ своей матери въ 1895 г. въ с. Полствинѣ Каневского у. записаль В. Ф. Степаненко.

106. ТАКЪ БОГУ УГОДНО.

У старовыну колысь було... Панъ та ходывъ гулять до батюшки и каже: „отъ, батюшко, скотына гыне“. — „Такъ Богу угодно,“ — каже батюшка. — Панъ килька разъ прыходывъ гулять до батюшки и говорыть: „У мене хлибъ не вродывъ.“ — „Такъ Богу угодно,“ — каже батюшка. — „Ну, колы ты такой, то я тебе застрелю,“ — дума панъ. — На Велькдень, удосвита, вбравсь пипъ до церкви йты, а панъ прыйшовъ и сивъ пидъ хатою и пыстоля взявъ съ собою. „Якъ итыме батюшка до церкви, думает той, — я тутъ застрелю його.“ — Выйшовъ батюшка на двиръ, баче, а скотъ повылазываетъ изъ загородокъ. — „Перше скотъ позаганяю, — дума соби батюшка, — а вже тоди до церкви пиду.“ — А льохъ бувъ середъ двору, та бувъ раскрытый; погнався батюшка за коровою и впавъ у той льохъ. Панъ ждавъ, ждавъ батюшки — немае! Уже

розвыдняется. — „Буду тикаты!“ — каже помищыкъ. — Люде съ паскамы попрыходылы до церкви, а батюшки нема. Почалы вони шукать и найшылы батюшку у льоху. Батюшка посвятывъ людямъ паскы. Писля обидъ прыходять панъ туды до його. Почалы вони тамъ балакать, а панъ и каже: „у мене, батюшко, — каже, — скотъ уже весь выгынувъ.“ — Батюшка каже: „такъ Богу угодно“. — А винъ: „эге, повирю — такъ Богу угодно: отъ, — каже, — сьогоня — я хотивъ васъ застрелыть, а вы у льохъ упалы; я ждавъ, ждавъ и не дождавсь васъ.“ — А батюшка ке: „Мабуть — такъ Богу угодно“.

Записаль отъ Паламаренка изъ с. Русская Поляна Черкаскаго у. В. Г. Кравченко.

IX.

Разказы о явленіяхъ жизни семейной и общественной.

107. ЖИНКА ЧЛОВИКА ДУРЫТЬ.

Було соби два браты—одынъ бувъ салдатъ, а другый мужыкъ. Салдатъ бувъ на служби и бувъ стрелець добрый; винъ соби купывъ дома охотныцьку рушныцю и почавъ соби ходыть на охоту. Винъ соби убъе, ну, тамъ дрохву, чы шо, прынесе додому, перериже пополамъ и куми дасть кусочокъ (винъ покумався псѣ своего брата жинкою). Те дило було такъ, шо съ тыждень. Ну, и ця все, мужыкова жинка, почала казаты: „Ты бѣ и соби, чоловіче, ходывъ на охоту.“ Ну, а винъ йій каже: „зѣ чымъ же я буду ходыть на охоту, якъ у мене рушныци нема?“ А вона своему чоловікови каже: „Ты бѣ узывъ рало.“ А винъ йій каже: „якъ же я раломъ убью?“ А вона каже: „та такъ и вбѣешъ.“ Винъ пошывъ соби охотныцьку торбу и набравъ у торбу клочча,—це клейтуху.

Выйшовъ винъ на степъ, набачывъ табунъ дрохдвѣ и винъ уставывъ те рало у плече, взявъ пальцемъ за жабку; давывъ, давывъ, — ніякъ не стріляе. Потимъ

узаявся за жерточку и потаскавъ тымъ раломъ, и перебивъ його штукъ на пъять.

А його братъ салдаты убывъ дрѣховъ исъ пъять и прыйшовъ и давъ свойй куми цилу дрохву. Вона взяла, у синяхъ сховала пидъ дымаремъ. А це прыходыть ййи чоловікъ, приносятъ те рало на плѣчахъ, изязавъ вирьовкою; и винъ голодный бувъ, и росердывся на жинку, и кынувъ кускы того рала пидъ повитку; уходыть у хату, а вона й пытае свого чоловіка: „а що, ты вбывъ що небудь, чы ни?“ А винъ каже: „а чымъ же я вбю — хыба раломъ? Я ничого не вбывъ раломъ.“ А вона каже: „Ты мабутъ убывъ, та не признаешся.“ Потимъ вона дала йому йисты, а сама побигла въ сины, узяла ту охотныцку торбу и вкынула туды дрохву.— Уносыть вона у хату ту дрохву: „бачъ, — каже, — який ты, чоловіче, убывъ дрохву, та й не признаешся?“ А винъ каже: „Я ще дви пидстрельвъ.“ Ну, а вона давай цю дрѣхву жарыть, а свого чоловіка послала: „Иды, — каже, — чоловіче, принесешъ горилкы. Якъ итымешъ та кого стринешъ, такъ клыкны на обидь.“

Винъ пишовъ и зостривъ якогось салдата: „иды, — каже, — до мене, пообидаешъ.“ Той москаль увійшовъ у хату, а вона пытае: „чого ты увійшовъ?“ А винъ каже: „вашъ чоловікъ кыкавъ мене на обидь.“ А вона каже: „Тикай, москалю, бо въ мене такой чоловікъ: кого захвате въ хати, такъ заразъ махае.“ А москаль того злякався и заразъ утикъ изъ хаты. Прыходыть ййи чоловікъ, теперъ вона йому каже: „теперъ полюбуйся съ свойимъ москалемъ: винъ укравъ дрѣхву й побигъ зъ дрѣховою.“ Та каже: „побижы, чоловіче, та однимешъ у нього дрохву.“ Той мужыкъ бижыть шляхомъ, а москаль оглянувся. Дывыться москаль, що мужыкъ уже наганяе його, та думае москаль, що той мужыкъ женеться за нымъ для того, що хоче його быты. Винъ уже,

цей мужыкъ, прямо наганяется на москаля, прямо вже била його; а той москаль уже бижыть шляхомъ и почавъ скакать то на ту, то на ту сторону и каже: „та не дожыньошъ, та не помахньошъ!“ Та й утикъ одъ мужыка. Заисалъ отъ солдата Василя Коробки, изъ с. Ивковецъ Чигиринскаго у., В. Г. Кравченко.

Эта запутанная и испорченная рассказчикомъ сказка видимо принадлежитъ къ числу сказокъ о невѣрной женѣ. Она интересна своимъ мотивомъ объ отправленіи женою глупаго мужа на охоту, что напоминаетъ подобный мотивъ въ комедіи В. А. Гоголя «Престакъ» и заставляетъ предполагать, что В. Гоголь почерпнулъ сюжетъ для своей комедіи изъ лучшаго варианта этой сказки.

108. ПРО ДЫВО.

Жинка заслабла, а чоловікъ дурный, бо задурыла. „Охъ, якъ-бы ты такой бувъ чоловікъ, якъ другы, пошукавъ бы—десь е таке Дыво; та ты, якъ бы добрый, то тыбъ диставъ, та мене нагодувавъ, то я бъ одужала.“ — А винъ якъ тилькы бувало выйде за двирь, то въ нейи вже дякъ и гуляе.

Чоловикъ скрызъ ходывъ, а вкинци зайшовъ у болото до чорта и найнявся у нього на рикъ служить за те Дыво, щобъ винъ давъ йому. Вертається чоловікъ додому, а жинка лежить пьяна, выпроводывшы дяка. Чоловикъ прыносе те Дыво, — воно такъ настобурчилось, а чоловікъ и говоре: „Дыво, заризся! Дыво, обскубыся! Дыво, зварыся й на стилъ постався!“ Дыво те було, якъ та птыця, зробылось такъ, якъ йому казавъ чоловікъ той. Жинка встала, ззила те Дыво, а кисточки склала, якъ чоловікъ йй наказавъ, а дали й каже: „Дыво, оживы й на покути сядь.“ Воно й сило.

Чоловикъ пойихавъ у поле орать, а до жинкы дякъ скоро прыйшовъ. „Ну, сердце дяче, теперь у мене Дыво е: саме й зарижеться, й обскубеться, й зварыться, й на стилъ поставыться. Дыво, зарижся!“ А воно тилькы настобурчилось, не заризалось, а тилькы бильше стало.

Вона зновъ до нього: „Заризся!“ А Дыво взяло та до купы й стулыло дяка съ тією жинкою и повело у поле до чоловіка.

По дорози зострився йимъ кумъ и хотивъ розборониты; а воно й його прытулыло. Йшли вони черезъ греблю, а тамъ дидько выскочывъ та й зареготавсь; а Дыво й дидька прытулыло. (Яке жъ бы воно й Дыво було, колы бъ не стулыло всихъ до купы? Тутъ усяке дывувалось). Зъ млына выйшовъ мирошныкъ заставку заставлять. Заставывъ, дывытсья,—ажъ те Дыво веде йихъ усихъ. „Ого,—каже мирошныкъ,—яке Дыво!“ Та взявъ, пиднявъ лопатку та й каже: „Дай хочъ пидважу, щобъ не волоклысь.“ Та прытулывъ лопатку зъ нызу, а вона й прыросла, а рука до держака, та й його потягло те Дыво; усихъ ихъ потягло до того чоловіка, щобъ побачывъ, яка въ нього жинка хвора.

Записалъ отъ Анны Базилевичъ Черкасскаго у. В. Г. Кравченко.

Мотивъ *пришпанія* см. еще у Кольберга: *Рокисіе*, IV, № 34.

109. ЯКЪ РОЗЖЫВАЛАСЬ ЦАРСЬБА ДОЧКА ЗА ШЕВЦЕМЪ.

Бувъ у царя наймытъ и ничего винъ тамъ не робыеъ, тилькы чоботы шывъ—шевцемъ бувъ. Була у царя одна дочка и здорово вона влюбылась у того шевця, бо винъ бувъ соби хорощый чоловікъ, и захотилось йій за нього замижъ. Почала вона просыть свого батька, а батько сказавъ: „якъ ты пиденъ за його, то я тоби ничего не дамъ, выпхну тебе такъ, якъ маты родыла.“

Оддавъ винъ йій за його замижъ и выгнавъ йихъ зъ двору; постройивъ одну тилькы земляночку, а бильшь ничего не давъ. И жывуть вони соби тамъ. Взяла вона

видра и пишла по воду и тамъ побачывъ ййи п. и пытае: „эй, молодычко, чы не можна до тебе на ничъ прыйты?“ „Чомъ, — говоре, — не можна? — можна, тилькы шобъ було сто рубливъ (бо не давъ ййи царь ничего, то це воны соби хазяйинують, розжываються). П. говоре: „сто рубливъ буде.“ Иде вона дали побачывъ ййи дякъ. Дякъ такъ саме просытсья; пообищавъ и дякъ сто рубливъ. Иде вона дали, йде цыганъ: „здорова, молодычко!“ „Здоровъ, цыгане!“ „Чы не можна до тебе, молодычко, на ничъ?“ „Можна, тилькы шобъ сто рубливъ прынисъ.“ „Ге, сто рубливъ! двисти прынесу, ше й кусокъ сала и кварту горилкы прынесу.“

Прыходе додому и сказала своему чоловикови, шобъ винъ наколотывъ повну скрыню сажы; а скрыня була велька. Наколотывъ чоловикъ скрыню сажы, а самъ у синяхъ захоронывся. До вечора, якъ уже примеркло трохы, прыходе п. до молодыцы; прыбигъ до викна и палцемъ — цокъ, цокъ у викно. Вона одчыныла; той улизъ, вынявъ сто рубливъ, поклавъ на столи й кварту горилкы поставывъ. — „Роздивайся, — каже вона йому, — наголо, будемъ спать лягать.“ Тилькы винъ роздигся, а дякъ пидъ викно: „Одчыны!“ „Ой, Боже, це чоловикъ прыйшовъ! Ховайся, лизъ у скрыню!“ И вскочывъ голый п. у росколочену сажу. Увйшовъ дякъ и тежъ положывъ сто рубливъ и поставывъ пляшку горилкы на столи; а тутъ уже стукнувъ цыганъ пидъ викномъ. Вона й дяка голого у росколочену сажу посадыла, а дали, якъ уже справи прыйшовъ чоловикъ, то вона туды жъ, у скрыню, й цыгана посадыла.

Замкнулы воны ту скрыню, поставылы на визъ и повезлы до озера. Поставылы скрыню надъ озеромъ, а сами пишлы у озеро и колотятсья тамъ. Десь узався

панъ и пославъ своего кучеря: „пиды, -- говорыть; — подывысь, чога вони тамъ бовтаються? Може рыбу ловлють?“— Кучеръ пытае: „Шо вы робыте? Чога вы бовтаетесь у цьому озері?“ А вони йому й одвичають: „чортивъ ловымо й заганяемо у скрыню.“ „Чы хочъ одного-жъ упіймалы?“ „Та вже трьохъ упіймалы.“ Вернувся той до свого пана и росказавъ усе. Панъ дуже захотивъ подывыться на чортивъ: „покажы, — говорыть, — мени чортивъ, я, — говорыть, — не бачывъ, яки вони есть на свити.“ „Якъ дасы, пане, пъятсотъ рубливъ, то покажу, але шобъ не повыпускавъ, а якъ выпустышь, то й кони не твойи.“ Панъ згодывсь. Швець узявъ у кучеря батигъ, ставъ надъ скрынею и сказавъ: „гляды-жъ, не выпускай, бо втеряешъ коней.“ Тики взявъ панъ за вико, ставъ одчынять, а швецъ гарапныкокъ якъ учысте йихъ, а вони якъ повыскакують! та навтикача! Панъ бигъ, гнався, але не піймавъ, а швецъ у його коней забравъ.

Записаль отъ солдата Олейника, изъ Чигиринскаго уѣзда, В. Г. Кравченко.

Мотивъ обл. обманѣ любовниковъ виѣстѣ мужемъ и женой входитъ въ болѣе общую тему *о невѣрной женѣ*. Сказки на эту тему: Kolberg, Rokucie, IV, №№ 36, 65, 66, 67.—*Сумцовъ*, Пѣсни и сказки о гостѣ Терентьящѣ. Этногр. Обзор. XII (1892) и доп. въ XVIII (1893).—*Малинка* А. Нѣсколько варіантовъ на тему о гостѣ Терентіи. Этно. Обзор. XVI, 146—147.—*Дашкевичъ*. Вопросъ о литер. источникѣ укр. оперы И. П. Котляревскаго «Москаль-Чаривныкъ», Киев. Стар. 1893, XII и дополненія къ статьѣ: Перетца (Киев. Стар. 1894, III, 548) и Бодяновскаго въ Киев. Стар. 1894, X, 151—154.—Сборн. Харьк. И. Ф. О-ва, VI, 171—172.—Малор. пред., 155—166, №№ 49—51.—Рудченко, Сказки, I, №№ 60, 61; II, №№ 37, 51 (II).—Манжура, Сказки, 91—96.—Чубинскій, II, 510, № 11; 540, № 31; 549—556, №№ 37—40; 652—656, №№ 116; 117, 668, № 132.—*Ястребовъ*, Варіанты сказки о невѣрной женѣ. Киев. Стар., 1894, IV, 159—165.—Гринченко, II, №№ 107 и 108.

110. ЯЕЪ ЧОЛОВИЕЪ ЖИНКУ ХОВАВЪ.

Жывъ чоловікъ бидненко, вмерла въ його жинка, — ни въ вицо на смерть убраты. Думавъ, думавъ, — „шо мени въ свити Божому робыть? Эге, каже, ганчари близько, куплю йй макороть, надину йй на голову... Ну, шо жъ голову покрыю, а ще-жъ треба шось покриты: куплю покрышку, уберу хорошенько, воно й буде.“ — Удивъ, убравъ, пишовъ до нопа. Попереду прыйшовъ дякъ та зразу: „Господы, помылуй!... Де бувалы, то бувалы, а ше тако-го дыва не выдады.“ — А батюшка: „Благословенъ Богъ нашъ!“... Та якъ глянувъ — на голови макитрыще, а на тили покрышыще, то й крыкнувъ: „аминь!“ — Та скоришъ исъ хаты тикае, шобъ довго й не буты.

Въ Кобелякскомъ уѣздѣ записалъ В. Г. Кравченко.

111. ЯЕЪ ЖИНКА БРАНЬ ВРАЛА.

Чоловикъ усе на жнывахъ, усе на жнывахъ, а жинка дома. Чоловикъ пытается: „шо ты, жинко, робышъ, шо роботы твоейи не выдно?“ — Та шо роблю? я, — каже, — чоловіче, брань беру. — А винъ то й дума: „шо жъ то таке, — брань беру?“ — Полизь на горыще, сыдыть, дождае, помы вона буде брань браты. Вона встала, напругла ороху, прослала рядныну, насыпала туды ороху; взяла, лягла черевомъ на землю и бере ротомъ орохъ той, йистъ. А чоловікъ и баче зъ горыща та взявъ роженъ и прыштрыкнувъ ййи у потылицю до земли. Вона тоди й просыть: „просты мене, свята Прыштрыко, бильшъ не буду брань браты.“ Вытягъ винъ роженъ и сховавсь на горыщи вгъяты. Вона встала, орохъ прыбрала, ту брань, и заходылась йисты варыть. Наварыла обидаты, вытопыла. Чоловикъ прыходыть изъ жнывивъ додому;

вона йому подає вечерю и стала розказувати: „тутъ мени, чоловіче, горенько случылося!“ А винъ пытається: „яке, жинко?“ — Та яке, каже: я прослала собі ряденце и стала брань браты, а мене свята Прыштрыка якъ прыштрыкнула, такъ я насылу превельку видпросылась. — „Ото-жъ, гляды, жинко, николы не беры брани.“ — Та я й сама не хочу, хай ййй! а лучче я буду, — каже, — на жныва ходыты. — И стала така хазяйка, шо лучче й не треба.

Записаль въ с. Решетилковѣ Полтавской губерніи В. Г. Кравченко.

112. ПРО НАСТЕЧКУ-ЧКУ-ЧКУ.

Булы собі жинка й чоловікъ. То винъ собі дровця рубавъ, а вона йому обидать варыть, та насыпала багато воды, а мало борошна, та мишала, мишала, а воно не загуса, та выбигла до чоловіка та й каже: „Чоловиче, чоловіче, наварю я тобі лемишечкы-чкы-чкы.“ -- А винъ каже: „Та вары.“ А вона зновъ мишала, мишала — не выходе лемишка, тоди вона каже: „Чоловиче, чоловіче, наварю я тобі галушечокъ-чокъ-чокъ“. — „Та вары!“ — Мишала, мишала и трохи вже загусло: набубнявило; та выйшла та до чоловіка й каже: „чоловиче, чоловіче, напечу я тобі перепичечокъ-чокъ-чокъ.“ — „Напечы,“ — каже чоловікъ. — Жде, жде чоловікъ, а вона все не клыче його обидать. А жинка мишала, мишала та й вылыла въ пичъ, та выбигла: „Чоловиче, чоловіче, беры килокъ!“ — А винъ думавъ, шо вона клыче його обидать, та бере килокъ, та й иде обидать, а жинка й каже: „Беры, чоловіче, ты пидважуй перепичечку-чку-чку; а я визьму кочергычечку-чку-чку, та вытягнемъ перепичечку-чку-чку.“ -- Тяглы воны, тяглы, та не вытяглы, а силы обидать, то й ничого не було. Узавъ чоловікъ батога та й прыговорює: „Оце тобі, Насте-

чко-чко-чко, лемишечка-чка-чка, галушечкы-чкы-чкы, перепичечка-чка-чка, а обидачкы-чкы-чкы нема-чкы-чкы ничого-чкы-чкы!“ ...

Записалъ въ Черкасахъ отъ бабы Наталки В. Г. Кравченко.

113. УПЕРТА ЖИНКА.

У одного городского була жинка, та така жъ, соби на безголовъя, люта, що й Господы! Не кажы й слова накрыво мовыты,—зразу засычыть, заверещыть и запиныться, мовъ тая собака скажена. Упадало одъ нейи и родычамъ, и сусидамъ, а найбільшъ бидоласи чоловікови. Оце було скаже винъ що накрыво, чы то не такъ що зробыть, якъ бы йй хотилось, зразу й зарепетуе: „а щобъ тоби... а бодай тоби... посмитныку ты, сипуго, кровопыйцю людськый, ты польщійськый крюкъ, крючокъ, крючокъ“... Огрызеться винъ, то вона: „ось тоби на!.. крюкъ ты сякый-такый, крючокъ, крючокъ!“... Ухватыть чоловікъ шапку та й гайда съ хаты.

Вже чого винъ не робывъ: и словами, и ласкою умовлявъ ййи покинуты свойи норovy; иноди й штовханивъ дававъ, такъ куды тоби—бисъ бисомъ.

Остыгло йому слухаты жинчыну грызню, остыгло й глузы людськыйи терпиты (устилкою жинчыною його дражнылы).

Отъ, ходыть винъ одного разу по мисту та й думае: що його въ свитоньку божому діяты зъ лютою жинкою? Дали выпывъ для смилывосты тиейи и пишовъ до господы. Прыйшовъ та якъ крыкне: „чуешъ, ты, суко щырозуба, давай мени йисты!“ „А дидька бъ ты не ззивъ? де тягавсь, туды й йисты йды,“ огрызається вона. „Цыть, бо пыку натовчу, кажуть тоби давай — и давай!“ „А зася до пыкы ты не знаешъ?! збытныця бъ тебе

побыла, вражий посмитныку! Ахъ ты иродового сына крючокъ, крюкъ, крю...“ Не встыгла вона й слова до-казать, а вже той насивъ на нейи, якъ кобець на курча, и давай ййи киксыты. Бъе ййи, косы на ййи рве, а вона тилькы й знае: „крючокъ, крюкъ, крюкъ“...

И що бѣ вы думалы? отакъ винъ добывся до того, що вона вже нездужала вымовыты слова—крюкъ, а тилькы зигнула съ пальця на руци крючокъ и показуе йому, що ты, мовъ, ось хто — крюкъ! Покинувъ чоловикъ ййи быты, плюнувъ и пишовъ съ хаты. Мынувъ тыждень, другый, жинка вычухалась и осталась такою жъ лютою, якъ и спершу була,— „горбатого, кажуть, могла выпра-выть,“ то такъ и се.

Записалъ въ Каневѣ отъ Семена Куценка В. Ф. Степаненко.

114. УДОВА, ЩО ХОТИЛА ЗАМИЖЪ.

Десь то, кажуть, старій баби, удови, та дуже ба-жалось питы замижъ, але жъ, якъ на зло, ништо ййи не сватавъ. Оце було, якъ иде хто зъ чоловикивъ прозъ двиръ, то вона кыдае печене й варене, ажъ на-вспынячкы стане, та зазырае у викно. Сынъ спершу й не постеригавъ, чого маты такъ юхторыть, якъ побачыть якого удивця або старого парубка, а дали й до-гадавъ, бо ажъ обрыдла вона йому съ своимъ рос-пытуваннямъ про йихъ. Одного разу пишовъ сынъ на село, до шынку, послухаты новынъ та погомониты съ товариствомъ. Черезъ який тамъ часъ прыходыть винъ додому, а маты назустрічь йому: „шо се ты, сыну, на сели бувъ?“—„Бувъ, мамо, бувъ.“—„А щожъ тамъ но-венького чуваты, кого бачывъ?“ „Та новенького есть багато, але жъ спершу дайте мени вечеряты та тоди.

вже й про новеньке розпытайте,“ — каже сынъ. Стара подала сынови вечерю, а сама сила на печи и чекае, погы сынъ повечеря. Повечерявъ ото сынъ, а маты й пытае: „чы вже, сыну, повечерявъ?“ „Повечерявъ, а хыба що?“ „Та чекаю жъ твойихъ новынъ, що чувавъ на сели,“—каже маты. Сынъ мовчыть и дума, яки бъ новыны розказаты матери.. А дали каже: „новыны есть, та ще й не абы яки новыны: удовамъ на руку ковинька, то таки то новыны.“ „Та ну бо, й почне зъ-за Ядама гнуты. Розказавъ бы мерщій що тамъ, та й край,“ перцюе стара. „Такъ слухайте жъ, колы маете хить! Оце, недавнечко, кажуть, прыйшла одъ царя така бамага, що яка баба, удова, закыне ногу за голову,—цебъ то на потылицю,—то та пиде замижъ за парубка, а яка дивка не закыне,—тій доведеться йты за удивця, оттаке то я чувъ, мамо,“ каже сынъ. „Ага!“ ... каже стара и ажъ ногаы зъ радощивъ совае по печи, а дали: „ну, гасы лышь свитло, бо давно вже часъ спаты лягаты.“ Послалысь, погасылы свитло й полягалы спаты.

Не встыглы й перши пивни проспиваты, а стара вже й порається у хати, ще й сына жене до роботы. Трохы згодомъ уставъ и сынъ, умывся, помолывся Богу и пишовъ на двиръ господарюваты. Тилькы сынъ съ хаты, а стара на пилъ и почала загеровуваты ногу за голову; ажъ кисткы йй трищать, а вона ййи сувердельть угору. Чы довго, чы не довго зъ ногою тею момсалась вона, а все такы закынула ййи за голову. Качається тоди стара на полу, мовъ той куготъ гнылый, стогне, кречче, въ спыни й у шыи йй луццать, зъ рота слына тече, а скынуты ноги назадъ уже не здужа. Ввийшовъ сынъ у хату, слуха - щось стогне на полу; винъ туды, ажъ тамъ маты качається зъ задертою ногою. „А що се, мамо, и вамъ заманулось питы за парубка?! Оце, якъ кажуть, то воно й правда: ста-

рому—якъ малому: якъ заманеться, то вже не мынеться. И куды вже вамъ юхторытысь замижъ,—онъ смерть за плечыма!“ И вызволивъ стару зъ биды.

Записаль отъ брата Оомы въ Полствинѣ Каневского у. въ 1895 г.
В. Ф. Степаненко.

Moszyńska, № 35. Про бабу, що їй замижъ хотилось.—Zbiór wiadomości, 239. Якъ баба за парубка замижъ пишла.

115. СЫНЪ ВАТЬКА НА ЛУБКУ ВЫВОЗЫТЬ.

Колысь то, кажуть, ще за давньоїи давныны, старыхъ людей, никчемныхъ до работы, недобри диты вывозылы на лубку у провалля. У одного чоловика, тыхъ часивъ, та бувъ старый батько. Обрыдло йому й жинци коло старого панькатысь та годуваты, и надумалысь вони одвезты батька у провалля. Посадывъ сынъ батька на лубокъ и потигъ його за двиръ. Не просывся старый у сына, бо знавъ, що ничего не поможе. Слidakомъ за нымы побигъ сынивъ сынокъ, дидивъ онучокъ. „Вернысь, вражий сыну, куды ты йдешъ?“ крыкнувъ на його батько. „Тату, пиду й я за вами; а то якъ трапыться й мени тежъ, то й не знатыму куды везты,“—просывся сынокъ. Батько мабуть гарадть не розслухавъ, або не розибравъ, що сказавъ сынокъ, бо ничего на се не сказавъ. Идутъ вони дальше.—Отъ, прытигъ сынъ старого батька до провалля та й укынувъ його туды вкупи зъ лубкомъ.—„Тату, навищо жъ вы й лубка зъ дидусемъ у провалля вкынули?—пыта хлопья батька. „Не пытай, бо старый будешъ“,—одказуе батько сынови. „А на чому жъ я васъ одвозытому у провалля, якъ и вы будете таки, якъ дидусь?“—зновъ пыта хлопья. Схаменувся тоди батько, що се винъ зробывъ негарно, що й зъ нымъ тежъ учынять його ди-

ты. Жалко йому стало старого батька. Вытигъ винъ його съ провалля, привизъ додому и съ того часу гонувавъ його й доглядавъ ажъ до самисенькой смерти, а въ провалля не тильки не думавъ никола одвозыты, а навить и другихъ одводывъ се робыты.

Записалъ отъ своего брата Ооми въ Полствинѣ въ 1895 г. В. Ф. Степаненко.

Литвинова, Какъ сажали въ старину людей старыхъ на лубокъ. Киев. Стар., 1885, VI, 354—356.—*Шушацкій-Илмичъ*, Лубокъ. Черниг. Губ. Вѣдомости, 1852, № 48, 539—541. Такъ какъ «Черниг. Губ. Вѣдомости» составляютъ въ настоящее время большую библиографическую рѣдкость, то перепечатаваемъ оттуда эту сказку:

Лубокъ.

Ото бувъ соби въ однимъ пустимъ мисци хутирь невеличкы, край його скрызъ було песте поле, а мисцемъ таки булы здоровенни та глыбкы байраки, що Боже свите! Де-не-де тилькы, мовъ дурне, стояло соби дерево—чы то груша, чы друге що... Въ тимъ хутори жыла семья одна и невеличка: бувъ тамъ старесеньки дидъ да сынъ його жонатый—званся винъ Нычпиръ, да ще не дуже велики сынъ одъ Нычпора. Дидъ бувъ зовсимъ безъ моци: ходючы винъ згынався уже дуже,—такъ то старистъ його зкепковала, бидолаху; голова въ його була била-била, мовъ молокомъ облыта, а робыты дакъ зовсимъ нельга було йому бидному. Нычпорови се було дуже не понутру; йому усе хотилося, щобъ батько що небудь та робывъ. Сяя думка, мовъ та видьма, давила його душу: не спыть винъ ничъ, не спыть другую—все думаетъ да гадаетъ: де бѣ оцѣ подить йому свойого батька?... Одже й надумався бидолага... Бисъ такъ и пидкусывъ.

Чортяка, знаешъ, хочъ де, дакъ пидгорнетъся, такъ и пидведе чоловіка на зло та на горе! Що сказать, екъ бы сатаны та не було на свити?... То то бѣ люде булы добри,—мо вси бѣ у царстви опынылысь!..

Надумався Нычпиръ да и каже: згублю я батька; годи йому жыты! мени и такъ прыходытѣся гирко жыты да хлибъ добуваты!... Носытъ Нычпиръ свою думку и день и ничъ у себе на серци, якъ маты дытыну; ажъ ось прыйшла зима, погнало снигъ по полю; морозъ трищытъ, лыбонъ у кузни ковали... Нычпиръ доставъ зъ горы предовги да шырокы лубъ, узавъ свого сына да й каже батькови старому: «ходимо, та-

ту, въ поле, годи тоби жыты: ни самъ не будешъ мучытысь, ни насъ не будешъ мучыты». И повелы старого батька.

Почувшы ричъ таку батько, тилькы заливався гиркымы слъозамы— бильшъ ничего.

Довивъ Нычпырѣ дида до дуже глыбокого яру, посадывъ його старесенького на лубокъ, що прынись съ собою, спустывъ на нимъ батька у самыи нызъ да й каже: «Прощай тепера, тату, не помынай насъ лыхомъ!»—и вже хотивъ иты соби додому, ажъ унучокъ того дида и каже батькови: «тату! возьми жъ лубокъ за собою.»

— А на що винъ?— батько сынови видвичае,—нехай тамъ зо-стаеться...

— Якъ нащо?... Аже жъ якъ будешъ и ты таки стары, якъ дидъ ий, то й я тебе посадывъ бы на той лубокъ та й спустывъ бы, а то на чимъ же я спущу тебе,—и треба буде други добуваты.

Тоди Нычпырѣ хопывся за высокъ: «дурный, дурный я! що зроби-вуть?.. Спасыби жъ тоби, сыну, що ты дурного батька на умъ та на розумъ наставывъ!...» И швыдче кынувся у яръ, взявъ батька старого съ собою, попросывъ у його опрощення и ставъ кормыты до самисень-койи смерты, щобъ и його диты не покидали, а кормылы до самойи тойи поры, покиль Богъ прыме його гришну душу.

116. НЕДОВРА ДОЧКА.

(**Ватько въ гостяхъ—голодный**).

У одного чоловика дочка була дуже недобра. Отъ, и пишла вона замижъ у другу слободу. Отъ винъ и пишовъ разъ до йихъ у гости. Прыходыть, а дочка саме хлибъ исъ печи выймала та на лави й поклала. Батько сыдивъ-сыдивъ,—не дае вона йому йисты. Той бидный батько голодный, а попросыты йисты соромаеться.

Отъ, дочка йому й каже:

— Спочыньте, тату, бо вы втомылыся. Лягайте отутъ на лави!

Ну, батькови, хочъ и не до спання, а вже лигъ.

Лигъ, а голодному йому й не спытсья. Дочка чуе, шо батько не спыт, повертаеться, та й пытае:

— Чого се вы, тату, не спыте?

А батько й каже:

— Не спытсья та хлибъ снытсья.

Натякае, бачъ, шо йисты хоче.

А дочка тоди:

— Э, стрывайте, тату,—то у васъ у головахъ хлибъ лежыть,—отъ я заразъ попрыймаю.

Та й попрыймала, а батько такъ голодный и додому пишовъ.

Черниг. у.

---

117. СЫНЪ ТА МАТЫ.

Прыйшовъ сынъ додому пъяный, а маты зна вже його, та й сховалася на пичъ. А винъ и каже: „бойтесь мамо?“ „Боюсь сынку“, каже вона „То-жъ то! Треба, щобъ страхъ бувъ!“

Записаль въ с. Тарановкѣ Змиевскаго у. И. И. Зозуля.

---

118. ЯЕЪ СЫНЪ ЗАСТУПЫВСЯ ЗА ВАТЬКА.

Одынъ старый завякуватый чоловикъ та пйачывъ у шынку. Отъ, якъ завдала вже йому горилка, винъ и почавъ скозуваться, а дали й бытсья съ парубкамы. Налушпачылы воны йому боки такъ, що ледви долизъ винъ до своейи господы. Ввйшовъ старый у хату обшматованный, побытый, заюшенный, самъ на себе не схожий. А у старого, та бувъ сынъ Омелько, и такый то вже на сылу дужый, що надъ його и въ сели дужчого не

було,— вси парубкы його боялысь. Отъ батько й жаліеться сынови: „Омельку, мене ось парубкы такъ знівечылы, що насылу оце додому добривъ,— ты бѣ йихъ, вражыхъ сынивъ, хочъ провчывъ.“ Выслухавъ Омелько батькову жалобу та й каже: „ходить, тату, до шыньку, мы йимъ дамо!“ Прыйшли ото воны до шыньку, а Омелько й пытае парубкивъ: „хто зъ васъ бывъ мого батька?“ „Я,— каже Остапъ,— то що!“ „А ну теперъ догадайсь та ударь!“ Пидійшовъ Остапъ до старого та якъ зацидыть його по морди,— такъ винъ и покотывсь. Пидвивсь старый, а Омелько зновъ пытае: „може ще хто бывъ?“ — „И я бывъ,“ каже Петро.— „А ну теперъ ударь!“ — каже Омелько.— „То й ударю, хыба що?“ Потимъ якъ лусне старого, такъ винъ ажъ носомъ заоравъ объ дилъ. Пидвивсь старый та й плаче, дывлючысь на Омелька. Тоди Омелько взявъ батька пидъ руки, веде зъ шыньку, та й каже: „тикаймо, тату, мерщій, бо й ще бытымуть. Йихъ гуртъ, а насъ двое—що мы вдіемъ зъ ными?“ И бидный батько схватывъ удруге мемеля одъ парубкивъ и пійшовъ плачучы додому.

Записалъ въ с. Мартыновкѣ отъ Губенка въ 1895 году В. Ф. Степаненко.

119. МАЧУХА.

Одынъ хлопецъ сыдыть на вулицы та й плаче, приказуючы: „Ридна маты брехуха, а мачуха правдыва! Ридна маты брехуха, а мачуха правдыва!“ Чоловикъ иде, почувъ його та й пытае: „чы ты спивашъ, чы плачешъ?“ — „Ни, спиваю.“ — „Що жъ ты спивашъ?“ — „Ридна маты брехуха, а мачуха правдыва.“ — „Якъ же це такъ?“ пытае той. „А такъ: ридна якъ була, то казала, що не дамъ у недилю сорочки та й да-

ла; а мачуха, якъ сказала — не дамъ, такъ ось уже третю недилю и хожу въ одній.“

Записаль отъ своего отца въ Харьковскомъ у. И. И. Зозули

120. ЗЯТЬ-ПРІЙМАХЪ.

Жывъ соби чоловикъ та жинка и була въ йихъ дочка и прынялы вони прыймака. И жывуть вони, а теща й жинка його не слухалы. Отъ, разъ той прыймакъ и пишовъ молотыть съ тестемъ у клуню. Колы бачыть, ажъ бижить собака безхвостый и ніякъ черезъ тынъ не перескочыть. Отъ, тестъ и каже:

— Отъ собака ніякъ не перескочетъ черезъ тынъ, -- выдно десь на війни побувъ.

А зять и каже:

— Це десь у прыймахъ бувъ.

А тестъ и каже:

— Хыба въ прыймахъ худо?

— А хыба жъ и добре?

— А хыба тоби въ мене худо?

— А хыба жъ и добре?

— А чымъ же тоби у мене худо?

— А мене бабы не слухають.

— А якъ же вони тебе не слухають?

— А такъ: я йимъ кажу, шобъ мишокъ полаталы, а вони кажуть: а самъ гладкый?

Тестъ и каже:

— Э, ось погуляй, — шо мы йимъ зрбымо!

Узявъ мишокъ, укынувъ у його дви каминюкы та й каже:

— На оце, несы йимъ та й загадай мишокъ лататы. А якъ вони не схочуть, такъ ты йихъ мишкомъ.

Отъ зять прыйшовъ у хату та й каже:

— Полатайте мишокъ!

Воны не хочуть. Винъ тоди до жинкы:

— А ты!.. — та мишкомъ ййи! Теща стала оступать-ся, такъ винъ и тещу.

Бабы заразъ у плачь та до батька, жаліються, шо зять побывъ. А батько й пытається:

— А чымъ-же винъ васъ побывъ?

— Та мишкомъ.

— Ге! якъ бы чымъ, а то мишкомъ! То дарма!

Черниг. у. Записала Н. Г.

121. ДИВЧЫНА НЕ ВМІЕ ПРЯСТЫ.

Одна дивчына така була линыва, шо й прясты не навчылась, такы мало й умила. Ну, а на вечиркы ходыть, — уси тамъ прядуть, то й вона тамъ показуе, шо наче пряде, а сама тилькы грається. И любыла вона парубка одного. То оце якъ парубокъ тутъ, то вона тилькы прыйде на вечиркы, то заразъ сидае прясты та й каже:

— Поможы, Боже, десяте веретено прясты!

И такъ шо-разу.

Той парубокъ бачыть, шо вона тилькы каже, а роботы зъ нейи нема, та й надумавъ вывириты ййи. Узявъ срибный перстинь та й заткнувъ ййи у куделю, думае:

— Якъ шо жъ вона справди по десяте веретинъ на день пряде, такъ вона жъ знайде мій перстинь.

А вона й не береться дома прясты, бо не вміе, та все одну куделю на вечиркы носе и того перстиня тамъ не доглядилась у ййи. Тоди вже той парубокъ баче, шо вона не вміе ничого робыть та й кынувъ ййи любыты.

Черниговскій у.

122. РОБОЧА ДИВКА.

Прийшли старосты дивку свататы. Ото посваталы вже и треба йй рушныкамы йихъ перевязуваты. Вона вынесла одынъ рушныкъ та й стойить, не зна кого-бъ тымъ рушныкомъ перевязаты. А староста каже:

—Шо жъ то, дивко, мабутъ линувалася прясты та ткаты, шо тилькы одынъ рушныкъ прыдбала?

А вона одказуе:

—Хочъ одынъ, та гляньте жъ бо який довгий!

Записаза М. Н. Гринченко въ Харьковской губ.

123. ПРО КРАВЦЯ, ШО ШЫВЪ МИШКЫ.

Оженився чоловікъ. Жинка вміе робыть, а чоловікъ не вміе. Жинка натче, покрое и пошые мишки, а чоловікъ ничого не робе, бо не вміе. Почала жинка прыневолювать чоловіка, щобъ и винъ робывъ: покройила мишки, а йому дала пошыть. Чоловікъ пошывъ. За другимъ разомъ навчыла вона його й кройить, то винъ умивъ мишки уже добре кройить. Ну, жинка й говоре: — „Теперь, чоловіче, ты можешъ кравцювать.“ -- „Эге, кравцювать! Купы мени аршынъ та тюгъ, то може й кравцюватыму.“ — Та купыла. „Теперь треба мени челядына.“

Узявъ винъ соби свого небижчыка, хлопчыкъ литъ десяти, и пишовъ на заробиткы ажъ у друге село. Йдуть махають аршыномъ. Панъ побачывъ, догадався, шо йдуть кравци, (бо кому-жъ и махать аршыномъ, якъ не кравцямъ?), пославъ поклыкаты. — „А шо, — каже панъ, — чы вміешъ ты пошыть мишокъ?“ (А „мѣшокъ,“ то по-паньски—шуба). Той каже: „А якъ-же? Це саме моя работа,

я тилькы мишки й шью. — Панъ зрадивъ, шо найшовъ соби такихъ хорошихъ кравцивъ, давъ йимъ лысячыхъ и всякихъ другихъ шкурокъ. Ти почалы шыть и пошылы великого мишка съ тыхъ шкурокъ, а передъ обидомъ дядько посила племянника: „Бижы, скажы панови, що вже готовый мишокъ.“ — Панъ дывується: то два, три дни шують, а винъ меньше якъ за пивъ дня увесь „мѣшокъ“ пошывъ. „Пиды, — каже, — скажы своему дядькови: хай вишалку прышые.“ — Той прышивъ потузку, себъ то — вишалку, та й зновъ посила: Готове каже. — Панъ увійшовъ, та якъ глянувъ! И заразъ-же сказавъ повесты кравця на конюшню, дать йому пѣятдесятъ. А небижчыкъ думавъ, шо то пѣятдесятъ рубливъ та каже: „Паночку, дайте ще пѣять!“ — Давай ище пѣять! — сказавъ панъ. Съ того часу мужыкъ той закаявсь по панахъ кравцювать.

Отъ солдата Коробки, уроженца Чигиринскаго уѣзда, записаль В. Г. Кравченко.

Въ сказкѣ «Жидъ кравецъ», помѣщенной у Чубинскаго (II, 574, № 50) Жидъ, уѣбя шить только кожухи берется шить ливрею, портить ее, и панъ приказываетъ бить его батогами.

124. ХЛОПЦИ — ГИРШИ ЗА ЧОРТА.

Иде чортъ вулицею, — звисно, чога чорты ходють: скушаты, — и зострича парубка, пытае його: „Де ты, — каже, — хлопче, бувъ?“ — „На весилли,“ — каже. — „А шо ты, — каже, — хлопче, бачывъ?“ — „Дивчата й молодыци, — каже, — бачывъ.“ — „А ше шо ты, — каже, — бачывъ?“ — „Ише хлопцивъ.“ — „Ну, я, — каже чортъ, — вернуся додому, бо хлопци гирши за чорта: воны й безъ мене справляться.“

Отъ солдата Коробки изъ Чигиринскаго у. записаль В. Г. Кравченко.

125. ПАРУБОВЪ-ХВАЛЬКО ТА ДИВКА.

Любывся парубокъ зъ дивкою и ходывъ до нейи зъ другого прысилка, зальцывся все то, — сватать. Выйде на вулицю та бадьорыться, показуе, шо винъ багатый; а справди бувъ бидный такый, шо и Господы! Маты бидна, якъ одробыть де пшинця, або присця та зварыть кулешыкъ для його, а винъ-тылькы шо по вулицяхъ ходыть та передъ дивкою й хваста: „Оце, яка въ мене одрыжка, — все хвехверъ та шахранъ одрыгується.“

А дивка була хытра: на другой день не выйшла на вулицю, а одяглась за старчыху та й пишла у той прысилокъ, де парубокъ живе, й упросылась ночувать до його матери. — „Та я-бъ тебе, сердце, й пустыла, та колы въ мене такый сынъ, шо якъ прыйде додому, то й тебе бытыме и мене бытыме.“ — „Та я, титочко, пидъ лавкою ляжу.“ — А винъ прыходыть. — „Засвиты!“ каже до матери. Засвитыла вона. — „Давай вечерять!“ — „Шо-жъ я тоби, моя матинко, дамъ? Отамъ я заробыла пшинця та зварыла кулешыку.“ — „Давай хочъ кулишь!“ Поставыла вона, а винъ сьорбъ ложкою — ажъ кулишь писный. — „Чомъ же ты ничымъ його не засмачыла?“ — „Такъ, колы ничымъ.“ — „А онъ лежыть лойовый недогаркъ, то не вкынула-бъ? Нема чого варыть! А выстружы нечкы та затры затерѣчкы! А то якый чортъ лежыть пидъ лавою?“ — „Та то старчышка впросылась ночувать.“ — Винъ ййи не зачипавъ.

Другого дни выйшла вона на вулицю, а винъ прыйшове та й знову свое: „хвехверъ та шахранъ одрыгується.“ А дивка йому: Ну, багачъ! хвехверъ та шаххранъ! А выстружы нечкы та затры затерѣчкы? А кулишь зъ лойовымъ недогаркомъ ты-бъ не йивъ?

Записаль отъ Анны Базилевичъ изъ Черкасск. у. В. Г. Кравченко.

126. ПИСЛЯ МЕДУ.

Десь то, кажуть, зійшлося два приятели на сели
писля меду.

„Доровъ, Архыпе!“ — „Доровъ, Кузьмо.“ — „Чы не бувъ ты, часомъ, Архыпе, на меду у тещи?“ — „А хыба не бачышт чы що?“ — „Та бачу жъ, бачу. Мабуть добре упоштувалы бо й морда сцилныкомъ узялась!“ — „Вже що не говоры, а що поштувалы, то грихъ и Бога гнивыты, прокятсынъ, такъ тоби чарка за чаркою, чарка за чаркою... А горилка, - якъ хылнешъ, то мовъ бы серпомъ тоби шкрябоне по горли. Спершу такы не подавався, крипывся, а послаи ногы мени одибрало, ричъ одняло, очи посоловилы и въ рычачку вкынуло. Вытяглы ото мене (тиль-тиль що памъятаю се) на двиръ, поклалы сторчъ головою въ снигъ и черезъ килька часу я очапався. Ввійшовъ я у хату и зновъ тейи жъ: чарка за чаркою... А нашъ братъ, нивроку, такый голинный на ту горилку, особлыво на дурнычку, и одмагатысь не вміе: смокче соби та смокче, якъ той виль брагу, и насмоктався, не вамъ кажучы, що той соловейко. Але жъ теща, хай йій легенько згадається, визьмы та й обмыны мене чаркою. Росердывся я й почавъ, кажуть бы то (а я й Богомъ ладенъ побожытысь, що цього не памъятаю), йійи батькомъ-матирью подіраты а дали й очипка, кажуть бы то, збывъ. Пидійнявся крыкъ, гоминъ у хати и (щобъ я зъ цього мисця не зійшовъ, колы хочъ що я памъятаю, що зо мною діялось) почалы, кажуть бы то, мене типаты. Чы добре такы, чы погано мене типалы, кажу жъ, не памъятаю; знаю тилькы, що я прокынувся въ погреби, налыгачемъ скрученый, и вся морда якъ сопуха стала, а ребра—й лапнутысь не кажы. Выпустылы ото мене, спасыби йимъ, звидтиль. Жинка гаморыть на мене, теща и вси гости якось косо дывлються, а я ничего не знаю, тилькы очыма клипаю,

та слухаю, якъ джмили гудуть у голови, якъ лопче мижъ ребрамы та пидъ очыма: ну й далысь же мени въ знаки оти вражськи сынякы по пидъ очыма—й долонею, братъ, не закрыешъ, проклятсынъ! Такъ я ото до жинкы: Хывре, кажу, чы не наробывъ я часомъ якого бешкету въ хати, пидъ пьяну ручъ, бо щось дзызомъ уси дывлються на мене? „Та де тоби не наробывъ,—такъ и такъ, було,“ каже жинка. Я мерщій у ногы тещи—бухъ: „выбачайте, матусьо, мени, бо я бувъ нетямущый, я“... Проклятсынъ, повирышъ, бра, въ жысть ништо слизь у мене не бачывъ, а то ажъ заплакавъ, та ще й якъ заплакавъ!... такъ мени чогось жалко стало тещи. Простыла мени теща, та й змырщыну пыты, по чарци, по другій, та такъ може й до десятка, чы й лучше, доскочыло; жинка помытыла мабутъ шо по мени, пидійшла до мене та й каже: „чоловиче, йидьмо до господы, бо щобъ не накойивъ зновъ якои шкоды.“ То й такъ, жинко, кажу,—рушаймо. Запряглы ото намъ коня (мабутъ то вже я качкы гонывъ, що не здужавъ самъ и запрягты), посидалы мы обое на санкы и гайда до куреня. Але жъ, колыбъ мени не заслипыло такъ тею горилкою баньокъ, то може бъ я и втрапывъ дѣдому, а то якъ почавъ ньокать та смыкать коняку вижкамы, та й зблудылысь зъ дороги. Воно то й не дуже темно було на двори, але жъ въ очяхъ тее, сутунило... Жинка крычить: „давай мени вижки!“ а я кажу: „самъ поганятому“. Тузальсь отакъ соби обое, тузальсь; дали я хвосьнувъ коня батогомъ а санкы разомъ: гуръ-гуръ!... перекинулысь воны и покотылысь мы обое въ провалля. Мени жъ ничего, забывсь трохы та й годи, а Хивря руки збулась: такъ тоди надрое й перелетилась, тилькы на шкурочци й телипається. Оттакый то прыдався намъ солодкый медъ, але жъ якъ гирко, Кузьмо, на похмилля писля його було! Ну, та якъ вже не було, а що частувалы тею горилкою, то грихъ и Бога гнивыты, и тещу судыты—що тыйи

качки въ води хлюпосталысь, такъ мы въ горильци. Спасыби, простыби йимъ, дай Боже, и на той рикъ диждаты такого меду. Ото тилькы кепсько, шо побыто... але жъ хто пидъ чаркою не бувае дурный? - прыхне, якъ на собаки.

—А то вже такъ, Архыпе: де, кажуть, пьють, тамъ и бьють, любышъ пыты, любы жъ, якъ будуть и быты.“

Записаль въ 1895 г. въ с. Мартыновкѣ отъ М. Иваненка В. Ф. Степаненко.

127. ВИДНЫЙ МУЖЫКЪ ТА ДВА ЛЫГЫРЯ (старци).

То бувъ соби чоловікъ угодный Богу и бувъ винъ бидный; ишовъ винъ на базарь и найшовъ два срибныка, се бѣ то два срибныхъ карбованця: „ну, думаетъ, пославъ мени Господь два срибныка, и хочъ я бидный, ну, про те, выдющый, а е жъ люде слипи, нещасни, воны, може, не мають чого йисты.“ Йде винъ, а тамъ у гѣроди скривъ лыгыря сыдятъ по пидъ барканами, просятъ мылостыны. Пидходе той чоловікъ до одного й говоре: „оце Божый чоловіче, пославъ мени Мылосердный, шо я найшовъ два срибныка, ну, я хочъ и бидный, за те выдющый, хочу я подилыться съ тобою.“ „А ну,—каже лыгыряка,—дай я подыплюсь, а то може ты мени менчого срибныка дасы.“—Той давъ йому до рукъ ти срибныкы, а лыгырь обертавъ, обертавъ у рукахъ, а дали узавъ та й укынувъ соби у кышеню обыдва срибныкы. Той чоловікъ прыставъ до його, шобъ винъ отдавъ хочъ одного срибныка, а той не дае. А тутъ иде панъ: „чого, -- каже, -- вы сварытесь?“. Чоловикъ и почавъ йому розказувать, якъ винъ найшовъ два срибныка и якъ хотивъ дать одного йому, бидному слипому. „Пане,—каже лыбець,—чы багато вы ба-

чылы по дорогахъ срибныкывъ? багато вы йихъ находылы?— „А правда,“ — каже панъ. И сказавъ тому мужыкови, шобъ винъ до бидного слипого не в'язъ. Одійшовъ чоловікъ и пасе того лыгыря. Лыгырь пишовъ на базарь,— тамъ жинка його продавала вирьовкы ти, шо лыгырь понаплитавъ. „Иды жъ ты додому, — каже жинка лыгыреви: тамъ у печи борщъ, локшына, каша молошна — я понаварювала тоби.“ Пишовъ той додому, а мужыкъ той за нымъ потыхеньку Той у хату й мужыкъ за нымъ потыхеньку. А лыгырь бувъ такый, шо винъ по всьому городу помацькы ходывъ.

Увійшлы воны у хату, и мужыкъ сивъ на лави та й сыдыть. Доставъ слипый съ печи борщъ и давай йисты, а мужыкъ узявъ ложку та й соби, а той думавъ, шо то кишка лизе, та маха рукамы та проганя: „а дзусь, треклята, собъ ты здохла!“ А дали узявъ та й выливъ той борщъ у помыйныцю, бо писля кота гыдуе. Йивъ винъ мясо, а мужыкъ и соби. Якъ пообидалы, тоди лыгырь доставъ съ пидъ печи бочонокъ зъ гришма: отъ, — каже, — положу оцихъ два срибныка, шо въ мужыка однявъ, то буде якъразъ мылійонъ роцькывъ (шагивъ). (Бо, звисно, надеръ зъ людей, а воны думаютъ, щѳ воно таке бидне, нещасне).

Узявъ того бочоночка та давай пидкыдать угору, тишытысь та прыказувать: „О, росыкы мойи, голубцыкы! о росыкы мойи дорогойи!“ — гугнявить. А мужыкъ, якъ лыгырь пидкынувъ, узявъ та й упіймавъ того бочоночка. А той давай шукать; шукавъ шукавъ — не найшовъ, а дали й говорыть до окны святого Мыколая, шо въ хати высила: „Мыколаю, не зартуй, оддай роци!“ А дали давай бигать по хати та крычать. А хата була на дви половыны, на другій жывъ його братъ, тежъ слипый; той почувъ, шо той шось крычыть, узявъ та й увійшовъ. Почалы воны вдвохъ шукать злодія. Скризь

шукають: по лавкахъ, по полу. А стиль то бувъ тамъ дуже довгий, а мужыкъ узявъ та й лигъ уподовжъ стола по середини. Ти шукають по краяхъ помацкы, а по середини й не догадаються, — не найшлы. Тоди братъ той, шо зъ другойи хаты, й каже: „А ну, дай пиду поды-влюсь, може й мойи грѣши вкрадено?“ Пишовъ за нымъ и його братъ. Той тилькы доставъ бочоночка съ пидъ печи, а той каже: „це мій, це ты въ мене вкравъ!“ Бо бочонокъ бувъ саме такой. Той не дае; и завелысь лыгырякы бытсья, а мужыкъ ухватывъ и того бочонка, та й утикъ, и теперь соби живе.

Отъ солдата Коробки изъ Чигиринскаго уѣзда записаль В. Г. Кравченко.

128. СТАРЦИ

Що теперешни старци! голе, якъ бубонъ, голодне, якъ собака, а въ схови ни шеляга. Отъ колысь то, въ старыну, старци булы—й напытени й найидени, убути й зодягнени, та ще й грошвы багацько малы. Адже отъ розказують стари люде. Десь то чоловикъ килька старцивъ та йшлы зъ ярмарку. Прытомылыся одъ далекойи дороги й посидалы пидъ лисомъ одпочыты та тымъ часомъ и загребу спекты, щобъ сылы пидкрипыты. Запалылы огныще, замисылы кисто, зробылы съ того киста коржа й загреблы його пектысь у те огныще. Сыдятъ ото воны навкругы того огныща, балакають соби и чекають загребы. Одынъ старецъ, слипый, пидпершы бороду товстою ципугою, сыдыть найблыжче коло огныща та все допытуеться, чы швыдко спечеться загреба? Мабуть то йому, сироми, найдужче йисты хотилось. Недалечко одъ старцивъ сыдилы хлопци-пастухы, гомонилы мижъ собою, реготалысь и тежъ пантрува-

лы огныща. Дали одынъ старецъ прогрибъ прысокъ въ огныщи, ткнувъ соломыною въ загребу й каже, що загреба вже спеклась. — „То вытягай же ййи мерщій сюды!“ — каже той, що сыдивъ спершысь на ципокъ. Тилькы вытигъ той загребу, а одынъ пастухъ пидбигъ до його, та хипъ тую загребу зъ рукъ и навтикача. Счынывся крыкъ, лементъ мижъ старцямы — що робыты? Той, що зъ ципкомъ сыдивъ, мерщій на ногы й махнувъ за пастухомъ. Але жъ винъ бувъ слепый и не знавъ куды за нымъ бигты. Отъ выдющый, що зъ мыльцямы сыдивъ увъ одшыби одъ гурту й почавъ нымъ правуваты: „держи цабе, бижы прямо, трошкы собъ визьмы — отъ, отъ, отъ доженешъ, палыцею!...“ Слепый замахнувъ ципкомъ и кынувъ його навздогинци хлопцеви. Хлопецъ крутъ назадъ, ухопывъ того ципка и хода дальше. — „Эй, ловы його держы його, хапанка! — крычыть выдющый, — и ципка вхопыла гадюча дытына!“ Якъ почувъ слова си той, що доганявъ пастуха, такъ де й зло те дилось на хлопця. Ставъ соби на мисци, зигнувсь, зсыныбожывсь и почавъ прохаты: „голубчыку, соколыку, батьку ридный, оддай мени ципокъ; хай тоби й загреба, ще й гостынчивъ дамъ, тилькы оддай мени ципокъ! Богъ тебе скарае, колы ты не оддасы мени ципка: я чоловикъ старый, невыдющый и безъ ципка кроку не ступлю, пропащый я“... Та въ плачъ. Поплакавъ же винъ за тымъ ципкомъ, мовъ батька ридного поховавъ, попобидкалысь и други старци, бо знали, що то за ципокъ бувъ у його, и чого винъ стдявъ. Скильки не прохавъ старецъ, та й уси зъ нымъ вернуты той ципокъ, але жъ ничогисинько не помогло — хлопци зъ ципкомъ та зъ загребою побиглы десь у шалыну, въ лись.

Збувшысь ципка и загребы, старци мусилы такъ и въ дорогу рушаты. А хлопци ззиы загребу, нарегота-

лысь несь старцивъ и стали роздвлятысь на ципокъ. „Ну та й славный же ципокъ,“ каже одинъ.— „Э, ты на ось попробуй, який винъ важкий!“ каже той, шо добувъ його.— „Ого-го! мовъ нашъ рубель, або штандара добра, якъ винъ його й носывъ такого важкого,“ говоре третій. Попробували и други хлопци, але хоча бь одинъ догадавсь, шо то за сыла въ цьому ципкови. „Ну, давайте вже його сюды, та будемо гнаты скоть додому, бо вже не рано.“

Попрыгонылы ото воны скоть додому и мовчатъ — хоча бь слово кому мовылы про те, шо було на пастивни. Але жь батько цього хлопця, шо зь старцямы драгувавсь, та й наглядивъ десь, у синяхъ, ту старчечу ципуру; взявъ ййи въ руки та й пыта: „а це звидкиль герлыга взялась, важка, мовъ свинцемъ налыта?“ Сынъ мъявся, мъявсь, а дали й признавсь, шо було на пастивни. Було жь тому хлопцеви одъ батька, знатыме якъ старцивъ займаты! „Подай, стара, сюды сокыру!“ крыкнувъ старый. Подала жинка сокыру, взявъ винъ ййи въ руки та й каже: „Оцей ципокъ треба порубаты та въ печи спалаты, бо не годытсья, та й грихъ такы, грабованымъ у старцивъ орудуваты въ господарьстви,— скотына не буде йты въ руку.“ Замирывсь сокырою та цюкъ! по тому ципку, а звидтиль червинци: дзень-дзельень... такъ и посыпалысь. До того ципка, а въ йому повнисинько одъ верху до нызу червинцивъ. „Онъ бо чого той старецъ такъ домогавсь цейи ципугы!— каже старый.— Цыттьте жь, никому не хвалитсья про се, погы шо,“ —и заховавъ гроши въ скрыню.

Оттаки то колысь булы старци. Кажуть, шо въ кожного старця тоди отаки коштовни ципкы водылысь; а яки то й въ чересахъ, або й у латкахъ ухалявахъ гроши ховалы.

Записаль въ с. Полствинѣ Каневскаго у. В. Ф. Степаненко.

Галицкій ва;іантъ (очень далекій. въ литературномъ пересказѣ) см. въ книгѣ: «Руска читанка для низшихъ класъ серед. шкіль», О. Партицкаго, II, 60, № XI. Оповідання про дида кулявого.

129. КАРА ГРОШОЛЮВОВИ.

Велькій грѣхъ тому, хто на симъ свитѣ ховае гроши и, вмираючи, не оддае ѳихъ никому на вжитокъ, чы куды инде, на добре дило. Отъ же росказують,— бувъ соби чоловикъ та такой скупый на ти гроши, такой, що и Господы, який! Не тилькы було для семъи, а навить и для себе ничего не справлявъ: въ рамъи ходывъ, не дойидавъ та все гроши ховавъ. За гроши ти ладѣнь бувъ и душу дидькови оддаты, такой то винъ бувъ на ѳихъ ненажерлывый. Оце котре зъ семъи попросить: „тату, дайте грошей, бо онъ хлиба не стае, та ѳ зъ одежи уси вже повылынювалы, якъ одъ гилли одирвани ходымо!“— „Немае въ мене грошей; щобъ мени, та бодай мени... колы я брешу,—немае ѳ не просить“, охараскуеться було старый. А грошей у ѳого було до лыхойи годыны. Оце пидуть було уси на поле жаты, то винъ соби визьме свою подушечку, роспоре ѳиѳи, поличыть гроши та ѳ зновъ зашые ихъ туды. Нихто цъого не бачывъ и не знавъ, тилькы онучокъ старого инколы скоса позыравъ (бо ѳого дидъ нагонывъ одъ себе), якъ дидусъ паперы якись у подушечку ховавъ. але жъ, чы то малому до того, що воно до чого. Отъ же и на той свитѣ пишовъ старый, а не сказавъ никому, чы е у ѳого гроши и де воны. Та-кенькы, за тыждень передъ смертю, чы що, и каже старый дитямъ свойимъ: „глядить же, диты, якъ умру я и положыте мене въ труну, то не забудьте положыть у головы мени и подушечки моеѳи, бо я до нейи дуже

звыкъ“. Вмеръ ото старый, и диты поховалы його якъ слидъ и по закону й подушечку у головы йому поклалы. Пидйшовъ сороковый день; треба бѣ стягатысь на обидъ за старого душу, а у дитей ни шеляга въ кышени; турбуються воны, клопочуться—дебъ узяты грошей. Отъ пидходыть до матери сынокъ ихъ, дидовъ онучокъ та й каже: „мамо, вы клопочытесь, дебъ узяты грошей, а я бачывъ, якъ дидусь наши, ще якъ были жывы, якись папери разъ поразъ въ подушечку, ту шо у головы имъ поклалы въ труну, ховалы, може то й гроши? Часто воны, якъ васъ не було дома, распорювалы ту подушечку, дывылысь на ти папери и зновъ туды зашивалы. А якъ наблыжусь, було, до йихъ, то воны й проженуть мене: „геть звидсиль, гулять иды соби.“ — „А чому жъ ты тоди не сказавъ?“ спытала маты.— „Я забувъ про се,“ одмовыло хлопъя. Иззырнулысь батько зъ матерью и ничего бильшъ не сказалы сынови. Наставъ ото вечеръ. Чоловикъ и каже жинци: — „А ходимъ лышъ, жинко, и справи до батька у гости: одкопаемо грибъ та подывимось у ту подушечку—що въ йй е, бо вже жъ не даремне батько такъ перцювалы, щобъ ййи покласты йимъ у головы.“ — „А шожъ, то й ходимъ, та ще й родычивъ де якихъ визьмемъ, все таки охитнишъ буде,“—одказала жинка.

Взялы родычивъ и, якъ вже добре посутунило, пишы на гробкы. Знайшы батькивъ грибъ и одкопалы його ажъ до труны. Одкрылы вико одъ труны, колы гулькъ туды,—ажъ тамъ лежить старый не кажи шо жывый; а въ роти, въ вухахъ, у носи, въ очяхъ бумажки, та все велыки, такъ и стерчать, мовъ рулky яки! Исстрахнулысь воны одъ такого дыва; мерщй закрылы труну зъ батькомъ и гришмы, та чымъ дужъ—до господоы. Оттака то прыгода була. Оттакъ то и всимъ

тымъ буває, хто на симъ свити гроши ховає, а на добре дило йихъ не повертає!

Записанъ отъ своєї матери въ 1895 году въ с. Полствигѣ В. Ф. Степаненко.

130. ЩАСТЯ ОДЪ ВОГА.

Булы на сели силни богачи: у одного бувъ сынъ, а у другого була дочка; и вони вже зваться сватамы, вже вони зробылы весилля, а ще не винчалы (якъ иде дивка за парубка, то винъ бере видро горилкы, наймає музыкы и справляють весилля, а винчаються недиль черезъ тры).

Отъ, разъ выгнавъ парубокъ на ничъ волы у поле, лигъ спать, — йому здалося, що вже день, ну, уставъ винъ и пойшовъ до своихъ вѣлувъ: выйшовъ у поле, дывыться: стойить хатка; винъ соби подумавъ: „туть николы не було хаткы, де жъ вона взялась? Зайду, думає, въ цею хатку, шо туть есть?“ — Зайшовъ винъ а въ тій хати тилькы одынъ дидъ сыдыть и тры столы стойить. И пытає той дидъ: „Куды ты йдешъ, небоже?“ „Отъ, — каже, — вчора выгнавъ волувъ на пашу, мени показалося, шо вже день, ну, я и йду до волувъ.“ „Э, ще, — каже, рано, сыну, сядь да посыдь.“ Сивъ винъ соби и балакають. Прылитає янголъ и говоре: „эй, Господы, трыста душъ, — каже, — померло, а трыста народылось!“ „Нехай, — каже, — ти передъ Богомъ служить, а ты щасливо жывуть.“ — А передъ нымъ на столи лежало хлибъ и все. Якъ янголъ полетивъ, такъ винъ пересунувъ на другый стиль. — Летить зновъ янголъ та й каже: „эй, Господы, трыста душъ померло, а трыста народылось!“ „Нехай тыи передъ Богомъ служить, а

тѣи счастливи живутъ.“ — А передъ нѣмъ и теперъ на столи и хлибъ бувъ и усе. Янголъ прылетиѣвъ, а Винъ за третій стылъ уже пересунувсь. Ну, и зновъ янголъ каже: „эй, Господы, трыста душъ народылось и трыста душъ померло!“ „Нехай, — каже, — тѣи передъ Богомъ служить, а тѣи нещасно живутъ.“ — А теперъ передъ нѣмъ стилъ голый стояѣвъ. Парубокъ той и пытае: „шо то таке, — каже, — диду: тѣи будутъ щасливи, а тѣи таки, шо нема йимъ щастя?“ „Отъ, — каже, — бачъ, на цыхъ двоухъ столахъ лежить усе, вони й будутъ щасливи, а на цѣму нема, ну, вони й будутъ нещасни.“ „А въ мене, — каже, — дидуню, е щастя?“ „Е, — каже, — сыну, въ тебе щастя, тилькы покынь тую дивчыну, шо засватаѣвъ, а, — каже, — возьмы тѣи вдовыци бидной дочку — ковалеву — то то твое й щастя буде. (А вона, звисно, бидна — хата на выгони стояла).

Прыходе сынъ додому й говоре батькови: „Не хочу я жениться съ тѣю, шо вы мени засватали, а хочу ковалеву дочку взять.“ — Батько прогнаѣвъ його зъ дому, а въ його було килька тамъ копѣюкъ грошей, такъ винъ самъ оженился. Пожылы вони зъ недилю, прыходять ноччу и будыть його прозь викно: „Иване!“ Винъ уставъ, подывывся, узяѣвъ да й зновъ лигъ. Другый разъ прыходе пидъ викно да й говорыть: „Иване, иды заберы свое щастя!“ Винъ зновъ прокынувся, подывывся и опасуйиться, думаетъ, шо може сныться. Третій разъ подышовъ пидъ викно да й говорыть: „Иване, да йды-жъ, заберы свое щастя.“ — Винъ уставъ, выйшовъ на поригъ, а передъ порогомъ лежить купа грошей. Винъ увѣйшовъ да й каже: „ходимъ, жинко, прыбирать свое щастя.“ — Выйшлы, переносылы у погрибъ. Ну, прямо повный погрибъ насыпали грошей!

Сього самого дня бувъ празныкъ, прыйшлы вони до церкви, прыйшовъ и його батько, ну й той,

шо мавъ буты за тестя. Выйшли зъ церкви и вси зайшли у коршму, а Иванъ соби позаду йде и винъ зайшовъ у коршму. Началы соби пить по маленькій, а Иванъ стойть соби и наченичого не знае й до йихъ не мишається. Той, шо мавъ буты йому тестемъ, каже: „а ну, лышь, дурню, не хотивъ моеи дочки взяты, иды выпъешъ хочъ маленьку.“— Той не протывытсья, шо той його назвавъ такъ, пидйшовъ и выпывъ; потимъ и своеи йимъ бере. Выпылы, тыйи зновъ берутъ и йому дають. Винъ другый разъ бере йимъ. Дали той, шо мавъ буты його тестемъ, и каже: „шо ты, дурню, робышь: яку копйку маешъ, шо мавъ бы прыховать, жинку накормыть, а ты пропываешъ.“— Выпивъ Иванъ ще чарку, подпивъ пидъ охоту та й каже: „я забравъ бы васъ и зъ вашимъ хазяйствомъ зовсимъ. — Що ты, — каже, — дурню, говорышь, — ты выпывъ чарку да думаешъ, шо нема вже путяшого, заберешъ у мене все за тры копйкы, шо въ тебе е?“ „А шо жъ, — каже, — шо вы хочете за свое хазяйство?“ „А шо, — каже, — хочу, дай, — каже, — мишокъ грошей, то, — каже, — оддамъ.“ „Дамъ,“ — каже. — Пишовъ Иванъ додому и сказавъ, щобъ жинка набрала мишокъ грошей, а тыхъ бы не показувала. А дали прыйшовъ та й каже: „идить, забирайте свои гроши. Той прыходыть и подумавъ: „Ну, цей мишокъ грошей да е въ мене своихъ трохи, я про те не загыну“...

Иванъ зъ жинкою перейшовъ на того хазяйство, а той, шо мавъ буты його тестемъ, выбрався. Якъ выбрався той багачъ зъ свого хазяйства на нове: построився, накупывъ скотыны, а воно все згорило, а товаръ выдыхавъ и ставъ винъ такой бидный, шо не можна й сказать! А Иванъ и теперь живе на його хазяйстви.

Записаль отъ Луки Зиневича, изъ Острожскаго уѣзда, В. Г. Кравченко.

Ястребовъ, 122—124; № 3. — Малор. пред., 123, № 21.

131. ПРО ЩАСТЯ ТА НЕЩАСТЯ.

Бувъ чоловікъ такой бідный, шо не мавъ ничего. Булы въ його й диты, та не мавъ одъ чого взять. Одного разу й каже:—Пійду, каже, може де хочъ на кусокъ хлиба зароблю дитямъ. —Выйшовъ и зостричае на дорози Щастя й Нещастя. Нещастя й пытае:—„Куды ты, каже, „йдешъ Иване?“ —„Та маю диты, та йду заробить хочъ на кусокъ хлиба.“ Нещастя каже до Щастя:—„Дай йому килька грошей, нехай купе дитямъ хлиба.“—Щастя не дало, а Нещастя выйняло пятьдесятъ рубливъ:—„На,“—каже.—Той узавъ та й пишовъ додому и купивъ хлиба; а решту —кудыжъ ййи диты?—винъ и заховавъ ййи у муку. А сусидка, видьма, прийшла до його жинкы та й каже: - „Позычь мени, —каже, — муки, а то въ мене нема.“—Та дала.—Прыходыть чоловікъ, а жинка й каже:—„Отъ прыходыла сусида, просыла муки. й й дала.“—Винъ пійшовъ до грошей—и нема.

Пойлы той хлибъ, шо бувъ, чоловікъ зновъ пишовъ зароблять на кусокъ хлиба дитямъ. Иде, и зновъ зостричае Щастя й Нещастя. Нещастя й пытае: „Эй, Иванъ, куды ты идешъ?“ (А винъ та не визнавъ йихъ). „Та, —каже, — маю дитей, та йду—хочъ на кусокъ хлиба може зароблю.“—Зновъ каже Нещастя до Щастя: „Дай йому килка грошей.“—Щастя не дало, а Нещастя зновъ выйняло пятьдесятъ рубливъ та й дало. Чоловикъ той вернувся додому, купивъ муки, а решту заховавъ у попилъ —подъ лавою попилъ лежавъ, бо кому жъ того попилу треба? А та сусидка зновъ прыходе та й говоре: „Позычь, —каже, — мени попилу, а то въ мене не стало сорочки позолыть.“ — Та взяла й оддала попилъ. Прыходыть чоловікъ, —вона зновъ розказала, шо вона попилу позычыла сусиди. Винъ зновъ до грошей—грошей нема.

Пойлы хлибъ, бере винъ, зновъ, иде. „Пиду“, каже,— „може ще чы не зароблю де на кусокъ хлиба“. Выходе и зновъ зостричае Щастя й Нещастя. Нещастя й каже: „куды“,—каже, — „йдешъ Иване?“ — „Иду“, каже, „на кусокъ хлиба зароблять. Зостричавъ я два разы людей, отакъ якъ оце васъ,—каже,—ну, одынъ спасыби йому, дававъ мени двичы по пъятдесять рубливъ, тилькы жъ зъ ныхъ не багато мени добра: жинка двичы оддала сусиди.“ — Тоди щастя бере, выймае тры копійкы, дае йому: — „На“ — каже. — Взявъ винъ тыйи тры копійкы и иде на базаръ та й думае: „Що жъ я куплю за тры копійкы?“ — Ходывъ винъ, ходывъ и такъ не прыбере ничого винъ соби купыть за тыйи грѣши, бо, звисно за тры копійкы не багато хлиба купышь — самъ чоловикъ и то не найисться. — Дывытсья — несе чоловикъ щупака. — Каже: „Шо ты, чоловиче, хочешъ за сього щупака?“ — Винъ каже: „Тры копійкы.“ Взявъ винъ того щупачка за тры копійкы, прыносыгъ додому й каже: — „На, каже, жинко, щупачка, звары хочъ юшкы дитямъ.“ — Тая взяла, распорола — ажъ тамъ дрогоценный камень! И такъ той камень и свитытсья у хати. Радіють воны, — шо отъ, кажуть, щастя теперь, теперь хочъ свитла не будемо купувать. Дило було надъ Днипромъ. Йиде паромщыкъ, той шо паромамы заправляе — дывытсья — такъ свитытсья въ хати хороше, шо й сказать не можно! Заходыть винъ у тую хату, побачывъ камня, сказавъ: „Чы не можете вы продать мени своего камня?“ — Э, кажуть, не можемо — хочъ хлиба не маемо, такъ теперь свитломъ не журымось “ — Той бере, выймае чотыриста рубливъ и давъ. Воны согласылись узять тыйи грошы и началы жыть и теперь воны жывають.

Записаль отъ солдата, уроженца Черкаского уѣзда, В. Г. Кравченко.

Житье и слово, томъ II, 191, Щастье и нещастье (жыдивьска казка). Литература указана въ т. III, стр. 221.

132. ЗЪ МУЖЫЧОБЪ ПАНИ.

Якыйсь панъ оженився десь тамъ изъ мужычкою и привизъ ййи. Та звеливъ йй, шобъ вона не признавалась, шо вона зъ мужыкивъ. Отъ першого дни винъ самъ загадавъ кухареви, шо варыты на обидъ, а дали кудысь пойхавъ и тоди вже до нейи кухаръ иде пытаты, шо варыты. А вона чула, якъ панъ загадувавъ та й соби такъ загадуе:

— Готовъ супъ да совусъ фрикасе.

И такъ шо-дня усе той супъ та совусъ загадуе, бо бильшгъ нйякихъ стравъ панськихъ не знае, а спытаты въ кухаря бойитсья, шобъ не довидався, шо вона мужычка. Отъ вже ажъ обрыдло кухареви шо-дня все одно варыты, винъ йй и каже:

- Та шо жъ це вы, пани, усе одно та й одно загадуете? Часъ бы вже яку перемъну.

А вона думала, шо „перемъна“, то така страва та й каже:

—Харашо, галубчыкъ, готовъ перемъну.

Та радие, шо нову страву взнала, бо вже ййй той супъ та совусъ здорово обрыдъ.

Кухаръ пытае:

— Такъ яку жъ „перемъну“ прыкажете?

А вона:

— Та ту жъ, шо ты говорышь.

Отъ кухаръ тоди баче, шо вона ничего не зна, та й почавъ варыты, шо самъ знавъ. Такъ и вона тоди рада.

Записала М. Гринченко.

133. ПАНЪ, ШО ПО НИМЕЦЪЕОМУ ВАЛАБАВЪ.

Одна удова, проста жинка, та оддала дочку за поганенького панка. Отъ разъ той зять и пойхавъ до теши въ гости.

Та й каже своему наймытови:

— Я балакатыму до тещи не по нашому. А якъ вона спытае въ тебе, чого я такъ балакаю, такъ ты скажи, що я вже забувъ по своему балакать, а тилкы по немецькому вмію. А якъ я шо скажу по немецькому, такъ ты ййй по нашому переказуй.

Той каже:

-- Добре!

Отъ прыйихалы. Теща така рада, шо зять прыйихавъ, витається до його, а винъ:

— Вухры-мохры! Вухры-мохры!

Такъ вона злякалася та й пытае парубка:

— Шо це панови таке сталося, шо речи йому одибрало?

А парубокъ каже:

— Та то винъ уже забувъ по своему балакать, а навчився по немецькому.

Отъ теща почала про дочку роспытуваты та про онукивъ, винъ усе:

— Вухры-мохры! вухры-мохры!

Такъ ййй ажъ страшно його стало. Пишла та вже въ наймыта роспыталася. Отъ тоди пытае вона въ зятя:

— Може вже обидаты будемо?

А винъ:

— Вухры-мохры! вухры-мохры!

А наймытъ каже:

— То винъ каже, шо не хоче обидаты.

Панъ сердыться, шо наймытъ такъ каже, та ажъ крычыть: „Вухры-мохры!“ бо йисты здорово хоче. А наймытъ:

— Идить, — каже, — паниматко, одъ його, а то бачыте, — ажъ сердыться, шо вы зъ обидомъ докучаете.

Теща зъ наймытомъ пообидалы, а панъ zostався не йившы. Отъ, увечери зновъ теща пытае зятя:

Этнограф. матеріалы, II.

— Може вже вечерятимемъ?

А винъ:

— Вухры-мохры! Вухры-мохры!

Наймытъ каже:

— Не хоче вечеряты, каже, щобъ дали тилькы шматокъ хлиба та кружку воды.

Такъ теща дала йому шматокъ хлиба та кружку воды, а сама повечеряла зъ наймытомъ. Зять уже такъ сердиться на наймыта, а такы не хоче по своему балакаты.

Ото полягали спаты. А теща й надумала вночи: --- А шо, якъ це зять стерявся? Ще щобъ и не задавивъ уночи. Та взяла та й пидперла двери въ ту хату, де зять спавъ. А йому вночи на двиръ схотилося. Винъ до дверей — пидоперти; винъ туды-сюды — нїякъ выйты. Довелось уже йому въ хати.... Та тоди взявъ та й повкыдавъ у грубу.

Отъ, уранци лагодыться вже винъ йихаты.

Теща й того й сього несе на визъ дочци та онукамъ на гостынець. А винъ радый, шо такого багато та:

— Вухры-мохры! вухры-мохры!

А наймытъ:

— Не несить ничего! Панъ не хоче браты, каже, щобъ забиралы геть.

Такъ теща й позабирала усе назадъ.

Отъ, якъ выйихалы за слободу, панъ якъ узявъ наймыта лаяты, — шо, — каже, — я черезъ тебе голодный сыднв и додому ничего не везу. Колы такъ, такъ чого жъ я сюды й прыйиздывъ?

А наймытъ каже:

— А хыба жъ я знаю по немецькому? Я жъ думавъ, шо я такъ переказую.

Ну, трохы згодомъ изновъ йиде зять до тещи, бо тоди не добувъ ничего, такъ теперь уже буду, думает, по своему балакаты — выгуднище буде. Отъ уйихавъ у сло-

боду, а диты граються на вулицы. Винъ и пытае:

— Чы жыва отака й така удова?

А воны кажуть:

— Жыва.

— А чы давно въ нейи зять бувъ?

— Та, — кажуть, — бувъ тоди, якъ грубу запоганывъ.

Такъ винъ повернувъ коня та й пойхавъ додому,
а до тещи вже й не йиздывъ.

Записано въ Харьковской губ.

134. СКУПЫЙ ПАНЪ.

Бувъ колысь такый скупый панъ, шо слугамъ дававъ йисты гирше ніжъ собакамъ. Одного разу пойхавъ винъ у городъ и думавъ, шо скоро вернется, а на двори хуртовина збиралась. Кучеръ накупывъ соби добрыхъ булокъ, удигся тепло та й не журыться. По дорози почалось такъ шо свита божого не видно, и хочъ кучеръ знавъ дорогу, ну, умысне зробывъ такъ, наче злудывъ, шобъ пана налякаты. Йиздылы воны увесь день по полю, захватывла йихъ ничъ. Уже панъ измерзъ и йисты схотивъ. Найшлы воны стырту сина, прыйихалы пидъ ту стырту и хурманъ сказавъ: „Уже теперь, прóшу пана, будемъ ночувать, бо дороги не найдемъ.“ — Пovýпрягалы коней, далы конямъ йисты. Хурманъ выйнявъ булку, обгорнувъ синомъ и йистъ ййи, а панъ зобачывъ та й пытае: „Що ты, — каже, — йисы?“ Каже: „Сино, проше пана.“ — „Выберы, — каже, — мени якого мъякенького.“ — Выбравъ йому хурманъ сина; панъ йистъ те сино.

Давъ Богъ день, утыхло; прыйихалы додому; панъ сказавъ самуваръ наставыть. Поставывъ на стилъ и посадывъ за стилъ кучеря й усю прыслугу. — „Йижте,“ — каже. Съ того часу панъ ставъ такый добрый, шо вси

люде дывуються. Бувало кухарка побижыть у хливецъ по дрова, то винъ верне назадъ и заставе, шобъ узяла съ собою хлиба. — „А то, знайешъ,“ каже, — що може буты, що може случыться?“ — И колы та не схоче брать, то винъ ще побъе ййи, а заставе узять.

Записалъ отъ Луки Зиневича изъ Острожекаго уѣзда В. Г. Кравченко Kolberg, Rokucie, IV, № 33, Какъ скупой всендзъ сдѣлался дѣлчымъ.

135. ВИРША (урывокъ).

— Ой жинко моя чепурухо, сыдышъ, забула,
Сыдышъ на прыпичку й ногы пидогнула!
Адже жъ намъ треба мъяса, сала и ковбасъ доволи,
Зъ часныкомъ пампушокъ та ще й бараболи. —
„Чоловиче, чы ты нависный?
Адже жъ у насъ завтра празнычокъ писный!
Я вже й рыбы наварыла, мабутъ що буде й волосный.“
— А чы буде, чы не буде, а прохаты треба.
Бижы жъ мени, жинко, заразъ до Пылыпа-брата,
Не забудь тамъ заклькаты й Марка кандыдата. —
Пишла жинка до Пылыпа брата,
Не забула заклькаты й Марка кандыдата.
„А здоровъ бувъ, батьку, що маешъ казаты?
Чы не звельшъ мени, батьку, и шапку здійматы?“
— Адже жъ близько стоишъ коло хаты, —
Треба, бачця, й шапку издійняты.
„А билшъ що ще маешъ намъ сказаты?“
— Та, бачъ, хочу волосному лыста напысаты. —
„Добре жъ, що я догадався
Та зовсимъ забрався:
Взявъ чорныло и перо,
Те, що симъ годъ вже гныло;
Взявъ и паперу, але жъ мало, мабутъ.“
— Мабутъ напышемъ на ремени...

„ Та й мени жъ то такъ здається,
Бо той папиръ подереться,
Й прозьба наша до старшыны якъ разъ не дійдеться!“
Купывъ хвашью ременю, заплатывъ четвертакъ.
— Беры жъ въ руки перо тее та пышы отакъ:
„Прошу не остаться,
На мою прозьбу до мене прысотаться“...
Волосный приходить. Шапка гостра
Ковпакомъ, не проста;
Головою кывае,
А все жъ такы, гадюка, шапки не здіймае.
Люде догадалысь,
На ноги зирвалысь.
Винъ тоди шапочку изнявъ
И съ празнычкомъ поздоровлявъ.
„За здоровья, батьку, до дна выпываю.“ —
— Налывай, Семене, то й я не звыляю!... —
„А що тутъ, — пытае, — слухають васъ люде, панамъ
одробляють?“
— „Добре бъ и за старосту буты, колыбъ добри
люде,

А мижъ такымы, то й дидько не буде.
Не слухають люде, панамъ не одробляють,
Бо вже паны самы й свыней заганяють. — “
А Семенъ сыдыть та зразу:
— Нехай, — каже, — одпасають,
Мы йимъ бильше паслы... —
„Що це ты, Семене, маешъ намъ сказаты?!
Визьмы його, старосто, та выведы съ хаты.“

Этотъ отрывокъ, да и то, видимо, испорченный, записаль отъ старого дѣда въ с. Бровахахъ Каневского у. В. Ф. Степаненко. Самъ рассказчикъ не могъ объяснить, откуда этотъ отрывокъ, сохраненный его памятью.

136. ПОВАЛАКАЛЫ.

Иде базаремъ панъ и зайшовъ туды, де люде свыни продають. Отъ, панъ баче, шо у кожного мужыка лежыть на вози свыня, винъ и каже: „шо мужыкъ, то й свыня.“ А мужыкъ баче, шо якъ паны йдуть, такъ за ймы й собака бижыть, отъ винъ и каже: „шо панъ, то й собака.“

Черниговск. у. Записала Н. Г.

137. ПАНЪ ТА ЛАКЕЙ ЙОГО.

Проходятъ лисомъ панъ зъ лакеемъ; отъ, лакей, идучы попереду, протягъ за собою рукою гильяку, шо нагнулась надъ стежкой, та тоди й пустывъ, а вона выправылась та лусь пана по пыци! „А, шобъ тоби добра не було,—якъ мицно б'ється!“—крычыть той. „Э, подякуйте, пане, шо я ще прыдержавъ капосну гильяку а то беда бъ була,“—видказуе лакей.

Записаль въ с. Веркиевкѣ Нѣжинскаго у. Е. Н. Гаврилей.

138. ЛАКЕЙ ЧАЙ ПЬЕ.

Мавъ соби панъ лакея. Бачыть лакей, шо панъ п'е чай, а самъ зроду не пывъ того чаю. Панъ пывъ, не выпывъ, багато осталося того окропу. Ну, й думаетъ: „панъ пывъ зъ блюдечка, а въ мене нема його, я й такъ покуштую.“ Узявъ самуваръ, прынисъ у кухню, одкрутивъ кгранъ, самъ лигъ, ротъ пидставывъ и давай п'ить. И не можна йому ни крыкнуть, ничего, бо поликъ у роти, а вода бижыть.

Записаль В. Г. Кравченко.

189. ГЛУЗУЮТЬ ГОРОДОВЫКЫ СЪ ЧОРНОМОРСЬ- БЫХЪ КОЗАКИВЪ.

Э, теперъ що за служба! Ось якъ мы колысь служылы! Якъ було йиде Чорноморське вѣйсько, такъ такъ, бувало, й закрасіе: сидла дубови, стремѣна ясенови, а попругы соснови, а уздечкы орихови. Такъ у кожного карбижъ коло пояса высыть, и коженъ знае, скільки козакивъ у сотни: копа Романивъ, копа Иванивъ, копа Демьдивъ, копа Давьдивъ, копа Денъсивъ, копа Борысивъ: симъ кипъ та й сотня! Такъ мы якъ пойихалы на одно поле, такъ тамъ якыйсь бисивъ сынъ кычку загубывъ. Такъ мы якъ зачалы зъ нею быться-воюваться, та такъ симъ годивъ, якъ симъ часивъ, простоялы! У насъ бувъ Ехремъ Супоня, — такый бувъ бисивъ непромахъ, та зробывъ добре штрыхало, та якъ пидійшовъ, та якъ штрыхоне ййи, — такъ и наштрыкнувъ, та такъ и пиднявъ угору. Такъ мы якъ пойихалы тоди до Катри, а вона саме засукалась та коровъ дое. А мы: „Дорова, Катре!“ А вона: „Дорови, хлопци! Чы то не вы тамъ воювалы?“ „А вже жъ и не ты, бисова родына!“ — Дакъ вона насъ якъ повела по погрибахъ та по пидвалахъ, — пый вино, хочъ залыйсь! А мы вино пьемъ та й пьемъ, колы въ зубы — стукъ! „Стій, хлопци, змина!“ А въ насъ Ехремъ Супоня бувъ непромахъ, та якъ закрычыть: „хлопци, на кони!“ „А въ мене, пане, кобыла!“ „Сидай, бисова родына, хочъ на кобылу!“ Такъ я якъ метнувсь, такъ за симъ часивъ якъ горобчыкъ сивъ!

Записаль М. А. Дикаревъ.

По другому варіанту, записанному М. А. Дикаревымъ, на коней садиться велѣлъ козакамъ генераль и на слова о кобылѣ крикнулъ: «ахъ вы бисови куркули!» И будто бы съ тѣхъ поръ Черноморцевъ стали называть «куркулямы.» См. еще Гринченко, I, № 189.

140. ЧЕРЕЗЪ ВИЩО ПОЧАЛЫ ЗАМЫКАТЫ.

Довелось мени йихаты черезъ Купьянский уйиздъ. Захватывала насъ ничъ ще ще у поли; ну, сякъ такъ добылысь такы до слободы. Не знаю вже, якъ ту слободу и звать. Сталы прохаться въ одну хату—сказалы, що тисно; а онъ насупроты живе чоловікъ, у його двихати—винъ пусте. Пойихалы до того, спасыби йому, пустывъ. А винъ бувъ уже старый и въ його килькы сынивъ. Вони прыгнали додому саму скотыну. А мы якъ йихалы, такъ бачылы, що у поли багато покыдано плугивъ. „А де жъ ваши плугы, що прыгнали саму скотыну?“ пытаю. „На поли,“—кажуть вони. „А тамъ же йихъ покрадутъ?“ „Э, ни, ништо не займе. Колысь такъ мисяцивъ два лежыть що небудь у поли, та ништо й не займе. А то якъ набиглы москалы, такъ съ того разу и почалы ховаться та усе замыкаты.“

Записаль отъ отца въ Харьковскомъ у. И. И. Зозуля.

---

141. САЛДАТЬ И ВАВА.

Разъ сталы въ одной слободы салдаты днюваты. А одынъ салдатель, барабаншыкъ, росердывся на одну бабу, узявъ та й перелывъ йий у закапелку мычки. Вона доглядилась и знае хто перелывъ мычки. Узяла, одкрыла барабанъ и вымазала у середыни кистомъ.. Уже у трубы загралы салдатамъ иты въ походъ. Салдатель и каже: „прощай, бабушка! Не погнивайся, що я тоби мычки перелывъ.“ „Не погнивайся,—каже баба,—що я тоби бубныло набыла.“ Тутъ сталы граты, а винъ шо вдаре по барабани, а воно не гра. Уже йому й по шыи дають. А винъ и каже самъ собі; „дай роскрыю та

подывлюсь.“ Колы роскрывъ, ажъ тамъ така кваша! Иде винъ до ричкы мыты барабанъ та й каже: „ишъ, проклята баба што надълала! Пстой же, паскудна, я тоби згадаю!“

Записалъ школьникъ Г. Гадючко въ с. Тараповкѣ, Зміевск. у. Харьк. губ. Сообщилъ Н. И. Зозуля.

142. ОДНАКОВО.

Поставылы солдата въ однійи бабы въ хати. Отъ, хоче винъ йисты. Баба й пытае:

— Чого тоби, служывый, даты: чы хлеба, чы пирога?

А салдаты:

— Всьо одно, бабка, чи хлѣбъ, чи пирогъ: дай-ка, бабка, пирога!

Черниг. у. Записала Н. Г.

143. САЛДАТЫ БРАДУТЬ.

Стоялы на сели москали, конныця, а йихній ротній стоявъ у батюшкы, и тамъ бувъ помищыкъ, то ротній зъ нымъ заспорывъ: „шо дасте, якъ мойи салдаты украдутъ у васъ скырту сина?“ „То сино ваше, и ще дамъ чотыриста рубливъ грошей, а колы не вкрадутъ, то вашихъ чотыриста рубливъ пропало.“ Помищыкъ розставывъ стороживъ, а одынъ салдаты пишовъ, напывсь горилкы, приходыть до тыйи скырты, до сина, и крычыть: „отворы, бо окошка побью!“ А воны кажуть: „салдаты, Богъ съ тобою, се сино.“ „Да какое ето сѣно? Ето—кабачокъ. Ну, отъ-отъ,—говорыть москаль,—якъ не

отворяешъ, ляжу, пропаду на твой грѣхъ!“—А воны кажутъ: „визьмемъ та отведемъ його у шынкъ, а то ще вынувати будемо.“ Повелы його у шынкъ, винъ узявъ горилкы. Напылысь воны тамъ горилкы, а салдаты помаленьку выбравсь извидтиля. Сталы сторожа йты зъ шынку, а шынкаръ: „ни, заплатитъ гроши за горилку, шо бралы.“—Заплатылы воны гроши, приходють,—ажъ сина вже ничего нема.

Ну, програвъ помищыкъ.—Ажъ ось дывлються йиде батюшка; та й говорыть помищыкъ до ротного: „ну, якъ украдутъ твой салдаты гроши зъ батюшки, то я дамъ ше тоби двисти рубливъ.“ А ротній каже: „та воны не то гроши, чоботы знимуть зъ батюшки.“ И говорыть ротній: „кто, говорыть, — може сапогы знять зъ батюшки?“ „Мы,—кажутъ,—можемо.“ Перебигають два москаля проты батюшки, поставалы на дорози и завелысь бытыся; одынъ каже: „шисть пальцивъ у батюшки на нози,“ а другый каже: „ни, пъять!“—Батюшка спынывъ кони. „Чого вы,—говорыть,—бъетесь? у мене на нози пъять пальцивъ.“ А той каже: „ни, шість.“ А батюшка каже: „Отъ же призведуть розуться.“ Винъ розувається зъ одного чобота, переличылы—пъять пальцивъ на нози. Потимъ той солдатъ говорыть: „се не на сій нози, то на тій.“ Розувсь батюшка и зъ другого чобота. Одынъ москаль почавъ личыть пальци на другій нози у батюшки, а другый за чоботы и подався! Приносять воны чоботы до свого ротного; той вытягъ пъятдесять рубливъ, давъ йимъ на водку, а съ помищыка узявъ соби двисти рубливъ.

Записалъ В. Г. Кравченко.

Манжура, 107, Батюшка та босяки.

144. ОХВЫЩЕРЪ И ДЕНЩИКЪ.

Бувъ такій ротный командиръ, може де въ другому, не въ нашему полку и такій винъ бувъ, шо соби денщыка зъ роты не прыбере. Прыйде до його салдаты, а винъ дастъ йому чарку водки й пытае його: „Шо, каже, хороша?“ — Каже: „Хороша.“ — Винъ йому й начне давати: „Отъ я тоби ще кращойи дамъ!“ И похвата йому манерку и проженеть. И такъ винъ усю роту перебравъ и перебувъ.

У роти-знайшовсь одинъ такій кацапъ. — „Я, каже, якъ пиду, то я буду въ його за денщыка.“ — Пишовъ винъ до його. — „Ты, каже, обидавъ?“ — „Обидавъ.“ — „А ты водку пывъ?“ — „Ни.“ — „Ну, то выпый.“ Винъ выпывъ, винъ його пыта: „А шо, каже, хороша?“ — „Не розибравъ, ваше благородіе!“ — Винъ давъ йому й другу выпыть и знову пыта: „А шо, хороша?“ — „Не розибравъ, ваше благородіе! — Давъ йому выпыть чайнымъ стаканомъ. — А шо, пыта, хороша? — „Такъ трошкы шо розибравъ; ну, все жъ такы не розибравъ — чы солодка чы гирка.“ Давъ йому другый чайный стаканъ. Винъ упывся и ничего не може балакати. Вранци встае. — „А шо хороша?“ — Каже: „Ни, погана.“ — „А шо?“ — „Голова, каже, болыть.“ — Той давъ йому прохмельыться.

Поноровывся тому ротному той денщыкъ. — У ротного жъ була наймычка, а салдаты за шось полаявся зъ нею та й побывъ, а вона пишла жалыться ротному, а ротный доложывъ полковому, чы тамъ баталійонному. — „Якъ винъ ййи разъ ударывъ, то прыдержте його, сказавъ начальныкъ, нехай вона ударыть його десять разъ, вони помыряться между собою.“ — Прыдержалы, вона вдарыла такъ якъ прысудылы.

Черезъ скыльки тамъ уремъя ротный и посыла своего денщыка: „Пиды ты, говорыть, найды ты мени тры

дурака.“ Иде винъ и думаетъ: „ну, дежъ я найду ихъ, трьохъ дурнивъ?...“ — Колы це глянувъ, ажъ иде пидпрапорщыкъ — собаки його обаранылы: шашка пры боку, а винъ знявъ шапку и одбывается одъ ихъ. — „Ну, се, думаетъ салдатъ, е одынъ дуракъ“. — Прыходитъ москаль до того пидпрапорщыка й каже; „ваше благородіе, такый то охвыцеръ васъ требуютъ.“ — Прывивъ того пидпрапорщыка на кватырю, пишовъ докладувать, шо найшовъ трьохъ дурнивъ. — „Де жъ вони, говоре, то тилькы одынъ?“ А винъ йому каже: „Сейчасъ, ваше благородіе, вси тры будутъ.“ — „Ну, говоры, объ какомъ же вонъ случаю дуракъ?“ — „Такъ, говорыть, ваше благородіе, идьоть, шашка высыть пры боку, собаки гавкають, а винъ знявъ шапку и давай шапкою собаки одганять.“ — „Ну, ето, говорыть, дуракъ. А другый, каже, де?“ „Я, каже, ваше благородіе.“ — „Отчого ты, каже, дуракъ?“ — „Шо, каже, пишовъ дураковъ шукать.“ — „А третій де?“ — „Третій, каже, вы — дуракъ, ваше благородіе, шо вы посылали мене дураковъ шукать.“

Винъ тоди розибравъ дило — ажъ правда.

Отъ солдата Коробки изъ Чигиринскаго у. записаль В. Г. Кравченко.

148. ПРО ДУРНОГО ДЕНЩИКА.

То бувъ соби такый охвыцеръ, шо винъ — Поповъ, а денщыкъ — Петровъ. Охвыцеръ збиравъ соби гуляння и сказавъ денщыку: „якъ зберу я гуляння та не хвата тые въ мене грошей чого куплять, то якъ я скажу — подай водкы, то скажы: лопнула бутылка. А якъ скажу: подай тамъ булокъ, або шо, то ты скажы: собаки пойилы. Скажу: позвать кухарку! — скажы: на базарь пишла.“ — Отъ и обзывается до його охвы-

церъ, якъ гости зибралыся: „Эй, Петровъ, подай водкы!“ — „Собакаы ззылы водку, ваше благородіе!“ Винъ йому каже: „Подай булокъ!“ — „На базаръ пишлы, ваше благородіе!“ — „Позвать кухарку!“ — „Лопнула, ваше благородіе!“ — „И то ты,“ — каже охвыцеръ, — „такый дуракъ? Што бѣ ты робыль, если бѣ подѣ военное уремѣя зострѣль роту Туркивъ? Што бѣ ты робыль?“ — Говорыть: „Стрелявъ-бы, ваше благородіе!“ — „А якъ же твоя несыла: йихъ цилна рота, а ты одынь?“ — Каже: „Тикавъ бы, ваше благородіе.“ — „Ну, вотъ бы такъ, — говорыть, — утьокъ-бы. А шобѣ ты робывъ, — говорыть, — якъ-бы ты корову одну сострилъ, якъ изъ череды йшла!“ Каже: „Тикавъ-бы, ваше благородіе,“ — „Да што ты, — говорыть, — дуракъ, оханысь, — говорыть, — што ты,“ говорыть, — дѣлайшь?“ — „Тошно такъ, ваше благородіе.“ — Ну, а шобѣ ты, — каже, — робывъ йій? — „Взяль-бы, ваше благородіе, за рога, налыгавъ-бы на конюшню и одвивъ бы.“ — „А штобѣ ты, говорыть, робыль, еслибѣ ты сострилъ своего командира полка?“ — „Тикавъ бы, — каже, — ваше благородіе!“ — „Та оханысь, — каже, — дуракъ, чого-ты тикавъ-бы, це жѣ командиръ полка!“ Каже: „Стрелявъ-бы, ваше благородіе!“ — „Та, дуракъ, якъ-бы ты йшовъ близько його?“ — Каже: „Коловъ-бы, баше влагородіе.“ — „Да ишшо, говорыть, дуракъ, оханысь, шо ты говорышь?“ — „Взявъ бы, ваше благородіе, за рога и повивъ його на конюшню!“ (Це командира полка такъ, отъ дурень!)

Оцю баечку я чувъ одъ хвокусныка, шо колысь якъ мы булы у лагоряхъ, то командиръ полка найнявъ намъ того хвокусныка, шобѣ мы послухалы.

Записаль отъ солдата Коробки В. Г. Кравченко.

146. САЛДАТЬ.

Якъ иде салдатель у баню, в. а й каже: „Я у гостя пиду, пиду й на базарь, а колы ты въ баню, то я не хочу, я дома останусь, я буду днювалыть!“

Записаль В. Г. Кравченко.

147. САЛДАТСЬБЫЙ ГВЫНТЫБЪ.

Стоявъ москаль у бабы на кватыри; дали йому рушныцю, бо вже жъ такъ водыться, москаль не бувае безъ рушныци; чыстывъ винъ ту рушныцю и загубывъ маленького гвынтыка. Курка греблась тамъ у смитти и ззила того гвынтыка, а москаль якъ побачывъ та ухватывъ ножа и заразъ же розривавъ курку и выйнявъ того гвынта. А хазяйка й пытае його: „шо це ты, москалю, робышь? На що ты ты курку заризавъ?“ — „Э, — каже, — казбонна вещь дорожча одъ твоей куркы.“

Отъ солдата Коробки, изъ Чигиринскаго у., записаль В. Г. Кравченко.

148. САЛДАТЬ ДОМА.

Це, кажуть, десь недалеко й було. Прийшовъ ото москаль зъ вйська додому. Штокае, какае, до його й прыступу немае, мовъ у Московщыни винъ родывся и зрясь. Погулявъ винъ дома якый тамъ часть, отъ батько й кае: „Годи вже тоби, сыну, гостюваты, ходимъ лышь молотыты хлибець.“ — „Да што, батька, я не только малатить, — какъ и што у васъ тутъ называется, забиль! Ну какъ яво ето, малатить, ху!“ — „Ничого, сыну, навчымо!“ — каже старый. Пйшли ото воны на тикъ и распочалы молотыты. — „А кельшь, сыну, мени грабелькы — онъ коло

тебе стоять, “—каже батько.—„Ф-ф... што ето за грабелькы? я не знаю,“ одказуе москаль, —а тымъ часомъ штовхае йихъ чоботомъ, дали наступивъ на зубкы, а граблыще пидвелось у гору и—хрусь службу по лобови! „С..с..с., а штобъ вы пропали, распраклятыи грабли, какова гаца-паца завдали!“ крыкнувъ москаль. „Отъ, бачышъ, вже й прыгадавъ, що то за грабли,“ просмихаючысь сказавъ батько. Москаль стоявъ и тилькы лоба чухавъ.—„Чому це ты, сыну, по нашому не балакаешъ та все по московському чешешъ, мовъ тая терныця,—хыба й балакаты вже забувъ?“ спытавъ батько сына. „Ф-ф! по хахлацькому я вже не вмѣю давно; потому, значить, што я въ Расеи проживаль, а тамъ всё по нашему гаварять,“ каже сынъ.—„Эге, бачу, що все свое у нисъ коле, кепськи теперъ часы насталы,“ пробубонивъ старый.—„А беры лышь ципа, та будемо молотыты, а то й день такъ провакуемо,“ — сказавъ батько. „Пасмотримъ какъ ето оно...“

Взявъ москаль ципа и почавъ швыдко-швыдко нымъ дрибушыты; батько соби повагомъ—кеды, не кеды молотывъ, але жъ якъ прыдавить, то ажъ тикъ гуде. Додрибушився москаль, що батькивъ бычъ та й зачепивъ москалевого; крутнувся той бычъ на ципыльни, якъ хуркало и прямо москаля въ лобъ хрусь! „С..с..с! Ну, тай утяла жъ бисіянська вира! такъ гуля и набигла! Ну, це такъ!“ закрычавъ москаль.—„Оттакъ дурнивъ усе учать! я й казавъ, що навчымо, отъ воно й навчыло: и языкъ йому одвернуло и мову прывернуло,“ — сміючысь сказавъ батько.

Съ того часу москаль бильшъ уже не вельчавесь.

Записаль отъ Ив. Левченка, въ Каневѣ, въ 1895 г. В. Ф. Степаненко.

149. ЗЕЛЕНИ ОКУЛЯРЫ.

У Охрима не хватало сина дозимуваты своейи шкапыны. — Що його тутъ робыты? думает Охримъ, — пропаде шкапына, то й той ладъ у хазыйствѣ погасне, що й бувъ. Стій, прыдумавъ, тилькы не знаю чы вкыпыть. Пйду я до свата Самйла, чы не позычыть хочъ винъ зъ въязку сина; а у його е, це я напевне знаю, миркуе соби Охримъ. И побигъ Охримъ до свата Самйла. — „А дорови булы, свату!“ — „Дорови. А шо скажете, свату?“ — „Свату, голубчыку, зарятуйте, колы маете Бога въ животѣ! Шкапына здыхае и ничымъ дозимуваты, — позычте хочъ зъ въязку сина... пастивень, якъ не выдно... я вамъ“ ... — „А сваха Хотына!“ — перебивъ Самйло. — „Та дома. Такъ будьте жъ“ ... — „А щожъ вони тамъ поробляють?“ — „Та такъ... то те, то се, звисно по хазыйству... Такъ ото, кажу, — таке мени лыхо зъ тею клятою“ ... — „А чоужъ се у васъ, свату, нисъ якъ пампушка, ще й подряпаный? певне десь, гмъ, тее!“ ... зновъ перебивъ Самйло. — „Та то... Та послѣ, свату, про се будемъ балакаты. Спершу про сино, — бо жъ кажу“ ... — „То чога се вы, — кажете, — прыйшлы до мене, свату?“ — „Та синажъ, — кажу... шкапына зъ нигъ онъ валяється, а дозимуваты — й небагацько, зъ тыждень ще — хочъ пропады, ничымъ. Дайте, будьте ласкави, въ позыку, чы то на одробитокъ хочъ зъ въязку.“ — „Э, свату, цъого вже то ни! А я думавъ, чога вы хочете, тутъ и въ себе мовъ китъ нарюмсавъ, не дамъ, свату,“ — каже Самйло — „Оцце, Боже мій! Що його въ свитоньку Божому робыты?! Вы жъ хочъ пораду яку, свату, дайте, чы шо,“ — бидкається Охримъ. — „Щожъ вамъ, свату, вражу я? — ййй-Богу й головою не знесу. Пидить хыба до Грыцька Скакуна, той колы й не забогарадыть, то хочъ доброю радою порадыть,“ — одмовивъ Самйло.

А Грыцыкъ той, то бувъ на все село чмутъ: вытесать кому якого нетесаного тесана, такъ винъ заразы. Приходьтъ ото Охримъ до Грыцыка у двиръ, а той саме у двори порається.— „Добрыдень вамъ, Грыцкю! Боже помози!“ — „Здоровъ, спасыби, Охрима! А що маешъ сказаты?“ — „Та тутъ, бачыте, така то й така ричъ“ ... и росказавъ йому Охримъ про свое лыхо. „Забогарадыте, або хочъ порадыте мене, будьте ласкави, що робыты, бо вже я зъ глузду зсовуюсь и не знаю, звидкиль що й почынаты; здохне мабутъ не сьогодни-завтра бидне тягло безъ сина. Я бъ...“ „Забогарадыть я не берусь, бо й у себе дасть-бигъ чымъ дотягты до пастивня, а порадыть можу.“ Побигъ Грыцыкъ у коморю и вынисъ звидкиль зелени окуляры.— „Бачывъ колы таку штуку?“ — „Ни.“ — „И я бъ не бачывъ, колы бъ не добрыйи люде.“ А знаешъ навищо се?“ — „Ни, не знаю.“ — „И я бъ не знавъ, та добри люде навчылы, а теперь отъ и тебе навчу. Се, бачъ, якъ выряжалы насъ (ще якъ бувъ я въ москаляхъ), конныцю, значця, въ похидъ пидъ турка, то началство й выдало на кожного коня ци окуляры, ще й наказувало такъ: „Ето вамъ, рыбьаты, дайотца на случай ежелы сѣна въ дѣлствіи конямъ не хватыть; надивай тади, значця, на коня енти окуляры, ложы йому соломы, крапывы, карлючокъ, навить ганчырокъ, и увсьо будить ѣсть, потому, значыть, думатыме, што енто передъ йимъ лжить зильное сѣно.“ И щобъ ты думавъ?— такъ и стало. Не стало ото у насъ сина, мы зелени окуляры на очи конямъ, и пійшлы наши кони йисты все, чого бъ йимъ не пидклавъ у ясла. Оттаке то дыво зробылы ци окуляры. Беры жъ ты йихъ съ собою и ты робы такъ, повирь, що коняка твоя дотягне до пастивня.“ — „Эге, а й справди воно такъ, а я й не догадавсь навищо воны, ци окуляры. Отъ що то воно значыть бувале — все

знае. Оце, такъ спасыби вамъ, Грыцьку, може ще й на ту зиму, хто жывый дижде, згодиться!“

Та швыдчій за ти окуляры и гайда до господы. Надивъ коняци на очи тійи окуляры, наклавъ у ясла всякойи всячыны и пійшовъ у хату. Нудылась, нудылась бидо-лашна коняка коло тейи суспыци и почала на весь ротъ жумраты, ажъ за ушыма лящыть. Пойила вона все, що було на подвирри, навить шкарбаны стари и дранку свытку умелыгала. А тутъ швыдко и снигъ роставъ, пійшла паша молоденька... Кажуть де-яки люде, що шкапыну тую бачылы вже, якъ вона выбрыкувала на пасти-вни; а инчи кажуть, та й я такъ миркую, що шкапына тая давно вже пійшла жыдамъ на проминъ за персни та за голкы, а паны, то й чай уже попылы съ тыхъ кистокъ (сахаръ же съ кистокъ). Отаке то було Охримови съ конякою.

Записалъ отъ И. Чупилки въ дорогѣ, въ Каневскожъ у., въ 1895 г. В. Ф. Степаненко.

150. БОМУ ШВЫДЧЕ ЙИСТЫ ХЛИВЪ.

—Нема й краще, якъ тому мужыкови, йому такъ: оры, мелы, йижъ. А мени—якъ почнешъ розводить огонь у горни, якъ почнешъ мишкомъ подуваты та зализо роспикаты, та куваты, та выграны робыты, та на базаръ носыты, та продаваты, та ажъ тоди хлибъ купуваты, та дитей годуваты, то ажъ нудно тоби стас. —Такъ скозувавсь цыганъ зъ мужыкомъ.

Отъ, узявъ тоди мужыкъ цыгана за чупрыну, крутыть його та й прыказуе: „А мени—спершу треба на паръ наораты, та наоравшы, треба зерна вмолотыты, а вмолотывшы, та навяять, а перералывшы паръ та посіять ще й заволочыть; а якъ перезимуе, та поспіе, тоди выжать та звезты, а зъ його зерна вмолотыть, та навяять,

намолоть, тоди хлеба напекты, та ажъ допиру будешъ йисты.“

Тоди пустывъ цыгана зъ рукъ, а винъ и каже: „не хочу я мужыцького довгого хлеба йисты, краще свій коротенькый затынатыму.“

Записано въ с. Мартыновкѣ отъ Д. Винцюка въ 1895 году.

Номись, № 929, а оттуда парепечатано въ книжкѣ «Веселый оповидачъ», М., 1893, № 33.

151. ЦЫГАНЪ МОЛОТНЫЕЪ.

Поклыкавъ мужыкъ цыгана молотыты гречкы: „такы, каже мужыкъ, така суха гречка, шо ййи ничего й молотыты, а такъ—будешъ тилькы ципа показувать“. Прививъ винъ цыгана до своейи клуни, выкинувъ йому копу гречкы, сказавъ йому, шобъ винъ молотывъ, а самъ мужыкъ пышовъ у хату и весь день не выходывъ до клуни. Цыганъ вылизъ на засторонокъ и показуе ципа на гречку. Показувавъ ажъ до самого вечора; увечери приходить мужыкъ, дывыться,—ажъ гречка лежить, а цыганъ забачывъ хазайина та й таже: „Э, сто чортивъ твойи матери! казавъ, шо гречка суха, шо ййи треба тилькы ципа показувать!“ Мужыкъ давай быть того цыгана; а такъ близько плитъ бувъ, а цыганъ и каже: „Э, батечку, шо хочъ робы, тилькы черезъ плитъ не кыдай“. А мужыкъ узявъ та й перекинувъ. Цыганъ схватывся й каже: „Спасыби тоби, батеньку, шо пересадывъ, а то самъ и не перелизъ бы.“

Отъ Луки Зиневича, Острожскаго уѣзда, записаль В. Г. Кравченко.

О перекидави цыгана черезъ плетень: Номись, № 566 (Одминь) и 3920. Литературная обработка у. Руданскаго: Зоря, 1886, 404, Спасыби.

152. ЯКЪ ЦЫГАНЕ ОВДУРЮЮТЪ ЛЮДЕЙ.

Одному панови та схотилось побачыть, якъ то цыгане людей обманюють. Йиде винъ одного разу съ кучеромъ и каже: „Колы побачышь де на дорози цыгана, то скажы мени, бо може я задримаю“. Одйихалы вони тришкы, — ажъ справди зостричаютъ, тилькы не цыгана, а цыганча, такъ — литъ съ пъятнадцать йому. „Эй, каже панъ, цыганчукъ! а ну, покажы, якъ цыгане обманюють людей?“ „Э, каже, пане, якъ же я вамъ покажу, колы не вмію, бо я — малый;“ отъ, якъ-бы мій батько“ ... „Ну, то бижы, — каже панъ, — поклычъ батька.“ „А якъ же я пиду? це далеко; вамъ обрыдне й дожыдать.“ „Ну визьмы, — каже панъ, — коня та сидай верхы.“ Той узявъ того коня, сивъ та й говоре: „Пане, якъ-же воно такъ буде: батько йихатыме, а я пишкы йтыму?“ — „Ну, — каже панъ, — визьмы й другого коня, а мы пидождемо.“ — „Пане, батько мій добре обманюе, ну, а якъ бы вы побачылы, якъ обманюе мій дядько!“ — „Ну, то визьмы й його“. — „А якъ-же, пане, буде: мы йихатымемъ, а дядько пишкы йтыме?“ — „Ну, беры й третьего коня.“ — Цыганча пойихало, а панъ съ кучеромъ зосталысь безъ коней.

Стоялы вони тамъ мо днивъ зо тры, ну, панъ и пыта у кучера: „А що, Мыкыто, що тяжче: хамутъ зъ дугою, чы повозка?“ — „Хамутъ, — кае, — пане, та дуга — уся вага, а повозка сама котыться“. „Ну, то пойидемо,“ — каже панъ. Панъ запригся у повозку, а Мыкыта несе хамутъ та дугу. Панъ бидный пріе, а не подае знаку, а Мыкыта усе кречче: „Ой, каже, горенько, тяжко!“ ... — „Ничого, — каже панъ, — и мы якогось дурня обманемо по дорози“. Напроты йихъ йихавъ якийсь мужыкъ парою такыхъ поганыхъ коней, що гыдко й плюнуть. Панъ пыта: „А шо, чы продаешъ?“ — „Продаю.“ „А шо берешъ?“ — „Сто рубливъ“. Панъ зрадивъ, шо такъ дешево, та —

тыць тому мужыкови сто рубливъ. „Хай, думает панъ, и винъ попотягне повозку съ хамутомъ та зъ дугою!“ — А мужыкъ, звисно, не стане тягты, а мабуць комусь прыручывъ воза такому, хто оравъ у поли.

Записаль отъ Коробки, изъ Чигиринскаго уѣзда, В. Г. Кравченко.

158. ТРЫ МУЖЫКЫ И ЦЫГАНЪ.

Ишли тры мужыкы въ одно село купувать хлиба. Первого звать було Павло, другого Максимъ, а третьего звали Макаръ. Отъ, идутъ вони, а назустричъ йимъ иде цыганъ. Павло й каже: „Що-бъ йому зробыць?“ А Максимъ и каже: „Отъ що: ты, Павле, кажи: чы далеко до села? а ты, Макарю: чы глыбока ричка? а я буду пытать: якъ тебе звать? И вси будемъ одразу пытать—шо винъ намъ буде казатъ?“ Дійшли до цыгана и пытають уси одразу. Павло каже: „Чы далеко до села?“ А Макаръ каже: „Чы глыбока ричка?“ А Максимъ пыта: „Якъ тебе зовутъ?“ А цыганъ тоди такъ швыденько: „Симъ верстъ, по колина, Матвій.“—И пишовъ соби. Ти тоди мужыкы й думаютъ: „Що винъ сказавъ?“ Думалы, думалы—не знають, шо винъ сказавъ. Павло каже: „Наздоженимъ його та й спытаемся.“ Побиглы, наздогналы, пытають: „Скажи намъ, шо ты сказавъ?“ А цыганъ: „Я-жъ вамъ сказавъ, шо симъ верстъ, по колина, Матвій.“—И пишовъ упъять. Вони тоди й роздумалысь; „Стрывай, це симъ верстъ до села, а ричка по колино, а його звать Матвій!“

Пишли тоди у слободу, купылы хлиба и вернулысь додому. Хотилы цыгана одурыть, а винъ йихъ одурывъ. Отъ Евдокима Познякава въ с. Исаковой Славяносербскаго у. Екатериносл. губ. въ 1889.

154. ЧУМАКЪ ТА ПРЫКАЩЫЕЪ.

Прийшовъ чумакъ у лавку купыты дьогтю. Улылы йому дьогтю, чумакъ вытягъ гаманъ, повный грошей, и дае бомажку прыкащыкови. Цей пишовъ до скрынъкы зъ гришмы, щобъ даты чумакови здачу. И чумакъ сюды пидійшовъ. А тутъ лежалы щоты. Чумакъ и пытається „Що це?“ А прыкащыкъ одказуе: „щоты“. А чумакъ не зрозумивъ, думавъ, що той сміється зъ його та й каже: „А ты що?“ А прыкащыкъ упъять: „щоты!!“ А чумакъ якъ гримне удруге: „А ты що?!“ Прыкащыкъ утрете съ серцемъ одказуе— йому бачъ никола, бо багато у лавку купцивъ найшло: „тоби кажу: щоты!!!“ Якъ крыкне чумакъ: „А ты що, матери твойй бисъ!“ Та якъ кыне мазныцю на прыкащыка. Той прыхылывся, — мазныця полетила на стойку, залыла и забрызкала увесь товаръ, що тамъ бувъ. Повелы тоди салдаты чумака у польщю. А винъ доставъ йимъ цилкового, — воны й пустылы.

Отъ дѣда Шелеста изъ Водолага, Валковскаго у. Харьк. губ. Записалъ
И. И. Зозуля.

155. МУЖЫЕЪ ТА БУПЕЦЪ.

Увійшовъ мужыкъ у крамныцю та й гука до крамара: „А подай лышь мени оту баньку зъ канхветамы.“ Той и подавъ. Мужыкъ понюхавъ, понюхавъ та — „ни не таки, — подай оту.“ Той перемина. Мужыкъ знову, понюхавшы, не вподобавъ. „Подай онъ ажъ оту,“ зновъ гукае. Крамаръ, уже росердившысь, переминовъ и третю. Не донюхався й звидсильничого мужыкъ, постановывъ баньку та й иде съ крамныци. Взяло зло крамара, що дурно вожався скилька часу, то й крычить на мужыка: „Куды жъ ты? а гроши давай!“ — „За що?“

пытае мужыкъ. „А за те, що нюхавъ!“ видказуе крамарь. Мужыкъ вернувь, доставъ гроши съ кышени та й стука объ стуль. Постукавь, постукавь та й сховавь. А крамарь тоди: „на щожъ ты сховавь гроши?“—„А якъ-же?—видказуе той — „яка купля, така й плата: я понюхавъ—ты послухавъ, отъ и квыты.“

Записалъ въ с. Веркiевкѣ Е. Н. Гаврилей.

---

156. НЕЗРОЗУМИВЪ.

Йихавъ чоловикъ, та не побачывъ, колы й мазныця одирвалася. А Москаль уздривъ та й каже: „Хахоль, мазница.“ Чоловикъ дума, що Москаль його лае та й соби одказуе: „Москаль—кыслыця!“ Колы прыйихавъ додому, ажъ мазныци нема.

Записалъ въ Харьковск. у. И. И. Зозуля.

---

157. КАВУНЫ ТА ШТОЛИ.

Коло шыньку стойить селянынъ возомъ—кавуны та дыни продае. Пидходить до його Москаль и пытае: „што дядько, кавуны, што-ли, продаешъ?“ А той йому: „Эге, на споди кавуны, а зверху штоли.“

Зверху, бачте, булы дыни, а на споди кавуны.

Записалъ въ с. Полствинѣ Каневскаго у. В. Ф. Степаненко.

---

158. МУЖЫКЪ ТА ПОЛЯКЪ.

Йиде мужыкъ дорогою, а за нымъ панъ та й крычить: „A zwrócaj z drogi!“—А мужыкъ каже: „везу, пане вороны“.—„А z jakę ty wsi?“—„Ни, пане, не вси: стари

полетялы, а я тилькы мали забравъ.“ — „Ale jaki`ty glupi!“
„Ни, пане, я йихъ не лупывъ, воны сами ще голи.“ —
Йидуть дали. Дойиздятъ до ставу, а панъ и каже: „A
czyja to grzebla?“ — „Чый ставъ, того й гребля.“ — „A
glemboki?“ — „До самого дна вода.“ — „A tut by i czlowiek
móg utopic sie?“ — „Тутъ бы й пана чортъ узявъ.“

Записаль В. Г. Кравченко.

159. ОЧИЩЕНІЕ ДУШИ.

До одного Москаля зализъ у хату злодій. Та за-
лизъ пидъ покутя, бо тамъ була зависка,—такъ винъ
зализъ пидъ ту зависку. Отъ, той Москаль пишовъ у ту
хату Богу молыться, ставъ на колина Богу молыться
та й просе: „Господи! ачисти душу мою!“ А той за за-
вискою й каже: „Ачищу.“ А той Москаль израдивъ та
й упгъять просе: „ачищи и жану мою!“ „Ачищу.“ —
„Ачищи дѣтакъ маихъ!“ — „Ачищу.“ — „Ачищи
и зятъка мово!“ „Дакъ не успѣю.“ Отъ винъ
помолывсь Богу и пишовъ у другу хату и хва-
лыться жинци: „вотъ, жана, насъ Господь любить и го-
ворить до меня и говорилъ, што ачистить души наши
и тебѣ, и менѣ, и дѣтокъ нашихъ.“ А жинка й каже: „А
зятъка?“ „Дакъ, говорилъ, не успѣю.“ — Отъ воны поля-
галы спать, а въ ту хату ништо не пишовъ ночувать.
Якъ уси поснулы, злодій вылизъ изъ зависки и забравъ
усе добро йихъ. Воны якъ прокынулысь, подывылысь,
колы якъ разъ очыстывъ. Тоди той Москаль и каже:
„Отъ, говорилъ, што ачищу,—вотъ и ачистиль. А зятъ-
ка не успѣлъ.“

Екатеринославской губ. Славяносербскаго у. х. Троицкій, отъ Якова
Емченка.

160. ЛАСЫЙ ДО ГОРИЛКЫ.

У одного чоловіка стоявъ одинъ салдатъ на квартири. Пришло Риздво, узявъ той чоловікъ у зелену кубушку горилки. Отъ вони выпылы пидъ Риздво гарненько. Переночувалы, чоловікъ той убирається до церкви, а салдатъ остається. Отъ, той чоловікъ и каже: „ото стойть зелена кубушка, ты не займай ййи, а то, Боже, тебе сохрани!“ Той чоловікъ пишовъ до церкви. А салдатъ ходе по хати и хочеться йому выпыть и бойтись. Та такы узявъ, выпывъ. Ще хочеться,—узявъ ище потягъ. Уже выпывъ добре. Тоди ходе винъ по хати и здумавъ, шо чоловікъ казавъ, ходе та й каже: „что въ кыбышкѣ, что въ зеленой—Боже меня сахрани!“ Та впъять походе, походе, та упъять: „Что въ кыбышкѣ, что въ зеленой—Боже меня сахрани!“ Пришовъ той чоловікъ съ церкви, кынувся до кубушки,—нема горилки! До того салдата: „Це ты выпывъ горилку?“ „Нѣтъ, хазяинъ, это святой Николка сходилъ да й выпиль.“

Записано въ х. Троицкомъ Славяносербскаго у. Екатериносл. губ. отъ Якова Емченка въ 1889 г.

161. МОСКАЛИ Й САХАРЬ.

Два Москали вывезлы гречку на базарь. А тоди на гречку добра цина була, Отъ вони ради, шо дорого продады и схотилы поласувать. Думалы-думалы, шо жъ його купыть? и надумалы купыты сахарю. Отъ, прыходють у бакалію и кажуть, шобъ имъ далы сахарю на дви копійкы. А сахаръ тоди дорогой бувъ. Купецъ давъ трошкы сахарю, такъ вони кажуть: „мало;“ такъ купецъ подывывся на йихъ та й давъ йимъ свичку лойову. Ну, во-

ны ради, шо билше давъ. и не йидять заразы, а зоста-
вылы на дали, щобъ йидучы ласувать. Отъ, справылыся
й пойихалы. Якъ выйихалы вже зъ города, заходылыся
йисты тую свичку. Одынъ укусывъ и жуе, а другой пы-
тае: „а што, братъ, ловко?“ „Ловко то, братъ, ловко,
да въ серединѣ вирьовка.“ А той тоди: „Ишь ты,—
вездѣ, братъ, абманство.“

Записала М. Н. Гринченко въ Харьк. губ.

162. БАБУШКА ГАРГАРУШКА Й ДУНЯША.

А ось я вамъ роскажу кацапську казочку; може
вона й не кацапська, а хахлацька казочка, тилькы жъ
вона про кацапивъ, а росказувавъ мени старый сал-
даты, якъ ще я бувъ дома.

Жылы дидъ та баба, малы вони соби дочку. Ста-
рый посылае: „пайди, дочка, до варожкы—нехай почи-
таеть, да погадаеть, чы памрьошъ, чы въ осены замужъ
та пайдьошъ.“ Пишла вона до бабушки Гаргарушкы.
„Бабушка Гаргарушка, почитайте та погадайте, чы я
помру, чы осинню замужъ пайду?“ Вона йй одвичае:
„Дунюшка, галубушка, не помрешъ, а осинню замужъ
пайдешъ за такого прыбрускаго маладца, да родышъ
сына Ванюшу, а онъ вырасте, да на Донъ пайдють, да
утона.“ Идетъ вона додому та й плаче, а бабушка
(ййи маты) йде на зустричъ проты нейи. „Што вы, Ду-
ня,—каже,—гудитя?“ „Расказать тибѣ, матушка, то й
ты та загудьошъ. Сказала бабушка Гаргарушка, што ни
памрешъ, осинню замужъ пайдешъ за такого прыбрус-
каго маладца, да родышъ сына Ванюшу, онъ вырасте, да
на Донъ пайдеть, да втона“... Бабушка вже тоди й каже:
„охъ ты мой анучакъ, какъ бы ты живенькій былъ, то
я бъ тоби липошку спекла-кла-кла“... Идутъ удвохъ,
гудуть! А старый (батько) йимъ назустричъ: „Што вы,

Дуня, — каже, — гудитя?“ „Расказать тибѣ, батюшка, то й ты та загудешъ: сказала бабушка Гаргарушка, што ни памрѣшъ, осинню замужъ пайдѣшъ за такого прыбрусского маладца, да родышь, сына Ванюшу, а онъ вырасте, да на Донъ пайдетъ да втоня.“—А винъ то-ди й говоре: „охъ ты мой анукъ (басомъ говоре), якъ бы ты живой былъ, та я бѣ тобѣ лапотки скавиравъ-равъ-равъ!“...

Записаль отъ солдата Проценка, изъ Бужина, Чигиринскаго уѣзда,
В. Г. Кравченко.

Варианты указаны въ отдѣлѣ XIII этой книги при сказкѣ «Дурни люде».

163. МОСКАЛИ СТРИЛЯЮТЪ.

Зибралось дванадцять кацапивъ и пишлы воны на заробитки. Робылы воны тамъ циле лито, увъ-осены йдутъ додому, зайшлы въ лавку. Одынъ зайшовъ у лавку, а черезъ одного вси туды повходылы. Повходылы и тамъ одынъ побачывъ ружжо й пытае: „шо, — каже, — за його?“ „Тры рубли, — каже“. Той выймае тры рубли и дае, а други й кажуть: „Якъ ты даешъ тры рубли, то й я даю тры рубли.“ И кожний почавъ платыть по тры рубли за те ружжо. Купуе той порохъ, пытае: „шо за хунтъ?“ „Рубъ!“ Ну, той дае, и вси дали по рублю. „Дробъ скильки за хунтъ?“— „Пъятдесять копійокъ.“ Той дае, а ти кажуть: „Якъ ты даешъ пъятдесять, то й я дамъ пъятдесять“ И дали воны вси по пъятдесять копійокъ. Повыходылы воны у степъ, тамъ побачывъ одынъ кацапъ дрохву и почавъ заряжать, а ти й гово-рють: „Не ты самъ куплявъ, куплялы й мы.“ И почавъ каженъ сыпать по жмени пороху, а дали -- по жмени дробу. „Ну, теперь будемъ стрелять.“ А ти кажуть: „и

я!“ „и я!“ Узялыся воны одинадцять чоловика, а дванадцятому ниде. А винъ каже: „якъ не дасте мени стрелять, то я затулю ружжо, шобъ воно не выстрелыло.“ И закрывъ дуло рукою. Почалы спорыть, а дали такы выстрелылы и вбылы того, шо затыкавъ дуло, а тыхъ поглушыло та пораныло, бо дуло розирвало. Той шо вбытый, то лежыть, лежыть, та прочумається, та й скаже: „охъ, сатана, ты ишо пыхнешь!“...

Записаль отъ солдата Коробки изъ Чигиринскаго у. В. Г. Кравченко.

Подобный рассказъ о евреяхъ: Чубинскій, II, 578, № 62.—Литературная обработка у Руданскаго (Зоря. 1893, 13, Оливо не вадыть).

164. ЧЬЯ МОЛЫТВА СТАРША.

Бувъ соби жыдъ багатый, найнявъ водяного млына молоть и найнявъ соби мужыка Ивана, мирошныка. Сыдили соби въ млыни й мололы; почалы соби говорить договорылысь до того: чья молытва старша? Жыдъ каже: „нашъ осиной старший.“ А мужыкъ каже: „наше руське харовымы старше!“ И воны спорылысь и не могли одынъ одного переспорыть. Той соби мужыкъ у мысляхъ каже: „я тоби зроблю осиной!“... Воны мололы такъ шо часу до десятого ночи, а той мужыкъ каже: „Зоставайся ты у млыни, а я пиду, повечеряю.“ Ну, той жыдъ и зостався. Той мужыкъ пишовъ, повечерявъ и прыйшовъ до того млына, роздигся й розбுவся, и скинувъ съ себе й сорочку, и скочывъ у ковбаню, шо вода вымыла, и умазавъ у грязь, тоди лизе прямо у дирку, по валу, ракомъ. Лизе мужыкъ у млынъ, а той жыдъ каже: „осиной, осиной!..“ А винъ (мужыкъ) не бойтыся; и почавъ жыдъ казать руське „харовымы,“ а той тоди назадъ, буцимъ бы злякався и вскочывъ у воду, обмывся якъ слидъ, а тоди удився, обувся, прыходе до дверей и крычыть: „видчыны, Йоську!“—А той жыдъ за-

перся, загасывъ свитло, бо вже злякався, и пытае: „Це ты, Иванче?“ А винъ каже: „я!“ „Охъ, Боже мій, ты такъ довго ходышь!“—Той Иванче ввиходыть у млынъ, а той жыдъ и не одхлыне, злякався. „Охъ, — каже, —Иванче, тутъ мени було нещастя: якъ вылизло съ пидъ колысь—чорна морда, довгый нисъ, ше й дви кгукголкы коло писъ, то я думало, що й мене ззистъ. Я кажу: „осиноф“, а воно лизе; якъ сказавъ я руське „харовымы“, то воно такъ и шчезло, и прямо ускочыло у воду. Значыть, шо руське „харовымы“ старше.“

Отъ солдата Василя Коробки, изъ с. Ивковецъ Чигиринскаго уѣзда, записаль В. Г. Кравченко.

165. ВЕЛЫКОРОЗУМНЫЙ ЙОСЬКО ЗЪ ЖЫДАМЫ НА ВІЙНИ.

Бувъ соби багатый такый жыдъ, його звали „велькорозумный Йосько.“ Винъ зибравъ жыдкывъ весты до царя на вйну и найнявъ соби салдата Ивана, такого, шо ажъ тамъ служывъ, коло царя. И винъ йихъ вивъ и увивъ йихъ у лисъ и вже стало темно, жыды й кажутъ Иванови: „Де мы будемъ спаты, бо доли ми бойимся?“ А той видмовляе: „Я полизу на сосну та й зроблю вамъ гниздо, якъ черногузамъ.“ Помостывъ винъ йимъ те гниздо, вони й полягали спать, а москаль и прынявъ драбыну.— Повставали вони ранкомъ та якъ заквалтуютъ: „О, Бозе насъ, де насъ Йванце? Його нема, його нема, його вивкъ иззивъ!“ А той сыдыть за дубомъ та й дывыться. Велькорозумне Йосько й каже: „Я визьмусь за гиляку, а ты за мене, а той за тебе и такъ уси за одынъ разъ спустымось.“ Взаявся велькорозумный Йосько за гиляку, и одынъ за одного взялся за однимъ разомъ, а той велькорозумный Йосько й каже: „Пождить, у руки

наплюю!“ Та въ руки—плюхъ! Та вси додолу—бухъ! Воны уси попадады додолу: той ногу зламавъ, той руку скрутивъ, той вѣязы звернувъ! А Йванъ сыдыть за дубомъ та дывыться. „Ось я, каже, хвершалъ, я направлю!“ Выризавъ хорошу дубыну, теперь того та того —дубыною! А воны кажуть: „Ходимъ, Йванце, вже въ насъ не болыть!“ Повставалы воны и йдутъ. Йшлы, йшлы и не перейшлы того лиса. „Ну, теперь уже, Йванце, не мосты вже намъ на сосни гнизда, а лобы насъ спать доли и такъ, щобъ и ддынъ съ краю не бувъ.“ Стоявъ винъ, думавъ-думавъ и найшовъ купу муравкы; взявъ, розгорнувъ, воны туды повлазылы, а винъ йихъ обгорнувъ. Ранкомъ повставалы, крычатъ: вона йихъ покусала. Йванъ зновъ рубае дубынку и до ныхъ зъ тею дубынкою. „Я—хвершалъ, я вамъ направлю!“ Жыды встають заразъ убераються и кажуть: „Взе въ насъ ницого не болыть!“—Винъ зновъ йихъ веде. Вивъ йихъ ажъ трое сутокъ; довивъ до царя на вѣйну; тамъ подавалы йимъ ружжа, повелы на стрильбу и скомандувалы: „Наши жыды, разомъ! Пихъ, пахъ!“—А царь каже: „Чомъ наши жыды не разомъ?“—А воны йому видмовляюгъ: „бо въ того рушнычка довга, а въ того коротка.“ Подававъ йимъ царь усимъ ружжа однакови; скомандувавъ зновъ: „А ну, наши жыдочки, разомъ!“ Воны выстрилылы. „А чомъ наши жыдочки не разомъ?“ А воны видмовляють: „те—вчене, а те—не вчене.“—Винъ йихъ и прогнавъ, сказавъ: „идить вы соби, куды знаете!“ Велькорозумный Йосько й каже Йванови: „веды ты насъ другою дорогою, щобъ не черезъ лисъ.“ Повивъ винъ йихъ степомъ, довивъ недалеко до села; тамъ, у сели, булы водяни млыны. Велькорозумный Йосько й каже: „Эй, мирошныкы, закыдайте собаки въ хливы, бо жыдивьске вѣйсько йде“. Мирошныкы закыдали собаки въ хливы, а одынъ бисивъ сынъ мужыкъ не закынувъ собаки въ хливы, а та со-

бака мижъ жыдивське вѣйсько—гулькѣ! А жыдивське вѣйсько въ воду —булькѣ! Которе Бога боялося, то за греблю хваталося, а которе ни, то сидало на дни.

Отъ солдата Василя Коробки изъ с. Ивковецъ Чигиринскаго у. записаль В. Г. Кравченко.

Манжура, 115—116, Приказка № 1.—Кіев. Старина, 1883, III, 672.—Литературная обработка у Руданскаго: «Подорожъ до Ерусалыма» (Зоря, 1893, № 13).

166. ПРО ЖЫДА Й НАЙМЫТА ЙОГО ИВАНА.

Бувъ соби жыдъ, мавъ соби наймыта. Наймыта звали Ивановъ. Попросывся наймытъ на базарь купыть соби де чого на празныкъ. „А колы ты, каже, — йтымешъ на базарь?“ „Завтра,“ — каже. „Ну, то возьмешъ мою корову та продасы, а то вона стара, сина не вкусе, а половы нема.“ „А шо жъ, — каже, — цій корови цина?“ Шиснадцять рубливъ“. Винъ налыгавъ ту корову, повивъ, продавъ. Дешо купывъ; выпывъ, прыйшовъ соби пъяный и лежить. Прыходыть жыдъ: „Иване, Иване, вставай!“ — каже. Винъ уставъ. „А шо, — каже, — продавъ корову?“ „Продавъ.“ „А де грѣши?“ „Хвить!“ — свыснувъ Иванъ. „Шо ты, здуривъ, чы що, шо ты, — каже, — свыстышь?“ Пишовъ жыдъ до пана жалитъся: такъ и такъ: мій наймытъ продавъ корову; а якъ спытавъ його за гроши, то винъ свыстыть. А Иванъ пана вже пидпрохавъ. „А ты хочешъ, — каже панъ, — шобъ винъ пропавъ?“ — „Хочу! хочъ-бы винъ и заразы пропавъ, бо винъ мойи гроши потратывъ, а теперь сміеться зъ мене.“ — „Е, — каже, — въ тебе гусы?“ „Е, каже, така, шо я ййи на шабашъ трымаю“.

—Ну, то ты прыйды додому, зарижъ, та хай хазяйка спече ййи у сали; поставъ кварту горилкы. То винъ горилку выпге, гуску ззистъ, — вона його буде у середыни гребты, то винъ признаеться, де гроши дивъ.

А якъ не признається, то визьмешъ и кынешъ його на пиль у подушки, то винъ тамъ пропаде.“

Пишовъ жыдъ и такъ усе зробывъ, якъ панъ казавъ. Иванъ ззивъ гуску и горилку выпывъ. Сыдыть тоди за столомъ пъяный, а жыдъ и каже: „Йванче, де ты дивъ гроши?“—А той може налаявъ. Узывъ жыдъ и кынувъ того Йвана на подушку. Винъ проспавъ до ранку и ходыть пъяный, не вытверезывся ще. А жыдъ свое: „Йванче, — каже, — шо, ты бувъ у базари?“—Каже: „Бувъ.“—„А за скільки корову продавъ?“—„За шиснадцять рубливъ.“—„А де ты, каже жыдъ, дивъ гроши?“ Винъ йому зновъ свыснувъ. „Шо ты, каже, й сьогоня здуривъ? Ось я пиду до пана, винъ тоби насвыстаете боки.“ Прыходе до пана тай каже: „Шо я буду йому робыть, бо не признається, де гроши дивъ.“—„Ну, то добре, въ тебе е гындыкъ?“—Каже:—„Есть, тилькы такой, шо я на шабашъ держу.“—„Ну, якъ прыйдешъ додому, то спечы того гындыка, прынесы кварту горилкы, дай йому. Винъ ззистъ того гындыка, и той гындыкъ буде у його у животи кгелькотиты, то винъ признається; а якъ не признається, то посадовы його на такой возыкъ, обмотай подушкамы, вывезы на степъ. Вывезешъ на мугылу и тамъ його й кынешъ, то винъ тамъ пропаде.“ Прыходе той жыдъ додому, Йванъ порается коло скотыны. А жыдъ пыта: „Що то по двору ходыть?“—„Гындыкы“— каже. „Э, сто чортивъ твому батькови, гындыкы! То твоя смерть ходыть. Якъ не признаешся, де ты дивъ гроши, то я заразы зарижу гындыка, спечу його на сали, прынесу кварту горилкы, заставлю все ззисты й выпыты, — така тоби кара буде. Йий Богу, правда!“ Йванъ не признається.—Жыдъ заставывъ жыдивку патрохатъ гындыка, а самъ побигъ по кварту горилкы. Покры жыдъ сходывъ, жыдивка спекла того гындыка. Уклыкають Ивана у хату, садовлять за стиль,

пытаються: „Признайся, де гроши дивъ? бо якъ не признаешся, то заразъ будешъ гындыка йисты.“ Не признается. Заставылы його жыды ззисты того гындыка, выпыть горилку. А дали сыдивъ винъ соби за столомъ и ни гадкы соби. Тоди жыдъ каже: „Сто чортовъ твойй матери, ты ззивъ гындыка та й не признаешся! Ну, почекай же: я посадо тебе въ возыкъ, обкладу подушкамы й повезу на степъ, на мугылу, то тамъ ты пропадешъ“. Ухватывъ Ивана, посадивъ у возыкъ, обмостывъ подушкамы й повизъ. Пидйиздыть винъ до тейи мугылы, а тамъ мужыкъ орё. Жыдъ по тій рилли съ тею бидкою ганяе, а мужыкъ дывыться, що жыдъ риллю йому втоптуе, кынувъ воны й заходывсь быть того жыда. Жыдъ ту бидку кынувъ, а самъ хода! Одбигъ одъ мужыка такъ, шо можна тры разы палкою кынуть. Мужыкъ уже не женеться за нымъ. Жыдъ дума: „Ну, шо я буду за таке дурне, шо я вывезу його на таке мугыле? Якъ я повезу його на мугыле, то винъ тамъ, може, пропаде, вороны й собаки кисткы його ростягнуть; а краще кыну його пидъ селомъ, то колы пропаде, то мо хоть люде поховають“. Привозыть пидъ слободу, кынувъ Ивана съ тачкою, а самъ побигъ до того пана. — „Эй, паночку, шо йому, бисовому йвану, робыть: шо вже я не робывъ, а воно все не пропада?“ — „А ты возывъ його на ту гору, шо я казавъ?“ — „Але-жъ, каже, паночку, со мени було, якъ я возывъ його на те гурё! Я привизъ, а тамъ мужыкъ оре; а я по тій рилли; а мужыкъ якъ почавъ за мною бигаты, та пймавъ мене за цуба, та мене се плугомъ, та се плугомъ!“

А той панъ пытае: „Яке жъ, каже, воно?“ Жыдъ показуе два пальця й каже: „Оттаке, паночку, зъ вылкою!“ — „Може то ыстыкъ?“ — каже панъ. „Эге, ге, свыстыкъ, свыстыкъ; бо якъ свысне мене, то я й ляжу! А

якъ хвате мене за пейса, то я й встану! То якъ бы ты, панъ добрый, поклыкавъ Ивана до хаты та добре на-свыставъ бы йому ребра, то винъ бы признався, де дивъ гроши.“ Панъ якъ росердыться на того жыда та за нимъ. А жыдъ у двери! та зачепывъ за двери и розирвавъ соби сорочку одъ живота та ажъ назадъ, до пояса, и то съ того часу повелысь оци цыцыле, що зъ кнготамы жыды носять черезъ плечи.

Отъ солдата Коробки, изъ Чигиринскаго уѣзда, записалъ В. Г. Кравченко-Чубявскій, II, 569—571, № 55.

167. ЯЕЪ ЧОЛОВИКЪ ПОХМЕЛЫВСЯ.

На похмилля ввійшовъ у шиньокъ одынъ чоловікъ, — трусыться, гнеться, за голову хапається и все спльовуе. Ажъ бы якъ хотилось йому похмелытысь, та ба—ни завищо, а наборъ жыды не дадутъ. Ходыть соби винъ по шинку та все миркуе, якъ бы йому схытрукаты, щобъ обдурить жыда-шынкаря. Глянувъ винъ по шинку, а за столомъ куняе його кумъ Харько. Отъ пидійшовъ винъ до його, та й каже: „Куме Харьку, ну та й перелякався я сю ничъ, — проклять-сынъ думавъ, що пропаду!“ — „Де и якъ саме, куме Иване?“ пыта той. „Повирыте, куме, й доси въ серци типається, а морозомъ такъ и сыпле по-за комиромъ.“

А жыдъ-шынкаръ насторочывъ уха та й слуха, що буде розказувать Иванъ дальше. — „Иду я сю ничъ, якъ опивночи, прозь жыдывське кладовыще; колы се гулькъ на бикъ,—ажъ тамъ, зразу за брамою, коло одного гробка, щось блыснуло. (Тутъ жыдъ ставъ ще прыязнишъ прыслухатыся, бо се бувъ батька його гробокъ).—Блыснуло, кажу, воно, а я й отетеривъ зъ ляку: зви-сно,—ничъ. Постоявъ я трохи, постоявъ, а дали й думаю: що Богъ дастъ, а пиду туды й подывлюсь, що

воно блыщыть. Перелизъ ото я черезъ барканъ, ажъ тамъ дви свичкы, якъ зори ясни, горять. Эге, кажу, якъ зори ясни горять“... Та й спынывся Йванъ, не ставъ дали казаты та й позырнувъ скоса на жыда. Жыдъ ждавъ, ждавъ, що Йванъ казатыме, а дали до його: „Цуишъ, Йване, иды но сюды, увъ кимната!“ Ввійшовъ Иванъ у кимнату, та й сивъ у кинци стола на стильчыку. А жыдъ просе: „Ну, ну, Иване, розкажуй, якъ зе це воно було дальсе—уфъ! якъ страсно!“— „Охъ-хо-хо!“ позихне Йванъ,— „спаты мовъ бы хочеться, а якъ згадаю про те, що вночи було, то й въ морозъ кыда и въ роти схне.“ — „Ось на, Йване, прополосцы увъ роти, мозе луце буде,“ — и дае жыдъ йому крючокъ горилкы.— „Ну, та якъ, Иване?“ — „Та онъ якъ,—дай же ще крючокъ,—каже Йванъ,—та тоди вже заразомъ и докажу, а то якось мени тее... моторошно.“ Налывъ жыдъ Иванови ще крючокъ. Выпивъ винъ та й каже: „хто голову мае, той хочъ съ кымъ пограе.“ — „Сцо таке?“ — пыта жыдъ.— „Та то я такъ соби кажу,“ одказуе Йванъ.— „Ну, казы жъ, Иване!“ зновъ просе жыдъ. „Добре, слухай же! Горять ото тыйи свичкы, якъ зори ясныйи й не мыгтять. Ты знайешъ Панасенкового рябка?“— „А цомъ зе не знать—знаю, знаю, винъ мого й лапсандрака порвавъ. Ну?!“ — „Ну, прыдывляюсь я краще, ажъ то той самисинькый рябко сыдыть, псявира, на тому гробку й очыма свитыть, та такъ вылупывъ йихъ, що отъ-отъ повыскакують“. Записалъ въ с. Мартыновкѣ отъ М. Иваненка въ 1895 г. В. Ф. Степаненко. Харьк. Сборникъ, VIII, 326—327.

168. ЖЫДЪ И КОЗА.

Прывивъ мужыкъ на ярмарокъ козу. Отъ, жыдъ и пытае: — „Сцо се ты продаешъ?“ А мужыкъ каже: — „Козу.“ А жыдъ каже: „А сцо нею робыть?“ А мужыкъ каже:

„Вовкивъ ловыть.“ — „О, мени такойи й треба, спобъ вовкивъ ловыла. А сцо тоби за нейи!“ пыта жыдъ. „Два рубли“. Жыдъ тоди выйнявъ два рубли и отдавъ чоловикови, а козу взявъ. Тоди й пишовъ додому. Выйшовъ у поле, колы дывыться, а коза нижкою тилькы—тупъ, тупъ! А жыдъ тоди каже: „Не поспишайсь, кизонько! уси симъ твойи вовкы будуть!“ Тилькы вовкы прыбиглы, а жыдъ узявъ и пустывъ козу,—думавъ, шо половыть усихъ вовкивъ. А вовкы за нею та й пиймалы ййи. А коза тоди крычыть: „Не мене!“ А жыдъ тоди: „А добра кизонька, зна якъ и хазяйина звуть: Салымоне.“
Отъ Евдокима Познякава въ с. Исаковой Славяносербск. у. Екатериносл. губ., въ 1889 г.

169. ЖЫДЪ ТА ЙОГО КУЧЕРЬ.

Йихалы кучеръ Иванъ та жыдъ лисомъ. А въ тому лиси, ходыла така чутка, шо булы розбійныкы. Жыдъ же забувъ покынуть свойи гроши дома, а зна, шо якъ нападуть розбійныкы, то запевне будуть у його шукать грошей, отъ винъ и отдавъ гаманъ зъ гришмы Йванови. Отъ, якъ воны стали въ лиси заночувать и полягали, Иванъ потыхеньку уставъ, одйшовъ одъ воза, тоди якъ ударыть пужалномъ самъ себе по халявахъ та якъ закрычыть: „О рятуйте! о рятуйте! Гроши не въ мене, а въ жыда! гроши въ жыда!“ А жыдъ лежыть на вози та: „Бресе, бресе! у Йвана греси, у Йвана греси!“ Отъ тоди Йванъ идё упгъять до воза похнюпывшысь та й бурчыть соби пидъ нись: „Охъ, побылы усю спыну и боки й голову!“ А жыдъ пытае: „А греси взялы?“ (Знаете, се вже така жыдивська порода, шо все байдуже, абы гроши). „А шо жъ? узялы!“ одказуе Йванъ. Отъ, зибрались воны та й пойихалы такы въ гости. Тамъ роска-

залы свою биду; отъ йимъ и наздавалы багато грошей. А якъ йихалы вони назадъ додому, то упъять стали у лиси ночуваты. Тоди жыдъ ставъ думать, дебъ заховать свои гроши такъ, шобъ не знайшлы розбійныкы. Отъ и надумавъ: вырубать довгу хворостыну, начепыть на ййи гаманъ зъ гришмы й уткнути у визъ. Такъ и зробывъ. „Отъ теперъ взе не достане никто!“ дума соби жыдъ. Отъ и полягалы. А Йванъ уставъ потыхеньку, выйнявъ хворостыну зъ воза, гаманъ зъ нейи знявъ, гроши выбравъ, ище накалявъ туды, та упъять и повисывъ на свое мисто. Прокынувся жидъ уранци, дывыться,—высыть гаманъ. „Ба, отъ и правда моя, со никто не достане!“ Потимъ винъ изнявъ гаманъ и подывывсь туды; колы-жъ.. — „Та якъ зе винъ лизъ сюды по хворостыни? А якъ зе винъ тутъ мостывся?!... Отъ собъ його батькови й матери на тимъ свити добра не було!“

Записалъ М. М. Нечипоренко въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у.
Харьковской губ.

Х.

Преданія о лицахъ и явленіяхъ политическихъ (историческихъ).

170. ПАНЪ КАНЬОВСЬКЫЙ ТА ВАВА ЗОЗУЛЯ. (*)

Одного разу—въ осени се було—стара баба, Зозуля, пійшла въ лись по опенькы. Чы назбирала вона йихъ, чы може ще тилькы, почала збираты, колы—гулькь набикь,—ажъ йиде панъ Каньовський зъ рушныцею черезъ плечи й собаки рядомъ бижать. Якъ стояла, такъ и отетерила стара, а ни ворухнется. (Панъ Каньовський кого бъ ни зустрівъ поодынчого, то щось йому та вкойти,—тымъ и боялысь зустрічатися зъ нымъ). Стоить ото, кажу, вона, всымъ тиломъ тремтыть, мовъ у пропасныци. Пидйиздыть до нейи панъ: „А що ты тутъ робышь, бабусьо?“ —запытуе ййи панъ.— „О...пппечкы збираю, паночку,“ насылу вымовыла вона.— „А якъ ты прозывается?“ — „Зозуля, па...паночку.“ — „А, такъ ты зозуля, а я тилькы цього й шукавъ оце. Вылазь на дерево та куй по зозулыному!“ — „Я стара, не вылизу, паночку“, кризь слёзы промовыла баба.— „Лизь, я пидсажу тебе,

(*) Этоть и два слѣдующіе разсказа относятся къ Николаю Потоцкому, польскому пану, извѣстному подъ именемъ „пана Каньовського;“ однако, въ третьемъ разсказѣ ослабѣвшая народная память сдѣлала изъ Потоцкаго и Каньовскаго двухъ различныхъ, даже враждующихъ между собою, лицъ. Въ своемъ разсказѣ „Голка“ Стороженко кратко передаетъ два подробно здѣсь налагаемые преданія (№№ 171—172).

зозулько.“—Стала баба чаряпкаться на дерево, а винъ ййи арапіемъ и давай пидсажуваты. Вылила ото баба на дерево, стала на гилляку та й стойить, трусыться. — „Почынай куваты!“ гука панъ. — „Ку-ку! ку-ку!“ ... закувала баба. Панъ живо нацильвса зъ рушныци на бабу—бухъ! такъ та зозуля и впала зъ дерева додолу: вбывъ вражый сынъ. Пидйихавъ панъ до бабы блыжче, подыввса, пореготався зъ Зозули и пойихавъ соби дальше.

Записаль въ с. Полствинѣ Каневского у., В. Ф. Степаненко.

171. ПАНЪ КАНЬОВСЬКЫЙ ТА ЖЫДЪ-КОВАЛЬ.

А то другого разу, тежъ у осени се діялось, трапылось панови Каньовському йихаты черезъ якесь село у Канивщыни. Дощемъ пидслызыло трохы шляхъ, и кони ажъ падають,—не пидвезуть. „Пане, треба кони перековуваты, бо недойдемъ до миста, падають“,—каже до Каньовського льокай. „А колы треба, то й перекуйте,“ — одмовывъ панъ. Побигъ кучерь у село распытаты, чы нема тутъ коваля. Показалы йому коваля, де живе. Въ сели цьому ковалювавъ жыдъ. Прыходыть до його кучерь у хату, а той саме Богу молыться, гойдається коло викна. „Чуешъ, жыде, йды коней панськихъ перековуваты!“—гукнувъ йому кучерь. „Не пиду, сьогодни шабашъ, иды соби икъ бисовому батькови!“—сердыто одказавъ жыдъ и зновъ забубонивъ.—Вернувсь кучерь до пана й каже, що жыдъ перековуваты коней не буде, бо сьогодни шабашъ. „Иды до його, вражого капсана, и скажы, що для пана Каньовського шабашивъ не бувае, и щобъ кони ту мыть булы перековани—панъ цього хоче!“ Прыходыть зновъ кучерь до жыда й каже: „Чуешъ, вражський капсана, перекуй коней зразу, бо лыхо тоби буде одъ пана Каньовського.“ „Уфъ! зъ якыхъ страшныхъ

твій панъ—хай винъ самъ подме, я його не дуже то жлякався,“—каже жыдъ и пишовъ у кимнату. Прыходять кучерь до пана и все до-чыста росказавъ йому, якъ одмовывъ жыдъ. Мовъ у прысокъ укынуло пана Каньовського, ажъ на лыци зминывсь, ажъ у карети не всыдыть. „Поганяй до жыда въ двирь!“ крычыть панъ несамовыто. Прыйихалы. Звеливъ панъ двомъ осавуламъ вытяги жыда съ хаты. Цуплять його на двирь, а винъ зомливъ и слыну вже съ переляку пускае. „Ведить його въ кухню!“ крыкнувъ панъ. Увели. „Ты загадувавъ тоби подуть, га!“ зарепетувавъ панъ. Жыдъ бидолашный уже ничего не може сказаты, тилкы: „Ясн... яс... паане, я... не... я... ай ваймирь!“— „Заправляйте йому, капсанови, михъ и надмить його, невиру!“ гукнувъ панъ. Прыставылы жыдови ковальського миха и подулы йому такъ, що той и лопнувъ.

Записаль въ с. Полствинѣ Каневского у. отъ брата В. Ф. Степаненко.

172. ПАНЪ ПОТОЦЬКЫЙ ТА ПАНЪ КАНЬОВСЬКЫЙ.

Дурилы тоди паны, якъ хотилы, бо до головы йимъ прыступало. Адже, росказують, той такы панъ Каньовський та выбывъ за вищось одного жыда пана Потоцького. Розгнивався панъ Потоцький на пана Каньовського и пославъ йому лыста, що такъ мовъ, не гжечно робыты—чужыхъ людей быты. Але жъ панъ Каньовський бувъ не съ тыхъ панивъ, щобъ кому подаруваты образу: якого возка та пидвезе такы выноватцеви. Отъ черезъ якый тамъ часъ, звеливъ панъ Каньовський своимъ осавуламъ накласты визъ своихъ жыдивъ. Назбиралы тыхъ жыдивъ, наклалы йихъ, якъ снопивъ, на визъ и втяглы рублемъ. „Ну, гукнувъ панъ воловыкови, теперь запрягай пару воливъ та везы сю тванъ панови Потоцькому у двирь и перекинъ йихъ передъ самисинькымъ його

кганкомъ. Колы спыта: звидкиль и що се за жыды, то скажешъ, що се панъ Каньовськый прыславъ вамъ за того паршывого жыда.“

Прывизъ ото чоловикъ жыдивъ у двиръ до пана Потоцького, одпустывъ рубля, перекинувъ йихъ передъ панськымъ кганкомъ и пойихавъ назадъ.

Записалъ въ с. Мартыновкѣ Каневск. у. отъ Ивана Иваненка В. Ф. Степаненко.

173. ЯЕЪ ЛЮДЕ СТАЛЫ ПАНСЬБЫМЫ.

Чоловикъ ще за панського права розказувавъ мени, а винъ чувъ це одъ батька, що колысь воны булы вильни. „То“, — каже, — „такъ мы стали панськымы. Сумежно зъ нами живъ панъ. Отъ разъ и пишы до його робыты. Поробылыся тамъ килькы тыжнивъ и вернулыся назадъ. А винъ, щобъ насъ удруге заохотыты, дававъ намъ на обидъ бараныны и кашу молошну, и горилкы, просто настоящий обидъ, якъ усе одно за багатымъ покійныкомъ. Ну, ото й намъ подобалось у цього пана робыты, пишы зновъ до його. А винъ давай упрошуваты, щобъ у його зосталыся. „Вы“, — каже, — „за рикъ тилькы мисяць робытимете, та вамъ такъ гарно буде, такъ гарно!“ Ну, ото й зосталыся у його. Першъ воно такъ и було, а дали почавъ усе бильшъ та бильшъ прыганяты до роботы. Описля чуемъ, — ажъ мы вже панськи. А теперъ тры дни на тыждень и робымо йому.“

Записалъ въ Харьковскомъ у. И. И. Зозуля.

174. ПОШТАРЪ ТА НАСЛИДНЫЕЪ.

Кажуть, шо якъ ще не було машины, такъ и цари поштою йиздылы. Разъ, кажуть, йихавъ покійный царь Мыколай изъ наслідныкомъ, исъ тымъ, шо волю давъ

людямъ. Такъ винъ тоди ще наслідникомъ бувъ. Хто й зна куды вони йихалы, ну, тилькы впало йимъ пройиздыты й черезъ нашу губерню. Отъ, йидуть такъ уже смеркомъ, а попереду понадъ шляхомъ огонь горыть. Наслідникъ и пыта въ поштаря: „Що то горыть?“ Поштарь каже: „То люде бочки дьогтьови палють.“ „На що?“ „Шо мы йидемо.“ — „Хто жъ то мы!“ А поштарь: „Я, та царь, та вы.“ Такъ наслідникъ засміявся та й давъ йому сто рубливъ. — И правда жъ цьому? — „А якъ же жъ неправда? И поштарь той изъ нашойи слободы.“

Записала въ Богодух. у. Харьк. губ. М. Н. Гринченко.

ХІ.

Преданія о мѣстностяхъ.

175. ОВЪ УРОЧИЩАХЪ ВЪ ЧЕРНИГОВСКОМЪ У.

Все пространство вплоть отъ Чернигова до Козла и отсюда до Днѣпра прежде было покрыто лѣсами, въ которыхъ проживали разбойники. Въ особенности въ народѣ извѣстенъ Малѣй, который имѣлъ свой притонъ въ Маліевомъ рову, называемомъ такъ и до сихъ поръ, что за Троицкимъ монастыремъ. Лѣсковичане-сторожилы говаривали, что, бывало, въ этотъ монастырь изъ боязни разбойниковъ никто по одиночкѣ не ходилъ, а всегда по нѣсколько человѣкъ. Словомъ, дурная слава про эти лѣса сохранилась въ народѣ издавна. По козлянской дорогѣ, называвшейся гетьманскимъ шляхомъ, какъ подняться отъ трисвяцкой гребли на горку, есть урочища Разора и Цапивка. Про первое изъ этихъ урочищъ сохранилась въ народѣ цѣлая легенда. Вотъ что говорятъ:

Тутъ живъ колысь змій. Винъ йивъ людей и не дававъ николи йимъ проходу. И спасъ людей одъ цього змія одынъ коваль. Винъ збудувавъ недалеко одъ зміевого логва соби кузню, та й задумавъ, якъ бы звесты того змія съ свиту, звисно, шобъ винъ людей не нивечывъ. Отъ, змію, якъ той коваль закуе въ кузни, и досадно, що иде видъ коваля стукотня. Прылитае змій до кузни, а вона зачынена зализными дверыма. „Гей, ковалю, що ты тутъ ляпаешъ, та не даешъ мени спать? Я тебе ззимъ!..“ „Що жъ, то твоя воля. Не боронь тилькы мени въ останне помолытысь!“ „Молысь!“ Отъ, коваль за молоть та давай скорійшъ робыть гвиздка.

„Чомъ же ты не молишься, а зновъ ляпаешъ?“ — гукае змій.
„Та я молячысь, — каже коваль, — ляпаю по ковадлу.“ „Ну, швыдче, а то въ мене вже слына зъ рота тече.“ „Заразъ!“
Отъ зробивъ коваль гвоздка. „Вже, — каже, — я справенъ. Якъ же жъ, — пытае, — ты мене йстынешъ? Осе въ стинахъ е диркы (звисно, пробують свердлы), такъ ты высолопы сюды языкъ, я сяду на його, а ты и проглынешъ мене.“
Згодывся змій, высолопывъ у дирку языка, а коваль за гвиздка, та й прыбывъ змивъ языкъ до стины. Змій сюды-туды, не одирветься. А коваль за гнуздечку та й загнуздавъ змія. Запригъ його у соху та й прооравъ розору, выпахавъ поле и змія, звисно, улелекавъ. Люде зрадили та й соби давай корчковать лисъ на поле, а по розори пишла водотеча, такъ шо й оцей мистокъ треба ажъ и доси обчеству строить. Отъ зъ чого зветься се урочыще Розорою.

Изъ бумагъ А. А. Тищинскаго.

Приуроченный здѣсь къ Черниговской мѣстности разсказъ составляетъ вариантъ сказочнаго мотива «про Кузьму-Демьяна, Вожого коваля.» См. Манжура, 24—26.—Чубинскій, II, 252—269, №№ 68 и 69.—Моззуйска, Вайкі, № 10, Про Сучича.—Рудченко, Сказки, II, № 23.

ХІІІ.

Сказки фантастическія, игра словъ и остроумія.

---

176. ОРЕЛЬ И ТХИРЬ.

Разъ тхирь выбигъ съ своимы тхорынятамы гулять и ставъ перекидаться. Налетивъ орель, ухопывъ одно тхореня. Орель не вспивъ пиднятыся, а тхирь учепывся за його. Винъ тоди кынувъ тхореня, ухопывъ старого тхора й почалы бытыся. Орель якъ ухопывъ тхора за голову, якъ ирвонувъ його, а тхирь якъ ухопывъ орла за пирья та й вырвавъ пучокъ пирья. Орель тоди росердывся та якъ ухватывъ тхора, та трохы не задавывъ; а тхирь тоди крычыть: „не йижъ мене, я то би оддамъ усыхъ дитей.“ А винъ и каже: „повыкыкай усыхъ дитей, тоди и пустю тебе.“ А тхирь тоди крычыть: „диточки мойи, оборонить мене, бо пропавъ!“ Воны повыбигалы, орель и каже: „затулы дирку, щобъ воны не повтикалы.“ Тхирь затулывъ дирку, орель пойивъ дитей, а на останци иззивъ и тхора старого.

Екатеринославской губ. Славяносербскаго у. х. Щегливка, отъ Андреа
Величка.

---

177. ЛЫСЫЧКА И ВОВЬ.

Бигла лысычка по лису, турылась за курипками и зустріла вовка. „Здоровъ, вовчыку братику!“ А винъ: „здорова, лысычко сестричко!“ А лысычка й каже вовкови: „чого це вы не булы у мене сьогондн?“ А винъ и каже: „николы було, забарывсь у кошари.“ А лысычка й каже: „Якъ то, забарывсь у кашари?“ А винъ: „А якъ пишовъ у одну слободу, дывлюсь,—у одного чоловика поганый, поганый хливъ, сами диркы; а вивци булы у тому хливи; а я взявъ и полизь у той хливъ; улизь туды, подушывъ овецъ, найивсь такъ, що тилькы ходю по хливу та стогну. Почавъ я лизты,—не вылизу ніякъ, бо тынъ бувъ дуже высокый, и сыдю я у тимъ хливи. Досыдився уже, помы чоловикъ прыйшовъ овецъ выпускаты. Тилькы чоловикъ двери одчынывъ, а я якъ выскочу и побигъ а той чоловикъ такый линывый, що до самого обиду спыть, и я до обидъ сыдивъ у хливи). Та оце якъ вырвався та бижу, втикаю.“ А лысычка й каже вовкови: „такъ ходимъ до мене, пообидаемъ гарненько.“—И пишы вони обидать; прыйшы, силы, пообидалы. Тоди вовкъ пишовъ додому, а лысычка пишла выпроважать вовчыка-братика. Выпроводыла вовка й прыйшла додому, а вовкъ зновъ пишовъ по хливахъ лазыть по чужыхъ.—На другой день вовчыкъ прыходе до лысыци: „здорова, лысычко-сестричко!“ А вона: „здоровъ, вовчыку-братику!“ Вовкъ и каже лысыци: „Ходимъ, отамъ попоймо мняса!“ А вона: „де?“ Вовкъ: „та отамъ у лиси.“ Побиглы вони до того мняса, прыбиглы, колы дывыться лысычка, стойить вовкивня, а лысычка й каже вовчыкови: „та й погане мнясо!“ А винъ: „чого погане?“—„Та такъ!“ Вовкъ тоди каже: „Ище що выгадай!“ Та заразъ туды, а його заразъ хапъ вовкивнею,—пймався винъ. Лысычка тоди найи-

лась добре, а вовкъ и каже: „лысычко-сестрычко, выручы й мене зъ биды!“ А вона: „эге, выручы! щобъ и сама попалась туды!“ А винъ и каже: „та ни, не попадешся,“—выручы! А лысычка й каже: „Ни, не хочу.“ А вовкъ потыхеньку та хапъ ййи: „выручай, колы хочешъ, а то задавлю!“ А вона: „ну, давай!“ Вовкъ узявъ и пустывъ... эхъ!.. вона якъ чкурне та додому!.. Чоловикъ прыйшовъ и убывъ вовка, а лысычка й доси жыва.

Екатеринославской губ. Славяносербскаго у. д. Исакова, отъ Евдокии Познякава въ 1889 г.

178. ВОВКЪ ТА ЛЫСЫЦЯ.

Йшла лысыця, зострила вовка, а вовкъ и пыта: „де ты була?“ „Я скризь ходыла; я,—говорыть,—оце найдалась мнѣса, бо завтра пъятныця.“—Вовкъ одвича: „я бъ,—каже,—йивъ, хочъ и пъятныця.“ „Ну,—говорыть,—ходимъ, я у одному мисти знаю, то найисыся.“ „Ходимъ“—говорыть.—Прыходють воны, а тамъ було силце. Тилькы винъ нагнувъ туды голову, а той дубокъ и потягъ його вгору. Лысыця прыбигла, ухватила те мнѣсо, сила та й йистъ. Винъ тоди ййи и каже: „ты казала, шо пъятныця, а теперь сыдышъ и йисы?“ „Э, теперь тоби пъятныця, бо пъятамы й земли не достанешъ.“ Знялась лысыця й нишла лисомъ. Зайшла у манастырь, тамъ ченци жывуть. Прыйшла вона, подывылась,—туды можна влизты. Влизла, задавыла двое гусей, и гусы зробылы велыкий крыкъ. Выбигъ чернецъ изъ сучкватою патерыцею и зачавъ ту лысыцю посвящать! Такъ посвящавъ, шо й курци нема де й носомъ клюнуть. Вырвалась вона звидты и побигла лисомъ. Зострила вовка, вовкъ пыта: „Де ты була, се-

стрычко?“ „У ченцивъ, я тамъ прысватылась, — я те-
перь сьвата.“ А той вовкъ и каже: „Де жъ воно? Пи-
ду и я, може й я прысватюсь.“ „Йды,—говорыть,—
мени дававъ чернецъ дьви гускы ззисты, потимъ давъ
меду (а винъ ййи бывъ, такъ то — медъ), а потимъ па-
терыцею посватывъ.“ Прыходыть туды вовкъ. Туды
влизъ, а назадъ тежъ не можна вылизты. Задавывъ чы
одну, чы дьви гускы,—гусы наробылы крыку; выходыть
чернецъ, якъ накрычыть! А вовкъ злякався та прожо-
гомъ у дирку и зачепывся за гвиздка вухамы и то винъ
вуха соби повытягавъ и съ того часу уси вовкы вухати.
Записаль отъ солдата Коробки изъ Чигиринскаго у. В. Г. Кравченко.
Рудченко, I, № 11.

179. ЛЫСЫЦЯ Й ТЕНЕТА.

Поставывъ чоловикъ тенета на зайця, а въ йихъ
пймалась лысыця та й просыть: „куме, пусты! Та пу-
сты бо!“ Не пускають тенета. А вона й каже: „сяка-
така брыдня та й простойишь пивдня та ще не мынеть-
ся й на базари побуты.“

Записаль въ Зиѣвскомъ у. Харьк. г. И. И. Зозуля.

180. ВОВЕЪ, СОБАКА ТА БИТЬ.

Бувъ соби мужыкъ, мавъ соби собаку. Собака ця
поки молода була, то й стерегла хазяйина, а якъ зоста-
рилась, то хазяйинъ и прогнавъ ййи зъ двору. Ходы-
ла вона соби по степу, ловыла тамъ мыши, шо попала,
те й йила. Вночи перестривъ ту собаку вовкъ та й ка-
же: „здоровъ бувъ, собако!“ Поздоровкалысь. Вовкъ и

пыта: „куды ты, собако, идешъ?“ „Пока я молодой бувъ, мене хазяйинъ любывъ, бо я стеригъ його хазяйство, а якъ зостаривсь, то винъ мене й прогнавъ зъ двору.“ Вовкъ пыта: „Може ты, собако, йисты хочешъ?“ „Хочу,“ — каже. Той вовкъ говоре: „ходимъ, я тебе нагодую.“ — Пишлы. Йдутъ степомъ; набачывъ вовкъ вивци, посылае вовкъ собаку: „пиды, — каже, — подывыся, шо то пасеться?“ Пишовъ собака, подывывсь, вертається й говоре: „вивци.“ „Хай вони выздыхають! Наберемъ за зубы вовны и не понайидаемось, голодни будемо. Ходимъ, собако, дали!“ Йдутъ вони; побачывъ вовкъ гусы. „А пиды, — каже вовкъ, — подывыся, собако, шо то тамъ пасеться?“ Той собака пишовъ, подывывсь, вертається, каже: „гусы.“ „Хай вони выздыхають! понабираемо за зубы пирря и не понайидаемось. Ходимъ, — каже, — дали!“ Идутъ вони дали. Побачывъ вовкъ, — кобыла пасеться. „А пиды, — каже, — собако, подывыся, шо то пасеться.“ Собака прыбига й каже: „кобыла.“ „Ну, то буде наша,“ — каже вовкъ. — Пишлы до тией кобылы. Вовкъ такъ гребе землю, кротовыну йистъ, шобъ ро-сердыться. Тоди каже вовкъ: „а дывыся, собако, чы въ мене хвистъ трипочеться?“ Подывывсь собака: „трипочеться?“ каже. — „А теперь дывыся, — каже вовкъ, — чы посоловили въ мене очи?“ — „Посоловили,“ — каже собака. Тоди вовкъ якъ кынется, якъ ухватить ту кобылу за грыву, попавъ ййи, розирвавъ, выпустывъ скинбейи и йидять ййи вдохъ съ собакою. Вовкъ молодой, то винъ найився скоро, а собака старый грызе-грызе й ничего не зысть. Попрыбигалы собаки й прогналы його. — Йде той собака и по дорози найшовъ соби тако-го жъ кота, якъ и винъ — на степу ловыть мыши. „Здоровъ, — каже, — коте! А куды ты, — каже, — идешъ?“ „А такъ блукаю соби. Пока мододый бувъ, то робывъ

у хазяйина — мыши ловывъ, а теперь уже старый ставъ
мыши не побачу; хазяйинъ мене не злюбовъ, не дае мени
йисты и прогнавъ мене зъ двору, то я оце й блукаю.“
Собака каже: „ну, ходимъ, брате коте, я тебе нагодую.“
(Це вже й собака хоче такъ робыть, якъ робывъ вовкъ.)
Идутъ вони вдвохъ; побачывъ собака вивци и посила
кота: „Бижы, — каже, — брате, подывысь, шо то, — каже, —
пасеться?“ Кить пишовъ, подывывсь и каже: „вивци.“
„Хай йихъ сей та той забере! Понабираемо за зубы
вовны и не найимося. Ходимъ дали!“ Йдутъ. Собака
набачывъ гусы. „Пиды, — каже, — подывысь, братухо, шо
то пасеться?“ Кить побигъ, подывысь, каже: „гусы.“
„Хай йихъ чортъ позабира! Понабираемо за зубы пирря
й не понайидаемось.“ Пишлы вони дали. Йдутъ вони.
Побачывъ собака кобылу. „Бижы, брате, — каже собака
котови, — подывыся, шо то пасеться?“ Пишовъ кить, по-
дывывся й каже: „кобыла.“ „Ну, це, — каже собака, — бу-
де наша, поснидаемо добре.“ Почавъ собака йисты зем-
лю, ярыться й каже: „а дывысь, — каже, — коте, чы въ
мене хвистъ трипочеться?“ „Ни,“ — каже кить. Собака
зновъ гребе землю, шобъ росердыться и зновъ каже:
„А шо, чы трипочеться?“ — Подывывсь кить та й каже:
„трощкы почавъ трипотаться.“ „Трипнемъ бисову ко-
былу!“ — каже собака. И зновъ почавъ собака гребты
землю и пытае кота: „а дывысь, брате коте, чы посо-
ловили въ мене очи?“ А кить каже: „ни.“ „Э, ты бре-
шешъ!“ — каже собака. Та якъ росердыться, та якъ
скоче на ту кобылу! А та кобыла якъ трахне його ко-
пытáмы пó голови! Винъ упавъ и очи вытрищывъ. А ко-
тыкъ якъ прыбизыть та й каже: „ой, братику, якъ у
тебе очи посоловили!“

Записаль отъ солдата Коробки, изъ Чигиринск. у., В. Г. Кравченко.

181. КУРКА, ПИВЕНЬ, БЫКЪ, КАБАНЪ ТА ИНДЫКЪ.

Жывъ-бувъ дидъ изъ бабою. У ныхъ бувъ сынъ Яцько и малы воны у доми курку, пивня, быка, кабана, индыка—оце и все хазяйство. Здумалы воны свого Яцька женыты та хотилы ризаты курку: вона узяла та й утекла. Воны хотилы ризаты индыка,—и той утикъ; кынулысь ризаты свыню—нема, быка—нема, тилькы сыдыть одынъ пивень. Воны його хотилы пійматы, заманылы у хату, а винъ скикъ на прыпичокъ та за коробочку сирныкивъ, та у викно, та й утикъ. Бигъ, бигъ, прыбига у лисъ, а у лиси на полянци сыдятъ быкъ, кабанъ, индыкъ та курка. „Здорови булы, товариши!“— „Здоровъ!“ „Холодно, чы ни?“ пытае винъ, а самъ вытяга съ пидъ крыла коробочку сирныкивъ. „Давайте обигриємось, а то вы позамерзали.“ Назбиралы воны дровъ, затопылы та й обигрилысь. Быкъ, узявъ та й постройивъ соби хату. Свыня пидбигла та й каже: „быцю, быцю, пусты мене въ хату!“ А винъ и каже: „не пустю!“ А свыня й каже: „ну, я пидрю прызбу та й улизу.“ Быкъ ййи й пустывъ. Прыбигають индыкъ, курка та пивень: „Пустить насъ у хату!“ „Ни, не пустымо!“—кажуть свыня та быкъ. А воны й кажуть: „А мы стелю прорыемо та улиземо.“ Пустылы и тыхъ. Потимъ быкъ и каже: „давайте у кузьмаркы гратыся!“ Отъ, и довелось быкови шукаты. Свыня сховалась у пичъ а индыкъ пидъ лавою, курка пидъ столомъ, а пивень на полычкы. Быкъ якъ полизъ шукаты свыню та й завалывъ пичъ, вона якъ надавыла свыню, а свыня якъ закувика, а вовкы й позбигалысь. Пивень ходе по лавци та й каже: „я перомъ усихъ васъ побью, а якъ вылизуть мойи браты, такъ воны васъ на дрибъязкы побьютъ.“ Вовкы полякалысь та побиглы, назбиралы ще бильше вовкивъ та ше й ведмедя. А быкъ излизъ на

дуба исъ свинею та съ куркою та съ пивнемъ. Вовкы й стали якъ разъ била того дуба. А быкъ якъ обирветься на ведмедя!—та трохы не вбивъ його, а вовкы якъ залопотили, такъ йихъ бильшъ ништо й не бачывъ. Быкъ, кабанъ, курка, пивень та индыкъ поверталысь додому, а дидъ йимъ радъ та такый радъ, що трохы не умеръ зъ радощивъ. Дидъ та баба женылы сына, покы вони поверталыся. Отъ вамъ казочка, а мени бублыкывъ в'язочка. Я на тому весилли бувъ, горилку пывъ, по бороди текло, въ роти не було.

Записалъ школьникъ Гордѣй Овдѣенко, с. Тарановка, Зміевск. у. Харьк. губ. Сообщилъ И. И. Зозуля.

182. ВДЯЧНЫЙ ОРЕЛЬ.

Табунъ горобцивъ и табунъ мышей; такъ нема одному горобцеви и одной мыши пары. Мыша й говорить горобцеви: „будемо удвохъ жить.“ Вырыла мыша нору, а горобецъ носывъ зѣрно; наносывъ повну нору зѣрна; мыша сила на те зерно й не дае горобцю. Тоди горобецъ говоре: „пиду, пожаліюсь своему цареву.“ Полетивъ винъ своему цареву жалиться, а мыша пишла своему цареву жалиться; такъ у мыши царь—пдлозь *), а въ горобця--орель. Покликавъ горобецъ свого царя, мыша—свого. Зачалы цари бытсья, такъ орель побидывъ, а полозь на йому тилькы пирья оббывъ. Тоди вже орлови не можна литать, такъ винъ переробывсь на хлопця й пишовъ, шобъ де стать у якого мужыка

*) Полозь пробуде литъ сямъ полозомъ, а тоди вже крыла вырастають и робытсья зміемъ, летае. Я бачывъ полоза у Харсонській губерни—сажня тры; винъ лежавъ клубкомъ у канави. Якъ хто роздраже полоза, то й чоловіка й коня вбѣе; а якъ доганя, то клубкомъ котытсья.

за наймыта. Послужывъ день, чы два у мужыка й говорыть: „отъ, дядьку, завтра вы будете соцькымъ.“ „Та, хлопче, я бидный, а за соцького у насъ обирають багатыхъ.“ Черезъ день наставляють того мужыка соцькымъ. Упъять же такы той хлопецъ говорыть: „вы, дядьку, будете старостою.“ „Я, — каже, — бидный, а въ насъ староста багатый.“ Черезъ день наставляють мужыка за старосту. Черезъ день упъять каже: „Будете, дядьку, старшыною.“ „Та я, хлопче, тилькы старостою заступивъ, а ты вже й старшыною мене робышь.“ Зробылы його старшыною. „Теперь, дядьку, будете якономомъ.“ „Та я недавно старшыною, а ты вже кажешъ, шо я буду якономомъ.“ Наставылы якономомъ, а той каже: „будете царемъ.“ Черезъ день наставылы того мужыка царемъ. Тутъ той хлопецъ ставъ орломъ, бо поросло пирря, ну, й каже орель: „якъ хочешъ, царю, подывиться на свое царство, сидай на мене, я обнесу тебе по всьому твоему царству и якъ буду несты, то занесу тебе до моеи найстаршойи сестры, то ты будешъ мене быть и бытымешъ доты, помы вона выйде и якъ выйде, стане просыть тебе, шобъ ты не бывъ мене, то ты скажы: „не буду быть: дай мени золотоверхнюю скрынку.“ Якъ скаже, шо нема, то будешъ сидать на мене и полетымо до середульшой.“ —Отъ орель понисъ його по всьому царству та й прынисъ до найстаршойи сестры. То той царъ якъ почавъ орла быты и бывъ доты, помы сестра выйшла и стала просыты, шобъ винъ не бывъ його. Тоди винъ каже: „не буду быть: дай мени золотоверхнюю скрынку.“ Старша сказала, шо нема въ нейи тиейи скрынкы — у середульшойи. Сивъ той на орла и полетивъ до середульшойи. У середульшойи тежъ почавъ быть орла, а сестра выйшла й почала просыть, шобъ пустывъ; а той сказавъ, шо не пусте, помы не вынесе йому золотоверхнейи скрынкы. Та говорыть: „у мене

Нема — у найменшойи.“ Полетилы до найменшойи, и вже тамъ була скрынъка; такъ вона все одмагалась, шо нема въ нейи скрынъкы; а якъ побачыла, шо той дуже бѣе ййи брата, то ййи стало жалко брата, ну вона й вынесла ту скрынъку. Тоди вже орелъ и каже: „колы забажашъ йисты, видкрый цю скрынъку, — буде тоби шо йисты й пыты.“ Попрощався царъ зъ орломъ, пройшовъ верстовъ зъ десять, забажалось йому йисты. Одчынивъ скрынъку, а тамъ дванадцять дивыць, дванадцять молодыць и дванадцять молодцивъ молодыхъ, пидносять усяки напыткы й найидкы. Попойивъ винъ, закrywъ скрынъку й пишовъ дали, а назустричь иде чоловикъ; поздоровкалысь, той чоловикъ и пыта: „чы нема въ тебе чого попойисты?“ Той каже: „е.“ Одчынивъ скрынъку, а тамъ дванадцять дивыць, дванадцять молодыць, дванадцять молодцивъ молодыхъ пидносять напыткы й найидкы всяки. У того — скрынъка, а въ того мужыка — сокыра: де въ яку деревыну вдарыть, такъ тоби й хата побудується. „Поминяемось!“ Той оддавъ скрынъку золотоверху, а той — сокыру; пишлы коженъ своимъ шляхомъ. Упъять же цареви йде назустричь другый мужыкъ зъ бычемъ; поздоровкалысь, роспыталысь, де хто бувъ. Царъ каже, де винъ бувъ, шо мавъ и шо выминявъ. „Проминяй, — каже мужыкъ, — мени сокыру на бычь; це такый бычь, шо пиде куды тоби треба и прынесе все, шо тоби треба.“ Оддавъ той сокыру, а взявъ соби бычь и йде зъ бычемъ. Схотилось йому йисты, посылае того быча: „иды, прынесы мени скрынъку й сокыру.“ Бычь пишовъ перекидыомъ, догнавъ тыхъ мужыкивъ и пооднимавъ скрынъку й сокыру й прынисъ. Той попойивъ; назустричь йому цыганъ зъ батогомъ. Поздоровкалысь, цыганъ и пыта: „чы нема въ тебе чого попойисты?“ Ну, той и каже: „е.“ Одчынивъ скрынъку, нагодувавъ цы-

гана, а той и каже: „проминяй мени цю скрынку на батигъ; це такый батигъ, шо де кого не вдарышгъ, то такъ и оживе.“ Поминались; цыганъ пишовъ у свою дорогу, а той царь у свою. Пославъ царь быча, шобъ догнавъ цыгана та однявъ скрынку. Бычъ пишовъ, ударывъ цыгана, а той здывувався и впустывъ скрынку. Прынисъ бычъ ту скрынку, а царь-мужыкъ пишовъ дали. Прыйшовъ на таке мисто, шо кругомъ острова вода, а на тому острови пеньокъ росте. Перейшовъ винъ на той остривъ, рубнувъ сокырою у той пеньокъ, заразыъ выбудувався домъ великый. Люде вранци дыву-ются: „шо воно таке, шо на такому мисти, шо кримъ пенька не було ничего, за одну ничъ выбудувався та-кий димъ?“ И хотилы воны розломать тую будивлю. Царь доставъ быча, бычъ выбывъ людей. Царь дали розду-мався: шкода йому стало людей и давай винъ батогомъ цьвохатъ: кожного якъ ударе,—винъ устане, такъ и встане! Оживывъ усихъ и тоди почавъ тамъ жыть и буты тамъ царемъ.

Записаль отъ солдата Калашника, уроженца с. Лесекъ, Черкаскаго уѣзда, В. Г. Кравченко.

Мотивъ о благодарномъ орлѣ у Рудченка, I, № 52, и Чубинскаго, II, 15, № 4.

---

183. ПРО ГУСОЧКУ, ШО НЕСЛА ЗОЛОТИ ЯЙЦА.

Було соби два браты, одинъ бидный, а другой ба-гатый, и въ того бидного було дитей симъ сынивъ, а въ багатого й одного не було. Бидный робыть и день, и ничъ и въ його хлеба куска нема. Такъ винъ пишовъ до багатого брата и говорыть: „Ты, брате, багатый, а ди-тей нема: визьмы въ мене хочъ двое, то якъ умрешъ, то

оставышь йимъ свое хазяйство.“ Той зъ радошчу взявъ тыхъ дитей. Зосталось у бидного тилькы пъять сынивъ— и тыхъ ничымъ прогудуваты. Пишовъ винъ у городъ и дорогою найшовъ тры копійкы; прыйшовъ на базарь и каже: „теперъ куплю въязку бублыкивъ, то й буде чымъ обдильты дитей, та й намъ, старымъ, буде шо зысты.“ Ходыть по базарю, дывыться — дидъ гуску продае. Отъ дидъ каже: „Купы, дядьку, въ мене гуску,— вона буде тоби въ хозяйствѣ служить.“ „Та мени давъ Богъ тры копійкы та й не знаю, де йихъ и диты... Шо-жъ ты, диду, за нейи хочешъ?“ „Та я,— каже,— съ тебе багато не хочу: тры копійкы,— говорыть— давай.“ Той давъ йому тры копійкы, купывъ у його гуску. Прыносятъ ту гуску додому, а ти диты радюють тій гусци,— шо николы въ хати не було й кишечкы, а то гусочка есть. Помостылы тій гусци гнездо пидъ поломъ, а мужыкъ пишовъ на цилу ничъ зароблять дитямъ шматокъ хлиба. Дило було у велькодну суботу; прыходыть винъ додому, а жинка хвалыться: „Отъ,— говорыть,— чоловиче, гусочка наша золоте яечко знесла“. „А ну, жинко, покажи!“ --- каже. Вона йому показала це вночи: вытяглы зъ шахвы, а воно такъ и осіяло на всю хату. Винъ и каже свойй жинци: „Звары жъ мени його: я хочъ и не маю грошей, а якъ пиду святыты паску, то хочъ попови дамъ, якъ похрыстосаюсь зъ нымъ.“ Жинка зварыла те золоте яечко, и чоловикъ понисъ ту паску святыты. Прыносятъ паску до церкви, а тамъ уси люде кругомъ церкви стоять съ паскамы, и винъ тамъ ставъ, дожыдае: „якъ выйде пипъ, то я похрыстосаюсь.“ Выйшовъ пипъ и святыть ти паскы, и люде хрыстосаються зъ нымъ; той чоловикъ и вытягъ те яечко, держыть и дожыда попа. А панъ побачывъ у його те яечко: „Шо то,— каже,— въ тебе таке?“ „Це въ мене,— каже, золоте яйце.“ — „Продай,— каже,— мени! шо ты хочешъ?“ — „А

шо вы дасте?“ Каже: „я тоби дамъ сто рубливъ за його.“ Той узявъ сто рубливъ, побигъ додому и паску кынувъ коло церкви. Приходьтъ додому й каже жинци: „Отъ, жинко, гроши: продавъ те яечко и взявъ за його сто рубливъ.“ Та жинка рада. „Э, чоловіче, вже й дрўге гусочка знесла!“ Винъ узявъ и те друге и понисъ його до багатого купця. Йде помижъ лавкамы, а той купецъ и каже: „Чого вы ходьте помижъ лавкамы? Може чого треба въ лавку? Заходьте!“ Той каже: „Ни,—каже,—мени ничого не треба, а ось я прынисъ яечко, шобъ вы купылы.“ Купецъ и каже: „Ахъ ты, сякий-такый,—геть! У мене який крамъ, а винъ хоче, шобъ я у його яйце купувавъ!“ А той и каже: „Та нате подывиться на мое яечко, яке воно есть.“ Купецъ узявъ у руку,—ажъ грудка золота,—та й каже: „Шо ты хочъ за його?“ — „А шо вы,—говорыть,—дасте?“ — „Я тоби,—говорыть,—дамъ двисти рубливъ.“ Той узявъ двисти рубливъ и пишовъ додому, до жинкы. Приходьтъ и говорыть: „А шо, жинко, продавъ я й те яйце. Вже въ мене е трыста рубливъ.“ Жинка й говорыть: „Э, чоловіче,—ще одно знесла гусочка.“ Той и те понисъ до того купця и продавъ за трыста рубливъ. Уже въ його шистьсотъ рубливъ есть. Прыносятъ винъ додому, а жинка зновъ каже: „Э, чоловіче, ще знесла гусочка.“ Винъ понисъ и те й продавъ тамъ за пьятсотъ рубливъ. Ця гусочка несе, а винъ соби надумавъ: „Э, давъ мени Господь шобъ я живъ,—не буду дорогше брать, якъ пьятсотъ рубливъ.“ Переставъ винъ по одному продавать, а якъ збереться пьятеро, то винъ понесе та сразу й визьме дви съ половиною тысячи рубливъ. И ставъ винъ такой багатый, шо на всю слободу нема багаччого видъ його. А багатый братъ и каже свойй жинци: „Ходимъ до брата, роспытаемось, зъ чого винъ такъ

розжився здорово?“ Отъ пишлы, той йихъ прыймае. Гулялы воны, пылы тамъ, а дали багатый братъ и пыта: „Эъ чого ты, брате, такъ заживсь? Бувъ бидный, а теперь нема багаччого видъ тебе.“ — „Ото, брате, съ тыйи гусочки, шо то пидъ поломъ сыдыть, — вона мени золоти ячка несе, а я продаю.“ — „А ну жъ, — каже, — покажи!“ Той показавъ, а йихъ, тыхъ яецъ, повенъ кошыкъ... такъ якъ золото грудкы лежать. „Продай, — каже багатый братъ, — мени ййи, — хай ше я пожыву трошкы.“ — „Эге, брате, давай миллионъ, то я тоби не продамъ ййи.“ Той якъ зачавъ, якъ зачавъ!... „Послухай, брате, — въ мене жъ двое дитей, ни чыйи — твоей. Кому жъ воно зостанеться оте добро? Твоимъ дитямъ.“ Той продавъ йому за чотыриста рубливъ. Прынисъ той додому и роздывляеться на ту гусочку, а тамъ пидъ правымъ крыломъ пидпысано: „хто се крыло ззистъ, то той буде царемъ;“ а пидъ ливымъ крыломъ пидпысано: „хто це крыло ззистъ, той буде грошыма плювать.“ Дило було у суботу, чоловикъ и сказавъ жинци; „На недилю зарижь!“ Вона заризала, а въ недилю удосвита спекла и поставыла у печи на сковороди, а сами пишлы до церкви, а тымъ дитямъ сказалы: „якъ схочете йисты, то тамъ хлиба шматокъ и ше де-шо.“ Диты ждалы-ждалы, нема; ну, воны йилы хлибъ, а дали побачылы, у печи гуску та й ззылы по крылечку. Прыйшлы батько й маты зъ церкви, — ажъ крыльця пойилы диты! Винъ заразъ сказавъ своему двирныкови: „шобъ ты мени поризавъ оцыхъ дитей и поодававъ собакамъ, а сердца показаты мени зоставъ.“ Двирныкъ погостривъ ножа и каже: „отъ теперь я васъ порижу, повытягаю ваши сердца батькови показаты.“ А воны й кажуть: „Эхъ, — говорятъ, — знаешъ шо? батько нашъ никола не бачывъ людського сердца: зарижте отыхъ пару цуценятъ, а мы пидемъ свить за очи жывы.“ Ну, той такъ и зробывъ.

Пишлы воны свить за очи и зайшлы у чужу землю, а тамъ бувъ такый великый суборъ, шо до того субора збиралось усе царство: слѣпый, кривый, малый; и въ ѳихъ не було царя,—ну, тутъ и выбрали ѳого: хто ввійде въ церкву на одни двери, а на други выйде, а передъ нымъ обое дверей зачынняются, якъ увійде винъ у церкву, той буде царемъ. Проходьлы вси ѳ уси пройшлы, и ти два хлопчыкы позаду, и якъ маленькый выйшовъ, за билшенькымъ двери зачыннылысь и ставъ винъ царемъ у тому царстви и того меншого брата взявъ зъ собою, а той и говорыть: „Ни, брате, жывы ты соби самъ, а я пиду шукать соби другого царства.“ Пишовъ винъ и зайшовъ у одынъ зайиздъ, а тамъ царська дочка (це въ другому царстви) гуляе въ карты. Вона ѳого все обигруе. Гулялы воны довго и выграла вона у ѳого уси гроши, котори винъ узявъ одъ брата. Выйшовъ винъ тоди съ хаты та ѳ каже: „Отъ, якъ разъ обгулявся!“ Та ѳ плюнувъ додолу. Дывыться—ажъ плюнувъ винъ купу грошей. Зибравъ винъ ти гроши и пишовъ гулять у ти карты. Упъять та выграла; а той зновъ наплювавъ собии зъновъ гуля зъ нею. Вона ѳ дума: „И де винъ ти гроши бере? Стильки програвъ и все десь бере.“ Дали говорыть вона ѳому: „Давай, я тоби буду жона, а ты мени мужъ.“ — „Давай!“ —говорыть. Ну, побралыся воны ѳ гуляють и пъяють усю ничъ. Прыйихавъ по нейи кучырь и пойихалы воны до царя вдвохъ. Полягалы воны спаты, а вона обглядила ѳого сонного, шо въ ѳого грошей нема и сказала своимъ слугамъ: „Визьмить ѳого сонного ѳ однести у таке мѣсто,—на шо винъ мени безъ грошей здався?“ Ти вкынули ѳого въ ту яму, шо въ нейи помыйи злывають та нечысте скидають, а зъ ямы зроблений спускъ ажъ до моря. Прокынувся винъ и полизъ тѣю корою ажъ у море. Выплывъ винъ изъ моря и пишовъ у лись. Ну, зависно, винъ наплювавъ соби грошей, пишовъ у слободу

Й живе тамъ у лиси. Потимъ винъ такъ зблудывсь у лиси, шо не найде дороги у слободу. У його й гроши е, та нема де йисты купыть. Ставь винъ кориння йисты. Иде винъ лисомъ, найшовъ яблуню, вырвавъ одно яблуко и ззивъ та такъ, наче винъ здоровый ставъ такый, шо сказаты не можна; а дали схотилось йому спать, — винъ и заснувъ. Уставъ, дывыться, — ажъ винъ увесь у шерсти й рогы на йому порослы. Иде винъ дальше, дывыться, — друга яблуня, а на тій яблука трошки менчи. Винъ уже йисты хоче, колы-жъ бойиться. Не вытерпивъ, узявъ та одно ззивъ. Схотилось йому спать, винъ и заснувъ. Прокынувся, вставъ, зробывся такимъ молодцемъ, шо й въ свити нема кращого. И розибравъ, де слобода, шо це — знакомый лисъ, — уси ходы зна. Пишовъ винъ и нарвавъ яблукъ съ тыйи й съ тыйи яблуни. Понисъ, у городи продае ти яблука. Иде така чепурна дивчына. „Почому, — каже, — ци яблука?“ „Уци менчи по пъядесять рубливъ, а бильши — по сто рубливъ.“ Та дивчына купыла за пъядесять рубливъ и ззила й зробылась така гарна, вже й никуды бильше. А це та була менча сестра царивнына. Пишла додому, а та не пизнала та й каже: „Шо це ты стала така гарна, шо ты зробыла съ собою?“ „Э, — каже, — я була въ городи, тамъ одынъ продае таки яблука по пъядесять рубливъ, и я ззила одно, тамъ е въ його ше по сто рубливъ яблука, бильши, якъ-бы те ззила, то ше бь краща зробылась.“ Та й каже: „Пиды, купы мени за сто рубливъ.“ Та пишла, купыла йий за сто рубливъ; та ззила, — стало йий спать хотиться. Заснула вона. Прокынулась, — ажъ у нейи шерсть поросла. Зачалы воны шукать того, шо яблука продававъ; не найшлы; а винъ зробывся дохторомъ, купывъ соби пляшечокъ и ходыть по городу. Царь шука дохтора: „хто, — каже, — одробе мою дочку одъ цього, шо йий пороблено, тому

дарую половину царства.“ Винъ обизвався: „Я,—говоришь,—одроблю все такъ, шо ваша дочка буде здорова.“ Прывезлы його туды, дали йому окрему кимнату, винъ сказавъ йй: „На, йижъ це яблуко.“ Вона бойиться. „Я вже,—говоришь,—ззила одно, та ось бачышь шо зробылось.“ Винъ каже: „Йижъ!“ Вона ззила те яблуко, заснула. Устала,—ажъ така гарна стала, шо бильше й никуды. И стали вони тоди жыть, поживать и хлибъ жувать и по пидъ столомъ добро возыть постоломъ.

Отъ солдата Корня Олейника, Чигиринскаго у., записалъ В. Г. Кравченко. Мсззуйска, Вајки, № 5. Про курочку-рябушечку.—Манжура, 52, Дви доли.

184. ТРЫ ВРАТЫ Й ЦАРИВНА.

Жылы соби дидъ та баба, а въ йихъ та було тры сыны. Батько зъ матиррю жылы,—и дитямъ добре було, було шо кусать, а якъ стари повмиралы, то сыны дохазяйниувалысь до такого, шо въ хати й шматка хлиба не було; отъ и пишлы вони добувать соби йисты. Йшлы, йшлы и зайшлы у такый лисъ, шо й выйты звидты нйакъ не можна, а тамъ стояла земляночка. Увійшлы вони у ту земляночку, а тамъ такъ тепло! Скризь картыны поросклеювани, и кишка на печи гріється. Побулы вони въ хати, колы се прылитають тры голубкы, вдарылысь объ землю и стали дивыцями; а кишка злизла съ печи и зробылась старою бабою—то йихня мате. Полизла стара у пичъ, достала звидты страву и подала обидъ дочкамъ, та й тыхъ хлопцивъ клыче до йижы. Дали старша дочка й каже до старшого брата: „будешъ мени за мужа, чы за брата?“ — „Я не буду тоби за мужа, а буду тоби за брата.“ Середулшый братъ сказавъ, шо буде за брата другій сестри, а женытыся зъ нею

не схотивъ. Не схотивъ женытысь и менчый братъ, а сказавъ, шо й винъ буде за брата уже третій сестри.

Пожывъ старшый братъ мо зъ рикъ за брата й каже сестри: „вже мени треба женытыся, пиду.“ — „А хто жъ тоби выненъ? Ты мигъ бы й зо мною оженытыся.“ — „Э, ни, ты—сестра.“ Та сказала про цее матери; ну, мате й звелила: „пусты.“ Взяла вона його за руку, й вывела въ сины (той думавъ, шо вона бытыме його), дала йому палку й сказала, шобъ винъ, колы схоче йисты, ударывъ товщымъ кинцемъ и шо чого душа його забажа, то те й буде. Узявъ старшый братъ палыцю й пишовъ. Прыйшовъ верстовъ съ трыдцять, схотилосъ йому йисты, ударывъ винъ товстымъ кинцемъ объ землю, — десь узявся городъ и вйсько все йде та йде! Прыбига до його лакей, пыта: „шо треба?“ — „Васылю, каже, йисты хочу.“ Де взялося усе те: напытки, найдкы. Найився той до такого, шо вже не хоче; ударывъ тонкымъ кинцемъ объ землю, то заразы уже ничого того й не стало, усе поховалосъ. Ишовъ винъ та й ишовъ и дйшовъ до великого турецького города, — ставъ другый городъ, але вйська въ ньому вйська, — такъ и, Боже!... Невыдымый царъ забравъ турецький городъ и ставъ тамъ соби жыть.

Мынуло два годы, и середулшый братъ схотивъ иты одъ сестры. Сестра дала йому такого кошыка, шо якъ струснешъ, то грошей такъ и насыпется тоби повенъ мишокъ — скилькы хочешъ, та все золото. Прыйшовъ винъ у той городъ, де живъ його братъ, купывъ домъ, напысавъ на дверяхъ свою хвамилю й живе. Старшый братъ йихавъ та й прочытавъ на дверяхъ, шо тамъ живе його братъ.

Менчый проживъ съ сестрою тры годы, а оженытысь тежъ не оженився и сказавъ, шо отъ винъ хоче йты десь шукать соби жинку. Дала йому третя сестра шап-

ку невыдымку, шо якъ надинешъ, то ништо тебе не баче и ништо тоби ничого не вдіе. Попрошався й пишовъ соби, а надъ дорогою, баче, сыдыть дидъ, личе гроши й плаче. „Чого ты, диду, плачешъ?“ Пытае той. „Оце продавъ волы за сто рубливъ, пишовъ у крамныцю, шо́ъ розминять, а купецъ десять рубливъ не додавъ.“ Той ничого не сказавъ, пишовъ у крамныцю, надивъ шапку-невыдымку, дывыться,—крамарь личе гроши; на личе тысячу рубливъ и положе у ящыкъ, а той усе забира зъ ящыка. Купецъ дывується, шо никого нема, а гроши невидомо де диваються. Якъ набравъ той скільки йому схотилось, выйшовъ до дида и подарувавъ йому сто рубливъ. Дидъ бувъ дуже радый. Пишовъ той съ своею шапкою-невыдымкою дали; прыйшовъ у той городъ, де й браты його жылы. Сталы вони жыть соби втрюхъ.—Черезъ якийсь тамъ часъ почулы вони, шо въ царя е така дочка, шо ништо не обиграе ййи въ картахъ; отъ, середулшый узявъ свого кошыка, пишовъ туды и ставъ гратъ зъ царивною у карты. Пиде оце, натрусыть скільки тамъ йому треба грошей, та й зновъ програе, и такъ усе програвавъ. Царивна усе дывується,—де винъ може набратъ таку сылу грошей? Та й пидглядила черезъ двери и побачыла, шо то въ його такый кошыкъ е, и сказала наймычци, щобъ якъ винъ задывыться, такъ щобъ та поставыла йому другого кошыка, а його кошыка вкрала бъ; а щобъ той середулшый братъ задывывся, царивна сказала музыкамъ заграть. Музыкы загралы, той задывывся, а наймычка и переминыла кошыкы. Якъ той пишовъ трусыть гроши, та побачывъ, шо вже не той кошыкъ, то заразы пишовъ до старшого брата просыть палку, хоче царивну ту звоувать. Прышовъ до нейи съ палкою, але вона выхопыла у нього зъ рукъ, и такъ той zostався ни съ чымъ. Пишовъ до найменшого брата, узявъ шапку-невыдымку,

прыйшовъ до царивны, а вона обидала, винъ порозбывавъ усю посуду. Та́ заразъ догадалась, шо це винъ прыйшовъ до царивны, той самый, почала до його пидходить и такы зробыла такъ, шо винъ знявъ шапку и показався йй. Вона одняла у нього шапку, а його прогнала. „Пиду, дума винъ, до сестерь.“ Прыходьть, а вже землянки нема, а на тому мисти росте яблуня та груша и таки жъ то хороши яблука, шо й сказаты не можна! Вырвавъ яблуко, укусывъ, чуеть — ригъ росте; ззивъ винъ дрўге яблуко, а ригъ ще бильшый росте. Ззивъ винъ грушу, а ригъ такъ и одпавъ. Нарвавъ винъ яблукъ та грушъ и пишовъ у те царство, де царивна живе, и почавъ ти яблука продавать, а щобъ ништо тыхъ яблукъ не купывъ, кримъ царивны, то винъ праве по сто рубливъ за одно яблуко. Царивна побачыла, яки то хороши яблука продають, схотила соби купыть ажъ тры, се бъ то—соби, батькови й наймычци по одному. За тры яблука заплатыла трыста рубливъ, принесла додому, роздала усимъ, а сама перша укусыла, а за нею—наймычка, и почалы у ныхъ рогы росты таки вельки, шо ажъ на землю ййихъ повалыло. А батько баче, шо то съ тыхъ яблукъ выходе, самъ не куштуе вже, а наймае ликаривъ, шобъ выличылы дочку, але ништо ничого не мигъ подяты, бо дуже болило. Тоди царь баче, шо погано, розиславъ бомагу, чы не выличе хто? Той и озвавсь, каже: „можу.“ Почавъ винъ спершу личыть наймычку, але такъ, шобъ ништо не бачывъ. Далы йому окремну кимнату, а винъ и каже до наймычкы: „колы скажешъ, де шапка-невыдымка, палка и кошыкъ, то выличу.“ Отъ та й сказала, шо въ бани. Ну винъ и выличывъ наймычку, бо давъ ййй грушу ззисты. „Теперь,—каже винъ до царя,—шобъ выличыть вашу дочку, треба баню натопыть, то тамъ, у бани, можна ййи выличыть.“ Такъ и зробылы. Увйшовъ винъ

у баню, заразъ забравъ шапку-невыдымку, кошыка й палку, давъ царивни ззисты грушу, и ригъ у нейи одпавъ. Тоди царъ отдавъ за його дочку и половины царства.

Записалъ отъ Калашника, солдата, уроженца с. Лесекъ Черкаскаго уѣзда, В. Г. Кравченко.
См. № 183.

185. ЗАЯНЪ.

Бувъ соби багатый купецъ и винъ бувъ такый багатый, шо не знавъ скилкы въ його хазяйствѣ грошей есть. Винъ барышувавъ: купувавъ скотъ, выпасувавъ, продае. И де бѣ винъ далеко не забывсл, ну, ни до кого не просывся николы ночувать; ну, за те и самъ николы никого не пускавъ. Прыйихавъ додому винъ пидъ недилу и прыйшовъ до його одынъ старенькый чоловичокъ, просытьсѣ въ його ночувать. Тамъ стоявъ на воротяхъ вартовый, и черезъ нього старый просывся, а купецъ сказавъ: „пиды въ шыю його выжены!“ Дидъ удруге посыла: „пиды, попросы, може винъ оханетьсѣ, пустыть мене ночувать.“ Той говоре: „не треба!“ Тоди дидъ каже вартовому: „пиды, скажы купцеви, шо черезъ якый часъ винъ самъ буде просыты ночувать.“ И пишовъ дидъ, а купецъ надумавсь: „а може и справди шо поробыть?“ и давай шукать того дида. А то бувъ Богъ. Шукавъ купецъ, шукавъ ... не найшовъ. Черезъ якый часъ погорилы економійи въ купця. Було въ його трохы свойихъ грошенятъ, а трохы земли продавъ, давай зновъ економійи робыть. Тилькы спорядывъ економійи якъ слидъ, — воны зновъ погорилы. И винъ до того доробывсь, шо якъ усю землю продать, то не стане долгивъ оддать.

Этнограф. матеріалы, II.

17

Купецъ дождавъ вечера, узявъ жинку й дочку и втикъ съ того города, бо радъ хочъ зъ душею вырваться. А дочка жъ у його була така гарна, якъ то кажуть, „шо ни здумать, ни згадать, тикы въ казци сказать.“ Прийихавъ купецъ у другый городъ, найнявъ кватырю у бидного чоловика карбованцивъ за пивтора, а самъ ставъ за босяка, на поденну; то винъ наймавъ робочыхъ, а теперь самъ наймається: де заробыть пъять копійокъ, а де десять. Заробывъ десять копійокъ, купывъ хлибыну, принисъ додому и ззилы утрьохъ; вранци зновъ пишовъ рубать дрова. Рубавъ въ одного жыда и дума, якъ то винъ гарно живъ, а якъ теперь прыходыться йому вика доживать? Сивъ та й плаче: „дома було въ мене дочка до сьомойи годыны ранку чаю напивається зъ бильымъ хлибомъ, а теперь днивъ по тры й чорного шматка хлиба не бачыть.“ Другый купецъ почувъ, шо робочый такъ балака, прыходыть до його й говорыть: „шо ты, -- говорыть, — балакавъ?“ „А хыба тоби поможе шо, якъ я роскажу?“ Ну, а все такы росказавъ про свое горе. „На жъ тоби, — той говоре, — пшеньшного борошна, на тоби сто рубливъ грошей и коня и йидь ты додому, а я прыйиду до тебе въ гостя.“ А йому не въ гостя, а хоче винъ очыма своймы побачыть, яка въ того дочка. Прийихавъ той додому, привизъ борошно, давъ гроши и сказавъ, шо прыйиде до його въ гостя такый багатый купецъ. Та жинка пишла на базаръ, накупыла всього, чого вже йий було треба. Прийихавъ той купецъ, пылы воны, гулялы, а купецъ и пытае: „Оддасте за мене свою дочку?“ „Та мы бъ и радниши, колы вона сама хоче.“ Спыталы ййи, а вона сказала, шо не пиде. И скилькы воны ййи не вговорялы, ну, вона сказала, шо не хочъ. Пойихавъ купецъ зъ гарбузомъ додому. Цей мужыкъ, шо бувъ купцемъ, живе надъ дорогою, сама крайня хата съ краю. А царъ та вертався съ

свого царства и потрапывъ до того мужыка: попросивсь у його ночувать у хату. „Та я бь,—каже мужыкъ,—упустывъ васъ у хату, ну, въ мене ничего й послать,“—говорыть. „Въ насъ,—каже царь,—е своя така одежда, шобъ укрываться.“ Давъ винъ кучерови, шобъ той збигавъ на базарь и купывъ одіяль й усякойи одежи. Царь увійшовъ у хату у вольній одежи, а якъ побачывъ, що у того мужыка така гарна дочка, то звеливъ унёсты зъ надвору, зъ хваетона, царську одежу. Удився и ставъ свататы ту дивчыну, шо була въ того мужыка,—такъ вона йому вподобалась. Царь зробывъ батька ййи такимъ же купцемъ, якъ той и бувъ, а зъ нею оженывся.

Жылы вони, ничего Бога гнивыть, добре, тилькы те горенько,—дтей у ныхъ нема. Одного разу прыснывся цареви сонъ: „якъ бы ты,—каже,—выкопавъ у лиси яблуньку, посадивъ у себе передъ рундукомъ и самъ бы доты ййи поливавъ, докы поростуть на ййи яблчка, и тоди шобъ ты струхнувъ ти яблчка, и скилькы йихъ упаде на землю, стилькы у тебе дтей буде, и шобъ ты подилывся тымы яблчкамы зъ жинкою.“ Царь такъ и зробывъ. На другый, чы на третій день та яблуня вже й зацвила, а писля цвиту—такого яблукъ на ййи стало, шо й сказаты не можна. Поспили ти яблчка, а царь прыйшовъ трусыть йихъ, та якъ глянувъ та й каже: „тутъ такого яблчокъ, шо якъ струхну, и якъ тилькы вони вси попадають, и колы въ мене стилькы дтей буде, то я и не радъ буду. Дай,—каже,—струхну помаленьку, може йихъ симъ-висимъ упаде; ну, тоди йихъ все жъ не такъ багато буде.“ Струхнувъ винъ, а йихъ усього двое тилькы й упало. Винъ покы сюды туды налагодывсь йихъ брать, а прыбигъ заецъ, ухватывъ одно яблчко й побигъ. Шо його робыть? Шукать—нема. Узывъ те одно яблчко, однисъ у

хату, самъ пишовъ на двиръ, забравъ салдатовъ и пишовъ того зайця шукать. Шукавъ, шукавъ, не найшовъ. Прыйшовъ додому, розризавъ яблучко на двое, давъ половины жинци, а другу половины самъ иззивъ. Полягалы воны спать, и цареви прыснлось, шо народыться въ його дытя, такъ шобъ до п'ятнадцаты литъ держать те дытя такъ, шобъ никого воно не бачыло, а то воно заразы пропаде.

У того царя бувъ садовникъ, шо винъ може литъ зъ трыдцять робе у його въ саду. Ходывъ садовникъ по саду и найшовъ те яблучко, шо зайчыкъ загубывъ, прынисъ додому, розризавъ на двое, половынку самъ иззивъ, а другу 'ддавъ жинци. Полягалы спать и садовныкови прыснлось: „твоя жинка родыть сына, и йому имья буде Зяянь, и шобъ кормылы його у такому мисти, шобъ ниhto не бачывъ, а колы винъ кого побачыть, то велька беда буде.“ Ну, и народылася у царя дочка, а въ садовника сынъ. Садовникъ кормывъ сына у такому мисти, шо никого винъ не бачывъ. И росте той сынъ не по дняхъ, а по часахъ, не по часахъ, а по сикунтахъ; за килька хвылынъ такый ставъ, наче йому литъ зъ двадцать. Иде батько въ садъ, просыться й сынъ зъ нымъ погулять. Ходывъ зъ батькомъ, гулявъ, розглядавъ; побачывъ на дереви гнздо й каже батькови: „дозвольте мени полізты на те деревце и выдерты птычѣнята, — я буду нумы гратся.“ Батько думавъ, шо винъ у цѣому жадѣнь, дозволывъ йому подывыться на ти птычѣнята. А йому не такъ на ти птычѣнята, а хоче черезъ ограду подывыться, шо воно тамъ е таке, „бо не може жъ буты, шобъ никого, кримъ насъ, не було на свити,“ дума винъ. Вылизъ на те дерево та якъ глянувъ черезъ ограду, то й побачывъ: хаты, млыны, церкви й усе... И забажалось йому утикты одъ батька, бо що жъ його й за жыття, колы запертого

держать? Якъ вылизъ винъ на дерево, а царська дочка й побачыла у те малесеньке виконце, шо було въ ййи комнатци зроблене, (бо якъ бы ййи зробылы вельке виконце, то вона усе бачыла бѣ). Вона николы не бачыла людей, а тутъ побачыла такого гарненького хлопчыка, шо й сказаты не можна. И зробылось зъ нею такъ, шо вона вже ничего й не знае, якъ дурна неначе. Царъ бачыть, шо дило погане, прыходыть до садовныка й говорыть: „чы твѣй сынъ не ходывъ по саду?“ „Ходывъ,“ — каже. „Ну, моя дочка бачыла його и зробылась такъ, якъ неначе немощенна и ничего не знае, якъ дурна.“ Почавъ царъ шукать такую бабу, шобъ выличыла ту царську дочку. Ну, найшлы одну такую бабу, шо знае, и вона сказала: „якъ вы справди знаете, шо вона одъ того захворала, то вы якъ прыйдете додому, то, якъ цей хлопчыкъ засне, прыведить ййи до його, шобъ вона його побачыла сонного, шобъ винъ ййи не бачывъ.“ Сказавъ садовныкови царъ про це. Напойивъ и нагодувавъ сына садовныкъ, шобъ винъ крѣпко заснувъ и не бачывъ того ничего. Царъ надѣю мае, шо дочка його одужае, колы жъ Заянъ не такъ думае. Положылы його спать, и батько його думае йты у садъ, а сынъ уставъ и помаленьку за нымъ и въ хвиртку и втикъ такъ, шо його батько й не бачывъ. Царъ прывивъ свою дочку, а садовныкового сына вже немае. Думавъ царъ, шо садовнычка сховала сына; почалы шукать,—не найшлы; а черезъ який часъ и дочка царська вмерла и не очуствовалась вона до самойи смерты.

А Заянъ якъ пишовъ, то пишовъ блукать, бо не бачывъ свиту и не знае винъ, куды йому диться; ходывъ, ходывъ, найшовъ ричку и лигъ тамъ пидъ купыною; лигъ и спыть. Йихалы матросы кораблемъ, побачылы його на берези, шо спыть, и кажуть: „подывымось, шо воно таке спыть?“ Подывылысь,—ажъ хлопчыкъ, и такой гарный, шо й сказаты

не можна! „Визьмемъ цюго хлопчыка и завеземъ у такую землю, шо купують тамъ такихъ чепурныхъ людей; тамъ у насъ його куплють.“ Продалы воны того хлопчыка одному багатому купцеви и взялы за його може съ тысячу рубливъ. И цей хлопчыкъ бувъ у того купця тры годы. Жывъ, жывъ хлопецъ и надумавъ, шо дома усе жъ такы краще, якъ тутъ. Лигъ винъ спать, а йому й прыснлось: „якъ устанешъ,—каже,—то пидешъ у лись, найдешъ тамъ таке зилля, запалышъ його й куды дымъ итыме, то туды й ты соби йды.“ Вранци наравъ винъ того зилля, запалывъ його, ставъ иты, а воно такъ и несе його, шо винъ летыть, якъ бджола або муха. Прыбигъ винъ у свій городъ, купывъ кучерську одезу й батижка и ходе по базарю, ляскае тымъ батижкомъ; а батько його йшовъ на базарь и зостривъ, дывыться—наче щось знакове. Ставъ його роспытувать; а той довго не прызнавався и такы прызнався: „я,—каже,—вамъ сынъ.“ Прыйшлы воны додому, царь його побачывъ, узывъ його за ридного сына, оженывъ його и стали воны жыть да поживать, да добра наживать. Отъ солдата Коробки, изъ Чигиринскаго уѣзда, записалъ В. Г. Кравченко

186. ПРО ЦАРСЬЕГО СЫНА.

Жывъ соби царь и цариця, и въ йихъ бувъ коваль и ковалыха. Завелась ковалыха зъ царицею лаяться; а въ царици въ животи дытына и каже: „сука зъ сукою завелась лаяться.“ Цариця на його росердылась и говорыть: „стрывай же, я тебе вылуплю и тоди тебе ззимъ!“ Вылупыла вона ту дытыну и послала до коваля, и говорыть: „На оцю дытыну, зарижъ и зжарь, и прынесы,—я ззимъ.“ Коваль узывъ ту дытыну, положывъ на земли, сивъ коло лавы, ножа гострыть; а та дытына маленька

лежала на земли, а потимъ устала и ходить по хати и говорить: „Татку, татку, на шо вы ножа гострыте?“ — „Казала мате тебе ризать.“ — „Знаете вы шо? не рижте мене, я вамъ у великій прыгоди стану.“ Той коваль говорить: „А шо жъ,—говорить, теперь я бъ тебе раднійший не ризать, такъ тебе цариця прынесла до мене и дала мени, шобъ я тебе заризавъ, и зжарывъ, и понисъ,—вона тебе ззистъ.“ Той хлопчыкъ и говорить: „Пидить вы у великій хливъ, тамъ навела хортыця хортенятъ, выберить вы найлучче цуценя, зарижте його и зжарьте, и замистъ мене однесете, а я дамъ палчыка одризовать на знакъ.“ Той коваль послухавъ його, пишовъ, узявъ цуценя, заризавъ и зжарывъ, а хлопецъ давъ палчыка одризовать, и цъого палчыка зжарывъ зъ цуценямъ и говорить: „несить же вы це мнясо и якъ увийдете до царя у двери и крыкнете: „Ой, рятуйте мене!“ — до васъ избижаться собаки, и вы це мнясо зъ цуценяты кынете собаци, а палчыка мого въ рукахъ держить. Выйде цариця и крыкне: „Што такое, коваль, робышь?“ — „А отъ, говорытымешъ, що: собаки мнясо витнялы, зостався тикы одынъ палчыкъ.“ — Коваль понисъ те мнясо, увийшовъ у двиръ, крыкнувъ: „Ой, рятуйте!“ Собаки збиглысь, кынувъ винъ те мнясо, наче собаки його витнялы, а палчыка въ рукахъ держыть. Тутъ цариця выскакуе: „Шо ты, коваль, дѣлаешъ?“ — „А отъ шо,—говорить,—собаки мнясо витнялы, тилькы одынъ палчыкъ и зостався.“ Вона взяла той палчыкъ и ззила. Тутъ царъ выходе и каже: „Здоровъ, ковалю!“ Той поздоровкався до його. „Чого ты до мене прыйшовъ?“ Якъ тому не можна було хвалыться, шо винъ хлопчыка заризавъ, говорить: „Я самъ не знаю, ваше инператорське велычество, чого я до васъ прыйшовъ.“ — „Такъ отъ,—говорить,—колы ты не знаешъ, такъ отъ я дамъ тоби покуту: на тоби быка и назбирай зъ цъого быка сыра й масла.“ Узявъ винъ

того быка, прививъ додому, привъязавъ коло яселъ, увійшовъ у хату, сивъ за столомъ и журыться. Той хлопчыкъ и каже: „Татку, татку, чого вы журытесь?“ — „А отъ чого, — говорыть, — сыну: давъ царь быка, шобъ я зъ цього быка назбиравъ сыра й масла, а якъ не назбираю — такъ його мичъ, а моя голова съ пличъ.“ — „Не журыться, тату! Запрягайте вы кони, берить вы воды и берить вы дровъ, и берить лопаточку, сирныкивъ визьмить и поганяйте на таку то дорогу, и выкопаете кабычку, наготовыте горохъ и будете варыть. Туды царь буде йихать дорогою и винъ спытае васъ: „шо вы робыте?“ То вы кажить: „горохъ варю!“ А винъ скаже: „на шо?“ То вы кажить: „сіять.“ Винъ скаже: „який дурень вареный горохъ сіе?“ То вы скажить: „який дурень зъ быка сыръ та масло збирае?“ Коваль такъ и зробывъ, якъ казавъ йому той хлопчыкъ. — Йиде царь и пыта: „Шо такее, ковалю робышъ?“ — „Горохъ варю.“ — „На шо?“ — „Сіять,“ говорыть. — „Який дурень вареный горохъ сіе?“ А коваль каже: „А який дурень зъ быка сыръ та масло збирае?“ — „А, — говорыть царь, — догадавсь! Иды ты додому и шобъ ты жъ до мене и прыйихавъ, и прыйшовъ заразомъ.“ Той прыйихавъ додому, сивъ за столомъ и журыться, а хлопчыкъ и каже: „Татку, татку, чого вы журытесь?“ — „Якъ мени, — говорыть, не журыться: сказавъ царь, шобъ я до його прыйихавъ и прыйшовъ заразомъ.“ — „Не журыться, — говорыть, — запрягайте вы коней и ставайте однію ногою на ступеньку, а однёю йдигъ по земли, шобъ иты й йихать заразомъ.“ Запригъ винъ кони и зробывъ такъ, якъ йому хлопчыкъ сказавъ. Прыходе и прыйизжае винъ у двиръ до царя, а царь и побачывъ його: „Ну, — говорыть, — догадавсь! йидь же ты додому и шобъ ты мени прынись гостыньця й не гостыньця“. Прыихавъ винъ додому, сивъ за столомъ и журыться. Хлопчыкъ бига по хати и

говорить: „Татку, татку, чога вы журытеся?“— „Загадавъ царь загадку таку: шобъ я йому прынисъ гостынца й не гостынця,—а колы не прынесешъ, говорывъ, такъ мій мичъ, говорывъ а твоя голова съ пличъ.“ Той хлопчыкъ и говорывъ: „Не журытеся тату: берить вы ситку та йдить вы въ лисъ и піймаете курипку. А вы, мамо, спечить булку.“ Коваль узявъ ситку, пишовъ у лисъ и піймавъ тамъ курипку, а ковалька спекла булку. Хлопчыкъ и говорывъ: „Несить же вы, тату, теперъ до його, викна будутъ поодчыняти,—дасте вы йому булку, а курипку будете давать, та давайте такъ, шобъ вона попала не до рукъ його, а у викно вылетела.“ Коваль такъ и зробывъ: давъ йому булку, а курипку ставъ давать, а вона й полетела у викно. Такъ йому булка — гостынецъ, а курипка—не гостынецъ. Тоди царь зновъ говорывъ: „Эхъ, говорывъ, догадавсь! Кто жъ тебе такъ учыть?“ А той коваль говорывъ: „У мене есть сынъ.“ А царь самъ соби дума: „Ну, де жъ бы винъ узявъ соби сына? Це мабуть мій сынъ.“ Царь говорывъ: „Йидь же ты додому, а я завтра прыйиду сына пизнаваты.“ Винъ прыйихавъ додому, сивъ за столъ и журытеся. Той хлопчыкъ бига по хати и говорывъ: „Татку, татку, чога вы журытеся?“— „Якъ мени не журытеся, якъ завтра царь прыйиде тебе пизнавать? Теперъ де хочъ, тамъ и дивайсь.“ Той хлопчыкъ изнявъ и пишовъ свить за очи.

Выйшовъ винъ у степъ, дывытеся, у степу вербы, ставъ; коло того ставу хатки, жывуть люды. Коло ставу диты маленьки граються. Винъ соби пишовъ до тыхъ дитей та й граеться. Гулялы вони одынъ день и другый день, а въ ставу у води жабы крюкають. Той хлопчыкъ и каже: „Давайте, хлопци,—одъ кого ци жабы замовкнутъ, той буде царемъ надъ нами.“ Ти хлопци кажуть: „Давайте!“ Крычалы ти хлопци вси: „Цытьте,

жабы, мовчить, жабы!“ Воны такы крюкають; а той хлопчыкъ у самому пѣсли якъ крыкне: „Цытьте, жабы, не лящитъ!“ Воны, такъ якъ одна, умовкы. Тоди вже той хлопчыкъ надъ нымы царемъ. Гулялы воны писля того первый вечеръ, и давъ винъ йимъ по паличци замисто коня. На другый день по другий паличци давъ (уже въ йихъ по пари коней). На третій день повыходылы, а одынъ хлопчыкъ и прыходе хвалыться до свого царя, до хлопчыка до того (винъ, цей хлопчыкъ, царь нехрещеный, такъ на його й имня нема), говорыть: „Такий то вкравъ у мене коня, то въ його тры коня, а въ мене одынъ“ (одна палка). Такъ царь и звеливъ того хлопчыка повисыть. Повисылы того хлопчыка, и той царыкъ пишовъ свитъ зѣ очи. Сталы того хлопчыка шукать царь и царыця, коваль и ковалька; шукалы воны його по всьому свиту,—не найдуть нѣякъ. Царь исправывъ золотый плугъ и нарядывъ салдатовъ: „Везить,—каже царь,—по всьому свитови; хто цьому плугови цину складе, той—мій сынъ.“ Ну отъ, робочи салдаты повезлы того плуга по всьому свиту. Кого не спытаються, то все кажуть: „хто його зна, шо воно стойить золотый плугъ?“ Йдуть слободою, сыдыть хлопчыкъ пидъ лисою й держыть шкурынку й йистъ ййи. „Здоровъ, хлопчыку!“ кажуть воны. Винъ поздоровкався, а воны й пытають: „Шо цей плугъ стѣйить?“ А винъ йимъ каже: „Винъ и оцїи шкурынки не стойить.“ И то де хто шо не скаже, такъ воны все запысують и того хлопчыка запысалы, шо такъ сказавъ, и пойихалы. Прыийжджають до царя, далы йому ту бомагу, шо запысувалы. Прочытавъ царь и дочытавъ до того хлопчыка, шо сказавъ цьому плугови цину. Царь давай тоди лаять тыхъ москаливъ, шо возылы плугъ. „Це жъ мій сынъ и е, шо сказавъ вамъ, шо плугъ золотый и шкурынки хлиба не стойить. Теперъ же я знаю, шо мы такъ його не спїймаемо,—давай же справымо убидъ на весь свитъ.“ Винъ спра-

вывъ той убидъ и зизвавъ зъ усього свита людей,— слипи, криви, усяки калики, шобъ уси булы тамъ на убиди. Поробывъ йимъ ложки зъ аршинъ завдовжки й кожному привъяже те держално ажъ у трьохъ мистяхъ, шобъ йому ніякъ було изигнуть руки. Поналывалы йимъ у мыскы й посажалы. Нихто не прыбере способу, якъ нымы йисты. А хлопчыкъ сыдыть та й каже до другого: „Давай ты мени, а я тоби.“ Царь бувъ у другому кинци й покы добигъ сюды, то тутъ уже повыйидалы. Ничого робыть, и не впизнавъ сына.

Той хлопецъ пишовъ у чужу землю й вырисъ тамъ, и уженывся и наживъ соби тры полка салдатовъ. И живъ винъ може годъ п'ять, а потимъ змій укравъ у його жинку; винъ сылно зажурывсь и пишовъ у чужу землю жинку шукать. Ходывъ винъ тамъ и найшовъ тамъ такый домъ, шо й у нашому царстви нема такого дома; дывыться, жинка його сыдыть у цьому доми. Вона сылно зрадила й говорыть: „Де ты въ Бога взявся? Черезъ тры минути прылеть дванадцятывглавный змій и ззистъ тебе.“ Винъ якъ ишовъ изъ своейи земли, то взявъ трошкы земли у платокъ, говорыть: „хочъ де прыйдеться помирать, то я розгорну цю землю на платочку, ляжу на нейи й никого не буду бояться.“ И взявъ сребрану трубу съ собою й сказавъ свойимъ полкамъ: „якъ я заграю первый разъ, такъ пидходъ билый полкъ; якъ заграю другой разъ, такъ пидходъ червоный полкъ; заграю третій разъ — пидходъ чорный полкъ.“ Якъ найшовъ винъ свою жинку, вона й говорыть: „Де жъ я тебе дину теперь?“ Въ нейи була велька скрыня, вона й положила його въ цю скрыню; а въ цій скрыни — скляне вико. Якъ лягавъ винъ у тій скрыни, платокъ розъязавъ, землю розгорнувъ и лигъ на нейи. Прылитае дванадцятывголовный змій: „Ху, говорыть, русская кость смердыть!“ „Та ето,— говорыть жона, — вы, душинька по Росейи литалы, русь-

кого й духу напахалысь.“ Говорыть на нейи: „Давай убидать!“ Вона дала, винъ йисть. Вона йому каже: „Шобъ мы робылы, якъ бы чоловикъ мій прежній прыйшовъ, або братъ?“ „Шо бъ же мы робылы? Пылы бъ та гулялы.“ Вона цьому зрадила, шо винъ такъ сказавъ, думаеть, шо такъ и буде. — „Отъ, говорыть, мій мужъ прыйшовъ, теперъ винъ у скрыни.“ Змій выскочывъ изъ за столу и каже: „Што ты на мойй земли лежышь?“ А той йому й говоре: „Брешешъ, зла лычына, я на своййй земли лежу.“ Змій подывывсь,—ажъ такъ, на своййй земли лежыть. Заставывъ змій свойихъ слугивъ, шобъ поставылы у поли шыбеныцю. Ти пойихалы, зробылы шыбеныцю, вернулысь назадъ и говорять: „Готово вже!“ Запряглы кони й то його везты до шыбеныци, повисыть хотять. И зъязалы йому ноги. Йидуть вони до шыбеныци, а винъ и говорыть тому змиеви: „Царъ помиравъ—у трубу загрававъ: позвольте й мени заграть!“ Той говорыть: „Заграй!“—Винъ загравъ. Дывыться—бильй полкъ наступае, а жинка його побачыла та й каже змиеви: „Отъ, душинька, дывысь, уже била хмара наступае.“ Пидйихалы вони ще трохы, а той зновъ каже: „Царъ помиравъ—у трубу загрававъ: позволь и мени заграть!“ Загравъ винъ и другый разъ, дывыться,—червоный полкъ наступае. А жинка його побачыла та й говорыть до змія: „Отъ, душинька, красна хмара наступайить.“ Пидйихалы вони ще трохы, той упъять говорыть: „Царъ помиравъ—у трубу загрававъ: позволь и мени заграть!“ Загравъ винъ и на цей разъ, дывыться—чорный полкъ наступае. Жинка побачыла й говорыть до змія: „Смотрить, душинька, чорна хмара наступайить, ще насъ дощъ намочыть.“ Змій довозыть його до шыбеныци, и ци тры полка прыбиглы тудыжъ, до шыбеныци. А винъ тежъ багатырь бувъ, и тры полка салдатывъ, и вони повисылы змія на цій шыбеныци. Тоди

забравъ свойихъ салдатовъ, а жинку не взявъ, а пови-
сывъ умисти зъ зміемъ, бо якъ йихалы вони до шы-
беныци, то вона вже прежнього свого чоловіка щита-
ла якъ за собаку, а лынула до змія. — Оженився винъ
у свойій земли и ставъ жыть, поживать и хлиба на-
живать, и я тамъ бувъ, медъ, выно пывъ, по бороди
текло и въ роти не було.

Отъ солдата Корнѣя Олейника, изъ Чигиринскаго уѣзда, записалъ В. Г.
Кравченко.

Въ сказкѣ этой сведены мотивы, разрабатываемые въ легендахъ
о премудромъ Соломонѣ и въ сказкѣ о мудрой дѣвѣ. О премудромъ
Соломонѣ см.: Малор. пред., 98—108, № № 10—15.—Гринченко, I. №
97. Жыть и слово, томъ I, 139—140; томъ II, 352—353. О мудрой
дѣвѣ см. № 189 этой книги, гдѣ указана литература.

187. СЕМЫЛИТОВЪ.

Жыла вдова, у нейи бувъ сынъ и йому було вже
симъ литъ, а винъ не ходывъ ногамы, тилько пойдавъ
изъ семы коривъ молоко та що дня зйидавъ по семы
хлиба. Одного разу пишла мате у поле, а сынъ зостався
дома; прыходыть до його дидуганъ и говорыть: „вид-
чыны!“ — „Мени не можна встать, — я не хожу ногамы.“
— „Уставай, — каже дидъ, — иды, видчыны!“ Той уставъ,
пишовъ, одчынывъ и съ того часу уже почавъ ходыть
ногамы и пишовъ винъ коривъ дойти, и поодрывавъ
усимъ коровамъ дѣйки. Прыходыть додому мате,
винъ и хвалытьсѣ йій, шо отъ — поодрывавъ коровамъ
дѣйки. Мате не лаяла його за те. „Хвала Богу, — каже,
— шо ты хочъ хочъ самъ уставъ, та ходышъ теперь.“

Баче семылитокъ, шо въ пана молотныкы молотять,
забажалось йому питы подывытысь, якъ то тамъ люде
молотять. Прышовъ и говоре: „Дайте мени ципъ, — мо-
лотыть буду.“ — „Куды, — кажуть, — тоби молотыть? ты

ще малый.“ Воны не давали йому, а винъ такы выпросывъ. Такъ винъ якъ махнувъ ципомъ, то воны тилькы й заглянули, шо полетивъ ципъ угору. Справывъ винъ соби зализный ципъ такый, шо сорокъ пудъ того ципа було; такъ винъ самъ у день змолочувавъ бильше, якъ десять чоловіка. Вынесли йому одного хлиба поспидать, то винъ и каже: „шо-жъ це вы мени вынесли?“ Почалы йому ще выносыть хлибъ, такъ винъ не багато ззивъ — пъяннадцатеро хлиба. Потимъ прыйшовъ винъ додому, кынувъ ципъ той коло хаты, увійшовъ у хату, а мате й пита: „дежъ ты, мій сынку, дивъ ципа?“ — „Пидъ хатою.“ — „Пиду жъ, заховаю,“ — каже мате. Выйшла, взялась, — колы й не зворухне його й зъ мисця. — Не далеко одъ тыйи слободы бувъ лисъ, а тамъ, у тому лиси, на дванадцятьохъ дубахъ було змйове гнздо; винъ тамъ живъ и своимъ свыстомъ за сорокъ верстовъ людей побывавъ. Ну, змй знавъ, шо той Семылитокъ стребыть його, и почавъ пидходыты до Семылитковойи матери, шобъ вона вбыла сына. „Якъ можна буде убыть твого сына, то я награжу тебе гришмы й усымъ.“ — „Можна, — каже, — та не знаю якъ.“ Такъ той сказавъ йй: „Якъ я визнаю, шо твій сынъ пойиде де, то прыйиду й сховаюсь у тебе; а якъ винъ вернется, то ты скажы: а ну, сыну, дай я тоби хусткою руки зъяжу, чы перервешъ! Колы перерве, — зъяжешъ другимъ, третимъ; а якъ не перерве, то вже тоди я упораюсь зъ нымъ.“ Отъ мате такъ и зробыла. Зъязала мате сынови однимъ платкомъ руки, — порвавъ, другый порвавъ, та вже ажъ четвертого, шовкового, не порвавъ; тоди змй узывъ, порубавъ його на шматочки, положывъ ти шматочки у хустку й привъязавъ тому коневу, шо фыздывъ Семылитокъ, до шыйи и пустывъ коня у поле. А Семылитокъ, якъ йыздывъ, десь назнавъ соби сестру; кинь той и пойихавъ до нейи; а сестра якъ побачыла коня, то й каже: „оце братъ гостынця везе.“ Одъязала хус-

тыну,—а тамъ братове тило посичене. Взяла, покропыла здоровушою водою, нарешти живушою,—винъ исцѣлывся и оживъ, а тоди вже зновъ вернувся до свейи матери й каже: „Мате моя ридная, за що ты мене була съ свита зигнала,—або жъ хочъ не ты, а змій?“—Тоди Семылитокъ побидывъ того змія, а матиръ,—знайшовъ нору, укынувъ ййи туды; давъ йй семеро хлиба й каже: „ты на день давала мени по семеро хлиба, а я даю тоби семеро хлиба на весь твй викъ,—буде съ тебе!“ Тоди зновъ пойхавъ до своейи сестры, ставъ уже съ сестроу жыть.

Записалъ отъ солдата, уроженца с. Лесекъ Черкаскаго уѣзда, В. Г. Кравченко.

Пересказъ по русски друго варианта этой сказки помѣстилъ въ газетѣ «Новости» за 1889 г. г. Эварницкій, а оттуда пересказъ этого перепечатанъ въ № 659 «Кіевск. Слова» за 1889 г. въ фельетонѣ: «Илья Муромецъ въ пересказѣ малороссійскаго слѣпца». Конецъ нашей сказки разрабатываетъ мотивъ о матери предательницѣ. Варианты этого мотива: Kolberg, Rokucie, IV, № 17, Побѣдитель змѣевъ.—Манжура, 33—39.—Записки о южной Руси Кулища, II, 48—57.—Гринченко, I. №№ 157—158.—Чубинскій, II, 285—290, № 75.

188. ГОЛЫЙ БУЧЕРЬ.

Булы чоловікъ та жинка, малы вони п'ять синивъ; а якъ мате вмерла, то батько оженився зъ иншою. Мачуха незнавидила дитей и стала казати чоловікови, щобъ винъ йихъ порозгонивъ. Диты й сами поросходылысь — той туды, а той туды; а одному прыйшло на службу йты, у москали; служывъ винъ у пана за денщика. Черезъ який часъ батько прыпысавъ зъ дому до сына, щобъ той прыйхавъ додому у гостя. Панъ дозволивъ йому запрягты свою коняку и пойхаты до батька. Зайхавъ винъ у одну слободу до багатаго мужыка на ничъ. Кони

у мужыка добри, колы жъ сынамъ того мужыка понаравывся москаливъ кинь; стали воны казать: „москалю, проминяй намъ або продай своего коня.“ Салдатъ побоявся минять або продавать коня, — уставъ удосвита, запригъ коня и пойихавъ. Тутъ того сыны у хливъ, а тамъ высить голый чоловикъ — повишенный. Сыны того мужыка одризалы бечивку, що на йй высивъ голый, а той голый якъ упавъ, якъ схопывся, давай доганяты москаля. Догнавъ. „Давай, — каже, — буду твого коня поганяты — буду въ тебе за хурмана.“ — Йидуть. На другу ничъ прыйихалы у якесь село; бачуть люде, шо хурманъ голый, — бояться; а одынъ багатый мужыкъ вынисъ йому одежу: „на, — каже, — одягнысь.“ Такъ той не хоче вдягаться, а одежу оддае москалеви: „я, — говорыты, — буду голый, а якъ прыйидемъ до твого батька, то ты знимы свою московську одежу и виддай мени, и ты не йды въ хату, а пиду я за тебе, бо якъ ты въ хати ляжешъ спать, то тебе мачуха зариче, на те вона тебе й вытребувала.“ — Голый кучеръ якъ лигъ спать, мачуха й хотила його заризать, колы жъ то бувъ волошебныкъ, — и вже винъ мачуху заризавъ. — Пойихалы воны назадъ, на службу. Дорогою голый кучеръ и каже: „може ты, москалю, одружытыся хочъ? Я тебе оженю.“ Було у голого кучеря тры сестры, прививъ винъ йихъ до москаля и сказавъ: „сватай яку хочъ!“ — Салдатъ не понаравывся йимъ, а тутъ братъ каже, шобъ ишла котра. „Якъ подаруе який дарунокъ кращый нижъ у насъ е, то пиде за нього старша.“ Якъ у йихъ батька бувъ золотый чубъ и борода золота, то воны й порадылысь: „выпросымо въ батька зо дви або зо тры волосынкы зъ золотойи борода и зъ золотого чуба, такъ винъ ниде не добуде такого.“ Воны жылы наризно одъ батька, такъ старша зробылася качкою, полетила до батька; а братъ знавъ те, зробывся жукомъ, учепывсь йй за хвистъ и

разомъ зъ нею прылетивъ до батька. Прылетила вона до батька й просыть: „Дай мени, мій батьку ридный, вырвать по тры волосынкы зъ бороды та зъ чупрыны!“ Почала вона рвать, а жукъ якъ ухватыть батька за бороду та за чуба, то й вырвавъ трохи не все волосся, але ни батько, ни сестра не бачать жука. „Що це ты мени робышь?“ — каже батько до дочки, — „такъ дуже сипаешь, шо я й не вытрымаю!“ Ставъ ййи лаять, а вона й говорыть: „я всего тилькы й вырвала шистъ волосынъ.“ Впгъять же зробылась качкою, прылетила до свойихъ сестеръ, а братъ упгъять же зъ нею прылетивъ и отдавъ золоте волосся тому москалеви и навчывъ: „якъ будутъ мойи сестры просыть у тебе подарунка, то скажы, хай воны перше свойи подарункы покажуть; воны покажуть шистъ золотыхъ волосынъ, то ты скажы, шо въ тебе ось повна жменя, и шо такого волосся въ тебе росте цила ныва.“ — Ничого йимъ було робыть—братъ якъ зачавъ прысоглашать, якъ зачавъ прысоглашать, и отдавъ за москаля старшу сестру.

Записаль отъ солдата Калашника, уроженца с. Лесекъ Черкаскаго уѣзда,
В. Г. Кравченко.

189. МУДРА ДИВЧЫНА.

Десь, въ одному сели, жылы соби чоловикъ та жинка. Була у ныхъ дочка-одынычка, дивчына пидлитокъ, та така клепана на языкъ, гостра та розумна, що хочъ бы й кому не попустыть, хочъ кому носа втре. Все на сели звалы ййи за се „бидовою.“ Сповнылось ййи висимнадцять рокивъ,—дивка стала на пори. Батько й маты чекають уже старостивъ. Одного разу старыхъ десь дома не було, прыходять до нейи старосты. Отъ, по-

здоровкалысь вони зъ дивкою, поклалы хлибъ на столи, а самы посидалы соби на лави. Почалы балакаты зъ дивкою й оповистылы йй, чого прыйшлы. „Що жъ,— каже дивка,— теперъ немае дома ни батька, ни матери, и я вамъ не можу сказаты чы такъ, чы инакъ; краще прыйдете инчимъ часомъ, якъ будуть стари дома.“ Старосты потерлысь, помъялысь, а съ хаты не йдутъ, мовъ ще чого ждуть. Тоди дивка й пытае: „вы, люде добри, зъ дороги, голодни, певно,— чы не перекусылы бъ чого хочъ трохы?“ — „Одъ хлиба й солы не будемо одмовлятысь,“ —сказавъ одынъ староста.— „Дасы-- перекусымо й спасыби скажемо, а не дасы—воля твоя.“ — „То й гараздъ!“ — каже дивка: „а чого жъ вамъ подаваты: чы одбутного, чы прыбутного, а чы того, що вгору дывыться?“ Ззырнулыся старосты зъ молодымъ, та й не знаютъ, що одповидаты. Дали староста й каже: „та давай уже хочъ и того, що вгору дывыться.“ Хутенько наризала дивка паляныци, накрышыла цыбули въ полу-мысокъ, поставыла на стиль и прыпрошуе старостивъ годуватысь. Закрутылы старосты носамы, ззырнулыся зновъ зъ молодымъ, сыдять, а йисты и въ ротъ ништо не взявъ. Въ дывовыжу була йимъ ця загадка, а ще дывнищою здалась йимъ сама дивка. Почалась изновъ балачка зъ дивкою; старостамъ, бачте, хотилось щобъ и ййи на чому прыткнуты. Такъ куды тоби,—котрый щобъ не сказавъ, або не спытавъ зъ за Ядама, то вона такъ розумно, гостро та до шмыкгу йому видриже, що той тилькы очыма клипа та ракы пече. Дали староста й каже: „годи вже намъ скозуватысь, краще ростовмачъ намъ, дивчыно, що то воно вызнача—одбутне прыбутне и те, що вгору дывыться?“ „А онъ воно що,— одмовля дивка: сало—одбутне, бо нымъ усяки зачипкы одбувають; дйво—прыбутне, бо нымъ хочъ и одбувають усяки зачипкы, але жъ и воно прыбувае въ го-

сподарстви, колы хто коровы свойи дїйни мае; те, що вгору дывыться—се цыбуля, бо колы вона ще въ грядкахъ въ осени стерчыть, то мовъ хто зъ земли угору дывыться.“ Пореготалысь та подывувалысь трохи старосты, що такоїи, нибы то, не мудройи загадки не зналы, и заходылысь рухаты до господы. Отъ, якъ повылазылы старосты зъ за столу, дивка до йихъ, та й пытае: „скажить же мени, що вы за люде и звидкиль родомъ? А то, якъ прыйдутъ батько та маты, то я не знатому, якъ и що йимъ про васъ казаты.“ „Мене,—каже староста.—прозываютъ Кущемъ, пидстаросту—Лопухомъ а молодого Ломакою,—стари ваши, здається, чувалы про насъ, знаютъ.“ „Э, колы такъ, то й я васъ усихъ трьохъ знаю,—каже дивка,—пидъ кущемъ я спаты лягала, лопухомъ видъ сонця себе закрывала, а ломакою свыни зъ череды проганяла: знаю васъ усихъ, знаю!“ Мовъ прыскомъ старостивъ та молодого вража дивка обсыпала, стало йимъ и соромно, и сердыто на гаспыдську дивку за таку одповидь, але жъ боялысь йїи ще займаты, щобъ ще чымъ кращымъ, бува, не повитала. Виддала дивка старостамъ хлибъ, попрощалысь вони зъ нею й пишлы до свого села, всю дорогу дывуючысь зъ бидовойи дивкы.

Прийшовъ ото молодой додому та й хвалыться батькови, якъ и що було у старостивъ зъ дивкою. Зареготавъ старый та й каже: „Бо то, выпада, вы уси тры булы дурни, а вона розумна. Колы хочешъ, сыну, знаты, оттакъ завжде розумни люде распизнають дурнивъ.“ „Ни, тату, мы не дурни, але жъ зъ нею и самъ дидько болотяный не збалакае,“ — одмовывъ сынъ. „И гараздъ,—каже старый,—колы ты й справди розумный, то визьмы сывого барана, пожены на ярмарокъ, продай—не продай, солы купы, выпый и закусы та додому ще й барана прыведы. Колы се все зробишъ якъ слидъ,—ты,

выпада, розумный и дивка буде твоя, а якъ же ни— ты дурень, и не тоби вона судылась.“

Жене ото парубокъ барана на ярмарокъ продава- ты та все мизкуе: якъ бы його продаты такъ, щобъ упасть и не забытысь, щобъ козы булы сыти й сино було циле, якъ батькови хочеться. Трапылось йому гна- ты свого барана якъ разъ тымъ селомъ, де жыла бидо- ва дивка. Згадавъ винъ дивку, та й думае: „отъ бы хто одгадавъ батькову загадку.“ Тилькы подумавъ се, ажъ чуе, щось кашлянуло — „ахы, чорнявый, озырнысь бо, лукавый!“ Озырнувся парубокъ, дывыться, ажъ се та бидова дивка, стойить соби коло крыныци, воду бере. „А чого се ты, парубче, такой смутный?“ — „Эге, чого!.. Ты бъ не була смутною, колы бъ тоби загадано такую загадку, якъ ось мени: барана продаты-не продаты, вы- пыты, закусыты, солы купыты та ще й цилого барана додому прыгнаты,— а я ниякъ не дйду своимъ розу- момъ, якъ се зробыты,“ — каже парубокъ. А дивка йому: „ось послухай мене дурнойи, то, може, чы не порозум- ниешь ты! Якъ прыженешъ оце ты барана на ярмарокъ, позычь у кого гарненько ножиць, обстрыжы вовну зъ його, продай ййи, а за ти гроши выпый соби, закусы, солы купы, а обстрыженого барана додому батькови по- женешъ.“ Зрадивъ парубокъ, зареготовавъ и ажъ у до- лони сплеснувъ, навить дивци за порадку не подякувавъ, та мерщій потурлывъ барана на ярмарокъ. Прыгнавъ ото винъ барана на ярмарокъ, зробывъ усе якъ раджено и повернувся додому веселый, що барана продавъ — не про- давъ, выпывъ, закусывъ, солы купывъ, ще й барана ци- лого назадъ прыгнавъ. Увиходыть у хату, а батько й пыта: „ну, що, сынку, чы поярмаркувавъ якъ слидъ?“ „Поярмаркувавъ, тату, та ще й якъ — усе зробывъ, якъ велилы,“ — одказуе сынъ. „А хто жъ се навчывъ тебе такъ зробыты?“ — запытавъ старый. „Хе! а хто жъ?

самъ! голову маю, ну й додумався, якъ и що.“ „Ну, абы такъ, — каже батько, — тилькы жъ мени здається, що тутъ та й не безъ чужого розуму обійшлося, бо я тебе гарненько знаю!“

Другого дня увечери заходять до старого, це бъ то до батька молодого, й ихъ сусидъ, що пидстаростою бувъ, та й пытае: „А що, чы продавъ нашъ князь барана?“ „Ни, не продавъ, та й не веливъ його я продавати, я тилькы загадувавъ йому надогадъ, ума вывидувавъ: продаты — не продаты, выпыты, закусыты, солы купыты та й барана назадъ прыгнаты, ну, винъ, нивроку йому, такъ и зробывъ, — а хыба що?“ — запытуе старый. „Та бачте, свату, трапылось мени, идучы на ярмарокъ одпочываты въ однимъ сели, пидъ вербою коло крыныци. Дывлюсь, жене нашъ князь барана на ярмарокъ, Оце жъ и гараздъ, зъ нымъ и я пойиду, охотнишь буде, подумавъ я. Колы се дивка, що брала воду, кашлянула нашому такы князеви та й пытае — чого такый смутный? А винъ и одмовляе йй: — эге, чого! Ты бъ, каже, не була смутною, якъ бы тоби загадано таку загадку якъ ось мени: барана продаты и не продаты, и выпыты, и закусыты, и солы купыты, та ще й цилого барана додому прыгнаты, а я ниякъ не дйду своимъ розумомъ, якъ се зробыты.“ Отъ дивкка й радыть йому, щобъ винъ, прыгнавши барана на ярмарокъ, обстрыгъ його позыченымы ножыцями, вовну продавъ, за ти гроши выпывъ, закусывъ, солы купывъ, а обстрыженого барана додому прыгнавъ. Прыдывляюсь я до циейи дивкы краще, ажъ се та сама дивка, до якоий мы сваты вашого такы парубка водылы. Таке то мени трапылось бачыты й чугы, тымъ и забигъ оце роспытаты — якъ и що тутъ у васъ?“ — „Такъ онъ воно якъ! Сыну, сыну, а йды лышь сюды!“ гукнувъ старый на парубка. Ввийшовъ парубокъ у хату. „Такъ онъ воно якъ, сыну!

Се гарно, дуже гарно! А ты жъ мени казавъ, що своимъ розумомъ дійшовъ, додумавъ! Дурень же ты, сыну, дурень, та ще й брехунъ великий. Хыба жъ ты, сыну, забувъ, що кажуть люде: брехнею свить пройдешь, та назадъ не вернешся. Але жъ щобъ такимъ дурнымъ та брехуномъ и не згинути, то беры мерщій зновъ старостивъ та йды до тіеи жъ такы й добувайсь видъ нейи слова. Дивка вона, бачу, розумна, кажуть, и роботяца: буде тебе на розумъ наставляты въ господарстви и все буде гараздъ, вику доживешъ по людському, а якъ же визьмешъ таку, якъ и самъ, овечку, то й куры тебе, якъ я вмру, загребутъ.“ Зновъ старый заславъ старостивъ до бидовой дивкы, навить и самъ не полинувався питы туды, щобъ допомогты зробыты дило якъ слидъ, то й узялы дивку...

Записалъ въ с. Полствинѣ Каневского у. отъ М. Степаненка В. Ф. Степаненко.

Эта сказка принадлежитъ къ сказкамъ о *мудрой дѣвѣ*. Малорускіе варианты распадаются на два типа: 1) мудрая дѣва загадываетъ загадки сватамъ и молодому и 2) мудрая дѣва отгадываетъ загадки, предлагаемые паномъ, который потомъ на ней и женится. Къ первому типу принадлежитъ здѣсь помѣщаемый вариантъ и вариантъ Kolberga въ *Рокисіе* № 50—51, причемъ этотъ послѣдній представляетъ только первую половину нашего варианта (до ухода сватовъ), вариантовъ же второй половины мы не нашли. Варианты второго типа см.: *Moszyńska*, *Wajki*, № 26, Гирка семылитка.—Малор. пред., 347, № 29.—Чубинскій, II, 611—616, №№ 84—85.—Литературная обработка у Н. Костомарова: «Збирникъ творивъ І. Галкы». Од. 1875. Загадка.

190. ДУРНИ ЛЮДЕ.

Жылы за царя Хмеля, якъ була людей жменя, чоловікъ та жинка. Чоловикъ бувъ такъ соби, а жинка такы зовсимъ дурна. Бувъ у йихъ и свій млынъ, и ха-

та, и де яки повиткы для скотынкы. Отъ разъ зибрався чоловикъ (а звалы його Иваномъ) на ярмарокъ продаты корову й одну курку, а жинка й каже: „годи тоби, чоловиче, йиздыты по ярмаркахъ; посыдь, лышень, ты дома, а я пойиду й сама зъумію продаты.“ — „Ну, поганяй,— каже Иванъ,— та гляды, за корову визьмы 10 карбованцивъ, а за курку—30 копійокъ; щобъ ты привезла мени 10 рубливъ й 30 копійокъ, бо треба подать заплатыты. Пойихала баба на ярмарокъ, та ще й не дойихала до майдану, ажъ зустривъ ййи жыдъ та й пыта: „що продаешъ?“ — „Оце за корову и за курку дасы мени 10 рубливъ и 30 копійокъ: за курку 10 р., а за корову 30 коп.“ — „Добре,— каже жыдъ,— я визьму корову, а курыцю несы на ярмарокъ; якъ ништо не визьме, то прынесы до мене, я й курку визьму.“ — Заплатывъ жыдъ за корову 30 копійокъ та й повивъ, а баба понесла курку на ярмарокъ, та тамъ и не продала, бо хто спыта, скилкы вона хоче за курку, вона й каже -10 рубливъ. Ходыла, ходыла по ярмарку, та понесла курку до того жыда, що купывъ корову. А ййи зустривъ жыдъ и жыдивка такъ ласкаво, и каже жидъ, шо винъ дасть ий 10 карбованцивъ за курку. Жыдивка узяла видъ нейи курку, заризала, прыготувала якъ треба, поставыла горилкы чымало и ну гостыть бабу ййи жъ куркою. Напойилы жыды бабу добре, обмазали смолою, вкачалы у пиръя та й вынеслы у лисъ увечери. Уранци прокынулась баба, глянула на себе та й пыта сама себе: „чы я, чы не я? Пиду додому!“ Пишла, а собаки якъ побачылы ййи, та такъ и кынулысь мовъ на якого звира. Вона упъяты пишла въ лисъ, посыдила, подумала та й каже соби: „пиду знову додому та увійду въ хливець до телятъ, то якъ вони зачнуть мени руки лызать (якъ перше лызалы, якъ було дае йимъ пійло), то ничого, а якъ полякаються, то тоди вже я не чоловикъ, а птыця“. Пи-

шла въ хливець, а телята якъ побачылы ййи та й порозбигалыся хто куды,— тилько й бачылы йихъ! Отъ вона й каже: „теперъ я птыця“. Вылизла на млына, роспросторыла руки. наче крыла, та й ну махатъ нымы; а чоловікъ ййи взявъ рушныцю та й цылыться на нейи, щобъ убыть; вона якъ закрычыть: „Иване, це я, твоя жинка!“ — „А якого жъ ты биса зализла на млына та ще й вырядылась наче чортяка! Элизь, лышень, та попрощаймось, бо я пиду ходыть по билому свиту, а тебе покыну тутъ. Якъ що знайду ще трьохъ такихъ дурныхъ, якъ ты, то вернусь, а якъ же не знайду, то й не жды мене.“ Узявъ ципокъ, засунувъ сокыру за пояса, та й пишовъ. Ишовъ винъ довго, увійшовъ у якусь слободу, ось чуе хтось крычыть не своимъ голосомъ; винъ у хату, ажъ тамъ одна жинка надила на чоловіка шось наче мишокъ та й бье його по голови рублемъ. „Що вы тутъ робыте?“ пыта ййанъ. „Рятуй,— каже чоловікъ,— оце жинка пошыла мени нову сорочку, та й бье по голови, щобъ зробыть у сорочци дирку, щобъ голова пролизла. Порятуй, каже, чоловіче добрый, я тебе награжу.“ Иванъ узявъ свою сокыру, прорубавъ дирку на голову, на руки и надивъ на чоловіка. Воны його нагодувалы и далы йому ще й грошей чымало за те, що навчывъ йихъ якъ сорочки шыть. Отъ Иванъ выйшовъ та й думае соби: „уже знайшовъ одну таку дурну бабу, якъ и моя.“ Иде дали и баче: баба выбижыть съ хаты на двиръ зъ видрамы, стане проты сонця, поставе видро, а тоди накрые його хвартухомъ та й несе у хату (а въ хати нема ни одного викна). Пидходе Иванъ та й пыта ййи: „Що це ты робышь?“ — „Оце,— каже,— чоловіче, хочу сонце пійматы та въ хату внести; а то якъ була стара хата, то було выдно въ ній, а оце мы поставылы нову хату, то я ниякъ въ нейи свиту не наношу.“ — „Давай, каже Иванъ, я тоби зроблю такъ, що буде выдно.“ —

„Зробы, будь ласка, я тобі заплатю!“ каже баба. Иванъ узявъ соқыру, прорубавъ чотыри викна и въ хати стало выдно. Нагодувала баба Йвана и грошей дала. „Оце вже дви знайшовъ такихъ дурныхъ бабы, якъ и моя,“ — дума соби Иванъ та й пишовъ дали. Иде й чуеть, — плаче жинка такъ жалибно, що його й самого жаль узявъ. Пидійшовъ винъ до нейи та й пыта: „чого ты плачешъ, бабо?“ — „Якъ же мени не плакать, — каже вона, — ось, дывысь, скильки мени добра оставивъ мій Петро другый, а самъ умеръ; отъ я й думаю: що робыть мій Петро другый на тимъ свити?“ Вона, бачыте, уже втрете замижъ пишла та все за Петривъ: первый бувъ Петро, другый — Петро и цей, що теперь на степу недалеко видъ слободы хлибъ сїявъ, и цей бувъ Петро — третій). А Иванъ, якъ побачывъ стилькы добра у нейи, то заразъ догадався, що треба робыть. Отъ винъ йий и каже: „Я, жинко, самъ съ того свиту прыйшовъ, бачывъ тамъ твого Петра другого; винъ тамъ ходе, сердешный, увесь у латкахъ та мылостыны просе и тоби переказувавъ поклонъ, щобъ ты прыслала йому одежи.“ „Та я йому й грошей, и повозку, й коняку, й одежи пошлю, шобъ винъ не ходывъ пишкы голый и босый... А чы ты жъ, чоловиче, упъять пидешъ туды?“ — „Пиду.“ — „Ну, ось я заразъ запряжу тобі чалу кобылу въ повозку, покладу одежи й грошей, та й оддасы, будь ласка, моему Петру другому.“ Узявъ Иванъ усе, що йому дала жинка, сивъ на повозку та й пойхавъ додому (бо думавъ що найшовъ уже й третю такую дурну бабу, якъ його). Йиде винъ соби потыхеньку, а тїи жинкы чоловикъ, Петро третій, побачывъ зъ далека, пизнавъ свою чалу, та мерщій додому, распытать у жинкы, що воно таке пойхало мовъ йихрьою чалою. Жинка й росказала, що прыходывъ чоловикъ съ того свиту видъ Петра другого, а вона дала йому всякого до-

бра та ще й коня съ повозкою. Петро третій заразъ верхы та на здогонкы за Йваномъ. А Йванъ скоришъ у лисъ; заховавъ коня съ повозкою, вырвавъ у коня килька волосынокъ съ хвоста, повисывъ на гилляку на дереви, а самъ лигъ пидъ тимъ деревомъ и лежыть угору дывыться. Пидйихавъ Петро третій, подывывся на Йвана та й пыта його: „Що ты тутъ робышъ, чоловиче, и куды дывышся?“ — „Оце, каже Иванъ, бачывъ я, тутъ чоловикъ одынъ йихавъ у повозци, чалою конякою, та якъ побачывъ, що ты прешъ сюды верхы—винъ такъ и пиднявсь угору. Онъ, тилкы выдно!—Ось кинь його тутъ зачепывся трохы за дерево, та хвоста трохы осталось не гильци.“ — „Де?“ — „А ось ляжъ тутъ, де я, то й побачышъ.“ — „Ну, на жъ, подержъ мого коня!“ — „Та ты дывысь прямо вгору, а то ничего не побачышъ,“ — каже Йванъ, а самъ потыхеньку одвивъ коня до своей повозкы, прывъязавъ, та й драла зъ лису, що есть сылы! Прыйихавъ додому, привизъ жинци стилкы добра, а вона ну його лаять: „якъ тоби не соромъ швендяты скрызъ,—онъ, уси люде сiють хлибъ. Бачышъ, ты скрызъ ходывъ, а я тутъ безъ тебе й ныву засiяла.“ — „Чымъ?“ — „Эге, чымъ!—Украла тутъ у чумакивъ пудивъ зо тры солы та й посiяла ныву.“ — „Ну, й дурна жъ ты, жинко, каже Иванъ, та нема чого робыть, будемъ жыть разомъ, бо ще на билимъ свити е люде багато дурнищи за тебе.“

Записалъ въ Бердянскомъ уѣздѣ въ селѣ Ново-Алекѣевкѣ псаломщикъ Албуль въ 1893 г. Сообщилъ В. Г. Кравченко.

Различныя сказки на тему *о лупныхъ народахъ*: Moszyńska, *Wajki*, № 28. Про дурныхъ людей на свити.—Шейковскій, *Быть подолянь*, II, 68—72.—Гринченко, I, № 171; II № 162.—Чубинскій, II, 504, № 9.—Рудченко, II, № 50.—Житъе и слово, томъ III, 67—69. На дурныхъ свитъ стойть.

191. ШКОЛЯРЪ И ДИДЪ.

Ишовъ школяръ додому и йому треба переходыть ричку. Винъ не хотивъ мочыться; дывыться, йиде старый дидъ. Дойхавъ до його, а той школяръ и просе: „Диду, перевезить мене!“ Дидъ и пыта його: „А шо ты таке е?“—„Та я, диду, школяръ.“ А дидъ и каже: „А! шкляръ! Ну сидай,—у мене е шыбкы побыти.“ Сивъ той школяръ; дойхалы насередъ ричкы. Тоди той дидъ: „Тпру! Та шо ты таке е?“ А той школяръ зновъ каже: „Та я, диду, школяръ.“—„А, якъ школяръ, то геть изъ воза: я думавъ, шо шкляръ.“ Школяръ просе: „Та ни, диду, будьте ласкави, перевезить!“—„Ни, геть!“—„Ну, диду, хоть я перейду по вйи!“ А дидъ каже: „Та вже йды!“ Винъ по вйи пишовъ, дійшовъ до краю, узявъ, вытягъ прытыку, выйхавъ на сухе, воливъ пустывъ, а самъ пишовъ. Той дидъ тоди насылу нарвавъ тыхъ воливъ. А школяръ прыйшовъ тоди у те село, де дидъ живъ, и упросывсь ночувать та й натрапывъ саме на того дида хату. Прыйхавъ дидъ додому, дывыться, той школяръ тутъ.—„А! и ты тутъ! стрывай же, такой-сякий!“ Выпригъ волю, прыйшовъ у хату, засвитывъ. Тоди узявъ того школяра за чуба та показавъ йому кишку та й каже: „Шо це таке е?“ Той каже: „Кишка.“—„Та брешешъ, такой-сякий,—чистота, чистота!“ Та все його за чуба. А на огонь:—„А це шо таке е?“—„Та шожъ? огонь.“—„Та брешешъ: крашота, крашота!“ Тоди показуе на стины: „А оце шо таке?“—„Та стины.“—„Та брешешъ,—высота!“ А на воду: „Оце шо таке?“—„Та шо? вода!“—„Та брешешъ,—благодать, благодать!“ Насмыкавъ винъ тому школярови добре чуба. Полягалы спаты, той школяръ узявъ, упйймавъ кишку, прывъязавъ йй головешку до хвоста и пустывъ на горыще, а самъ выйшовъ та й

гукае: „Диду! понесла твоя красота чистоту на высоту; а ты носы благодать та вспивай заливать!“ Той дидъ не розибравъ та й спыть. Колы якъ займеться хата!... Насылу вепилы погасыты, а крыша уся згорила.

Екатеринославской губ. Славяносербскаго у. х. Троицкій, отъ Якова
Емченка.

Манжура, 121—122. Школяръ та мужыкъ, Си. еще два слѣдующіе нумера этой книги.

192. ХЛОПЕЦЪ ТА МУЖЫКЪ.

Служывъ хлопецъ у помищыка, пасъ табунъ коней. Разъ винъ погнавъ той табунъ до воды: зъ нового колодязя напувае, а старый колодязь тежъ недалеко. Найлуччый жеребецъ погнався за другымы киньмы и впавъ у той старый колодязь. Колодязь такой бувъ глыбокий, шо помы кинь долетивъ, то й убывся. Такъ той хлопецъ и дума: „теперь я пропавъ!“ Покинувъ той табунъ и ставъ тикать. Бижить винъ куды очи стоять—самъ не знае, куды бижить. Вночи добигае винъ до якоиись ричкы—нема перевозу, а перебресты тежъ не можна, бо велька и вода бигуча; такъ винъ и звернувъ на бикъ, та й сивъ. Тутъ уночи йиде чоловикъ воламы. Хлопецъ ставъ його просыты: „дядечку, голубчыку, перевезить черезъ ричку!“ А той и каже: „ну тебе къ бисому батькови! Я хочъ бы якъ небудь самъ перейхавъ.“ Якъ зачавъ той просыть, ажъ помы упросывсь. Дядько той сказавъ йому: „сидай тамъ на вийи коло ярма,—якъ перейидешъ, то будешъ жывый, а на визъ я тебе не пустю.“ Винъ сивъ на вийи коло ярма и сыдыть. Якъ выйихалы на середыну, а вода такъ бижить, шо визъ завертае за водою, а волы проты воды плывуть. Хлопецъ той баче, шо воламъ важко,—

вытягъ прытыку, самъ сивъ на ярмо и выплывъ зъ воламы на той бикъ. А дядько той попльвъ зъ возомъ за водою и просыть того хлопця: „вырять и мене якъ небудь.“ Той йому й каже: „не хотивъ мене перевозыты; теперь пропадай самъ тамъ!“ Выпригъ той хлопецъ волы, пустывъ пастысь, самъ побигъ дорогою. Бижыть, дывыться—слобода. Убигъ у ту слободу, та побигъ пидъ одну хату, пидъ викно—просыть на ничъ. Тамъ жинка выйшла й каже йому: „я не пустю, бо нема чоловіка дома.“ Якъ зачавъ, якъ зачавъ той хлопецъ—упросывся на ничъ. То була жинка того чоловіка, шо хлопецъ кынувъ на ричци, а хлопецъ того не знавъ. Лигъ винъ на печи спаты й заснувъ. Такъ якъ у пивночи прыходыть той чоловікъ пидъ викно и гукае: „Парасю, одчыны!“ Вона одчыныла йому, винъ и каже: „Э, отакъ наробывъ бисовойи виры хлопецъ!“ А та жинка и говоре: „шо жъ тамъ таке, якъ тамъ?“ „Та шо,—каже,—йихавъ черезъ ричку та посадывъ якогось хлопця на вйи коло ярма, а винъ, якъ выйихалы, на середыну, выйнявъ прытыку и выплывъ зъ воламы на берегъ, а я на вози попльвъ за водою.“ Похвалывся ото, а дали й каже: „Давай, жинко, вечерять!“ Дала вона йому вечерять. Вечерявъ винъ и побачывъ: „шо то, жинко,—каже,—спыть на печи?“ „Та то одынъ хлопецъ упросывся на ничъ.“ Винъ тоди й догадавсь: „Э, це жъ той хлопецъ, шо мени штуку вдравъ.“ Повечерявъ, прыходыть до того хлопця, збудывъ його, взявъ його за вухо и каже: „ну, бисивъ сыну,—пропалы волы, пропадешъ и ты въ мене!“ Приводыть його до каганця. „Шо це таке?“—каже. Той хлопецъ каже: „каганецъ.“ А той його за вухы крутыть и каже: „брешешъ, бисивъ сыну, це,—каже,—красота!“ Приводыть його до кишкы: „А це шо таке?“ каже. „Кишка,“—каже. Винъ його за вухы крутыть та все каже: „брешешъ, бисивъ сыну,

це, чыстота, чыстота!“ Вывивъ у сины до горыща: „А це шо таке?“—каже. „Горыще.“ Винъ його за вухо крутыть та все каже: „брешешъ, бисивъ сыну, це—высота, высота!“ Потимъ и пустывъ його. „Ну, каже, иды лягай спаты, я завтра съ тобою справлюся.“ Полягалы спаты. Хазяйинъ и хазяйка сплять, а той хлопецъ не спыть. Піймавъ винъ кишку у хати, привъязавъ кулыкъ соломы до хвоста, пидпалывъ и пустывъ на горыще. Та кишка скризь по пидъ острихою на горыщи бигае и зайнялась хата. Выбигъ той хлопецъ на двиръ та й каже: „дядьку, чыстота красоту понесла на высоту, якъ не дасть Богъ благодати, то не всыдышь, дядьку, и въ хати!“ И побигъ той хлопецъ дорогою. Тутъ уже чысто розвыдняется. Винъ выбигъ изъ слободы, дывыться—хата горыть. Оглядається, а ззаду бижыть за нымъ мужыкъ верхы, доганяе. На тій дорози бувъ шыночокъ. Ускочывъ той хлопчыкъ у той шыночокъ и той дядько якъ разъ прыбигъ и привъязавъ коня коло шыночка. Дядько на одни двери у шыночокъ, а хлопчыкъ у други й выскочывъ, та заразь на коня и побигъ. Той дядько выбигъ зъ шыночка, ажъ уже й коня немає. Винъ просыть того хлопця: „пусты мени хочъ коня, я за тобою не буду гнаться.“ Хлопецъ одбигъ скільки винъ хотивъ, пустывъ того коня, а самъ пишовъ. Пишовъ дорогою и попавъ у другу слободу—тамъ нигде на ничъ упросыться. Винъ пишовъ до одного чоловика; пишовъ пидъ викно, дывыться,—ажъ тамъ повна хата людей, мужыкивъ; винъ думавъ, шо то гости або весилля яке, а то—сами розбійныкы. Узялы того хлопця й замкнулы въ комору; винъ сыдыть тамъ. На другый день хотять його вбыты. Стало розвыдняться, йде дивка у комору браты борошно, а той хлопецъ сыдыть у борошни; та жъ дивка не зпала, шо винъ у комори; тики

нахылылась борошно браты, а винъ набравъ борошна, въ руку и засыпавъ ййй очи; а вона съ коморы втекла наробыла крыку; ти розбійныкы повыскакували и впіймалы того хлопця. Була въ ййхъ така здорова бочка, выбылы дно въ тій бочци, посадылы його въ ту бочку вставылы дно и одвезлы въ лисъ и тамъ кынулы. Вночи прыходе вовкъ та чуе, шо въ бочци хтось е, колы жъ нйякъ узятъ. Винъ у воронку заклавъ хвистъ и шукае: чы е шо тамъ, чы нема? То хлопецъ пйймавъ той хвистъ, замотавъ у руку добре; якъ крыкне тоди! Той вовкъ и подавсь у лисъ зъ тыею бочкою и помижъ пенькамы розбывъ ту бочку. Хлопецъ уставъ та й пишовъ. Пишовъ винъ додому и живе, и хлибъ жуе.

Отъ солдата Олейника, изъ Чигиринскаго у, записаль В. Г. Кравченко.
См. №№ 191 и 193 этой книги.

193. ЯЕЪ Я ЙШОВЪ ИЗЪ ЗАРИВКИВЪ.

Це якъ ишовъ я зъ заривкивъ, то мени такъ выйшло: ишовъ я у осены додому писля Покровы; у мене чобить не було, — йшовъ я въ постолихъ. Дййшовъ я до ричкы; ричка не шырока й не глыбока, а перебресты у постолихъ у осены, то холодно: онучи помокнуть. Ййде чоловикъ, везе млынъ до мишкывъ: пропадають диты къ бисомъ батькови безъ галушкывъ. Я й просюся: „перевезы мене, дядьку, черезъ ричку!“ Дядько каже: „въ мене бычкы маленькы и мишкывъ мабутъ десять буде на вози пашни: хочъ бы воны оци мишки перевезлы черезъ оцю ричку, а то ше мабутъ и тебе везты треба? Я не хочу тебе брать.“ Я кажу: „Я хочъ иззаду почеплюся та перейиду.“ Винъ мене не пустывъ; ставъ

поганяць, я взявъ, ззаду почепывсь. Винъ выйихавъ на-
середъ ричкы, оглянувсь назадъ --и я сыдю. „Чы й ты,
каже, проклятый хлопче, тутъ сыдышь?“ А я кажу:
„Эге жъ, сыдю.“ — „Та мабуть же ты, каэ, злазь!“ Я
кажу: „та я, дядьку, хочъ по вйи перейду та скочу
на берегъ.“ — „Та йды вже, каэ, къ лыхій години!“ Я
пишовъ по вйи, выхватывъ прытычку и скочывъ, и по-
бигъ тоди. Винъ на ти бычки: „Гей“! Ти бычки й пи-
шлы. Винъ сыдыть тоди на вози та й мусуе своєю го-
ловою: „не проклятого сына, каэ, той хлопець! Шо ты
мени наробывъ?“ Я й кажу йому: „бачъ, чортивъ дядь-
ку, — оттеперъ мабуть ты поброды въ оцій ричци. А то
ты хотивъ, шобъ я ййи перебривъ. Отъ теперь ты и
взнаешъ, яка у осены вода холодна, якъ у постолихъ
бродыть теперь черезъ ричку.“ Винъ бродыть по тій
ричци, воливъ ловыть, мене лае. „Хочъ бы васъ було й
пъять, то колы бъ я знавъ, шо таке буде, то усихъ бы
й поперевоzywъ. (Уже й торбы буйиться) Це ма'ть я вже й
замерзну тутъ, уже такъ обмочывся“. Мужыкъ пойихавъ
по свойй дорози, я побигъ додому. Прыбигаю до сло-
боды —ниде не свитыться, свитыться тилькы въ одній
хати, —я й зайшовъ у ту хату и просюся: „Пустить
мене переночувать у хату, дядыно!“ Вона мени
одмогається: „нема мого чоловика дома, десь повизъ
млынъ до мишкывъ.“ А я вже тоди стою окамя-
нивъ и думаю... не знаю шо вже мени й робыть, куды
вже мени дали и йты. Этъ думаю, шо буде, те й буде —
зостанусь ночувать! Дала мени та дядына повечеряты.
Я повечерявъ та й лигъ спаты —пидъ прыпичкомъ вона
мени послала. Я лежу, а все такы прыслухаюсь, такъ
якъ той заецъ. А це той дядько у двори, слухаю, кры-
чыть: „тпру“! А тоди якъ закрычыть на нейи: „Йды,

жинко, мишкивъ носыты!“ Пишла та жинка, позносылы мишкы; винъ увійшовъ у хату й каже: „Колы бь ты, жинко, не знала!“ А вона йому й одвичае: „колы бь же мабутъ ты не знавъ!“ А винъ тоди стойить та дума: „шо ты—дурновата, чы що? Я хотивъ тоби розказать свою прышту, то мабутъ же давай теперь, будемо вечерять!“ Подала вона йому вечерять; винъ и сивъ кинци столу, а очыма такъ и дывыться скрызъ по хати,—вытрищывъ йихъ и набачывъ мене пидъ прыпичкомъ. „А шо то, каже, лежыть?“ А вона й каже, жинка це його: „то, каже, подорожній хлопецъ, упросывся на ничь.“ — „Ты, мабудь, каэ, й вечеряты йому не давала? Хай лышь устае вечеряты!“ — „Ни, я йому й давала, та винъ шось мало й йивъ.“ — „То вставай, каже, хлопче, вечеряты!“ Бере мене за руку й тягне; а я тоди ни живый, ни мертвый. Такъ злякався! А винъ мене стягъ та й каже: „А, це ты, проклятого сына хлопецъ! Попався мени упгять у руки! Оце мабутъ уже ажъ теперь ты не вырвешся!“ Посадывъ мене вечеряты: „вийижъ оци вси вареныкы, шо въ макитри, то я тоби все прощу; а то въ насъ мабутъ завтра буде середа, то, однаково, воны пропадутъ до четверга.“ А я тоди беру та й йимъ, та чы вкусю, чы ни—та все въ пазуху кыдаю ти вареныкы. Якъ зачавъ, та й пойивъ ти вси вареныкы съ тйи макитры и кажу тоди: „я вже вси вареныкы пойивъ.“ — „Ну, каже, уставай уже, колы пойивъ, то я все тоби прощаю.“ А въ мене, знаете, штаны ти булы шыроки, ше й зъ очкурнею (дванадцять аршынъ, шобъ клапцивъ не робыть). Я якъ уставъ, та тикы ставъ хрестыться, а очкуръ якъ увирветься!... Такъ ти вареныкы й посыпалыся додолу! Той чоловикъ тоди й дывыться: „де тебе лыха година взяла?—на мою голову клопить!“ Бере мене й тягне до волосного: а я тоди вже зъ нымъ и осми-

лывся: „невже тоби, говорю, дурню, дня не стало, шо ты мене будешъ по ночахъ тягаты!“ Винъ мене и покынувъ. Полягалы спаты, а я вночи узявъ та ходу, та й забигъ ажъ сюды оце, до васъ.

Черкаскаго уѣзда с. Сагуновка. Записалъ отъ солдата Мироненка
В. Г. Кравченко.

См. № 191 и 192 этой книги.

194. ПРО ПОЛЕОВНЫКА ВАВЫЧА.

То бувъ соби такой москаль, звали його Бабычемъ. Шо тому Бабычу було не прышло зъ дому батько,— винъ визьме та й прогуля усе съ товаришамы. А батько його та бувъ дуже багатый. Прогуля, кажу, було Савка усе съ товырышамы, а самъ завжды ходывъ обшарпаний. Одного разу напысавъ винъ додому лыста, а йому зъ дому прыпысалы, шобъ винъ прыйшовъ на Велыкдень у гостя додому. Якъ же його въ биса йты додому, колы грошей чоловикови зъ дому й багато прысылалы, а про те винъ и босый, и голый? „Э, шо буде, те буде—пиду такъ додому!“ Отъ винъ и пишовъ, а на дорози стоявъ шынокъ, а то й прямо зайиздъ; але такой зайиздъ, шо тамъ усе паны ставалы, пидночовувалы, а часомъ и въ карты гралы. Диждавшы вечора Бабычъ, якъ уже стемнило, пидходе до зайизду, знявшы съ себе заздалегидь усю одежу и оставшысь у одній сорочци, та й стука у викно.“ Жыдъ побачывъ, шо чоловикъ, и пыта: „а хто тамъ?“ — „Це, каже, я, полковныкъ Бабычъ. Йихавъ я, каже, додому, а на мене напалы гайдамакы, денщыка вбылы, добро мое загарбалы, одежу, гроши и коней забралы; тилько душу мою гришну пустылы на волю.“ Жыдъ и каже: „а знаете, пане полковныку, въ мене ночувавъ колысь одынъ полковныкъ,

съ кымсь другимъ гравъ у карты, усе програвъ, а якъ не стало грошей, то винъ заставивъ у мене свою одежду; але якъ винъ и доси не выкупивъ, то я дамъ вамъ ййи на який часъ, а вы, якъ розстараются грошей, заплатите мени.“ — „Добре!“ — каже Бабычъ, и нарядився винъ у ту одежду полковныцку, и ходе по хати полковныкомъ; такъ у тій одежи и спать лигъ. Раненько прокынувшысь, чуе, — хтось ходе у другій кимнати. Бабычъ покликавъ жыда, роспытуе: хто прийихавъ? А жыдъ и говоре: „Ой вей, паночку, то прийихавъ такой багатый майоръ, — винъ той, шо у казну коней купуе. Ой вей, який винъ багатый!... Паночку, той майоръ та дуже любе граты у карты: може бъ вы силы зъ нымъ граты у карты, выгралы бъ шось та й мени бъ заплатылы за одежду.“ — „Добре, каже полковныкъ Бабычъ, та тилькы ты скажы мени, де я грошей визьму? Хто грае безъ грошей?“ — „Та я вамъ `позычу, бо вы мени такъ до вподобы, шо я не сподиваюсь, шобъ вы замоталы мойи гроши.“ — „Добре!“ Жыдъ побигъ, прынисъ висимъ тысячъ грошей и давъ йихъ полковныкови Бабычу. Черезъ яку хвылыну увиходе майоръ до Бабыча, узявъ пидъ козырьокъ, поздоровкавъ, а дали й каже: „може бъ мы зъ вами, пане полковныку, у карты погралы?“ — „Добре!“ каже той. — Якъ почалы воны граты, якъ почалы, то одразу Бабычъ програвсь, а дали якъ почавъ винъ обграваты того майора, то вернувъ уси свои та ще й выгравъ симнадцять тысячъ рубливъ и выгравъ у того майора карету, четверо коней и кучеря. Росплатывся полковныкъ Бабычъ зъ жыдомъ, сивъ у свою карету та й пойихавъ додому. Додому ще далеко було, а надъ шляхомъ стояло село съ панськымъ будынкомъ. Попросывся Бабычъ до панивъ на ничъ. Тамъ жыла удова генеральша зъ дочкою. Переночувавъ, остався й на день, а дали зновъ переночувавъ, та такъ тамъ ци-

лисинькый мисяць и просыдивъ и досыдивсь до того, шо зъ генеральською дочкою оженився. Побувъ коло жинки мо тамъ съ тыждень, а дали й каже: „пойиду я, сердце, у свое село, до батька, а ты тутъ побудь.“ Жинка такъ його улюбыла, шо ниякъ не хотила сама оставаться, насылу винъ ййи видмовывъ, бо сказавъ, шо неизбежно скоро вернется до нейи. Велывъ винъ кучерови запрягаты коней у свою карету, попрощався зъ жинкою и пойихавъ, не вважаючи, шо його жинка все жъ такы дуже плакала за нимъ.

Надъ вечиръ дойихавъ полковникъ Бабычъ до постоялого. Не йихаты вночи, бо ни панъ, ни кучеръ дороги не знають. Заночувалы тамъ ище якисъ паны, ну, й почалы уси граты у карты. Сивъ зъ нумы пограты й полковникъ Бабычъ. За яку годину полковникъ програвъ не тилько гроши, але й кучеря съ киньмы, съ каретою; збувся и одежи своейи полковницькойи. Выпросывъ соби у шинкаря якусь поганеньку сирячину та й потягъ додому, до батька. Прийшовъ, а соромъ йому було показаться у вичи передъ батька, та якось зайшовъ у сины такъ, шо й батько не бачывъ, узявъ тамъ тыхесенько батькового кожуха та вже тоди увйшовъ у хату поздоровкатысь.—Гостювавъ винъ, гостювавъ, а дали батько побачывъ, шо сынъ його таке жъ ледашо, якъ було, узявъ та й пославъ його свини пасты. Пасе Савка Бабычъ свини, а шобъ не скушно було, то винъ почавъ привчатъ свыней ходыть пидъ барабанъ. Може ништо зъ людей не бачывъ, шобъ свини увечери верталысь додому зъ черидкы не бижучы, а помаленьку, а Савка Бабычъ вывчывъ йихъ такы такъ, шо увечери, якъ треба було пускаты черидку свыней додому, то самъ забига упередъ, бье у барабанъ, а вси свини, пара за парою, йдутъ соби за нимъ тыхенькою ходою.

Жинка довго ждала свого чоловіка и, не диждавшысь, сказала кучерови, шобъ той запрягавъ коней; узяла вона съ собою наймычку й пойихала розшукувать свого чоловіка, полковника Бабыча. Стала вона пидночувать у тому жъ такы постоялому, де ййи чоловікъ у карты програвсь, побачыла того кучеря, шо бувъ у ййи чоловіка, та й почала допытуватись, якъ винъ пана покинувъ? А той и розказавъ ййи усе. Почала вона плакаты та свою гиркую долю прокlynаты; дали выкупыла тыхъ коней, кучеря й карету и одѣжу полковныцкы та й пойихалы у село, видкиля бувъ ййи чоловікъ. Прийиздыть и пыта у всякого: „Чы не знаете, де живе полковныкъ Бабычъ?“ — „Не знаемо, кажуть, пани, у насъ и не чутъ, шобъ хочъ блызько де бувъ який полковныкъ, та ще й Бабычъ! У насъ е Савка Бабычъ, шо зъ москаливъ прыйшовъ у гости, але тамъ таке ледащо, шо тилькы його на те, шобъ свыни пасты; винъ тыхъ свыней и воде у насъ пидъ барабанъ—кумедійи показуе.“ Шобъ переночувать, пани стала у багатого мужыка. Увечери наймычка выйшла за браму; стойть вона соби чепурненько, бадьорытсья; колы се прыслухається—шось заторохтило; зыркъ—ажъ ййи панъ: самъ босый, зъ барабаномъ черезъ шыю, попередъ свынячойи черидкы; а вся черидка за нымъ, та по дви свыни въ рядъ! Геть тоби ривненько, наче москали на муштри! Метнулась наймычка у хату, шобъ сказать пани, а Савка, побачывшы и пизнавшы наймычку, мерщій покинувъ и свыней, побигъ додому, ускочывъ у хливъ та й заховавсь у сини. Пани роспыталась, де живутъ Бабычи, та й пишла туды зъ наймычкою. Прийшла та й каже: „А де той, шо свыни пасе у васъ? то мій чоловікъ, винъ панъ полковныкъ.“ Батько Савчынъ одразу понявъ тому виры та й каже: „аже жъ де йому буты, якъ не въ сини?—винъ завжды тамъ спыть.“ Полизла наймычка у

сино и такы знайшла тамъ полковныка Бабыча. Вылизъ Бабычъ съ сина, а жинка й почала його докоряты: „якъ тоби, душко, не соромъ такъ знущатыся зъ мене? Ну, спиткало тебе горе, програвсь, прыйидь до мене, скажы слово—я грошей дамъ и усе выкуплю, а все жъ не боялась бы, шо ты десь пропавъ. Ну, та дарма, я й безъ того уси твои ремоненты выкупыла, выкупыла й одежду—на, одягай!“—Надивъ Савка Бабычъ зновъ полковныцъку одежду; побулы трохи у Савчыныхъ батькивъ, погулялы, а нарешти пойихалы до ййи матери, до генеральшы. Перебулы якый часъ у матери, а дали полковныкъ Бабычъ и каже: „ну, вже одпускъ мени кинчається, тра вже йихать на службу, тра командувать полкомъ, а то колы прострочу, то попаду у штраховани.“ А жинка й каже:—„и я, сердце съ тобою.“ - „Ни, каже, сього вже нйакъ не можна: теперь царь робе смотерь воськамъ, то хыба й ты пидешъ на смотерь?“ (То винъ хотивъ ййи лякать смотромъ, думавъ, шо вона злякається, та не на таку напавъ!) „То ничого, голубе: ты пидешъ, будешъ командувать, а я стану соби одсторонъ, а такы пойиду.“ Якъ уже той не одмовлявъ ййи ничого: „пойиду та й пойиду“! Прыйихалы у той городъ, де його полкъ бувъ, найняли соби хорошу кватырю. А тутъ уже кинецъ одпускови, ну, винъ и каже: „отъ, пиду сьогондя, явлюсь до начальства, бо царь сьогондя робытыме смотерь.“—„И я съ тобою, каже жинка, бо шобъ съ тобою чого не квапылось такого, якъ и вперше.“ „Та мени жъ, каже той, сердце, соромъ буде; скажуть, шо я—бабйй, бо скрызъ изъ жинкою вожуся.“ Жинка якось угамувалась. Запригъ кучерь коней и пойихавъ полковныкъ Бабычъ на смотерь.--Дойихавъ винъ, де завжды бувало гуля съ товаришамы москалямы, до шынку, пустывъ кучеря додому, а самъ давъ жыдови двадцять пъять рубливъ, шобъ той йому купывъ салдацъку

одежу. А жыды, звисно, за гроши, то все на свити ди-
стануть. Метнувся жыдъ,—и е салдацька одежа. Пол-
ковныкъ Бабычъ зновъ ставъ, якъ и перше, простымъ
москалемъ; забигъ у казарму, узявъ свою муныцію та й
побигъ у поле на царськый смотеръ, бо уже давно уси
москали пишлы туды, и тилькы Бабычъ и опизнывся.
Бижыть Бабычъ та думае: „ну, буде мени товченикивъ
видъ Сыдора Ивановыча, нашего пидхвебеля, за те, шо
опизнывся.“ Прыбигъ,—ажъ уже уси стоять у струнку
по команди „смирно!“ Бабычъ узявъ, якъ соби малень-
кый бувъ, то й ставъ ззаду за йихрейтуромъ, у
кинци роты, и взявъ ружжо на калавуръ.“

Кучеръ його вернувся додому, а пани Бабычева й соби
забажала пойихаты подывытысь на смотеръ, подывытысь
якъ ййи чоловикъ ловко командуе полкомъ. Кучеръ пры-
визъ ййи до корчмы, де стававъ самъ панъ. Почалы рос-
пытувать у жыда, де дився полковныкъ; а жыдъ, звычайно,
бувъ пидмвлений, и каже: „ніякого полковныка Бабыча
не знаю.“ Тоди пани звелила йихаты на пляць, де царь
робывъ воськамъ смотеръ. Прыйихала та й пытае у по-
ручыка, шо стоявъ коло роты: „а скажить, будь ласка,
де тутъ стойить полкъ полковныка Бабыча?“ Той вы-
трищывъ на нейи очи та й каже: „не чувъ я такойи
хвамылийи.“ А пидхвебель почувъ, шо поручыкъ съ па-
ніею шось балакають про полковныка Бабыча та не вто-
ропавъ та — „ныкакъ нѣтъ, ваше благородіе, у насъ е
Бабычъ, толькы не пакойныкъ, а живой: онъ бувъ увъ
атпуску, а теперъ хочъ спознылся, а все жъ на смо-
теръ прыйшоль—отъ вонъ за йихрейтуромъ стойить,
держыть ружжо на калавуръ...“ „Этъ, дурень, видка-
завъ охвыцеръ,—а въ городи бузына, а въ Кыйиви
дядько...“ Пидхвебель и языка прыкусывъ; а пани по-
йихала до бильшыхъ панивъ роспытуватысь и розшуку-
вать свого полковныка Бабыча; и хочъ уси казалы, шо

такого полковника нема, а вона все свое: „винъ не-
ыменно е.“ Тоди почалы шукать по спискахъ и найшлы
тильки одного—Савку Бабыча; а якъ показали його
жинци, то вона—въ голосъ, шо яке то винъ ледащо!
И розказала вона усимъ, шо отъ, вона—генеральська
дочка, а винъ—салдаты, зъ нею оженився. Тоди пид-
хвებель доложывъ поручыку, поручыкъ—ротному, той
батальонному, и такъ дило дійшло ажъ до самого царя.
Царь довго сміявся, а нарешти выкликавъ Бабыча пе-
редъ хрунтъ, посадивъ на коня и звеливъ, шобъ винъ
скомандувавъ полкомъ. Савка Бабычъ дуже гарно ско-
мандувавъ, то царь и оставивъ сей полкъ за нымъ и
зробивъ його полковникомъ. Винъ и доси командуе
тымъ полкомъ.

Записалъ отъ солдата, уроженца Кіевской губерніи, Черкасского уѣзда,
В. Г. Кравченко.

195. ХЫТРЫЙ МУЖЫКЪ.

Бувъ соби чоловикъ, ну, въ його хлиба не стало,
а жныва булы, сухо було такъ, шо змолоть ниде було;
ну, и пойхавъ винъ до другого млына, до такого, шо
хочъ и сухо буває, ну, винъ не стае. Йиде дорогою й
думае: „якъ бы тутъ збрехаты, шобъ перепустылы?“ А
тамъ завизно було, повенъ млынъ натаскалы, черга йо-
му прыйшлася бъ ажъ черезъ тыждень. „Дай,—каже,—
збрешу, шо въ мене батько на лави лежить, то пере-
пустятъ.“ Ну, прыйхавъ и сказавъ, шо въ його батько
на лави лежить,—його й перепустылы. Повыносывъ
винъ, на визъ поскладавъ, закурывъ люльку да й сивъ
коло огню, а його й пытають: „чого жъ ты сыдышь,
ты жъ казавъ—батько на лави лежить?“ „Я,—каже,—

покинувъ батька, батько спавъ на лави.“ Тыйи обра-
дылыся: „ну, про те жъ, мы йому зробымо!“ Взялы схо-
валы хамута. Винъ выйшовъ запрягать, дывыться,—ха-
мута нема. Винъ привъязавъ коня до воза да й зновъ
увійшовъ у млынъ, да й сивъ коло огню, да й каже:
„я ничего не буду робыть, тилькы такъ зроблю, якъ
мій батько робывъ.“ Тыйи зновъ подумалы: „може винъ
шо знае.“ Взялы та й зновъ положиылы хамута на во-
зи. Выйшовъ винъ, дывыться, а хамутъ лежыть, да й
ставъ запрягаты, а його й пытаються: „шобъ же ты
зробывъ, якъ бы тоби хамута не оддалы?“ „А шо бъ,—
каже,—я бъ такъ робывъ, якъ и мій батько: моему бать-
кови такъ було, шо вкралы въ нього хамута, такъ винъ
узаявъ, распоровъ сиряка, да зробывъ хамута, да й прыйи-
хавъ додому.“ „Трасця твоей матери! якый ты хыт-
рый!“

Записаль отъ солдата Л. Зиневича, изъ Острожскаго уѣзда, В. Г.
Кравченко.

---

196. ДУРНА ДОЧКА.

Була соби одна жинка и оддала вона свою дочку
замижъ. И каже дочци: „Ты жъ, моя доню, хоть по ку-
рячій головочки збирай та въ скрыню клады!“ (Значыть,
шобъ вона пряла). Отъ, дочка якъ де побаче курку,
такъ визьме ййи, зариче, а головку сховае. И багато
вже въ нейи головокъ назбиралося. Отъ, разъ прыйиха-
ла маты до нейи въ гости; вона й каже ййи: „ось иды,
мамко, погляды, скилькы я курячихъ головокъ назбира-
ла!“ Матка подывылась та й каже: „хыба жъ я такъ
тоби казала?“ А дочка: „А якъ же?“ „Я жъ тоби каза-

ла: хочъ по курячій головочци пряды та въ скрыню клады!“

Черниг. у. Записала Н. Г.

197. МАТЫ И СЫНЪ.

Маты боялась за своего хлопця, щобъ, бува, не скойилось зъ нымъ якого лыха. Отъ, разъ улитку йде вуынъ гулять изъ хлопцямы до ставка, а маты, побачывшы, й гука: „иды жъ, сыну, гулять та, Боже, храны питы купаться, бо якъ утопышся, то тоди й додому не находь!“

Записалъ въ с. Веркиевкѣ Нѣжинскаго у. Е. Н. Гаврилей.

198. ДУРНЫЙ ПАРУБОЪ.

Пытається дивка въ парубка: „Шо въ тебе въ кишени бряжчыть?“ А винъ: „бублыкъ та хустка.“

Записала М. Н. Гринченко въ Харьковск. г.

199. ДЯДЬКЫ Й ГОРИЛКА.

Везлы дядькы панови два бочонкы горилкы. Въ дорози надпылы зъ одного и долылы водою. Отъ, привезлы, панъ подывывся та й пытається: „чого вона сыва?“ „Того, шо въ йи уся сыла.“ Насыпавъ панъ у якусь посуду, хотивъ запалыты, -- не горыть. „Черезъ шо вона не горыть?“ „Черезъ те, пане, шо мокра.“ Панъ його тоди въ ухо.

Записалъ въ Полтавск. г. Г. А. Коваленко.

200. СТАРЕЦЬ КАЗКЫ КАЖЕ.

Прийшовъ старецъ, ночуваты просыться. Отъ, ти люде й кажуть: „А будешъ намъ усю ничъ казокъ казаты?“ Винъ каже: „буду.“ Ти дали йому повечеряты, а тоди й кажуть: „ну, кажы жъ казкы!“ А винъ: „повечеряшы та спаты лягаты: було вечеряты не даваты!“

Черняговск. у. Записала Н. Г.

201. ДУЖЕ ПОТРИВНЕ ДИЛО.

Копала одна жинка на городи картоплю. А чоловікъ гнавъ ватагу съ поля у село. Вже бувъ вечеръ. Отъ той чоловікъ и гука на ту жинку: „титко, а ну йдить сюды!“ „Чого?“—пытае вона. „Та йдить швидче: дило е!“ Покинула вона копаты та мерщій до його та й пытае: „ну, що? кажы.“ А винъ: „а ну, зробить,— каже,—отакъ!“ Та на губахъ и загравъ: тпрунь-тпрунь-тпрунь! Вона тоди його лопатою по спыни. „Ахъ ты, каже, такой-сякий! Бачъ, яке дило!“

Записаль отъ школьника М. Пустовійта въ Зиївскомъ у. Харьк. г.
И. И. Зозуля.

202. ДИДЪ ТА БАВА.

Десь, кажуть, дидъ та баба посварылысь промижъ себе и наврапылысь одно до одного не балакаты. Але жъ се не надовго заклалы: у бабы не стало терпиння надувшы губы сыднты, вона й пытае старого: „старый, чы то ты учора чхнувъ?“ „То що?“— понуро озывається той. „То здоровъ!“ ласкаво одмовляе баба. „То

спасыби!“ Тоди баба: „ха-ха-ха!“ А дидь не втерпивъ та й соби за нею. Та вже й помырылысь и почалы балакаты.

Записалъ въ с. Полствинѣ Каневск. у. В. Ф. Степаненко.

---

203. РОЗМОВА.

„Архыпе!“ — „Га?“ А ты бувъ колы у Кійиви?“ — „Хто—я?“ — „Эге жъ.“ — „А хыба що?“ — „Та я, бачъ, такъ пытаю.“ — „Та наче бь то й бувъ... Ну, а ты Юхыме, бувъ?“ — „Хто—я?“ — „Эге жъ.“ — „Хе! а якъ бы я не бувъ, то й не пытавъ бы тебе про се.“ — „Ну, й що жъ ты тамъ бачывъ?“ — „Га?“ — „Що ты тамъ бачывъ, пытаю.“ — „Що я тамъ бачывъ?“ — „Эге!“ — „Все!“ — „Хе!“ ...

Въ с. Полствинѣ Каневск. у. отъ К. Соловья записалъ В. Ф. Степаненко.

---

204. ДОЧКЫ-НЕДОРИКЫ.

Жылы соби чоловикъ та жинка и було въ йихъ тры дивкы, и ти дивкы дуже погано балакалы. Прыйшлы до бильшойи старосты. Отъ матка нышкомъ и каже до дивчатъ: „глядить же, мовчить мени!“ Воны ползаны на пичъ та й мовчать. Дывляться черезъ коминъ, ажъ кить кулишъ зъ горщыка йистъ. Отъ найбильша й каже: „мамо, мамо! кишка кулишъ хрлепче“... А середульша якъ крыкне на нейи: „велила маты морчаты!“ А менча: „а я въ куточку сыжу та й морчу“... Ну, старосты якъ почулы, що воны такъ балакають, та за хлибъ та й съ хаты: „намъ,—кажуть,—такихъ не треба.“ Такъ воны й осталысь.

Черниговск. у. Записала Н. Г.

205. СТАРЕЦЬ Й ПОВОДАТАРЬ.

Идутъ старецъ съ поводитаремъ. А поводитарь и каже: „А гракивъ стилькы!..“ „Ого-го!“ — каже старецъ. „А хйба ты бачышъ?“ — каже поводитарь. „Та ты жъ кажешъ,“ — видказуе старецъ.

Записалъ въ Зміевск. у. И. И. Зозуля.

206. ДВА ЗЛОДІЙИ.

Увійшли у церкву два злодійи. Отъ, стали обдырять коло престолу святы речи, и одынъ достаючы пидсвишныка, ступывъ на престолъ ногою. А другы йому: „Куды ты, нечыста лапа!“ А той видказуе: „Хочъ лапа нечыста, абы душа чыста.

Записалъ въ с. Веркіевкѣ Нѣжинск. у. Е. Н. Гаврилей.

Литературная обработка у Руданскаго: Зоря, 1886, стр. 200, Абы душа чыста.

207. ЯЄЪ ИВАНЪ ПОВИСЫВСЯ.

Бувъ соби чоловикъ Иванъ. Дуже гирко йому жылося. „Пиду,— каже,— та самъ соби смерть заподію!“ -- Ишла баба дорогою. Ажъ бачыть, на дереви коло шляху Иванъ высыть. „Иваночку, голубчыку, а що се ты наробывъ!“ -- заголосыла баба. Колы прыдывляється та й каже: „ге, та якъ же кумедно зависывся, що пустывъ мотузокъ попидъ пахамы; добри люде такъ за шыю вишаються.“ А Иванъ озывається зъ дерева: „Та спытувавъ и я, — каже, — за шыю, — колы жъ дыхаты не можна!..“

Записалъ Е. Ѡ Дорошевскій въ Остерскомъ у. Черниг. губ.

208. ПРЫКАЗКЫ.

Прыказки доставлены: *Е. Н. Гаврилеемъ* изъ с. Веркiевки Нѣжинскаго у., *М. Н. Гринченко* изъ Богодуховскаго у. Харьк. г., *Н. Г.* изъ Черниговскаго у., *И. И. Зозулею* изъ Змiевскаго у. Харьк. г., *В. Г. Кравченко* изъ Кiевск. г., *В. Ф. Степаненко* изъ Каневскаго у. Кiевск. г. и изъ бумагъ *А. А. Тицинскаго* — безъ означенiя мѣстности.

1. **Абы спына, то буде й дубына.**
Абы шыя, а ярмо знайдеться. Нѣжинск. у.
А здорови, диды! Чы не мае биды? То й мени продайте, або й такъ дайте. Здорови въ хату. Черн. у.
Ачъ, розийвся якъ на поповы стогы! Харьк. г.
А шо йому (сонцеви) робыть гуляючы—тылькы гриты. Черн. у.
А що? Розбывъ горщокъ. А маты й два, та нихто не зна. Харьк. г.
Валакай, чорте, за попомъ—твiй день наставъ. Каневск. у.
Беры жуынку въ однуый льоли, абы не безъ доли. Нѣжинск. у.
Богъ очыма прыныжывъ (очи болять).
10. **Богъ тоби суддя, москаль свидитель.** Черниг. у.
Богъ бачыть, чый вискъ, а чый кгнить. Каневск. у.
Боже нашъ, Боже, а мы твойи люде, надъ кымъ будешъ богувать, якъ насъ тутъ не буде? Черниг. у. Чубинскiй, 235.
Братъ муый, а хлибъ йижъ свуый. Нѣжинск. у.
Врешы, гришний, завтра вирешъ. Каневск. у.
Буае, що й муха чае. Каневск. у.
Буае, що й на чортови прычына стаае. Каневск. у.
Булы въ кума хрыстыны, та не прыслалы й дытыны, а мы, жинко, не паны, ходимъ до кума й самы. Пьють у кума медъ-выно, а мы въ порогахъ стоймо, якъ прыйшлы не звани, такъ и пишлы не частовани. Черниг. у.
Буйся якъ огню, бережы якъ ока. Нѣжинск. у.
Винъ за поригъ, а я такы за пыригъ. Харьк. г.
20. **Всякъ дуракъ, якъ волы погубыть.** Нѣжинск. р.
• **Видно Кулыну, що хлибъ пекла, бо й ворота въ тисти.** Нѣжин. у.
Видно попа и въ рогожи. Нѣжинск. у.
Геть зъ образамы,—туть посядуть съ табакомъ. Черниг. у.
Гнать не вынувать, Кулына не вынна. Черниг. у.
Гопъ, чукъ, баранчукъ, на вгороди гычка; любить мене, панычи, що я невелычка! Каневск. у.

Гопъ, гопъ, недоскоку, десь чортяка прыченывсь, влюбывся я въ чорнооку й самъ ледащомъ изробывсь. Каневск. у.

Господы вышній! Чы я вѣтебе гришний? Чы я колы въ церкви буваю? Чы я колы шынкы мынаю? Чы мене собаки не лыжуть? Чы на мене жинкы не плюють? Харьк. губ. Номись, № 11729.

Господы, не побый плосконы, а побый матирку, щобъ не прялы въ пѣятинку. Харьк. г.

Гулялы бѣ, та хлиба не бралы. Каневск. у.

30. Дай, Боже! Робы, небоже, то й дамъ може. Харьк. губ.

Дай вору хлиба-солы—поменчае боли. Нѣжинск. у.

Дарую вамъ, диткы, оцього бычка, та глядять, диткы, та робить, диткы, якъ и мы робылы, та майте, диткы, та дбайте, диткы, якъ и мы дбалы. Каневск. у.

«Де бувъ?»—Зъ дурнымъ гомонивъ. Нѣжинск. у.

«Де булы?»—У млыни.—«А кому добрыдень дали?»—Свыни. Каневск. у.

Девѣять разъ за тобою. (Якъ хто впаде, такъ глузують). Черниг. у.

Де кумы тамъ и мы. Каневск. у.

День не петривськый, языкъ не попивськый—по двичы говорыты. Черниговск. у.

Добра ваша доля: вамъ и спаты воля, а мени не те на уми.

«Добрыдень, куме!» «Нехай не рые!» «А чы ты живъ-здоровъ?» «Отамъ лежить за тындѣмъ.» «А твоя жона?» «Нехай не буде дурна!» «А твоя диткы?» «Тамъ не було ни де диркы. Мыла тобі свынка, мыла мени городынка».—II. «Здоровъ, дивко!» «Мишокъ перу.» «А якъ це село зветься?» «Куры вробылы.» «Чы ты, дивко, дурна?» «На бантахъ высивъ.» «А шобътебе мама мордувала!» «Йдите здорови!» Записаль В. Г. Кравченко.—Комаровъ, № 199, Номись, № 8560--8564.

40. До готовойи колодки добре дрова рубать. Нѣжинск. у.

До Дмитра дивка хытра, а пиясла Дмитра, якъ иде свыня, то вона каже: помагай би тобі! Каневск. у. Чуб., стр. 246. Закр., стр. 159. Ком. № 296. Номись, № 497.

До Юрѣя, щобъ було харчи скоту и въ дурня, а розумны держысь до Мыколы, або не зводься никола. Нѣжинск. у. Гринченко, I, № 56.

Дурень съ печи—побывъ плечи. Каневск. у.

Дурни женилыся, а слипи дывылыся. Черниг. у.

Дурного учыть—якъ мертвого личыть. Нѣжинск. у.

Зѣзалуй дытыну—якъ спыть. Нѣжинск. у.

За великымъ поженешся, то й мале втерешь. Нѣжинск.

Завернысь та на другый бикъ! Завернысь другимъ бокомъ! (Якъ хто впаде). Черниг. у.

Загадай дурному Богу молыться, такъ винъ и лобъ побье. Нѣжинск. у.

50. Загойтыся, помы друге скойтыся. Харьк. губ.

За науку платять. Нѣжинск. у.

Запышалась, наче Катря въ постоляхъ. Нѣжинск. у.

За шмать лиса да взявъ биса. Нѣжинск. у.

Зъ Богомъ, щаслыва дорога! мы сухарцовъ насушимъ да на дорогу дадимъ. Черниговск. у.

Зъ чортового пузыря, то чортъ и вызыра. Каневск. у.

И квась добрый, и мира гарна. Черниг. у.

И собака бѣткавъ, та якъ бы хто ниткы въязавъ. Нѣжинск. у.

И хрыстытыся й не сміеться, Богъ думае, шо сердытыся. (Якъ хто молытыся, а другый хоче його збыты, шобъ засміявся, такъ и каже). Черн. у.

Ишовъ Лавринъ та вправъ у ривъ, летила ворона та встала Лаврона. Каневск. у.

60. Ишовъ Мартынъ съ хрестынъ и застрявъ головою у тынъ, а руками у ворота,—жинка його крыворота. Каневск. у.

Йижъ, якъ ротъ свижъ, а якъ завъяне, тоди нищо не загляне. Нѣжинск. у.

Йихавъ Прокипъ съ Прокопыхою, ще йзъ маленькымъ Прокопынчаткомъ. (Треба проказаты 12 раз.) Богод. у.

Йому кажешъ: оче нашъ, а винъ каже: батько нашъ. Черниг. у.

Казавъ батько: козу дамъ изъ маненькымъ козынямъ. Черниг. у.

Казавъ нанъ кожухъ дати, та веливъ довго ждати. Черниг. у. Номисъ, № 4517.

Клыканоу гостю багато треба шаны. Нѣжинск. у.

Кого лыхо не мыне, той полюбыть и мепе. Черниговск. у.

«Колы говитынешъ?» — На вылахъ. (На шостому тыждни, бо вже выляла-выляла, та дали никуды, бо на останьому и никола, и служба довга.) Богод. у.

Колы саны не твои, такъ ты у нихъ и не сидай. Нѣжинск. у.

70. Кому не кому, а кудому буде. Нѣжинск. у. Закр., стр. 173. Чубин. стр. 284.

Котю, котю, баю нашъ, чы знаешъ ты Оченашъ? А я знаю лучче вась: я у попа ночувавъ, Оченашыкъ перенявъ. Черниг. у.

Кумъ дитей хрыстыты, а добра не мыслыть. Каневск. у.

Куны садъ, вернешъ гроши назадъ. Нѣжинск. у.

Курка скакала—тынь поламала, сусиды почулы—попови сказали;
а пишъ съ печи, nobывъ плечи, попада зъ грубы—побыла груди, дыты-
на съ колыскы—побыла стыскы, а баранъ съ пидъ лавы—дытыну
рогамы: цыть, дытыно, не плачь, спече маты калачъ, медомъ помаже,
тоби покаже, а сама ззистъ. Каневск. у.

Латку на латку сажу, копійку на горилку держу. Богод. у. Чуб.
стр. 281.

Ледачому сыну худоба не поможе. Нѣжинск. у.

Линыве такъ робыть, якъ мокре горыть. Нѣжинск. у.

Лись лисомъ, а бись бисомъ. Каневск. у.

Маты съ сыномъ лається—за пичъ береться; зъ зятемъ—за клям-
ку береться. Подольск. губ. Чубин., стр. 291.

80. Мачушыне слѣвце, що зимнее сонце: воно хочъ и свитыть, та
не гріє й буйнымъ витромъ одъ його віє; а ридной матери слѣвце,
що литнее сонце: хочъ и якъ хмаренько, та все такы 'дъ його теп-
ленько. Каневск. у.

Мижъ воронамы й крякай по воронячому. Нѣжинск. у.

Молодець, да не баба. Черниг. у.

Молодци хлопци, та не свыщете. Черниг. у.

Моргны, слипа, дамъ коржа. Каневск. у.

Мызерство якъ гуртове, такъ все равно чортове. Нѣжинск. у.

Мыкыто, не паскудь въ корыто. Каневск. у.

На вгороди лыпа,—чорни бровы у Пылыпа, а я свои въ сажу
вмажу. Пылыповы переважу. Каневск. у.

Наймись, наймитку, въ мене, а я въ попа для луччойи харчи.
Богодух. у. Комаровъ, № 724.

На ката й хата, якъ топыть ничымъ. Нѣжинск. у.

90. На кути (покути) хотъ пипъ, хотъ кутя, хотъ дурень безъ пуття. Черн. у.

На чуже пшоно не грій укропу. Нѣжинск. у.

Не буйся злого, а дурного. Нѣжинск. у.

Не вартъ свое свитло палыть, а чужи гроши щытатъ. Нѣжинск. у.

Не вeditъ, вона й сама иде. Черн. у.

Не вчывшысь и постола не сплетешъ. Нѣжинск. у.

Не вчыла въ пелюшкахъ, а вже въ рядюжкахъ!.. Нѣжинск. у.

Не гляды била, абы була. Нѣжинск. у.

Не дай, Господы, наглою смертю вверты безъ покаяннѣя. Каневск. у.

Не до сорома, якъ сорочки нема. Нѣжинск. у.

100. Не до сорома, якъ хлиба нема.

Не до тебе пють, не кажы й здоровъ. Каневск. у.

Этнограф. матеріалы, II.

Не дрыгайте, а то зьяжемо. (Якъ хто каже: добрый вечеръ) Черниговск. у.

Не колить, а живого пустить. Черниг. у.

Не кракала ворона вгору летючы, а вынзъ и поготуувъ. Нѣжин. у. Закр. стр. 187.

Не нашъ кинь, не нашъ визъ, не намъ його й мазаты. Харьк. г.

Не привыкай ласуваться, бо суйкъ разъ у руйкъ. Нѣжинск. у.

Не пившы не йившы та й скачы здурившы. Нѣжинск. у. Чубин. стр. 249.

Не робы свого хорошего, а чуже дурнее. Нѣжинск. у.

Не старе мре, а носьпиле. Нѣжинск. у. Закр. стр. 190.

110. Не той платить, хто спашъ зробить, а той, хто поймається. Нѣжинск. у.

Нехай вамъ обрывочки, а намъ будутъ цили. (Якъ хто скаже: добрывечеръ). Черниговск. у.

Одною рукою узла не завъяжешъ. Нѣжинск. у.

Одынець—худоби конець, а де сийъ—такъ щастя всимъ. Нѣжинскій у.

Одынь у лись, а другый у болото. Черниг. у.

Одъ ципа въ спыни сипа. Каневск. у.

Ой, важке! (якъ шо горяче влопыть.) Черниг. у.

Ой на гори салата,—роды, Боже, дивчата, а парубкивъ не роды, бо то сами ироды. Каневск. у.

Ой на гори стовпчыкы—роды, Боже, хлопчыкы, а дивчатокъ не роды, бо то сами ироды. Каневск. у.

Отъ де завела, якъ болотній соловей. Черниг. у.

120. Оце хтось споменувъ, хоть бы й голли не мынувъ, опрочъ своего, шобъ и душа зъ його; якъ бы не зубы та не губы, такъ була бь душа на дуби. Черниг. у.

Пана лають, панъ гладчае. Черниг. у.

Пиды не клыканы, такъ и пуийдешъ не шанованы. Нѣжинск. у.

Плакалы, голосылы, Бога не впросылы: стали спивать, ставъ Богъ давать. Черниг. у.

Пагана лычана пужка, та й безъ тийи гыдко. Нѣжинск. у.

Пагана мотузочка, и та въ дорози знадобыться. Нѣжинск. у.

Поганю юшкою сылъ не поправышь.

Пожываемъ та хлибъ пожуваемъ, а часомъ и булку.

Покажы путь, якъ горилку пють.

Покиль дйда,—поты въ бабы й хлиба. Нѣжинск. у. Закр., стр. 196

130. Поки багать, то всімъ и свать и братъ, а якъ же ничего не стало—мовъ лызнемъ йихъ злызало. Каневск. у.

Поки позычышь на нови чоботы грѣшей, такъ стари до станку зносышь. Нѣжинск. у.

Полуижъ лусту яшню та скажи слово пшенишне. Нѣжин. у. Ном. № 12920.

Попивськи жныва, якъ земля не жыва—у писть великый. Канев. у.

Пословица околыця никола не 'бломыться, ока не выколе, а до сердца просыгся. Черниг. у.

Постолыкы—соколыкы, а чоботы—черты: походывшы по улыци треба йихъ обтерты. Нѣжинск. у.

Поты старецъ плохый, поки собаки не оступлють. Нѣжинск. у.

По цимъ ладу додому пиду. Харьк. губ.

Пропавъ кинь, то й вузду кинь. Харьк. губ.

Пропала голова, а хвосту й ничего. Нѣжинск. у.

140. Просымо (обидать), а до своего рота носымо. Каневск. у.

Просымо—йимо, якъ прийдете, то въ лобъ дамо. Каневск. у.

Прощайте, да не лякайте, бо не збоюсь.

Пусты сусида въ хату, то й самъ пуийдешъ у сусиды. Нѣжин. у.

Пылы-гомонила, а якъ прийшлося платыть—понимила. Каневск. у.

Разъ не гараздъ, удруге краще. Богод. у.

Савка килкы гострыть, Варвара мосты мостыть, а Мыкола цяшкы забывае. Каневск. у. Номисъ, №№ 506—508.

Своегъ щастя и колесомъ не обйидешъ. Харьк. губ.

Свое хотъ убъе та въ муихъ не втягне. Нѣжинск. у.

Сіемо, оремо, а хлибъ зъ базарю йимо. Харьк. губ.

150. Скоря работа, такъ нагла смерть. Черниг. у.

Словце зъ масломъ, та думка чортова. Каневск. у.

Слугы съ пидъ печи! (Якъ хто каже другому, шобъ той йому шо небудь зробывъ, такъ той и каже.) Черниг. у.

Старого хвалы, та зъ двора веды. Нѣжинск. у.

Табачокъ, крипачокъ, нюхательный, крипательный, нюхавъ батько, нюхала маты, ще й насъ тры браты, ще й ти чотыри, що горохъ молотылы, ще й ти п'ять, що въ соломи сплять. (Нюхари прыказують такъ за кожнымъ нюхомъ по слову.) Каневск. у.

Тикають не видъ калача, а видъ быча. Харьк. губ.

Товстопрядуха возомъ везе, а тонкопрядуха пидъ рукою несе. Каневск. у.

Той буде въ боци, а ты въ оци. Харьк. губ.

Торохтыть языкомъ, наче горохомъ объ стину. Нѣжинск. у.

Траву дывысь удень, якъ эбохне рѣса, а дивку у буддень, якъ невбрана та боса. Каневск. у.

160. Ты його сюды, а воно тоби туды. Каневск. у.

Убъешь бобра—не буде добра.

У лайци купывъ бы слово та сказавъ. Нѣжинск. у.

У москаляхъ бьютъ та ще й плакать не дають. Нѣжинск. у.

У насъ отакъ завтра падали (робылы) (глузують, якъ хто впаде або не такъ шо зробыть.) Черниг. у.

У насъ такъ и завтра робылы. (Якъ хто не до ладу зробе.) Черниговск. у.

У насъ усе такъ роблять, шо свичкы пойдять, а сами повночи сыдять. Черниговск. у.

Уплутавсь наче паздиръ у лыка. Нѣжинск. у.

Уси бѣ кожуркы шылы, такъ вовночка тягається. Нѣжинск. у.

Комар. № 739.

Жучь голенькый, абы дуженькый. Каневск. у.

170. Хочъ губаы йижъ. (Таке пухке). Богод. у.

Хочъ заробымо кривно, та й пропъемо певно. Харьк. губ.

Хочъ здорови, да поборемо. (Якъ хто каже: здорови намъ.) Черниговск. у.

Хочъ сядь та й плачь, хочъ сившы плачь—такъ усе одно. Черниговскій у.

Хочъ убожество, та слово чесне. Нѣжинск. у. Номисъ, № 1610.

Хочъ Хома, та спавъ миждь двома. Нѣжинск. у.

Хто на чому сыдыть, той того й глядыть. Нѣжинск. у.

Хто пасучы скоть путае, той ногаы не плутае. Нѣжинск. у.

Хто якъ робыть, такъ и матыме, хто якъ пославсь, такъ и спатыме. Каневск. у. Закр. стр. 229.

Цвикованый, та не дрюкованый. Каневск. у. Чубинскій № 249.

180. Це було ще за царя Горошка, якъ люды йлы хлеба потрошку. Черниговск. у.

Це було за царя Папъка, якъ була земля тонка,—носомъ пробый, та й воду пый. Каневск. у. Ном. № 6856—7.

Це шаройи кишкы сонъ. (Якъ хто каже таке, чого не буае.) Богод. у.

Ципъ та коса, то то бисова душа. Каневск. у.

Цыганъ свое за плить валыть и то хвалыть, каже: «бать, тутъ же конячка такая, шо якъ бижыть такъ дрижыть, а впаде такъ лежыть,—поможить иднять, такъ будемъ мнять. Черниг. у. Комаровъ, № 1222.

Ченчыкъ, ченчыкъ невелычкый, на ченчыку черевычкы, шапочка кинчаточка—добрывечирь, дивчаточка! Каневск. у.

Черезъ тынъ видра—твоя маты видьма. Каневск. у.

Чого ты, дивко, танцюешь?—«Аджежъ десь музыки та грають!» Борзенскій у.

Чоловикъ трычи дивный буває: якъ родыться, женыться и вмирає. Каневск. у.

Чужымы пырогамы свого батька помынатъ. Черниг. у. -

190. **Шапка** пырижкомъ, а ходыть по ярмарку зъ мишкомъ. Каневск. у.

Що годокъ, то й сынокъ. Каневск. у. Комар. № 332.

Що млынъ та кобыла, такъ лыха годына. Нѣжинск. у.

Що не йижъ, а хлиба хочеться. Каневск. у.

Що рыба та зайци такъ загонять у старци. Нѣжинск. у.

Що ступыла—согришыла: одынъ Богъ безъ гриха. Нѣжинск. у. Номысь, № 99.

Що ты знаешь! я бильнъ пропывъ, якъ ты маешь. Каневск. у.

Я гришний чоловикъ—за себе й за чорта йимъ.

Я за вами, а ты й тутъ, забрался та й сыдышь. Йшли бъ до-
дому повечерявъ та й ишли вже бъ на всю ничъ.

Якъ быть паганымъ хазяиномъ, такъ краще гарнымъ челядыкомъ.

Нѣжинск. у.

200. **Якъ** бы и въ мужыка руки били, такъ пана бъ и воши ззили.

Нѣжинск. у.

Якъ йидешъ на день, то хлиба беры на недилю. Нѣжинск. у.

Якъ кельма (?) та молотокъ, то й хлиба шматокъ. Каневск. у.

Якъ кутя, то й дытя. Каневск. у.

Якъ ударыть Бать,—не ходы й ридный братъ. (Гдѣ была церковь старая св. Николая, возлѣ Контрольной Палаты въ Черниговѣ, тамъ долго хранился дзвонъ Бать—это былъ набатный колоколь крѣпостной. «Якъ ударыть Бать—не ходы й ридный братъ» это значитъ тревога въ крѣпости. Кто не принадлежалъ къ крѣпостному войску, долженъ сидѣть дома и не мѣшать защитѣ города, на который, по близости польской границы, бывали нападенія неприятелей. А. А. Тищинскій.)

Якъ у мѣсойидъ дивка йде та стрине порося, такъ и каже: «Чу, а то стопчу!» А въ пистъ вона зажурена, шо ййи ниhto не сватає, такъ якъ иде та стрине кота, такъ и каже: «Коту, а то впаду.» Черн. у.

Якъ нещастя, такъ недоля: не вродыла бараболя. Черниг. у.

Якъ подилылысь, такъ и пожурылысь. Харьк. губ.

Якъ иопоробы до поту, то й попойсы въ охоту. Нѣжинск. у.

- Якъ ручки вроблять, такъ спына й зносыть. Нѣжинск. у.
210. Якъ у тебе порубано, шо й кровъ не йде? Черниговск. у.
Якъ хочешъ лозы, такъ у пылышывку возы. Нѣжинск. у.
Якъ чоловіку беда, то й до Кыйива йде, якъ мынеться беда, то й зъ Броваривъ хода.
Якый йихавъ, такого й на вуизъ узавъ. Нѣжинск. у. Чуб. стр. 297.
Якый коринець, таки й пагонецъ. Нѣжинск. у.
Я, мамочко, проворяка, йду, а дядькивъ парубокъ роззявляка йде та прямо мени голоблею въ ротъ. А я йому й ку: «Не бачышь»,—ку,— «роззявляко, куды йидешъ?»—Черниг. у. Номисъ. № 6594. Комаровъ, № 1039.
316. Я на швыдку—чужы кинь, чужы визъ.

209. ЗАГАДКЫ.

- Загадки доставлены: *Е. Н. Гаврилемъ* изъ с. Веркиевки Нѣжинск. у., *А. А. Гарнье* изъ с. Грабовки Черниг. у., *Н. Г.* изъ Черниг. у. и *В. Ф. Степаненко* изъ Каневск. у.
- Виль.** Якъ бувъ малымъ, у чотыри дудки гравъ, а ставъ росты, ставъ вуизъ везты. Нѣжинск. у. Ном. № 109. Семент. № 336.
- Виниыъ.** Якъ-бы не дидове чересло то й у баби-бъ заросло.— Номисъ, № 330. См. здѣсь «Дига й нижъ.»
- Вода.** Що цвите безъ насиння? Каневск. у.
- Вытушна.** На одній нози чотыри кози. Каневск. у.
- Гадюна.** За лисомъ, за пролисомъ жыва палыця лежыть. Каневск. у. Ном. № 103. Закр. № 27, Семент. № 403.
- Глыняныыъ.** Стоить котыкъ пидъ лавкою, замурзався сметанкою. Каневск. у. Ном. № 384.
- Годыныыъ.** Иде бильшь насъ, а зъ мисця й не зрухнется. Каневск. у. И стучыть, и гручыть, на одному мисти стоить. Черниг. у.
- Голна зъ мыткою.** Вовчокъ зализяный, хвистъ конопляный. Черниг. у. Номисъ, № 352.
- Гроши.** Кругленьке, маленьке всьому мыру мыленьке. Каневск. у. Молоткомъ бьютъ та й намъ дають. Каневск. у.
- Дига й нижъ.** Якъ бы не дидове чересло, то й бабыне бъ заросло. Нѣжинск. у. Номисъ, № 330.
- Дзвинь.** Въ однихъ сели рубають, а въ другихъ иверни литають. Каневск. у. Ном. № 11. Чуб. стр. 308. Закр. № 43. Семент. № 119.

Думка. Що въ свѣти найирудче? Каневск. у. Семент. № 68.

Дымъ. Безъ рукъ, безъ нигъ на хату лазыть, выще дерева росте, лыстя не мае й цвитомъ не цвите. Каневск. у. Ном. № 305. Чуб. стр. 308. Закр. № 49. Семент. № 146—147.

Жунъ. Шість нигъ, два рогы й самъ на цыгана схожий. Каневск. у.

Зубы у роти. Лежыть у погриби два ряды крашанокъ билыузъ. Каневск. у. Ном. № 236. Семент. № 87—88.

Кильце. Що безъ конца? Нѣжинск. у.

Коса. Сира кобыла по полю ходыла, у село прыйшла, по рукахъ пишла. Черниг. у.

Коса, трава и копыци. Хата лава (?) лисъ поламала: лисъ изовъявъ, а на тихъ мисти городъ ставъ. Черниг. у. Номисъ № 499, Закревск., № 79.

Кручонъ у стимм. Що вгору дывыться? Нѣжинск. у.

Крыга. Лизу, лизу по билому зализу, назадъ озырнуса, смерты боюся. Черниг. у.

Куты у хати и стеля. Чотыри бабы одну скатерть шують. Черниг. у.

Кышена. Якъ тее зовуть, що часто довбуть? Черниг. у.

Лавы на покути. Ятровка зъ ятровкой докупы головою. Каневск. у. Чубинск. 310.

Маляръ побывъ дяна. Творецъ усихъ святыхъ побывъ у шынку Божу дудку. Каневск. у.

Межа. Лежыть колода середъ города, ниhto йийи не ворочае. Нѣжинск. у.

Мисяць та сонце. За горою камъяною стойить братъ изъ сестрою. Каневск. у.

Мисяць та його зирна. Иде братъ горою съ своею сестрою. Каневск. у.

Муыхъ. Шо въ хати нетесане? Нѣжинск. у.

Млынъ. Стойить дубъ дупленатый, никому не выноватый, не жие, не молотыть, а готовее колотыть. Черниг. у.

Наперстокъ. На дирци дирка, а на йихъ сто дирокъ. Нѣжин. у.

Овечка. Иде пани красна, на йий ризка ряска, мизъ ногамы смашна. Нѣжинск. у.

Очи. Черезъ сволокъ два клубочки высять. Каневск. — Два клубочки весь свить острочылы. Черниг. у.

Перса жиночи. Пшенишны буханъ, на лопати не бувавъ, а весь мыръ годувавъ. Нѣжинск. у. Ном. № 249 Гринч. I, № 10. Семент. № 63.

Саны. Плывуть пльвущки, позадыралы у гору вушкы. Черниг. у.

Ступа. Прыйшовъ кумъ до кумы, дай, кумо, яндылы; кума ногу пундяла: оце тоби яндыла. Нѣжинск. у. Закревскій, № 172.

Трамъ. Полутрамны. Пишлы чернычкы на вечернычкы, та якъ полягалы спать, то й доси сплять. Нѣжинск. у. Черниг. у. Номсь, № 287.

Хлибъ учыныть и замысьть и въ пичь посадыть. Изъ вечора зарывъ, икъ повночи захандрычывъ, икъ свиту зарычывъ. Нѣжинск. у.

Цернва, люде й пипъ. Стоить стрила середъ села, у тѣи стрилы симсотъ овецъ, а одынъ баранецъ. Каневск. у. Ном. № 4. Закр. № 117. Семент. № 107.

Човенъ, весло. Визъ безъ колись, а батигъ безъ лясы. Каневск. у. Чуб., 317. Ном. № 434. Семент. № 326. Закр. № 184.

Чоловинъ по воду раненью йде. Ни свить, ни зоря—йде зигнувшыся зъ двора. Черниг. у.

Штаны. Туды разъ, туды разъ, прошу лизъ на мене. Чернигов. у.

Ййце. Повна бочка горилкы а нигде немае диркы. Каневск. у. Повна бочка вына, коло нейи замочка нема. Каневск. у.— Стоить джечка вынци безъ обручивъ, безъ денця. Черниговск. у. Чуб., № 317. Ном. 67. Закр. № 191. Семент. №. 368—371.

Ярмо. Дви ломакы, дви деревъякы, девъять дирокъ—дви не щытається, туды матузкы усажуються, кольце й ковбаса, и загадка уся. Нѣжинск. у. Харьк. Сборн., III, 64, № 61.

Матеріалы, доставленныя во время печатанія.

Къ отдѣлу I-му.

210. ДЕРКАЧЪ.

Деркачъ крычить:

Дерь-деръ! Не вмеръ.

Дерь-деръ! Усю ничъ протерь.

Дерь-деръ! Уже й свить поперъ.

Дерь-деръ! Выходывъ кущи—не вмеръ.

Дерь-деръ! Вылазывъ траву—потерь.

Изъ бумагъ А. А. Тищинскаго.

211. СОНЦЕ НА КУПАЙЛА.

Люде вѣрють, що на Купайла сонце, сходячы съ пидъ земли, купається, идіймається й спускається, нибы пышається тією красою, що розлыло по земли. Треба вставаты вдосвита и хто щаслывый, той побаче.

М. Немировъ Подольск. г. и м. Шумскъ Волинск. г. Записаль д-ръ Гребенюкъ.

Къ отдѣлу II-му.

212. ПРИМЪТЫ.

1. Якъ лива брова свербыть, такъ хтось судыть, а якъ права—хвалыть. 2. Якъ важко икається, такъ хтось судыть, а якъ легко—хва-

лыть абозгадуе. 3. Якъ шо зъ рукъ пада, такъ хтось поспинається. 4. Якъ-собака вие та на який двирь дывыться, то тамъ буде пожарь. 5. Якъ удавышся тымъ, що йисы, такъ се той, чые воно, пожаливъ даты ззисты.

Черниг. у. Записала Н. Г.

6. Якъ собака вие, пидіймаючы голову вгору,—на пожежу, а спускаючы внызъ—на вмируще.

Записаль М. С. Коноенко.

Къ отдѣлу III-му.

213. ЯКА ВУВА ХВОРОВА.

Якъ бы одъ Бога болизнь, то Богъ бы й зличывъ. А якъ *сама* до-скочыла, то й ни...

Отъ молодыци Полт. г. записаль Г. А. Коваленко.

---

214. ОДЪ УРОКИВЪ.

Якъ идешъ зъ одного села въ друге зъ дытною, то треба йдучы такъ приказуваты: «Иду я съ села N та въ село N, а въ тымъ сели N одна церква, одынъ пищъ и одни люде: тамъ мойй мольтвяній и хре-щеній дытняи ничого не буде.» Якъ повертаешся назадъ, та супроты те-бе йде яка жинка зъ дытною, говоры такъ: «И въ тебе дытынча, и въ мене дытынча; у тебе соколынча, а въ мене совынча, та твоему соко-лынчяти очи повыдера.»

Записаль въ с. Полствинѣ Каневск. у. отъ знахарки Т. Бойковой В. Ф. Степаненко.

---

215. ПРОПАСНЫЦЯ.

1. Молытва одъ пропасныци. Божію помощію Воиня Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Выходило изъ моря окіяна семдесятъ семъ дѣвиць прекрасныхъ и встрѣтился имъ Пре-подобный Пафнутій Боровленскій чудотворецъ и вопроша ихъ глаголя от-куда вы вышли дѣвицы прекрасныя они же отвѣчаютъ мы изъ моря

окіана дщери царя ирода идемъ въ мiръ людей искушать кости ломать кровь волновать въ жаръ привѣртать взнобъ бросать здоровье отнимать отъ тоцы отбивать тогда Преподобный Пафнутій началъ ихъ наказывать и даде имъ по сѣмдесять семь ранъ они же стеноя воплено вопили О Преподобный Пафнутій помилуй насъ Аще кто твое имя будетъ на себѣ носить и тебѣ поминать отъ того будимъ отбѣгать и поидемъ на очередь ина болота и пока возвратимся въ море окіанъ того помилуй Господи раба имя рекъ отъ болѣзни сей Аминь.

Записаль для собственнаго употребленія козакъ с. Демьянець, Переяславск. у. Полт. г., Никита Воловикъ, въ 1885 г. Правописаніе подлинника удержано.

2. Одъ пропасныци—ремезовымъ гнздомъ пидкурюють пидъ рядножь. Суху жабу носять у капшуку на шыйи. На страсти за кожнымъ Евангеліемъ—узлыкъ завязують на нитку и нитку ту на шью. Полт. г.

3. Лякалы вишаннямъ хлопця, шобъ пропасныца покынула. «Хай Богъ мылуе!.. Якъ ведуть його вишать, якъ уже така думка у нихъ есть, то вже Богъ одступытьса, а лукавый прыступыть.» Полт. г.

Сообщилъ всѣ три номера Г. А. Коваленко.

216. КРОВЪ ЗАМОВЛЯТЫ.

1. Первымъ разомъ Божиимъ часомъ йихало дванадцать бративъ на войну, трынадцята сестра на червоныхъ коняхъ, червони попоны, червони сидла, червона одежда, былыся.... ваговалыся, сестра прыстала, кровь иты перестала.

Записаль для собственнаго употребленія козакъ с. Демьянець, Переясл. у. Никита Воловикъ въ 1885 г. Сообщилъ Г. А. Коваленко.

2. Иде одъ Бога Матка Хрыстова золотыми мостами, зъ золотыми ципухамы. Состричае йийи сынъ Божый, пытае: «куда ты, матка Хрыстова, идешъ?» «Иду тросткы забываты молытяному, хрещеному (имя рекъ) крови замовляты.

Отъ бабы шептухи въ Масковцахъ Переясл. у.

3. Летивъ Мыколай черезъ Божый рай. Рай роскиляеться, тоби кровь сопыняеться (имя). Прошептать 3 разы однимъ духомъ.

Отъ дйда въ с. Демьянцахъ Переясл. у.

4. Литвинова дивка перейняла видъ своей бабы и переказала братови: Ишла баба камъяна камъянымъ мостомъ, съ камъянымъ ципкомъ съ камъянымъ глекомъ; а въ тому глеку вода розлылась, рожденному хрещеному рабу Божому (имя) кровь унялась.

С. Демьянцы Переясл. у. Всѣ три заговора записаль Г. А. Коваленко.

217. МОЛЫТВЫ МОЛОДЫКОВИ.

1. Молодыкъ, молодыкъ, тоби вповни, мени на здоровїи; тоби рясота, мени красота, тоби рай на неби, мени рай на земли. Аминь (трижды.) Оче нашъ... Поклоны. Отъ бабы Татьяны.

2. Стоячы до молодыка, проказують: Мисяць-мисяць молодыкъ! Якъ у мори каминь, такъ у лису дубъ; тогда подвенеться у (такого-то) зубъ. (Повернутись на схиъ сонця и прочитатъ «Оче нашъ» разивъ тры).

Записано отъ Карпа Панченка.

3. Молодыкъ, молодыкъ, тоби хрестъ золотый. Тоби вповни, а намъ у здоровїи, тоби золоти рогы, а намъ волю да коровы, тоби выповняться, а намъ оздоровляться. (Перехрестыться.)

Записалъ въ с. Демьянцахъ Переясл. у. Г. А. Коваленко.

218. ЩО РОВЫТЫ, ЯЕЪ НЕМАЕ ЧЫМЪ ЖИИЦИ ДЫТЫНЫ ГОДУВАТЫ.

Передъ тымъ, якъ мае наставаты молодыка, треба налыты шклянку свяченой воды й поставыты ййи на викни, на захидъ сонця. Поки ще його не видно, можна ходыты по надвиррю, ровыты що хочешъ, тилькы яко мога частишь позыраты на небо, чы не видно його де. Тилькы назрышь його, ту мыть стань на тому мисци зъ якого наглядивъ його й звелы вынести соби ту воду, що въ шклянци на викни. Допиру визьмы ту воду, помолысь усього Богу, скажы трычи «Верю!» напыйся трычи навхрестъ теи воды, мажся нею й прыказуй, дывлючысь на молодыка: «добрывечиръ тоби, молодыче молодой, на тоби хрестъ золотый! Мисяцю молодой, повыдаймося и повитаймося: я тебе медомъ та выномъ, а ты мене билимъ молокомъ.

Записалъ въ с. Полствинѣ, Каневск. у. отъ Т. Бойковой В. Ф. Степаненко.

219. ОДЪ ГАДЮЖЫ.

Вопервыхъ—помъяны, Господы, царя Давыда, усю кротость його. У поли стояла яблуня. Пидъ тою яблунею изъ чорного баранѣ руново гнздо, а въ томъ гнзди змя—шкуропея (1). Прошу я тебе,—збирай

(1) Що то за змя шкуропея?—Надъ усяма старша. У нейя голова золота, усихъ гадюкъ вона у вирей веде.

своихъ змій: польовыхъ, водяныхъ, земляныхъ и гнойныхъ, усякихъ, усякихъ! (1) Нехай вони желовы не мають, пухлятыну знимають. Ежели чоны пухлятыны не знимуть, желовы не выймутъ, такъ я буду жалитися Господу Богу Иесу Христу. Господь нашлетъ на васъ гримъ, дощъ, огонь-лежонію (2): громомъ побъе, дощемъ залле, огнемъ попалыть.

Отъ дида Ивана Курилка въ с. Демьянцахъ Переясл. у. записаль Г. А. Коваленко. По словамъ дида, онъ «перечувъ сю молитву видъ сталовира.»

220. ОДЪ ЗУВИВЪ.

1. *Замовляння.* Первымъ разомъ Божымъ часомъ, мисяць на неби, каминь у мори, мертвый у гроби. Якъ изійдуться ци три браты хлиба-со-лы глытаты, тоди буде болизнь мойи зубы ламаты. Мисяця зъ неба не зниматы, каменя зъ моря не выйматы, мертвому зъ гроба не вставаты, тоби, болизнь, не стояты, зубивъ мойихъ не ламаты изъ року до вику. Аминь.

Записаль для собственного употребленія казакъ с. Демьянецъ Переясл. у. Никита Воловикъ въ 1885 г. Сообщиль Г. А. Коваленко.

2. Одъ зубивъ—блекотомъ пидкурюють. Полт. г. Записаль Г. А. Коваленко.

3. Солдаты совѣтоваль крест. К. Панченко, чтобъ зубы не болѣли обувать и снимать всегда сперва лѣвый сапогъ. «Вы совитуйте кому треба: помагае,»—обратился крестьянинъ къ фельдшеру, — «средство простое.»

Записаль въ с. Демьянцахъ Переясл. у. Г. А. Коваленко.

221. ЖЫВИТЬ ПИДВИРАТЫ.

Прывляння, якъ пидбирають жывоты, колы осунуться; «Золотый золотнечку, стань соби на мистечку, де поставывъ тебе отецъ и маты, тутъ тоби до вику стояты.» Чытається 12 разъ помы и выбирають.

Отъ бабы шентухи въ Кучоковѣ Переясл. у. записаль Г. А. Коваленко.

(1) Пяць 77 (примѣч. дида).

(2) Молвію.

222. ЛѢЧЕВНЫЯ СРЕДСТВА,

записанныя отъ крестьянъ въ с. Демянцахъ, Переясл. у., Полт. губ., въ 1890 году.

1. *Очи болятъ*: мажутъ очи росою, збраною на св. Юрія (23 апрѣля). У малыхъ дитей—маты забрызкуе покормомъ.

2. *Ячминецъ* (нарывъ на вѣкъ): дають дулю тому, у кого ячминецъ; хворый каже: «нехай вона (дуля) тобі всохне!—«Нехай тобі ячминецъ усохне!»

3. *Раны* (свѣжія) заливають березивкою (горилка, настояна на березовыхъ брунькахъ); засыпають пацевою кисточкою (пальцевидныя окаменѣлости, находящія въ мѣлу; ихъ измельчаютъ и этимъ порошкомъ засыпають рану.)

4. *Раны* застарѣвшія и язвы: прысыпають бзюхою; прыкладають лыстя съ подорожника.

5. *Лышайи*: запльовують; мажутъ «виткою» (трубку изъ бумаги сжигаютъ надъ рюжкою; изъ дыма осѣдаетъ немного тягучей жидкости; это и есть «витка»); мажутъ саломъ зъ млына, съ пидъ валу.

6. *Гузкы* (бородавкы): мажутъ дощовыми краплями зъ глухого кинця ворить; выпикають гузкою веретенѣ.

7. *Ури на мцѣ*: умывають сыроваткою зъ молока.

8. *Ластовыннѣя* (веснушки): мазать счысткомъ (сокъ растенія *Cselidanium majus*.)

9. *Соняшныци*: заварюють (мыску становлять на жывить, запалюють конопель трохы, кыдають у глечыкъ, тоди його перекинувшы становлять у вду, въ мыску, вода булькотыть. Дають тіен воды напытыся.)

10. *Поруха*: выбираютъ у жывоти и шепчуть «молытовку» (заговоры.)

11. *Бышыха* (рожа): прыкладають лыстя подорожника, товчене пшоно, «вершокъ» зъ молока кыслого.

12. *Чухачка* (*Scabies*): змишують дьготь, сирку, цыбулю товчену кладуть те все у черепокъ, гріють на огни, тоди мажутъ тило.

13. *Пранци* (*Syphilis*): пьють «декохтъ»,—кориннѣя *sarsaparillae*, настояне на води або на горилци; колы на води, то не можна кыслого й солоного йисты и босою ногою на землю ступаты; болячки мажутъ «маркуриемъ» *Sublimat.orros*.

14. *Ризачка* (*enteritis acuta, disenteria*): варять и пьють ризакъ (?—росте въ болоти); перепалюють сухари, настоють у води и дають

пыты; напоюють манією 'зъ водою (мумія, краска); купають въ отварѣ краденой «гурковой гудени, бо якъ съ своеи, то не поможе.»

15. *Переполохъ*: прысыкають 12 палочокъ зъ виныка до порога.

16. *Золотуха*, припухшія железы: «выкачуютъ» больное мѣсто шариками изъ горячаго хлѣба.

17. *Пиднебення опало* (angina): «пиднимають» пиднебення такъ: запалюють у челюстяхъ (печи) крутинь, простягають руку надъ дымоу, тоди тією рукою пиднимають пиднебення и кажуть: «дымъ—угору, а ~~дымо~~—зъ рота!»

18. *Песыкъ на оци* (бѣльмо): заволикають у вухо червону нитку и шепчуть; тертымъ сахаремъ задувають око, або тертымъ крышталемъ (стекломъ); кызяка прыкладають до ока.

19. *Палець обирвало, скрутыло* (paparitium, phlegmane): прыкладають кысле тисто, щобъ швыдче прорвало.

20. *Болячка* (abscessus, oncusculus): прыкладають лопухъ, бурякъ, капустае лыстя (щобъ жаръ вытягало), печену цыбулю, коржыкы съ крупчаткы та зъ меду.

21. *Ожогъ*: прыкладывають коровій пометъ.

22. *Обмороженіе*: мажутъ гусячымъ смалцемъ.

23. *Пьянство*: нанимають молебень въ 4 окрестныхъ церквяхъ.

25. *Паденіе (дитяти)*: полить воды на то мѣсто, гдѣ упало дитя, а его самого, прежде поливанія—стащить въ другую сторону. Якъ дытына пры тому дуже злякалася, то треба ййи гукаты у коминь.

25. *Якъ хто утопыться*: трусятъ у рядни; а якъ не вытягли и не вміють знайти въ води, то пускають на воду покрышку зъ лада-номъ; де покрышка спыныться, тамъ и треба шукаты.

26. *Повѣсившагося* боятся и ничего не дѣлають. Такой способъ самоубійства считается особенно страшнымъ и грѣшнымъ; смущаетъ больше всего посинѣлое раздутое лицо повѣсившагося.

27. *Перехидъ* (eclampsia epilepsia), *чорна болиздь «нужда»*: во время припадка накрывають запаскою или рушныкомъ съ пидъ паскы.

28. *Enuresis nocturna*: хлопця проганяють кризъ жлукто мерзлою або мокрою дужкою (заставляють мальчика лѣзть сквозъ жлукто въ широкій конецъ, увѣряя, что болѣзнь пройдетъ, если онъ пролѣзеть; когда онъ туда всунется и дѣлаеть попытки пролѣзть дальше (конечно, безуспѣшныя),—его бьютъ сзади мерзлою или мокрою вереткою).

29. *Вовчий лышай*: мажутъ вовчымъ жиромъ.

30. *Щобъ цвѣтъ бувъ.* (менструація): пють квиткы пивоніи, добре намысто (корали) зъ водою, товчене.

31. *Выкидышъ* пытаются произвести подыманіемъ тяжестей, давленіемъ на животъ; а для предупрежденія беременности пють настой «конопляныхъ «макивокъ.» а также порошокъ съ водою, въ надеждѣ, что онъ будетъ выжигать зародышъ.

32. *Якъ диты не сплять:* носятъ йихъ пидъ куряче сидало, купаютъ у маковыни (настоя маковыхъ головокъ пить не даютъ).

33. *Плоснявка въ роти* (соог и проч.) у дитей: маты вытирае въ роти дытыни своймы косыма або пеленою.

34. *Грызъ:* даютъ грызть больное мѣсто первенцамъ, своимъ или чужимъ.

35. *Слына болыть:* даютъ топтать или давить—первенцу.

36. *Якъ собака вкусыть:* затоптуютъ рану шерстю съ тѣи собаки, перепаленою.

37. *Нежыть* (насморкъ): даютъ нюхаты устилку зъ чобота.

38. *При запоръ*—даютъ пить «росиль або воду ту, що нею джу мылы.»

39. *Пидъ груды пидходыть* (gastritis): даютъ калганивку, «самбуръ» (сабуръ, albe) на горилци, гостру водку по капли зъ водою.

40. *Отъ кашля*—даютъ пыты молоко съ перцемъ, олыву зъ молокомъ, бузыновый и лыповый цвѣтъ; мажутъ груды лоемъ и закрывають сыньою бумагою.

41. *Печія* (изжога): крейду йидать (ту, що нею хресты пысалы на голодну кутю); пють попилъ зъ водою.

42. *Якъ де поприло* (intertrigo): затрушуютъ гречанымъ борошнымъ, глыною, наструганою зъ прыпечка.

43. *Въ ушяхъ коле:* впускають въ уши майове масло (що въ мав сколочене).

44. *Суче вымгя* (нарывъ подъ рукою): доють суче молоко и мажутъ.

Записаль Г. А. Коваленко.

223. КОРОВЫ

1. *Зоряна вода* найбільше помагае корови, щобъ прыбувало молока. Беруть двое порожнихъ видеръ и йдутъ, до схидъ сонця, до першойи

крыныци. Набирають у кожне відро потроху води, ставляють їх на пямрыны і прыказуюць до тейі воды такъ: «добрыдены тоби, водо-Уліяно і земле-Тытїяно! Прыбуваешъ ты, водо, і зъ гиръ, і зъ долынь, і зъ усыхъ українь, прыбуди же я мойй корови (якойі тамъ вона масты) въ жылы, і въ пажылы, въ биле молоко, въ тлусту сметану і въ товстыі сыръ.» Одъ першой крыныци, съ тею водою, йдуть до другой; добирають у відра воды бильшъ і прыказуюць ти жъ слова, що прыказувалы я коло першой. Одъ цейі крыныци йдуть ще я до третейі; въ третей крыныци добирають вже повні відра воды, прыказуючы ти жъ слова, я несуть йїи додому. Вода ся повинна перестояты де небудь, у захыстному місци, до вечора, щобъ бува хто не напився (пыты йїи не годытсыя). Колы вже наступыты ничъ (зоряна), тоді выставляють ту воду на зори. Ранкомъ вже, якъ прыйде часъ дойты корову, берутъ ти відра зъ водою і йдуть до коровы. Першымъ відромъ воды трычи поливають корову я що-разу прыказуюць ти слова, що я до воды. Зъ другога відра дають корови пыты. Колы всього не выпге зъ відра, те що зостанеться, дають у помыяхъ, щобъ не зоставалось. Одъ цього часу де я беретсыя молоко.

Записалъ въ с. Полствинѣ Каневск. у. отъ Т. Бойковой В. Ф. Степаненко.

2. *Про коровы насчитъ збору.* Первымъ разомъ Божиимъ часомъ иду я рано воды браты, иде мене Божа маты пытаты куда ты идешъ рабе Божій Никита иду я Божая маты до Христоваго колодяжа честной воды браты для своей коровушки для мотронушки дай Боже день добрый колодязе Иване вода Уляно земля Тытїяно перебувающа ты воде изъ поля и изъ моря изъ усихъ городивъ изъ усихъ пригородивъ изъ усихъ яривъ изъ усихъ ключивъ Благословы мени Божая маты изъ Христоваго колодязя святой воды взяты для помочи для билого молока для товстого сыру для густой смитаны для жовтого масла аминь.

3. *Перелог.* Первымъ разомъ Божиимъ часомъ дай Боже вечеръ добры ночна ночныця ясна зорныця красна дивця пополю гуляла попивъ зостричала ишло 3 попы 3 діаконы 3 дяки вона ихъ пытала де вы попы гулялы перелогы заклынала (отакон то шерсти) одинъ сказавъ аминь другій сказавъ аминь и третій сказавъ аминь діаконъ сказавъ аминь другій сказавъ аминь третій сказавъ аминь и дяки сказавы аминь.

№№ 2 и 3 записалъ для собственнаго употребленія козакъ с. Демьянець Пересл. у. Никита Воловикъ. Сообщилъ Г. А. Коваленко. Правописаніе подлинника сохранено.

4. *Щобь молоко въ коровы не одибрано.* Беруть потрошку свяченого ладану, перцю й маку, кладуть у покрышку зъ жаромъ, трычи до схида сонця пидкурюють корову и за кожнымъ разомъ приказують: «якъ никто не може одибраты одъ ладану пахноты, одъ перцю гиркоты, а одъ маку сладосты, такъ щобь лыха тварь одъ *такойи* масты коровы не одибрала билого молока, тлустойи сметаны й товстого сыру.»

Записалъ въ с. Полствинѣ Каневск. у. отъ Т. Бойковой В. Ф. Степаненко.

5. *Слипу личиты.* Ишовъ я зъ гѣрода та й похвалывси дежъянському чоловикови, шо у мене тельця на одно око ослипла. «Визьмы,» — каже, — «товарячого сухо», потры та й задмы увъ око.» Зробывъ я такъ, — ого, заразы де й дилось! У гѣроди описля за 27 рубливъ продавъ, а то — чого не робылы, — не помагало.

Записалъ въ Переясл. у. Г. А. Коваленко.

224. ВДЖОЛЫ.

1. *Якъ загодувать бджолы.* Якъ побачышь першый разъ, весною, гадюку, вбый ййи та й голову одирвы. Тоди вязьмы ту голову, заклады тій голове въ ротъ тры гречыны (зерныны) й посады ййи де небудь у пасици въ зѣлю. Що дня, до схида сонця, поливай ййи водою ажъ помы зйде та гречка. Колы вже вона выросте чымала й зацвите, теди зирвы той цвить гречаний, высушы його й зитры у потерть. Отожь, якъ хочешъ, щобь бджолы твоя булы дужи й люти, то визьмы тейи потерти, всыпъ у сыту, якою маешъ годуваты бджиль и нагодуй нею бджиль зъ двоухъ, чы то съ трьоухъ вуликывъ, не бильшь. Зъ цього разу никто вже не нашле своихъ бджиль на твою пасику, бо си тры вулики будутъ усю пасику оберегаты, — одна загодована бджола може покгулаты десятокъ незагодованыхъ, за тежь якъ и вкусыть ся бджола, то довго буде болиты та ятрытысь. Воску съ пидъ цыхъ бджиль не годытыся даваты на церкву, бо винъ не чыстый, хымородный.

2. *Щобь выдохлы вси бджолы чыйи въ пасици, слидъ тилькы пийматы чорного лынка зъ глыбу и повисыты його жывцемъ де въ затянку у пасици, — уся бджола, якъ полова, посылется, пропаде.*

Записалъ оба М.М. отъ диди Ив. Корниенка въ с. Полствинѣ Каневск. у. В. Ф. Степаненко.

225. ЗАГОВАРИВАНІЕ ГАДЮБЪ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ въ с. Григоровкѣ, отстоящей въ 5—6 верстахъ отъ Харькова по Полтавскому тракту, жилъ священникъ, который умѣлъ заговаривать гадюкъ и вообще змѣй. Очевидцы рассказываютъ, что онъ вызывалъ ихъ, насвистывая какую то пѣсенку. Змѣи сползались къ нему со всѣхъ сторонъ и дѣлались въ его рукахъ смиренны и никого не кусали.

Изъ бумагъ А. А. Тищинскаго.

226. ВЫВЕДЕНІЕ КРЫСЪ.

Покойный Гарнье, служившій здѣсь въ Черниговѣ по акцизу, рассказывалъ, что онъ на югѣ Россіи, около Одессы, зналъ простого старика селянина, который умѣлъ выводить крысъ. Дѣлалъ онъ это такъ: бралъ какихъ то двѣ палочки и стучалъ ими одна объ другую. На этотъ звукъ крысы массаами выбѣгали къ старику, прыгали и пищали возлѣ него и бѣжали за нимъ, куда онъ хотѣлъ, и такимъ образомъ онъ выводилъ ихъ изъ города массаами. При продѣлываніи этого старикъ просилъ только одного, чтобы крысы не трогали и въ особенности не убивали ихъ.

Изъ бумагъ А. А. Тищинскаго.

227. ЧАРЫ ДО ЛЮВОЩИВЪ.

1. Коли хочешь, щобъ кохавъ тебе такой, якого тобі бажається, то отъ же не засыпай довго на Меланки. Встань раненько, до сходи сонця, вкынь крутинь соломы въ пичъ, пидпалы його и ту мыть, взявши макогона та ножа въ руки, бижи въ сины до верха пидъ вывидь. Наставъ ножа въ дымъ, быи по йому макогономъ (въ колодочку), дывьсь на дымъ, що выходе зъ верха й приказуй: «Игнатъ безъ пятаь, пиды мени приведеы того, кого вирно я люблю! щобъ його терло та мъяло, та до мене рвало; щобъ його не брала ни йижа, ни робота, ни до ничойи охота!»

2. Налывають мыску воды. становлять ййи на зори, дывляться на ти зори та до нычъ и приказують: «вы зори-зоряныци, трыдевять

витрови сестрыци, вы далеко ходыте и багацько бачыте— у царя царства, у пана панства, у Н любощи, а въ Суса Хрыста кубець. А я кубця заверну и до себе мылу Н прыверну.» Писля того тею водою чаривныця вмывається й трычи навхрестъ воды зъ мыскы напывається. Записалъ оба заговора въ с. Подстинѣ Каневск. у. отъ старой женщины Т. Бойковой В. Ф. Степаненко.

228. ОДЪ ПОЖЕЖЫ.

Есть таки люде, що на пожежи уміють одвернуть витерь одъ сусиднойи осели. Воно ся штука и не трудна. Якъ прыснутья, кажуть, яка писня, проспивай ййи вышкомъ на пожежи тры разы и махны за всякымъ разомъ рукою у ту сторону, куды хочеш одвернуть витерь, и витерь повернется. Я про це давно чувъ, та ніякъ писня не прыснутья, иноди й снутья та забудешъ яка.

Записалъ М. С. Кононенко.

229. ОДЪ ВОРОГИВЪ.

1. Первымъ разомъ Божымъ часомъ. Шо мы будемъ вечерыты? Те, що учора обидалы. Чы вже врагивъ одвидалы? Хто буде судыты, хто буде терзаты раба Божого Никиту, хто буде на церкви дубы ламаты, а якъ выросте дубъ на церкви учызъ гиллямъ, угору кориннямъ. Хто буде того дуба ламаты, той буде мене терзаты. Аминь.

2. Первымъ разомъ Божымъ часомъ. Дай, Боже, вечеръ добрый! Ночна ночныця, панська кривытыця, замыкаешъ ты церкви, городы, вси палаты, вси прыпалаты, — замкны всиѣ врагамъ и звирамъ, и видьмамъ и одъ скверныхъ глазъ, одъ мого двора, одъ мого блыжнього кумыра. Аминь.

Записалъ оба заговора для собственного употребленія козакъ с. Демянець Переясл. у. Никита Воловикъ въ 1885 г. Сообщилъ Г. А. Коваленко.

230. ЯКЪ КЛІЧУТЬ ДО ПАНА АВО ВЪ ГРОМАДУ.

1. Якъ клічуть тебе до пана або въ громаду за якимъ диломъ, то беры съ собою потрошку дарныка й паскы, а йдучы шляхомъ такъ

приказуй: «иду я зъ дарныкомъ та часкою, а до мене выступай ты, N, изъ Божю ласкою; у мене дарныкъ и паска зъ перцемъ, а ты до мене выступай, N, изъ щырымъ сердцемъ.»

2. Якъ идуть уже браты на кару, приказуй: «йидешъ ты проты мене сывымъ конемъ орломъ, а я проты тебе сывымъ соколомъ, щобъ тоби стали очи стовпомъ, а языкъ коломъ, щобъ ты на мене очей не вывытрищавъ и языка не повертавъ.» № 1 и 2 записалъ въ с. Полствинѣ Каневск. у. отъ Т. Бойковой В. Ф. Степаненко.

3. *Якъ замовлялы (за крипацтва), щобъ не были.* Иду я одъ свойниъ ворить до свойниъ панивъ; стану я передъ паномъ, якъ мисяць ясный та зори прекрасни на неби. Стою, тремчу та й думаю: дай, Боже, щобъ изробылась дывына: щобъ винъ до мене не добравъ ни розуму, ни ума. Камъяни йому думкы, камъяни гадкы, матерыне сердце, голубыни очи: скоро глянне—буде мылывать, гадать, буде мылость покладать; скоро глянне.—(щобъ) мылость полавъ и лыхого слова не сказавъ рабу Божому N.

Отъ дида Ивана Корниенка въ с. Полствинѣ записалъ В. Ф. Степаненко.

231. ЩОВЪ СУДЪ НЕ ПРЫСУДЫВЪ.

Выноватець бере макогона въ руки и йде вночи до бузыны. Отъ, прыйде винъ до тейи бузыны, бѣе макогономъ по йй и приказуе: «добровечиръ тоби, бузю, ты, мйй вирный друзю! Скажы мени, бузю, якъ тому було, якъ сынъ батька вбывъ, а зъ матирю грихъ творывъ? Тамъ такъ було: терлось, та жъялось, та бильшь того, що й такъ мыналось.»

Записалъ въ с. Полствинѣ Каневск. у. отъ стар. женщины Т. Бойковой В. Ф. Степаненко.

Къ отдѣлу IV-му.

232. ПРО ЗАВЛЯТУ КУЩЕВУ ДОЧКУ.

Бувъ соби багатый мужыкъ, мавъ винъ соби тры сына и сказавъ винъ йинъ: «идить вы соби, куды хочте и жениться.» Два старпыхъ

пишлы у одынь край, а самый менший—у другой. Ходывъ самый менший, ходывъ и зайшовъ до одного попа на ничъ. Дывыться пипъ, шо парубокъ дуже красывый и пыта: «куды ты, говорыть, идешъ?» «Я думаю оженыться, шукаю соби хорошей дивчыны.» Пипъ и каже: «Тутъ у одного купця есть заклята дочка, ну, колы ты чоловикъ не боязькый, такъ чытай надъ нею цилу ничъ и ни до кого не балакай, не обзывайсь и не оглядайся, и тоди вона сама встане и скаже до тебе: «ходимъ, мій мужъ любезной, до мого отця.»—Переночувавъ той парубокъ у попа, а рано вставъ и пишовъ. Донытався до того багатого купця. Прыходыть туды, купецъ пытае: «чого?» Той йому росказавъ. Купецъ заплакавъ и повинъ того парубка до своей дочкы, а вона стойть соби окамянила, ни до кого вона не балакае ничого. Подывывсь, подывывсь той парубокъ, пишовъ у магазынь и купывъ соби кныжку псалтырь. Дождавъ вечера, засвityвъ соби свитло й чытае. Паны вже вси полягалы спать, а винъ чытае, а дали взявъ, кынувъ кныжку и пишовъ соби у сины покурыть; а чортъ десь узавсь, напъявъ рогожу, ходыть по хати—кбыла правыть (отъ, якъ бувае жыды въ школи кбыла правыть: рядно напне и коробочку до лоба одну, а до руки другу. Ну, такъ винъ молытья Богу, а мы кажемо—кбыла правыть.) Увійшовъ парубокъ у хату, побачывъ чорта, злякався,—тило на йому затрусилось, и винъ упавъ, а до свиту й очи вытрищывъ—умеръ. Уранци встает купецъ, дывыться, шо парубокъ лежыть нежывый и кровъ изъ його йде, бо якъ падавъ парубокъ, то й голову соби розбывъ. Каже купецъ: «Господы мылостывый, якый же я великый гришныкъ, шо черезъ мене й чужа дытына вмерла!» Сказавъ купецъ батюшци, а той поховавъ парубка, а купецъ справывъ обидъ такый, наче винъ своего сына хоронывъ. А вона—дочка купцева—сыдила камъяна: такъ за чаемъ, якъ вона балакала зъ батькомъ та за шось завелась зъ нымъ сварытья, и такъ, якъ винъ ййи проклявъ тоди, то такъ и теперъ вона сыдыть. Якъ поховавъ купецъ того парубка, мынуло пнсля того часу два годы, а дочка все сыдыть.

Служывъ одынь салдатъ на трьохлитнихъ правахъ на служби. Выслужывъ винъ и йшовъ додому и зайшовъ до такого бидного мужыка на ничъ, шо въ його нема й куска хлиба, а дитей—якъ червей,—и кышыть у хати. Увійшовъ, роздигся, розбувся, спочыва соби; жинка топыть и варыть вечерять у двоухъ горщечкахъ: у одному пъять галушечокъ укынула, а въ другому—квасочокъ варыть; а салдатъ йнсты якъ собака хоче т» й дума: «Господы мылостывый, шо винъ соби дума? У нього стикы дитей—и то на всихъ! И я бачу, шо винъ дума съ того ще й мени дать попойнсты.» Лежавъ винъ, лежавъ, стало йому якось

жалисно, дума соби: «пиду, шось куплю рзисты.» Той чоловікъ и пыта: «куды ты, москалю, збираешся?» «Пиду, каже, въ лавочку.» «Пидожды жь ты, москалю, жинка зваре, ты повечеряешъ, а тоди пидешъ соби може й погуляешъ.» Москаль и дума: «дай нарошне пидожду, шо то съ того буде?» Пидождавъ винъ. Зварыла жинка вечерять, насынала дитамъ, чоловікови й йому, москалеви, насынала й сама сила. Чоловикъ бере ложку, давъ москалеви, сидае й каже: «Господы, благословы!» Йилы, йилы,—осталось галушокъ у йихъ у мысци, осталось и въ дитей. Салдаты повечерявъ, подякувавъ якъ слидъ хазайинови, а тоди не мигъ вытерпить и пытае въ того чоловіка: «шо воно таке: вы варылы такъ мало, а нагодувалы усихъ дитей, мене й сами понайидалысь и ще пооставалось. А я думавъ соби у мысляхъ, шо тутъ и мени одному не стане найистысь? Черезъ шо воно такъ, скажить мени?» Мужыкъ йому й каже: «е люде таки, шо сидае обидать—лається зъ дитьмы, зъ жинкою; не перехрестыть и мыскы, а сидае обидать; не вснивъ такой чоловікъ подумать про обидъ, а вже повна хата чортывъ—якъ мухъ; почне чоловікъ братъ зъ мыскы, а чорты вже все й повыйидалы.» Полягалы воны спать, а мужыкъ усе розбалакуе съ тымъ салдатомъ, якъ той салдаты у служби служывъ. Договорылысь до того, шо мужыкъ спытавъ: «чы не маешъ ты, москалю, охоты женыться?» А той каже: «у мене е охота.» Мужыкъ йому й говоре: «тутъ у одного купця есть заклята дочка, шо колы ты надъ нею будешъ чытать цилу ничъ, шобъ надъ нею чорты не знуцалысь, то дочытаешъ до того часу, якъ пивни заспывають, то чорты порозлитаються, а вона одужае, и купецъ ййи за тебе оддасть, а до того ше й наградыть.» Уставъ уранци москаль и пишовъ до того купця подывыться, яка въ його дочка. Купецъ и каже: «Господы мылостывый, я такой нещаслывый: черезъ свое дытя та вже й чуже дытя поховавъ; боюсь, сердце, шобъ и тоби чого поганого не було.» «Э, гворыть, служывъ бы я царю, то вмеръ бы, прыйшовъ бы додому—тежъ саме; ну, то й тутъ можу вмерты.» «Охота, каже, твоя, якъ соби знаешъ.» Пишовъ москаль до пава, взявъ соби кныжку, прыйшовъ до купця, зробывъ тры восковыхъ свичкы, засвityвъ и давай соби тоди чытать. Полягалы вси спать, а салдаты чытае, никуды й не дывыться, одно зна—чытае, та й годи. Чытавъ, чытавъ до того, шо вже скоро пивни заспывають; колы десъ узялось, наче той ротній командиръ, шо съ тыйи роты, де москаль служывъ и каже йому: «Што ты, дуракъ, дѣлаешъ? я тебе заразы же на обшту одправляю!..» А той усе чытае й не оглядається, одно знае чытае. «Якее маешъ право не обзываться? я тебе индъ судъ оддамъ!..» репетуе, усе думае, шо той злякається; а той чытае. Той же, шо нибы ротній, счезъ, а черезъ який часъ бижыть пидпрапоршыкъ, наче съ теи жь

роты: «Эй, говорить, покайся! шо ты тутъ робышь, та ще на прыконци своей службы? Ты звидсы не выйдешъ, а завтра ты будешъ зновъ у полку!» А москаль чыта, не оглядається и ни до кого не обымається. «Ты не сполняешъ моего приказанія!?. Гляды жъ, узнаешъ!» И пишовъ пидпрапорщыкъ изъ хаты. Не вспивъ той изъ хаты выйты,—пивни заспивалы,—вона ожыла. Почала вона вставать, а москаль якъ побачывъ кынувъ чытатъ и обомливъ, бо дежъ—була нежива, а то встает! Вона баче, шо винъ скоро помре, схватылась, почала терты—то квасомъ, то сымъ, то тымъ и не дала йому вмерты, оживъ винъ. Взяла вона його за руку, повела до батька, а батько якъ побачывъ, то наче на свить народывся —такой винъ бувъ радый. «Чы хочешъ же ты ййи взять?» пытае купецъ. «Якъ же я не хочу ййи взять, колы черезъ нейи я самъ трохи не вмеръ?» Почалы вони пыть, гулять и врежня продолжать. Одгулялы вони весилля. Купецъ давъ йому тры лавкы съ краснымъ товаромъ: «на, говорить, продавай и шобъ у тебе завжды гроши булы.»

Записалъ отъ солдата Коробки изъ Чигиринскаго у. В. Г. Кравченко.

Къ отдѣлу VIII-му.

233. ПРО ОДАМА.

«Я якъ зачну у роти розказувать казкы москалямъ, то починаю одъ Одама.» «А шожъ воно таке, Одамъ? Кто винъ такой?» «Одамъ—винъ пышется Одамъ Йивановычъ и винъ сыритсыкы диты прыймавъ, бо хороший винъ чоловикъ бувъ и не женився восимдесять пять годъ, а тоди винъ уже умеръ. Десять годъ занимався винъ зъ сыритсыкыны дитымы, а тоди вже його потребувавъ Йиванъ Ярусановычъ у Ярусалымъ, шобъ тамъ винъ билшу должность получывъ и осподсыкыхъ дитей обучавъ. Пишовъ винъ у Ярусалымъ, ишовъ шить мисяцивъ и заболылы въ його ноги, и сказавъ винъ: «Боже мій мылостывый, якъ далеко у Ярусалымъ!» Согришывъ винъ, одибрало въ його ноги по колина, а винъ рачкы лизъ на колинахъ и долизъ такы у Ярусалымъ. Зачавъ винъ Богу молыться, и його Богъ помылувавъ—не храма винъ на ноги. Тамъ, у Ярусалымы, зачавъ винъ учыть сыритсыкыхъ дитей и наскыдалы йому багато грошей, такъ шо тысячь до десяти; узавъ винъ ти гроши и роздавъ на калыкъ. Такъ винъ заболывъ та й умеръ.—Се, повирьте, правда була—спасенія заробывъ.

Отъ солдата Паламаренка изъ Черкаскаго у. записалъ В. Г. Кравченко.

Къ отдѣлу IX-му.

234. ПАНЪ ТА ВРЕХУНЫ.

Колысь панъ живъ, та такый, що не любивъ у города йиздыть, и балакать по панскій не вживъ, усе по нашому. Отъ и прыстали до його: пойидьмо та й пойидьмо въ Петербурхъ!» Довго не хотивъ той панъ а делѣ пойихавъ. Заходять у якусь гостынницю, чы шо. «Что вамъ за-вгодно приказать?» снують коло його жевжыкы—лакейчуку тамъ, чы шо. «Та ничего,» каже той панъ и сивъ соби мовчы. Ажъ ось приходять туды и його знакомый, та все съ панамы. Посидалы обидать. Отъ и почалы ти паны въ брехни пускаться: той бреше такъ, а той такъ, а одынъ и соби: «я, каже, въ Парыжу не таку рыбу та языкы йивъ: рыба—какъ бугай, а языкъ—насылу вдвохъ на пидноси принесли. Все слушають, дывуються та роспытують, мовчыть тилько той панъ.» «А чо-го жъ вы мовчыте? чому ничего не кажете? про шо думаете?» пытають його. А панъ одкашлявся, утерся та й каже: «я, кыже, думаю про те, що щобъ воно було, якъ бы хотъ и оцей панъ, та збрехавъ ще отимъ здоровеннымъ языкомъ? Мабуть було бъ цыкаво!» Все замовкы, а панъ дообидавъ и пойихавъ додому, та бильше вже и не прыйиздывъ у Петербурхъ.

Розказаль фельдшерскій ученикъ изъ Прилудкаго у. Записаль М. С. Копоненко.

235. ПАНЪ ТА ПРЫКАЩЫКЪ.

«Я оце бачу, що вы запысуετε, та й думаю: на шо воно вамъ, що вы зъ нымъ зробыте?» «Надрукуемъ.» «Щобъ паны читалы, чы шо?» «И паны, и янши люде,—хто слоче.» «Ни, воно мабить тилько за для панивъ, бо нащо намъ знать те, що мы знаемо? Намъ якъ бы значыть... се бачте къ тому кажу я, що може про панивъ вы и запысувать не будете, а я хотивъ росказать вамъ про одного пана, тилько воно таке соби... отъ стійте, я зачыню пиду ворота та тоди й роскажу, вы самы побачыте.»

«Я про цигъ панивъ багато такы де чо-го знаю... вы вже пышете, ни я ще не росказую, се я такъ соби. Вы такъ послушайте, а то може й запысувать не можна, бо воно тутъ панъ нибы то дурнымъ выходыть,

чы що.» «Та то ничего, я все хочу записать.» «Ну, коли такъ, то й слушайте. Коло васъ сесты, чы якъ?» «Та хочъ и коло мене, якъ хочте.» «Се, бачте, я къ тому, щобъ вамъ чутнише було. Якъ же бь вамъ почать? та хотъ бы й отакъ, записуйте!»

Бувъ такой панъ ще за кренатства и живъ одыноко, нежонатый, значыть, а скупый такой, що не доведы Господы! Бувъ у його прыкарщыкъ—собака, звисно, никто його не любывъ, люде значыть, не любылы, а панъ, такъ и души въ йому не чувъ. Бо, якъ кажу, бувъ вельмы скупый и на святи такого не було, а прыкарщыкъ знавъ сее добре, та якъ и не знать?—все зналы! И такъ було робыть: пошле його панъ купыть що небудь, отъ винъ заплатыть тамъ злотъ, чы що, и вже всякому выдно, що злотъ стойить, самому панови, отъ же винъ йому ще й здачи копійокъ 2 чы 3 дасть и такъ въ усьому! Свое хазайство ныщыть, а йому догожа,—видно, що вже була въ його якась думка. Отъ и добре, проходыть такъ може годъ съ пьятнадцять, чы й бильше, а винъ все догожае, а винъ все догожае, а панъ все бильше й бильше любыть його, бильше йому ввиряеться; дойшло до того, що все свое хазайство на руки йому звалывъ, усе ввирывъ. Отъ и прыходыть разъ прыкарщыкъ той до пана: такъ и такъ, росказуе йому,—те такъ зробывъ, а съ тымъ такъ поступывъ. А пану якъ маслечкомъ по души, такъ то йому любо все те слушать. Такъ ото жь выслухавъ винъ та й каже: «знаешъ що, Иване чы Петре?—якъ тамъ назвавъ його.—ты въ мене найвирниший и пайридниший чоловикъ, бо ридни въ мене нема, знакимци добра не зчыть, люде вси наровлять тилько для себе,—одынъ ты въ мене найкращый, я вже съ тобою выкъ не роставусь и теперъ хочю, щобъ ты зо мною и чай пывъ и обидавъ.» А прыкарщыкъ йому въ поясъ: «дякую, каже, за вашу велику ласку, тилько спасыби, не могу я чай пыты и обидаты.»—«Чому?» пытае панъ. «Не йимъ я, каже прыкарщыкъ, и не пью зроду.» Здывовався панъ, не вырылось йому. А прыкарщыкъ все свое: «не йимъ и не пью зроду!» Прошло тамъ килько часу, думае панъ про прыкарщыка, роспытавъ бы и людей, щобъ увирыться, та знае, що никто правды не скаже. Пробувавъ по дню, по два зь очей не спускать прыкарщыка, а прыкарщыку байдуже, не йистъ, не пье, та все стараеться. Ввирывся панъ и въ сьому. «Якъ же ты, такъ живешъ?» пыта якось прыкарщыка, «умерты жь можна.» «Чого жь тутъ умирать?»—каже прыкарщыкъ,—«я таку штуку знаю, що всякый може одвыкнутъ пыты й йисты.» «Справди?!» зрадывъ панъ,—«такъ одучы й мене, коли можна; а то якъ подумаю я скилько то воно выходыть на ту йижу, трохы не карбованецъ у день, а якъ иноди гостей нанесе, то й трьома не обийдешся!» «Що жь, каже прыкарщыкъ, я зь уснимъ своимъ довольствиемъ, абы тилько захотылы.»

«Та якъ же не хотить, помылуй!» каже панъ. «Колы жъ ты мене одучышь?» пытае. «Та колы завгодно,—каже прыкарщыкъ,—Хочъ и завтра почнемъ.» Дождалы завтрього, запригъ прыкарщыкъ бидку, узявъ вировку и пидйхавъ до крылечка. «Якъ же ты мене одучышь?» пытае. «Отакъ и отакъ,»—росказуе прыкарщыкъ, та й пойхалы съ паномъ на тій бидци. А тамъ, бачыте, верстовъ за 3—4 та було провалля и таке глыбоке, що й дна йому не видно було, и вылизты зъ його безъ помощи нѣякымы сыламы не можна. Отъ и прыйихалы воны до того провалля. «Посыдыте, каже прыкарщыкъ, днивъ 3 чы 4 у цьому провалли и йисты бильше не схочется николю.» Радіе панъ, що менше росходу буде, та скорій прыказуе опустыть його, а хто запytae: «де, мовъ, панъ? скажы, каже, що пойхавъ у Кійивъ, або що.» Опустывъ прыкарщыкъ пана по вировци у те провалля, та й пойхавъ соби додому. На другый день, ажъ увечери, прыйиздыть до того провалля: «а що, пане, йисты хочете?» пытае. «Хачу, братъ,»—одмовляе панъ. «Ничого, паночку, це воно такъ зразу,» одказавъ прыкарщыкъ та й зновъ пойхавъ соби додому. Прыиздыть знову на другый день. «А що, паночку, йисты хочете?» «Хачу, братъ, сыльно!» ажъ выбы съ серцемъ проказавъ панъ. «Ничого, ничого, паночку,» каже прыкарщыкъ та й знову пойхавъ. Прыиздыть такъ и на третій день. «А що, пане, йисты хочете?» «Хачу!» крычыть панъ, «тащы скорѣй!» «Не турбуйтесь, не турбуйтесь, паночку, трудно цей день, а тоди й байдуже, побачыте!» та й пойхавъ додому безъ пана. Писля сього прошло два дни, пойхавъ прыкарщыкъ ажъ на третій: «а що, пане, хочется йисты?» «Хачу!» вже ледви вымовывъ панъ. «Скоро не захочете,» проказавъ прыкарщыкъ и пойхавъ одъ того провалля. Ажъ тры дни прошло писля сього. Прыиздыть той прыкарщыкъ впять: «а що, пане, хочется йисты?» А панъ уже й слова не промовыть, тилько рукою махае, не треба бъ то, чы що. Добре. Запригъ тоди прыкарщыкъ коня и прыйихавъ за нимъ уночи. Прывизъ, положывъ на постиль, порозсылавъ до знакомыхъ панивъ лысты, що такъ мовъ и такъ: прыйихавъ зъ Кійива панъ и тяжко заслабъ, прыйизжайте попрощаться. Позыйзжалыся паны, дывляться на його, промовляють, а йому й байдуже,—ледви дыше «Що зъ вами?» пытають. А панъ тилько рукою на прыкарщыка показуе. Все до прыкарщыка: «роскажы намъ за його, ты все знаешъ.» А прыкарщыкъ хлыпае, втыраючы очи: «ничого, каже, я не знаю, що зъ вымы, биднеькымы, сталося.» А панъ зновъ показуе на його пальцемъ. Не розберуть паны та й годи. Ажъ ось одынъ панъ побачывъ на столи бамагы и почавъ йихъ чытать всьому панству, а въ бамагахъ тыхъ напысано, що все двыжыме й недвижыме завищається дорогомому прыкарщыкови. Все паны добре знали, що справди прыкарщыкъ

його бувъ такий, що й риднишого не треба, и почалы тоди заспокоювати: «все, все буде йому, не безпокойтесь.» А панъ полежыть, полежыть та й знову показуе пальцемъ на прыкарщыка, то панство вп'ять такы свое: «не безпокойтесь, не безпокойтесь: все ему буде, все.» Полежавъ панъ день та й Богу душу отдавъ. Плаче прыкарщыкъ, поховавшы пана та вгощае все панство, що позйизжалось; паны вже не цуралысь прыкарщыка, що мужыкъ, бо такымъ же паномъ ставъ, а може ще й багатшымъ. Оттаке то!»

Отъ Трофима Редьки изъ с. Туровки Прилуцкаго у. записаль М. С. Кононенко.

236. ПОМЫРЫВЪ.

Зйихалысь на постоялый двиръ два станови и обыдва булы въ одставци. Слово за слово и добалакалысь до того, якъ вони булы становымы въ одному стани, одинъ ранишь, а другой послы. Отъ одинъ и каже: «якъ бувъ я становымъ, то кращого людамъ и не хотилось: вси мене любылы и поважалы, та було й за що: я ни одного чоловика й словомъ не обидывъ.» А другой выслухавъ та й говорить: «отъ же мени жалылысь на васъ и радилы, що я заступывъ на ваше мисто: «зразу, кажуть, полегкость стала.» «Та то вамъ збрехавъ якыйсь ворогъ, не правда, я вже се добре знаю,» почавъ зновъ завирять першый. Якъ нарошне на сю розмову случысь чоловикъ съ того жъ такы самого стану. Побачылы його одставни станови, та й пытають: «а скажы намъ, дядьку, котрый зъ насъ бувъ кращый становый?—ты жъ насъ знаешъ обохъ.» Знявъ чоловикъ шапку, вклонывся та й каже: «а вжежъ знаю, кому васъ и знать, якъ не мени, тилько, тилько»... замнявся чоловикъ. «Та ты кажы смилу,—котрый зъ насъ бувъ кращый, не сумлювайся!» промовылы станови. «Та я не сумлюваю, каже чоловикъ, а думаю, якъ бы вамъ поправди сказать. Хыба такъ?»—та й почавъ: «Булы, каже, въ мене визъ и саны, и стоялы вони въ повитци, въ тій самій, де стояла й моя кобыла. Стоялы, стоялы, та й давай сперечаться. Визъ каже: я бувъ легшый кобылы, а саны кажуть: мы булы легши. Спорылы, спорылы, та тоди до кобылы: скажы, будь ласкава, що тоби легше було возыть: чы визъ чы саны? А стара кобыла покрутыла головою, подумала та й каже: и ты погань, и ты погань. Бувайте здоровы, панове, пиду, бо мене кумъ дождае.» Та й пишовъ зъ двору.

Записаль М. С. Кононенко.

Къ отдѣлу XIII.

287. ДОВРЕ ПРОДАЕ.

1. «Чого ты, дядьку, дорожышся за коня? Вуынь же яки маленьки!» «Э! хочь маленьки, та стареньки!» «Чогожъ вуынь таки худы?» «Гу! ты бь бувъ не худы, якъ бы вворваны! Купы, хлибъ йсты-мешъ!»

2. «Продаешъ, дядьку, бычка?» «Продаю!» «Чого жъ вуынь таки худы?» «Э, чого! прыстрить, должно. Йихъ, бачте, було пара й така пара, що й люде завьдувалы. А це—черезъ що? и самъ не знаю!—а туылько одынь сохъ—покы здохъ, и сей сохне—може здохне. Купы—подякуешъ!»

Записалъ въ с. Веркiевкѣ Нѣжинскаго у. Е. Н. Гаврилей.

288. ЯЕЪ ЧОЛОВИКЪ ОДДАВЪ ЖАВАМЪ ГРОШИ.

Одынь чоловикъ повивъ на ярмарокъ продаваты бычка. Продавъ ото його за десять карбованцивъ та й зайшовъ у шыньокъ выпнты ярмаркового. Выпывъ крючокъ, сивъ за стилъ та й закуское. Ввийшовъ у шыньокъ його сватъ,—винъ и съ тымъ по крючку; трохы згодомъ забигъ кумъ Якимъ,—и цього нигде диты, купывъ крючокъ. Розибрало його вже ажъ онъ якъ, и полылась горилка не крючками, та маленькымы,—а квартамы. Пропывъ винъ отакъ ажъ тры карбованци; дали схаменуясь, уставъ зъ за столу и подрывавъ по всiй вулыци до госпо-ды. Иты було по надъ ставкомъ. Йде ото винъ по надъ тымъ ставкомъ, а въ йому жабы ажъ залываються, крычатъ: ква, ква, ква!.. Зупынывся чоловикъ та й каже: «брешете, якъ два,—тры пропывъ, а симъ ще вь кишени е!» И пишовъ дали. Але жъ жабы не вгамовувалысь и все своей правылы: «ква, ква, кв!» «А щобъ вы показылыся, анцыболотськи: два та й два! то нате жъ та полчыть, якъ не ймете виры!» И жбурнувъ кысета зъ гришымы въ ставокъ.

Записалъ въ с. Мартыновкѣ Каневскаго у. отъ Д. Винцюка В. Ф. Степаненко.

289. ЗА ЩО ВЪЛЫ.

Иде хлопецъ изъ Таганськой школы та й плаче, Це було коло волосты. Одынь дидъ його пытае: «Чого ты, сыну, плачешъ?» «Бо были.»

«А за що жь вони тебе были?» «За те, щобь я не бувь такой дурный, якъ вы.» Все люде, що были коло волосты, стали сміяться, а дидь каже: «бо й правда, що я дурный: винь бильше за мене знае.»

Доставилъ В. Ф. Степаненко.

240. СВИНЮ СВЯТЫ, А ВОНА У ГРЯЗЬ ЛИЗЕ.

Було се дило якъ разъ на Великдень. Одынъ чоловікъ заколовъ порося къ посвячену. Наготовыла ото жанка въ ночовъята паску, порося, сало, крашанкы и ще де що, и чоловікъ понисъ до церкви святыхъ. Посвятивъ пипъ паскы та друге йстыво, люде мерщій за свичене и чымъ дужь до господы розгивлятысь. Ухватывъ и цей чоловікъ свое свичене и тежъ, мовъ бы наввыпередкы съ кымъ, рухнувъ додому. Бижыть ото винь шляхомъ, телипае ночовъятамы, а порося й выпало зъ ночовъятъ, та прямо у грязь—льольопъ! Озырнувся чоловікъ та: «тю-тю на тебе, гаспыдське порося!» Дали нахыльвсь, вытягъ його зъ грязи, обтырае, та й приказуе: «якъ кажуть, то воно й правда: свиню святы, а вона у грязь лизе.»

Записалъ въ с. Мартыновкѣ Каневского у. отъ хлопца Дениса В. Ф. Степаненко.

Литературная обработка у Руданскаго: Зоря, 1886, стр. 254.
Свиня свинею.

241. НЕБУЛЫЦЯ 1.

«А ну, Лука, розкажи мени яку небудь казку!» «Ще не надумавъ.» «А колы жь настане той часъ, що ты надумаешъ? Розкажи хочъ небулицю, хочъ поганеньку.» «Та кажу жь вамъ, що не знаю. А хыба отъ розкажу вамъ про те, що зробылося зо мною, якъ бувъ я ше дома.» «Ну, розкажи.» «Буае у сели такъ, що карточки носють—запыскы зъ волости на друге село. Ну, прынисъ мени сотныкъ нашъ, щобъ я однисъ до сотныка на друге село тую запыску. Прыношу я туды, захожу у хату—нема никого, тилькы сама молодыця, вона тилькы родыла дытыну. Я ввійшовъ у хату, а вона й говоре: «оце добре, шо вы прышли, а то я въ хати сама, нема кого й по бабу послаты, идить, каже: позвить мени бабу.» «Якъ же я пиду, колы я ничего не знаю у вашо-

му сели?» Вона мени розказала, де й якъ. Приходжу я до той бабы, а вона сидыть на печи, бо зима, холодно, а баба стара. «Ходить, кажу, васъ, бабуся, молодыця кыкала до дытны.» А вона, та баба, не хоче бо не може, стара. «Та я, кажу, вже васъ самъ и съ печи зсаджу й до хаты донесу, сидайте мени на плечи да тильки ходитъ.» Бере вона, злазыть, одивайтись. Узавъ ййи на плечи й несу. Вынись я на двиръ а на двори склызько. Хочъ вона баба й стара, а все жъ важко. Стоить колодязь, а я хотивъ на зрубъ ту бабу, щобъ самому оддынуть. Тильки я хотивъ посадыть, та посклызнувся, а вона якъ захыталась, та й упала у колодязь, та й утонула тамъ. «Ахъ, нещастя!» думаю соби, «шо я вже буду казатъ, якъ прыйду? Скажу, що не хоче йты.» Прыйшовъ: «не хоче, кажу, йты.» «Чого жъ вона не хоче?» «А я не знаю.» «Ну, то поглядьте дытну, а я сама метнусь за нею. Та глядять мени, щобъ китъ, каже, не зывъ дытны.» А я вже думаю: «добре, буду глядять!» Тильки вона выйшла, а я й кажу: «Подывлюся жъ, чы далеко вона пышла?» Тилько я начавъ у викно дывытьсѧ, тильки озырнувся назадъ, а китъ уже коло дытны, а я такъ росердывся! Лежало мяло,—я за тее мяло! Я хотивъ кота, та не попавъ кота да забывъ на смерть дытну. «Ну, думаю, нещастя!» Прыбигае та молодыця. й каже: «Ты говорывъ, шо не хоче баба йты, а ты втопывъ ййи.» Метнулась до дытны—ажъ и воно нежыве. Прыходять сотныкъ и ще два чоловико; вона розказала йимъ усе. Узялы мене, вѧдутъ на судъ. Выйшы за село, вѧдутъ по дорози, а на тій дорози калюжа була. Чоловикъ визъ дрова, се бъ то продаватъ, чы шо,—я вже не знаю. Лидъ провалывся, кобыла туды впала. хочъ визъ и на верси, а винъ не може кобылы самъ вытягты. Начавъ той чоловикъ просыты насъ, щобъ мы помогли йому. Почалы мы помогать, а мени помогло взять кобылу, за хвоста; я якъ потягнувъ за того хвоста,—хвистъ и вырвався, и одорвався «Отъ нещастя!—думая,—то вже йде на нещастя!» Думаю: «вже пропало!» Прыйшы у волость и той чоловикъ за нами йде, каже: «ты спакостывъ мени кобылу, ты вмьсне одорвавъ йй хвоста.» Якъ ишы мы до волосты, я й найшовъ шматокъ цеглыны, та й положывъ його у пазуху, думаю: «якъ по правди будутъ судыть, то ничего, а якъ не по правди, то такъ и пуцу цеглыну самому старшому у груды.» Началы судыть, а я все трушу та показую йому; а винъ поглядае та думае, шо то гроши, та головуну йому дамъ. Почалы такъ судыть, шо повернули дило на те, шо вже я не выновать. Кончывся судъ, я выйшовъ на двиръ, и винъ за мною выйшовъ на двиръ. «Шо ты, каже, показувавъ?» Я йому показавъ цеглыну та й кажу: «якъ бы бувъ судывъ не по правди, то бувъ бы вбывъ тебе цею цеглыною.» Винъ якъ наробыть крыку! «Берить, ка-

же, його: взявъ цеглыну и хотивъ мене вбыть!» Зловылы мене, одобрали цеглыну, повалылы, зъязали и думаютъ забыть мене у бочку и вывезты въ лисъ и тамъ запалыть. «Ну, думаю, наробывъ!» Взялы мене, забылы въ бочку и радятся, щобъ запалыть, а одынь каже: «негай, винъ и такъ пропаде.» Взялы й покинулы мене. Та добре, шо я шыло съ собою взявъ, бо дома я бувъ шевцемъ, ну, щобъ якъ де чобитъ порветься, то я й беру шыло съ собою у кышеню. Обмацавъ—шыло коло мене. Начавъ долубать, продолубавъ таку вже дирочку, шо й кулакъ улизе. Бачу, бижыть вовкъ, такъ просто бижыть до тейн бочки, начавъ чухаться, а я піймавъ його за хвистъ, замотавъ за руку да якъ крыкну: «Ага!» А винъ якъ злякався та якъ побижыть по лису!.. Потягнувъ ту бочку, розбывъ ййи, и я вылизъ на свить; тилькы вылизъ я у 'дній сорочки, бо зирвалы зъ мене усе, якъ сажалы у бочку. Прибигаю я въ село, дывлюсь—свитыться въ едній хати (весиля). Я туды. Не йду у хату, а вылизъ на комору—тамъ, де будутъ молоди спаты. Почалы свитьло гасить, молоди пишылы соби спать и почалы соби балуваться. «Ой, каже, чоловиче, хто намъ будетъ дитей глядять, якъ вони будутъ?» «Э, дурна, каже, той, шо надъ нами.» Винъ не знавъ, шо я тамъ сыжу; а я кажу: «агъ, трасця вашій матери! вы будете робыты, а я буду глядять!» Воны—съ коморы, а я—згоры, да обувъ чоботы нови, шо зъ молодого, та кожуха билого, та й пійшовъ додому и теперъ жыву,—скилько биды було, и то не пропавъ.

Отъ солдата Луки Зеневича, изъ Острожскаго у. с. Курозвонъ, записалъ В. Г. Кравченко.

Гринченко, I, № 177.

242. НЕВУЛЫЦЯ 2.

«Роскажы мени шо небудь про гайдамакивъ!»—«Та шо я вамъ роскажу? Отъ и сьогодня—йду до васъ, иду та й иду, та й иду; дывлюсь—йидеть проты мене два чоловики конякою; дойизджають до мене. «Здоровъ, кажуть, земляче!» Я злякався, а потимъ и кажу йимъ: «доброго здоровья, дядькы.» А воны кажуть: «Сидай, кажуть, зъ нами, а то, однаково, тебе вбьемъ.» Сивъ я зъ нымы й пойхавъ. Ййиду, а воны й роспытують мене; сталы воны мене роспытуватись, де есть багатый панъ? Дали я сказавъ йимъ, де есть багатый панъ. Пойхалы до його гроши вкрасты. Прийхалы туды, до двору до того пана; воны заразъ замовды, шо ти сплять, хазяйины, не прокынуться. И почалы сами ла-

мать сарайи, брамы, та все шукать грошей. Шукалы воны, шукалы -- ничего не знайшылы, — тики стойнить у сарайи тры бочки съ пшеницею. Воны взяли одну бочку пшеницы, высыпалы, забралы пшеницю въ мишки, а бочку перевернули до горы дномъ и заперлы мене туды нидь бочку, а поверхъ бочки, на дно, насыпалы пшеницы такъ, ваче стойнить повна бочка пшеницы. И дали мени туды горилкы, булокъ — усього мени туды надавалы йисты й ныты й прыказалы мени: «гляды жъ, кажуть, якъ повстають ранкомъ паны й диты — сыны (въ того пана тры сыны), то будутъ воны балакать, де гроши, а ты слухай, а мы прыйдемо на другу ничъ.» Сыжу я тамъ, у бочци, а гайдамакы замкнулы сарай, силы й пойихалы; колы тутъ ранкомъ выходять сыны того пана, якъ нароблять крыку, плачу! думалы, шо гайдамакы забралы гроши; колы це выходять батько йихній, старый дидь сывий; прыйшовъ нидь сарай на помистъ, та якъ тупне ногою объ той помистъ, якъ крыкве: «не плачте, диты, ось грошей цилый бочонокъ нидь помостомъ, не забралы гайдамакы!» Прызвалы ковалывъ и окувалы той мистокъ зализомъ, навхрестъ, шобъ ништо не мигъ його проломить, а дали нишы спать. Колы такъ у пивничъ — слухаю, гремьтъ брычка. Я почувъ, шо брычка гремьтъ, переставъ бояться, бо знавъ, шо колы гайдамакы прыйидуть, то вызволють мене зъ бочки. Прыходють гайдамакы до брамы, до того сараю и пытають мене кризь браму: «ащо, ты, кажуть, чувъ, де паны казалы гроши е?» «Чувъ,» кажу. «А де жъ воны?» Я йимъ и росказавъ. Воны той помистъ розламалы, выкотылы бочонокъ зъ гришмы, положиылы його на брычку, сами посидалы й пойихалы, — мене вже покынулы. Уночи йду вже я самъ — иду та й иду; то була ничъ, а то ставъ уже й день, а то вже зновъ ничъ заходытъ. Я дывляюсь — попередъ мене зновъ йидуть ти сами гайдамакы, шо я бувъ зъ нымы. Побачылысь, а воны й кажуть: «ажъ теперъ мы тебе вѣдемъ, — силай зъ нами, кажы, де е панъ багатый, то пидемъ до нього за гришмы. Я сивъ зъ нымы й пойихавъ. Прыйизжаемо до мужыка; мужыкъ багатый живе; у того мужыка комора зроблена у зрубъ, у тій комори — гроши, намысто, хусткы — усе. Гайдамакы узялы, посередыни на вугли, пидважылы ломамы, зробылы дирку, шобъ можна було пролизты и послаылы мене туды за гришмы й за усымъ. Я забравъ тамъ гроши, намысто, цяткы — усе. Поодававъ, а воны посылають мене знову туды, кажуть, шо я не все забравъ. Я тоди знову полизъ туды, у комору, а воны узялы, выйнялы ломы, а комора й сила, такъ якъ и була, закрылась дирка, нема куды й вылизты. Теперъ я сыжу въ комори — двери заперты, а диркы нема. Слухаю я — рано ходять хазайины, гомонять. Я взявъ, набравъ у корякъ борошна и ставъ коло дверей; колы це хазайка йде за

Этнограф. материалы, II. 22

борошножъ у кожору; тики що вона одчынула двери, а я якъ сыпну, та йй у вичи! Засылавъ йй очи борошножъ, вона тоди впала та и кричыть. Я выскочывъ видтила, подався—утикъ. Выбигъ я за село, оглянувся, ажъ за мною женуться. Я тоди дывлюсь.—попередъ мене ставъ и на ставу млынъ порожній; я злякався, шо воны женуться, та куды мени схватысь? Та въ той млынъ пустый. Сховався у тымъ млыни и ажъ до самого вечора досидивъ тамъ, а якъ уже прыйшла ничъ, то я пидлизъ пидъ жорентъ та й лигъ голичерева. Лигъ та й лежу и заснувъ; колы це чую—ажъ мзынь меле. Якъ спавъ, такъ и дывлюся. Я дывлюся, ажъ симъ чортывъ прыйшло та й мелють тамъ табаку; я тоди якъ побачывъ, шо чорты мелють табаку, то й злякався. Якъ выскочу съ того млына, та навтикача! И подався съ того млына. Бижу та й бижу, та й бижу; дывлюся—ажъ слобидка; я прыбигъ у ту слобидку, давай просыться на ничъ; прыйшовъ пидъ хатку та й давай крычать: «дядьку, дядьку, видчынить!» Колы це жинка прыйшла видъ викно та й крычыть: «э. чоловіче, я тобі не видчыню, бо въ мене немає чоловіка дома.» Я якъ зачавъ просыться: «и, титочко, голубочко, я такъ утомывся.» Просывся, шыкы впросывся. «Впросывся, увійшовъ у хатку, лигъ пидъ лавкою та й заснувъ. Колы слухаю кризь сонъ, ажъ дытына кавчыть. Колы я прокынувся—ажъ жинка привела дытыну та й посыла мене по бабу. Я одказуюся, шо мовъ я у чужимъ сели, та не знаю, де та баба. Якъ почала вона мене благать,—ажъ шыкы я пишовъ по ту бабу. Ставъ я йй казать, а баба не хоче: «якъ бы ты, каже, прыйхавъ, то бь пойхала, а такъ, нишкы, не пиду.» Я пишовъ назадъ, узывъ возочокъ и пойхавъ по бабу самотужкы; посадывъ ту бабу на возочокъ и везу попередъ себе, пшаю той возочокъ. А въ тымъ двори, де була баба, та бувъ колодязъ и такый вызькый зрубъ у ньому, шо тилькы на четверть надъ землею; я такъ, якъ пхавъ попередъ себе визка, и не знавъ, шо тамъ колодязъ е; та такъ попередъ себе шыкы пхавъ, шыкы пхавъ, шыкы дойхавъ до того колодязя; якъ ударються колеса объ той зрубъ, а баба похытнулась и впала зъ визка у той колодязъ та й утонула. Я визочокъ узывъ та й пойхавъ назадъ и сказавъ, шо баба не скотыла йты, а шо мовъ сказала, шобъ та жинка сама по нейи прыйшла. Та жинка дала мени качалку въ руки и посадыла мене надъ дытыною: «на жь тобі, каже, оцю качалку, якъ буде кишка до дытыны лызты, «то ты бый кишку качалкою; а я сама пиду до бабы.» Узывъ я ту качалку, сивъ та й сыжу коло тійи дытыны, а свитла нема, поночи не видно було; колы це шось губамы якъ заплямкотыть, а я думавъ, шо кишка дытыну йистъ. Я тию качалкою якъ ударю по кишци! Колы налагаю, ажъ я дытыну вбывъ! Выскочывъ я тоди съ тійи хаты та навтикача! Выбигъ

за село—уже ставъ день; дывлюсь, попередь мене другой ставокъ, тамъ, коло ставка, чумаки пасуть кони. Я давай тикать до тихъ чумакивъ: прыбигаю до тихъ чумакивъ—ажъ то ти сами гайдамаки, шо мене заперлы у комори. Я тоди прыбигъ туды, вони й упіймали мене. Выбылы въ бочци кругъ, посадылы у бочку и забылы мене тамъ; взяли, одкотылы на воду и пустылы мене тамъ на ставокъ у бочци. Я плаваю у тій бочци по тижъ ставку та й думаю: оце вже я пропавъ, шо надыхаю повну бочку; нема чымъ дыхать, задущусь—диркы нема, нема куды дыхать. Оглядився я—ажъ у мене у кишени е ножыкъ. Я вытягъ ножыкъ и проризавъ дирку у дни, у крузи, щобъ було куды дыхать. Стала ничъ, я взявъ съ тыхъ трисочокъ, що зъ нихъ выризавъ дирку и наклавъ у бочци вогню. Наклавъ вогню, а воно й блискае черезъ ту дирку, шо я проризавъ, и видно,—а вовкъ думавъ, шо на води огнище горыть, узывъ и попливъ туды тушыть (бувае въ лиси, якъ хто небудь кыне огнище, то вовкъ, колы побаче, то неодминно потуше,—шукае воду, умоче хвоста та й туше). Якъ прыпливъ туды, повернувся задомъ—якъ зачавъ стромлять, якъ зачавъ стромлять, поны й устромивъ хвистъ у ту дирку. Я тоди якъ піймавъ його за той хвистъ, якъ крыкну на його! Винъ и подався съ тую бочкою и вынисъ мене ажъ на берегъ. Я розбывъ бочку, вылизъ и пишовъ. Якъ почавъ иты, якъ почавъ иты, то оце ажъ до васъ прийшовъ.

Отъ солдата Катеруши изъ Черкаскаго уѣзда, с. Черепена, записаль
В. Г. Кравченко.

243. НЕВУЛЫЦЯ З.

Якъ бувъ я въ батька на хрестынахъ, ше якъ батько родывся... Диждавъ я того, шо батько вырися, ставъ я батькови казать, шо часъ мене женыть. Началы веселя робыть. Пишовъ я на веселя кыкать: девять хатъ мыну, а въ десяту не зайду. Наклыкавъ повенъ двиръ людей, шо не було й одній души; ну, й начавъ батько частувать, а, и начавъ макогономъ сылувать. Я й кажу батькови: «якъ маемъ таке веселя справлять, то лучше давайце хазяйнувать.» Купылы пару кизъ и пару собакъ та пойихалы орать: запряглы козы позаду, а собаки впередь. Козы собакъ бояться, а собаки не хотять упередь иты. Я й думаю: «розумнѣишый же я за батька!» Та й кажу: «давайце, тату, козы запряжемо впередь, а собакъ позаду, то будемо добре орать.» Ну, й прычпы-

лы козамъ до ригъ хлиба по шматку,—миркую: собаки на хлибъ будуть дывытсья, будуть гнатьсья, а козы будуть тикать, то будемо добре орать. Оралы, а дали й кажу: «якъ маемо такъ орать, то лучче козаны давай-те барышувать.» Погналы козы у Рохмыстривку продавать. Ну, й збиг-лося жыдкивъ кизъ купувать. Ну, й зачалы мижъ собою джеркотать,— на батькови чысто чубъ обджеркалы, шо не зосталось и однойи воло-сыны—до решты обирвалы! А мени вже такъ надавалы сынины та чер-воннымы, шо насылу додому дойшовъ.

С. Вергуны Черкаскаго у., отъ Космина записалъ В. Г. Кравченко.

244. НЕВУЛЫЦЯ 4.

Якъ бувъ мій дидь маленький, а батька ще на свити не було, такъ мы зъ дидомъ чумакувалы. У насъ було дви пари воливъ чужыхъ, а третя не наша; тры рыжыхъ, а одинъ четвертый. Такъ мы зъ ди-домъ було ловымъ по лису ведмедивъ. Дидь було вѣя заструже, а я зъ за куца якъ тюкну на ведмедя, такъ винъ съ переляку роззявить ротъ та такъ на вѣю и наштрыкнеться, то я ззаду килочкомъ и закладу, то мы тоди зъ дидомъ якъ заходымось та такъ, мовлявъ, шкуру й знимемъ. Такъ мы тоди якъ почалы зъ дидомъ багатить, та началы орать по ни-чи и по пичуркахъ и по запичкахъ и пидь прыпичкомъ, та якъ выора-лы дванадцять десятинь по ничи та по пичуркахъ, такъ якъ уродывъ у насъ хлибъ! Такъ мы на комини поклалы дванадцять стогивъ. Та якъ унадылысь мышы; а въ насъ бувъ китъ здоровый; такъ якъ погнався за мышамы—мышы пидь стигъ, а китъ на стигъ, та такъ и повалявъ йихъ у помыйныцю. Такъ мы зъ дидомъ выстругалы тры токы: на од-ному молотылы макъ, на другому такъ, а на третьому запалылы той стовпъ, що ципы вишалы. А въ насъ коровъ було багато! Такъ надъ погрибомъ коровъ дойлы, кобылою масло колотылы, а молока було такъ багато, що въ море возылы.

Записалъ М. А. Дикаревъ.

245. НЕВУЛЫЦЯ 5.

Бувъ я у трыдцять третьому годи въ Росѣи, въ шостому баталь йони. Тоди була черепаха свашка, клищъ бубонивъ, гныда замижъ иш-

ла, воша радовалась,—тоди якъ помело яйце знесло, кочерга въ ступи седила. Тоди було въ мене тры пари воливъ: дви чужыхъ, третя не наша; и вси воны булы строгі, та якъ побижать, а визъ другъ-другъ! а мазныця—хряпусъ! а дьоготь и ставъ! И тоди ше батька на свити не було, а мы зъ дидомъ чумакувалы; у насъ було на тры токи хлеба: на одному бувъ макъ, а на другому такъ, а на третьому сохы стоялы, и мы якъ идемъ зъ дидомъ зъ молодьбы, то цины й повишаемъ. Такъ мы якъ запрягли тры индыкы та два пидсвынкы: одынъ вухатый, а другый пудлатый, а третій подобный черепомъ. То мы якъ пойхалы оратъ на Керсанову балку, оратъ не оралы и дви десятыни наоралы. Та якъ посіялы конопель, якъ уродылы вербы, якъ зацвилы ракы, а Павливськи дивчата прыйихалы ягидь рвать: рвалы воны—не рвалы, и два возы не вшываныхъ сметаны нарвалы. И выйихалы на базаръ продавать, якъ крыкнууть: «по чоботы!» Назбиралысь люде, розибралы сметану, пощыталы гроши, якъ за перець. А одынъ дуракъ носыть по базарю лопату, и воны купылы, покройлы свыту, та якъ прышылы воротныкъ до подушкы, такъ таке стало вѣя, що й воны не поламають.

Записалъ М. А. Дикаревъ.

246. НЕВУЛЫЦЯ 6.

И мы здумалы зъ дидомъ чумакувать. Якъ зачалы мы льонъ той косыть, змолотылы мы його, и мы съ того льону намолотылы тры чувалы пасльону та тры горбы коросты. Курьянивъ прыкащыкъ, прыскакуе, купуе ту коросту на шпанку. Такъ возывъ зъ Ростова табакъ, и не могъ выличыть. А взяли мы гроши хороши: тры вырвы та мишокъ кулаччя. И пойхалы мы у Крымъ по силь: дидъ машиною, а я сивъ на кобылу. Дойижджайнимъ мы до балкы, тамъ кущъ терну, и осталысь мы ночувать. Колы слушаемъ опивночи—вовкъ вые. Я й кажу дидови: «оце насъ вовкы пойидять!» «А пиды, каже, довидайсь.» Я пишовъ—колы винъ яйпе знисъ! Я й кажу дидови: «вовкъ яйце знисъ!» А дидъ и каже: «давай додому везты.» Зачалы мы на кобылу класты: шо положыжъ, а воно й скотыгся. То мы пиднимемъ упгъять, положыжъ його, а воно й на другый бикъ покотыгся. Сталы мы й думаемъ; колы йиде парняга насупротывъ, та й дуракамы назвавъ насъ: «вы бъ одынъ остався караулыть, а другый бы пойихавъ додому, та запригъ у повозку кобылу, та прыйихавъ бы, та й положылы бъ, та й

одвезли бѣ додому.» Дидь остався караулить, а я поихавъ додому. Приижджаю додому, ажъ баба хрыстыны пѣе—батько народывсь. «Здорова, бабусю!» «А чого це ты приихавъ?» «Та вовче яйце выдрала.» «Ну оце й къ стати, а въ насъ уже третя недѣля, якъ свиня квочче.» Привезли мы його, посадили свиню, посидѣла вона три недѣли, вылучила дванадцять коровъ съ телятами. Дидь старый и баба стара, а я малый—никому насты, ну, та хочъ и малый, а такы дотепный. И мы жылы хуторожь, и почали копать ривчакъ зъ горы ажъ до самого двору: такъ я якъ попасу йихъ и жжену на ту гору, и стану дойти, а молоко бижыть по ривчаку ажъ додому, и тутъ його берутъ въ глекы наливають. Якъ зачали мы його у погрибъ носыть, повень погрибъ наплы. Якъ ставъ кумивъ Рыбо, якъ зачавъ те масло колотыть, та й на колотыть боклагъ дровъ, пхатирь яецъ и на выла сметаны, млынецъ помазати.

Записаль М. А. Дикаревъ.

247. НЕБУЛЫЦЯ 7.

Во время Покровської ярмарки у стапци Павливци выйшовъ я й соби вытришкиеъ купать, колы люде бижать на выгинъ; а воно сирешинъ колмыкъ та вовка гоне. Я й соби туды, шобъ завернуть його въ ярмарокъ, шобъ можно його вбыть. Добигаю—колы куць бурьяну стоить. Такъ я ставъ та й дывлюсь на вовка,—колы выскакуе три тарканы съ того куца. Такъ я якъ зачавъ за ними гнаться, та й загнавъ у Короленкивъ садокъ, у лысычу скоту. Выпросывъ лопатку, якъ зачавъ копать и выконавъ три бочонкы оселедцивъ. Колы глянувъ на вербу—ажъ тамъ щукъ та окунивъ! Полизъ я щучыхъ яецъ драть и надравъ я повну шапку. Якъ запшыцьтѣ воно, а я якъ бросаю ту шапку, та тикать; бижу, а воно пыщыть; прыбигъ додому,—а воно пыщыть; я й на ничъ, а воно пыщыть, я й съ нечи пидъ лавку, а воно все пыщыть; я й у погрибъ, а воно пыщыть. Колы розслухавъ,—а воно въ носи. Такъ якъ злякався, такъ и самъ себе не помню.

Записаль М. А. Дикаревъ.

Различныя «небульци» или «нисенитныци» см. въ слѣдующихъ изданіяхъ: Kolberg, Pokucie, IV, № 73.—Moszyńska, Bajki, № 29 и

30: Про мудрого дурня и Якъ то соби сынъ зъ батькомъ хазийнували.— Манжура, 123—126: Якъ мы зъ дидомъ багатили, а батька ше на свити не було, Небыльця, Прыказкы.—Чубинскій, II, 336, № 85; 517—519, № 13; 678. № 143.—Ястребовъ, 11—13, Одъ чого зайци куци? 178—180, №№ 35 и 36.—Малор. преданія, 372—374, №№ 42 и 44.—Сборн. Харьк. И.-Ф. Об-ва, VI, 171—175.—Харьк. Сборникъ, VIII, 144.—Гринченко, I, №№ 176—179.—Записки о Южной Руси Кулиша, I, 228—230. (Отсюда перепечатано въ книжкѣ «Веселый оповидачъ», М. 1893, № 74).—Дзвинюкъ, газ. для дѣтей, 1890, стр. 47.

248. ПРО БАГАТЫРЯ ЗВЕРХДУВА.

Бувъ соби багатый мужыкъ, мавъ винъ соби тры сына, два вумныхъ, третій—дуракъ. Самый меньшый, винъ зовсимъ не дурный, а прывставлявся—манеры показуе, що съ того буде. Батько килька паръ воливъ мавъ и пославъ двоохъ вумныхъ сынивъ на степь орать, а цей—дома. Пойхалы вони на тры дни; прыйизджають додому, а меньшый каже: «ну, тату, вони оралы, а я пойду сіять.» А батько говоре: «Ты, сыну, не можешъ по свиту ходыть, а якъ ты можешъ хлибъ сіять?» Якъ почавъ, якъ почавъ и вгамувавъ батька. Набрывъ винъ соби тры мишка пшеницы и пойхавъ сіять на те саме мисто. Посіавъ; йиде винъ додому, а назустричъ йому старыкъ и пытае: «куда ты, землякъ, йидешъ?» Винъ говоре: «Йиду додому.» «Де жъ ты бувъ?» «Йиздывъ на степь пшеницы сіять.» Старыкъ и каже йому: «якъ прыйидешъ додому, то скажы батькови й матери, й братамъ, щобъ ишли пшеницю жать.» Сивъ той парубокъ на вози, та й думае соби: «якъ же це воно такъ: не вспивъ я посіять, а воно вже й уродыло? Дай пиду, подывлюсь.» Пойхавъ, подыввся; вырвавъ на показъ додому, бо пшениця така вродыла, що лучче й не нада. Вырвавъ ййи й показуе батькови, щобъ йихавъ жать. А батько сыдыть за столомъ та й дума: «що це, говоре, сыну, чы це наше щастя, чы нещастя? Тилькы ты пойхавъ сіять, а вже й пшениця така?» Забрали косы й пойхалы косыть, а люде дывуються, бо ти тилькы сіють, а вони вже косють, а дило було у осены. Скосылы вони ту пшеницю, зложылы, змолотылы й почалы продавать. Жылы вони бидно, а почалы продавать пшеницю, то й построилилы домъ. Старый поженывъ усихъ сынивъ. Самого старшого оженивъ на хозяйскій дочкы, а середульшого—на попивскій, а самого меншого—на генеральскій. Умерлы батько й маты, а сыны самы зо-

стались на хазяйствѣ и дождалы вже собѣ дитокъ. У самого меншого народывся сынъ—йому симъ литъ, а винъ усе у колысочки лежыть. Ходыть дурень, гуляе, й начала разна панова страмыть,—що можъ винъ багатый, а дытя таке, що симъ литъ, а въ колысочки лежыть. Йде винъ зъ цього страху додому й плачыть. Дума винъ собѣ: «Господы, Боже ты мій, що воно таке—чы я нещасливый, що я такее дытьо маю?» Йде йому назустрічь старая старуха (а винъ, цей хлопчыкъ, приставляйтыся, винъ багатырь). «Чого ты, называйты; купеческый сынъ, плачешъ?» (А ця старуха, вона тежъ зна, чого винъ плаче, та не признається). Почавъ винъ сказувать; «маю собѣ таке дытьо, що воно собѣ никчемне.» Вона каже: «а ты, купеческый сынъ, хочешъ, щобъ його на свити не було?» «Хочу,» сказуе. «Пиды, говорыть вона, на базарь, купы симъ пудовъ каната и купышь таку тылижечку жылезную; прыйдешъ додому, положишь подушку у ту брычку и положишь його туды, возьмешъ вирьовку и повезешъ його сонного у лисъ.» И сказала вона йому: «прыйдешъ у лисъ, найдешъ товстого дуба, гылякуватого; выберешъ одну гыляку, щобъ вона не одломлася, и привьяжешъ у чотыри сталкы цей канатъ (якъ у колысци роблять вырвечкы) и положишь дошку и на ту дошку положишь подушку и положишь його, и поколыхнешъ; (винъ сонный, винъ спавъ, винъ зальогъ спать на симъ сутокъ); положишь його на ту подушку и поколыхны, и тикай, и не оглядайся.» Якъ бы батько бувъ оглянувся, то семылитокъ бувъ бы на йому увесъ лисъ той выбывъ. Спавъ, не спавъ винъ—симъ сутокъ проспавъ. Якъ бы винъ бувъ дома проспавъ си симъ сутокъ, то бувъ бы—наче йому двадцять литъ. У нього тоди була бь уся багатырьска сыла. Проснувся винъ та й каже: «що воно таке,—то я дома спавъ, а це въ лиси?» Теперъ винъ якъ истрепенеться,—и вправъ додолу и загрузъ по колина въ землю. Ходыть винъ теперъ та й дума: «дорогы не знаю, летить не вмю.» Ходыть розбалакуе собѣ. Найшовъ винъ дуба товстого й высокого, налалавъ, щобъ винъ не вломывся (а винъ уже добре зна, що вже сыла, що лисъ бы весь зажавъ у купу, та!...) Вылизъ винъ на того дуба й почавъ дывытыся, чы не побаче якои деревни, або слободы. Деревни не побачывъ, а побачывъ у лису двохъэтажный домъ черепыцею вскрытый. Ну, винъ собѣ й дума: «излизу я додолу?—не втраплю; летить?—не вмю.» Почавъ винъ руками хвататься, на гылякы опираться и пишовъ по верху древа, якъ птыця. Прылитае винъ туды, до цього дому; винъ не може легко спустытыся и вправъ додолу, и дуже забывся. Уходыть туды у хату,—тамъ никого нема, тилькы сидыть старая старуха и пытае у нього: «зачымъ, добрый молодець, сюда прыйшовъ?» А винъ одвича: «що, ста-

ра видѣла, ты мене паній, накормы, а тоди й спросы.» Вона заразъ встаетъ съ печи, вытягае кушныкъ молока, становить на столъ и кладеть йому булку. Винъ устаетъ й дякуе бабушки: «благодарю, говорить, тоби, бабушка, за хорошъ обѣдъ! Ну, теперъ, бабушка, пытай, чога я до тебе прыйшовъ.» Вона й пыта: «якого ты роду, шо ты таке?» «Я, говорить, Зверхдуба.» (Таке самъ соби имня давъ). «Зачымъ же ты, говоре, сюда прыйшовъ?» «Такъ, каже, колы бь де вика дожыть найнятъся.» А вона йому каже: «въ мене е два сына, вони поихали въ чысте поле; и безъ ныхъ ничего не знаю; вони прыйдутъ додому й дадутъ распорядженіе.» А винъ йій говоре: «А мени тутъ ничего не буде, якъ я буду йихъ дожыждать?» А вона й каже: «Въ мене е таке мисто, де я тебе заховаю; вони не знатымутъ, а якъ догадуватымутъся, будутъ сирчать на мене, то скажу йимъ слово, вони зь дому пойдутъ, а я тебе й выпустю.» (Звисно, якъ мужыкъ голоденъ, прыйде додому, то заразъ жинку лас, а жыдъ, якъ голоденъ, молыться Богу). Прыйизжають вони додому, не вспили на дверя, вона напекла булокъ, вони пороздявляли роты, а вона йимъ кыда булокъ, (а то — змійи). Кыда вона до такого, покы понайидалысь. Теперъ вони уходятъ у комнату, а той, самый старый, и каже: «що це, ху, ху, руська кость смердыть?» А вона йому одвичаетъ: «вы, говоре, шо свиту литалы, руськойи кости напахалысь, и вона вамъ тутъ увывається.» Вона почала дали: «до мене такий молодець прыходывъ, шо лучшого й не нада. Найматъся прыходывъ и казавъ, шо служывъ бы покамысть бы й прогналы.» (Винъ самъ надіється, шо довго не служывъ бы). Сыны йійи й одвичаютъ: «а чомъ його намъ не казала?» Вона заразъ одкрыва подушку й одіяло и вытга його. Ну, винъ тоди встаетъ, вони до нього здоровкаются: «здоровъ, молодець!» А винъ йимъ отвичать не знае якъ, Теперъ вони його пытають: «зачымъ, молодець, ты сюды зайшовъ, чы по воли, чы по неволи?» А винъ йимъ и каже: «Якъ бы була моя воля, то бь до тебе не прыйшовъ, а то, шо неволя, то я прыйшовъ такъ — абы де найнятъся.» Ну, вони йому й кажуть: «намъ такъ не нада; насъ е два брата, а ты будь третій — менчий. То такъ? Будешъ? Колы такъ не будешъ, то мы тебе отутъ у комнати иззимо.» А винъ сказуе, говорить: «буду!» Ну, теперъ вони подавалы йому ключи одъ своего хазайства — тамъ де лежытъ овесъ, де мука, де крупа, адьожа; и повелы його скрозь по всихъ магазынахъ, де шо лежытъ, и повелы його у конюшню, отперлы йійи — тамъ стойить дванадцать коней укупи. Ну, самый старый змій и каже: «доглядай, братъ, опыхъ коней.» Тамъ же ще стояла пидъ однією крышою друга конюшня, винъ йому одъ нейи не давъ ключивъ и каже: «оце тоби, братъ, усе хазайство, — скрызъ ходы.

пый, гуляй, на лошадахъ катайся, а сюды не заглядай.» Побулы два брата дома, а тоди й кажутъ до менчого: «мы тебе кынемъ на хазайствы, а сами пойдемъ до дялюшки въ гостя.» Посидлалы кони, пойхалы. Пидждавъ винъ одынъ день, — пывъ соби, гулявъ, на коняхъ катавъ; а на третій день давъ конямъ йсты, нагодувавъ йнхъ харашо, повивъ до воды; прывивъ одъ воды, завивъ у конюшню, наславъ соломы, засыпавъ вивса, а самъ ходыть по конюшни, розсуждае: «шо це такее—водылы мене по всьому хазайству, а сюды не прывивъ и ключивъ мени не давъ?» Думае: «що я буду за молодець, щобъ я сюда не подывывся?» Пишовъ у хату—лежыть та баба, спыть. Одсовуе винъ ту шахву, тамъ лежыть два ключыка; узавъ ци два ключыка, прыходыть туды, ажъ воны якъ-разъ и прыходыть туды. Одперъ винъ ту конюшню,—тамъ стойть пара коней: одынъ кинъ йсть яру пшеныцю, а другый йсть золото. А винъ соби й дума: «що жъ це воно таке—той йсть яру пшеныцю, а той—золото? дай я цюму пидсуну золота, нехай йсть.» Закотывъ винъ рукава по ликти, посунувъ одною рукою золото,—такъ и стала рука золота; посунувъ другою,—и та стала золота; лапнувъ винъ за голову, и голова стала золота. Надивъ шанку, поодсукувавъ рукава, уходыть у хату и сказуе: «эй, говорыть, бабушка, зробывъ я балшую провынность!» (А вона вже давно це зна, бо вона волшебныця). Вона йому й каже: «ну, теперь, говорыть, дытьо мое мылее, я бъ и раднйша, щобъ ты бувъ, ну, воны якъ прыйидуть, то по одной кисточки изидать тебе. Теперь, говорыть, сыну, беры соби коня и йидь куда хочешъ.» Винъ пишовъ, пидкувавъ соби коня, але не такъ, якъ кують уси, а пидковы поставывъ тымъ, шо следъ назадъ, то винъ тымъ напередъ, будто винъ звидты йхавъ, щобъ загубыть следъ: туды слиду нема, а туды—есть. Осидлавъ винъ соби та й пойхавъ. Выходе бабушка та й говорыть: «пиджды, я тоби на дорогу гостынця дамъ.» (Вона за нымъ жаліе, бо винъ дуже красывый бувъ). Выносыть вона йому щитку, гребинку, шо конопли чешуть, и платочокъ. На допрось ййи винъ пытае: «якъ цымы вещамы распоряжаться?» А вона йому й каже: «сидай на коня и йидь и помячай: якъ буде витерь, буря шумиты, такъ ты цю гребинку кынешъ упозадъ себе, а самъ тикай чымъ дужчъ! Щобъ проскочывъ!»

Выйхавъ винъ за двирь, а кинъ йому й каже: «устань, говорыть, улизь мени у праве вухо, у ливе вылизъ, такъ ище кращый будешъ.» Винъ выйхавъ за двирь и зробывъ такъ же, якъ той кинъ казавъ. Йиде, а кинъ и говорыть: «йидь, не зивай, не дожыдай бури, а дывысь: буде выдать тоби за трыдевъять зёмель, ворона буде летить.» (Кинъ йому вставывъ таки быстри глаза). Йиде винъ, дывыться, летыть ворона за трыдевъять зёмель, а кинъ и пытае: «а тоби выдать що не-

будь?» «Выдать мени—за тридевять зёмель летыть ворона.» А кинь йому й каже: «бери гребинку, кыдай позадь себе, а самъ тикай чымъ можна!» Кынувъ винъ ту гребинку, самъ пройхавъ, позадь нього зробився такой лисъ, що йому кинця нема, а высокий такой, що ажъ у небо верхкы повстрявали. Винъ бы мигъ його перескочыть, такъ высокий, а густый—не пролизешъ, а великый—не объидешъ! Одъйхавъ Зверхдуба несколько верстовъ, а змій уже долетивъ до того лиса. «Ну, говорыть, хытрый, догадася.» Ганявъ, ганявъ винъ по всьому свиту, не знайшовъ кинця и сягавъ у гору—не перескоче. Найнявъ винъ пылцы кивъ, щобъ проризалы йому дорогу. Покры найнявъ, покы вернувъ, покы прыставывъ йихъ на мисто, то винъ такы все дали увійшовъ. Прыходять пылцыкы, проризалы йому дорогу, а той кинь уже й знае, що змій буде изновъ гнаться за нымъ, и каже до хазяйина: «йидь и не спы, й не зывай, и назадъ поглядай, бо мо случыться ище дви прычыны; колы ци дви прычыны перебудемъ, то мы усе горе збудемъ.» Йиде винъ, оглянувся—летыть зновъ ворона. Кинь йому й каже: «а ты бачышь шо?» «Я, говоре, бачу, що можна йихать тому назадъ года чотыри, пока вона, та ворона, наженеться.» Той кинь йому й говорыть: «ты не вважай на ти чотыри года, а вважай на чотыри сикунта. Оглядайсь, каже, почаше.» Той кинь не вспивъ пройты десять шаговъ, Зверхдуба оглянувся, а ворону стало выдно за верству. Кинь каже: «кыдай щитку назадъ, а самъ тикай чымъ можна скорышь упередъ.» Кынувъ винъ ту щитку, не вспивъ кинь два шага ступнуть, а позадь нього стала мугыла на весь свить, а вышыною у небо й вершокъ устрявъ! Прыбига змій до тойи мугылы й говорыть: «а, говорыть, хытрый, догадася!» Бигавъ, бигавъ той змій по всьому свиту,—не найшовъ краю Сигавъ у гору—не перескочыть! Вернувъ винъ назадъ,—покамысь найнявъ грабаривъ, то той усе дали утикъ. Роскопалы йому дорогу, а винъ зновъ за нымъ женеться, а кинь и пытае Зверхдуба: «а ты, каже, спать хочешъ здорово?» «Хочу, каже, здорово.» «Обожды, говорыть, цю одну прычыну,—йидь на мени, не дрымай и назадъ часто поглядай!» Йиде на кони, оглянувся назадъ, стало йому выдать цю ворону—такъ, шо за тры версты выдать. Пройизжае дали й каже той кинь: «махай назадъ платочкомъ, бо винъ вже нажене насъ.» Зверхдуба махнувъ назадъ платочкомъ, и зробылося позадь його море, що на весь свить—йому й краю нема, а глыбыны—дакъ настояща безодня! Прыйхавъ змій до того моря й каже: «ахъ, говоре, хытрый який!» Скакавъ, його нельзя перескочыть,—шыроке. «А дай, говорыть, може я його выпью?» Ставъ пыть—не вспивъ два разы ковтнуть и лопнувъ. Кинь и каже Зверхдубу: «теперь я тоби овсимъ не нужёнъ.» (Кинь бувъ не багатырський, а волошебсь-

кий; Зверхдубу треба багатырського коня). «Теперь ты соби можешъ иты— куды самъ знаешъ, а мене, говорыть, накормы, щобъ я мигъ додому доправытьсѧ, бо я не въ сылахъ иты.» А Зверхдуба й пытае коня: «чымъ я тебе накормлю?» А кинь йоку й каже: «пиды онъ у лисъ, нарвы дубивъ и поламай йихъ на щепкы и запалы, щобъ воны погорилы, такъ я той попилъ поймъ.» Винъ цюму радъ стараться: нишовъ винъ своимъ скорымъ спехомъ, нарвавъ тыхъ дубивъ, поламавъ йихъ на щепкы и запалывъ. Щепкы ци горины не билшъ, якъ тры минути, и потухлы. Пишовъ Зверхдуба, найшовъ у степу вола, издеръ изъ нього кожу, зъ вола, зробывъ решето и проточывъ на решето вугилля (це винъ старався для коня, бо не прылышно було коню таке вугилля йисты). Давъ йому, той найвися. «Тепера, говорыть кинь, иды куды знаешъ, а я пиду додому.»

Зверхдуба зайшовъ соби у великый лисъ и лигъ заснуть, бо довго не спавъ. Спавъ-не спавъ—дванадцятро сутокъ проспавъ. Проснувся винъ и думайть: «куды жъ я, думайть, пиду?» Йде и зайшовъ у деревню; дывытьсѧ Зверхдуба—велька економія, великый помыщыкъ жыветь. Зверхдуба дума: «якъ бы мени його пидйихать?» Уходыть винъ у той двиръ литнього времня у рукавыцяхъ и въ зимній шапци (йому нельзя скидаты шапки и рукавыць, бо выдаты, що въ нього золоти руки й голова). Выходе до нього панъ и говоре: «здоровъ, маладець! Чого ты прыйшовъ, маладець?» А винъ йому й каже: «такъ, абы де найнятыся.» Панъ и каже: «въ мене оце тилькы що росчытався свынопасъ, такъ ты якъ хочешъ, наймайся свыни пасты.» А винъ йому й каже: «все одно—служба, а гроши дай.» Договорывся Зверхдуба у пана за пъятдесять рубливъ и на хазяйськй одежи. Увивъ панъ його въ хату, давъ пообидаты и не довго времня провожавъ, повивъ його въ степъ, де свыни пасты, бо свыни булы голодни. Водывъ винъ його скрызъ по свыйому степу, указавъ усн миста и сказавъ: «Оце моя земля, а черезъ цей интервалъ не пушай, потому що це змйова земля, и якъ ты перепустышъ, такъ змй свыни пойистъ и тебе ззистъ.» Пойихавъ панъ додому.

Зверхдуба пасе свыни на вказанному мести, бо винъ бойтыся, що безъ нйякой оружныны. Прыганяе увечери свыни додому й каже панови: «давай двадцять пудовъ прядыва, а десять пудовъ шевськой смолы, я буду робыть кнута.» Панъ той и дывытьсѧ на нього: що це, дума, чы й пиднимешъ? Панъ, не довго думаячы (у його булы свойи конопля), одважывъ йому двадцять пудовъ прядыва, а десять пудовъ смолы. Зверхдуба почавъ плесты того батога и спливъ його якъ де найтовща маточына, а длыныны—такъ неначе сажены двадцять. Спливъ винъ того кнута, обсмолывъ його, а панъ усѧ дывытьсѧ. «Ну, теперь, говорыть, вылый мени пужално чугунне, щобъ було його висимнадцять пудовъ.» Той панъ йому вылывъ. Сивъ Зверхдуба, видставывъ колыно и якъ

ударивъ тымъ пужалномъ по колени, такъ воно па тры части роскочылось! (Отъ зухъ бувъ! Якъ бы себе палкою вдарывъ, то й то бь добре болило.) Панъ той якъ побачывъ те, то зумывся, що якый малый та вдалый. Каже: «пане, шкода, це не годыться, зробить мени у двадцять п'ять пудовъ, стальнее.» Зробылы воны йому. Сивъ винъ такъ же саме, розставывъ ноги, ударывъ себе по колени,—воно тилько задзеленькотило. «Добре, саме по мири!» Причепывъ винъ того кнута й жене у степъ свыни пасты, а панъ дума: «беры соби й свыни, чысто все, тилько мене не трогай.» Выгнавъ винъ за ворота, якъ ляснувъ тымъ батогомъ, то наче зъ двоухъ пушокъ! (бо е чымъ и ляснуть!) Погнавъ винъ ти свыни пасты, та не на вказане место, а куды самъ схотывъ. Знае винъ, де той змій, и погнавъ ти свыни прямо въ змійивъ садъ; а змій у доми спавъ та ничего не слыхавъ. Проснувся змій, ажъ у саду хрупотява така, шо ажъ садъ трищыть. Тоди цей змій росердывся и прямо до нього грубо, думавъ, що Зверхдуба злякайться його. Не довго думачы, якъ ростягне свій кнутокъ, якъ стьобоне змія по в'язахъ,—такъ и одлетила голова! Зверхдуба пишовъ тоди до нього у комнату: ходывъ, ходывъ, нема никого,—не бойться. Выйшовъ съ комнаты, ходыть по саду, дывыться—посередь саду лежыть велька скала каминя. Винъ и каже: «що я буду за молодець, якъ я не роздывлюсь, що тутъ е? Тутъ неодминно е якась предмета.» Узывъ мезынымъ палцемъ, пиднявъ цю скалу, ажъ тамъ велька яма, въ тій ями тры багатыря. Начавъ винъ до йихъ здоровкаться, а воны позахлявалы такъ, шо не можуть отягты до його гласу. Зверхдуба й каже до ныхъ: «вылазьте, видтыль, братци!» А воны йому видказують: «мы тутъ хочъ пропадаемъ голодни и холодни, ну, намъ не прывыкать, а чога ты тутъ? Якъ прылетыть змій, то зысть тебе и намъ злои смерты прыдасть.» А винъ видмовля: «не бйтьсь, братци, цього не будеть.» Подавъ винъ тоди свого кнута, повытягавъ йихъ. Увивъ йихъ у комнату, найшовъ де чога перекусыть, бо воны зовсимъ позахлявалы. Перекусылы воны, а винъ пишовъ, уловывъ кабана самого найлюбыйшого, обирвавъ на ньому щетыну, унисъ його; у хати була така плыта, винъ зажарывъ плыту и выкынувъ того кабана, харашо обпатравшы; тоди вытягъ, воду выльывъ и почавъ варыть вечерять, набравшы у магазыни пшона. Зварывъ кулишь харошый; зварывъ якъ слядуе бутъ, поставывъ на стиль, а самъ пишовъ у пидваль, взывъ бочонокъ водкы; уносыть винъ у ту хату, дае йимъ по два стакана водкы, воны выпылы и тоди заходылысь вечерять. Повечерялы и благодарять його: «эхъ, говорять, благодарымъ мы тибе, братиць, шо ты насъ изъ етойи неволи выпустывъ и накормывъ насъ; а теперъ шо буде, то бильшого горя не буде.»

Жене Зверхдуба свини додому, а багатыри йому й кажуть: «у насъ е драгоцінное колцо, такъ мы даримъ те колцо за те, що насъ уго- стивъ харашо.» Причепивъ винъ це колцо ззаду до кнута и воло- чить. Стало вже темно. Барышни того пана зъ вечера гулялы, дивлять- ся,—а по дорози неначе зирочка котыться. (Говорять, що дороге ка- миння свитыть увечери, але я не бачывъ). Выбига сама найменча, са- ма найкраща на зустрічь його, пытається його: «що ты, каже, воло- чешъ?» Винъ їй одвичае: «це я гнавъ свини по дорози, знайшовъ його й самъ не знаю, що воно таке.» Вона його просыть: «дай, говорыть, мени, цю штуку!» А винъ їй каже: «я тоби не дамъ; якъ ты будешъ моею дружыною, такъ дамъ.» Дывыться вона на нього, що винъ и гар- ный хлопецъ, та нема у нього ничого: одежи—що на йому, а хлеба—що въ йому. Ще до того й бойиться, бо винъ такой сыльный. «Иду, гово- рыть, що буде, а за тебе иду!» Увиходыть вона у хату и сказала сво- ему батькови: «иду я за цього наймыта, що въ насъ служыть.» Бать- ко каже: «То твое дило. Хочешъ—якъ хочешъ, абы винъ мене не тро- гавъ.» Тутъ черезъ якый часъ зробылы вони свальбу.

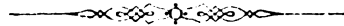
И не такъ те дило робылось, якъ кзка казалась. Черезъ якый часъ прыславъ старшый змій прыказъ до того пана, щобъ выславъ той до цього змія менчу свою дочку на пожырення. Папъ пославъ до само- го осударя, щобъ выславъ йому несколько тысячъ вѣйска—побидыть цього змія. А Зверхдуба сыдыть за столомъ, лѣе чай, папыросу курыть и посихайныть, а нанъ сыдыть—слѣозамы вымывається—жалко йому дочки. Зять пытае своего тестя: «чогъ вы плачете? Колы я да не пла- чу, що мени изъ нею вѣкъ жыть!» Тестъ отвичае: «якъ же мени не жалко своего дытаты?» Зверхдуба каже: «шо буде, а бильшого горя не буде.»

Тутъ прышло въ прыкази одъ самого осударя,—що «въ такому то мести, надъ такимъ то моремъ выставлено войско на счотъ того дила, що ты мене просышь.» Змій у другый разъ прыславъ до пана, щобъ той выславъ свою дочку небезыреминно скоришь на пожырення. Бать- ко гирко заплакавъ и звеливъ кучерови запряггы пару коней, щобъ од- везты їйи на указанное тее место. Вона попрощаѣсь зъ батькомъ и зъ своею матирю. Прыходе до мужа прощатыся, а той и пыта: «хыба з те- бе не бачыгыму?» Та ничого не сказала, а тилькы заплакала и пойнха- ла до змія на пожырення. Тестъ и каже до зятя: «возьмы, сыну, соби найкращого коня, поинды, посмогры на їйи муку.» Пишовъ Зверхдуба у конюшню, выбравъ найкращого коня, вывивъ його за ворота й каже: «сорокы, вороны, злитайтесь купеческойи гавъядыны йсты!» Ухватывъ

того коня за гриву, струснувъ,—тильки кожа въ рукахъ осталася. Свыснувъ, крикнувъ багатырськымъ гукомъ! Бижыть його кинь, ажъ земля дрижыть, а зъ ноздрей вогонь пашыть. Прывозе той кинь усю багатырську одѣжу и ввесь багатырськый струментъ—шапку, ратыще й ружжо. Сидает винъ на своего коня и полизджае на тое указанное место. Прыйизжае туды, ажъ вона стойть на такому то стовбу и вывайтыся слъозамы и втерайтыся рукавамы. Прыйизжае винъ туды такимъ молодецмъ, що вона його не узнае. Дали винъ и сказуе: «уставай, душинька, поськай мени у голови воши!» Вона тому возрадувалася. Устала, ськае воши, винъ ййи и каже: «якъ я задримаю, то визьмешъ оцей молоточокъ, стукнешъ мене по голови, то я встану.» Тутъ вона дывытыся,—на мори така волна розываецься, ажъ по берези вода скакае. Испугалася вона, выйма того молоточка, ажъ нйякъ не выйме изъ кармана. Дали почала плакаты, капнула ййи слъоза йому на лицо. Винъ схватыся и каже: «ахъ, душинька, кякъ ты дуже упекла мене!» «Я тебе, каже, ничымъ не пекла, то моя слъоза капнула тоби на лицо.» Плыве той змй; доплывъ до берега и каже: «скакай мени прямо у ротъ!» А вона сыдыть, тильки посмихаецься (вона все жъ такы не зна, що тутъ ййи чоловікъ, дума, що то такъ соби багатырь). Змй росердывся за це: «Що жъ ето за такой хранть до мене прыйихавъ? Девушка ета буде для мене повечерять, а зъ тебе солодча гавъядына, то ты будешъ мени на закуску.» А Зверхдуба й каже йому: «ты нею й самую вдавышыся.» Вылазе тоды змй зъ воды и одвича йому громкымъ голосомъ—дума що винъ злякайтыся,—и каже теперъ йому: «здоровъ, маладець!» «Здоровъ, здоровъ, змй, нечыстый духъ!» Змй и каже: «що, добрый маладець, прыйихавъ—чы бытыся, чы мырытыся?» А Зверхдуба видмовля: «добрый маладець не за тымъ иде, щобъ мырытыся, а щобъ бытыся!» Змй и каже: «Дуй точокъ!» (Колы збираютъся багатыри бытыся, то на сырйи земли не вдержуться, а дуютъ точокъ). Зверхдуба й каже: «ахъ ты, змй. нечыста сыла, я до тебе въ гостя прыйихавъ,—дуй ты першь!» Змй начавъ дуть; зробывся точокъ жалезный. Дмухнувъ Зверхдуба, зробывся точокъ стальный. Змй дмухнувъ,—зробывся чугунный точокъ. Зверхдуба дмухнувъ,—серебранный точокъ зробывся. Змй дмухнувъ,—зробывся мидный. Дмухнувъ багатырь,—зробывся золотый, и теперъ почалы бытыся-грожатъся. Гржалысь вони пошты до кровавого поту,—другъ друга не може подолить. Зверхдуба каже: «дружина моя мыла, одусты мени того коня на помичь!» Вона безъ одговоривъ, дывытыся, що йому такее нещастя, одустыла коня. Той кинь якъ розигнався и прямо копытамы змйя по голови! Зверхдуба возрадувався, що йому есть помичь, и бе-

реться ще получче, а такы своєї жоны проклятому змію не дума дати на пожыреные. Побидывъ винъ цього змія и'пишовъ собі непрямитною дорогою, щобъ жона не догадалась. Прийизджае жона додому, а винъ лежить на подушкахъ у тій самій хворни. Вона й сказуе йому: «довольно тобі, душинька, прывавляється!» Впала передъ нимъ на колінкы и поцилувала його. Встае винъ тоди до нейи, обнявся и поцилувавъ ййи. Нишлы у комнагу удвохъ зъ нею и почалы у комнатахъ, у отця свого, пыгы, гулять. И не такъ те дило робылось, якъ казка казалась. Почалы вони жыть, прожывать и добра нажывать. Я тамъ бувъ, медъ водку пывъ, по бороде текло, въ роты не було.

С. Ивковцы, Чигиринскаго уѣзда, отъ солдата Василя Коробки
записаль В. Г. Кравченко.

ДОПОЛНЕНІЯ

КЪ БИБЛЮГРАФИЧЕСКИМЪ УКАЗАНИЯМЪ ВЪ ОБОИХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ I.

- 15. Коваль и чортъ.** Харьк. Сборн., III, 48.
- 52. Страшный судъ.** Харьк. Сборн., III, 59.—Шейковскій, Бытъ подолянъ, II, 24—26.
- 79. Grosholubъ.** Kolberg, Rokucie, IV, № 31.
- 85. Небоязьный полковникъ.** Чубинскій, II, 366, № 101.
- 89. Кинь.** Сборн. Харьк. Ист. Фил. Общ., III, 169, 170, 175—176.—Харьк. Сборн., VII, 450—451.—Лоначевскій, Сборн. пѣсенъ буковинск., 98. Вѣдьмы на горѣ.—Малор. пред., 393. Вѣдьмы на лысой горѣ.—Zbiór wiadom., V, VI. Kosinski, Materialy do etnogr. gorali bieskid., № 12.—Харьк. Сборн., VII, 450—451; VIII, 289; IX, 249.—Nowosielski, Lud ukr., 1857, II, 80—91.—Чубинскій, I, 196—205.
- 91. Грихы.** Kolberg, Rokucie, II, 29, 35; IV, № 45.—Чубинскій, V, 407, 458, 485.—Головацкій, I, 45, 75; II, 577.—Антоновичъ и Драгомановъ, Ист. пѣсни, (Кіевъ, 1874). I, 275.—Zbiór wiadomosci, VIII, 115—246.
- 94. Янголь.** Kolberg, Rokucie, IV, № 41.—Этногр. обзор., XXI, въ статьѣ Иванова стр. 81—83.—Житѣе и слово, томъ II, 350—352. Ангель у служби.—Мотивъ о странныхъ поступкахъ находящагося въ услуженіи ангела см. еще у Иванова въ XXI томѣ «Этногр. обзор.», стр. 87—88. Изслѣдованіе о легендѣ см. въ VII томѣ «Сборника за народни утворени» (1892).
- Этнограф. матеріалы, II.

95. Святой. Основа, 1862, V, 79.—Ивановъ. Изъ области малор. легендъ. Легенда о краткой, но искренней молитвѣ во 2-й книгѣ «Этногр. обзоръ» за 1890 г.—Васильевъ. Великій грѣшникъ. Кіев. Стар., 1884, IX, 174.

96. Чому цыганови брехаты вильно. Сборн. Харьк. Ист.-Фил. Об., VI, 184. Отчего цыганамъ не грѣхъ божитися.—Харьковскій Сборникъ, VIII, 341.

98. Неохайна господиня. Дикаревъ. Ворон. этногр. сборн., 274, № 100.

130. Доля. Харьк. Сборникъ, VIII, 294—295.—Чубинскій, II, 426—428.

156. Дидь та баба. Moszyńska, № 36. Небылиця № 1.—Манжура, 6.

161. Батько й три сыны. Kolberg, Rokucie, IV, № 20.

163. Про двоохъ бративъ—убогого та багатого. Чубинскій, I, 185—186.—Этногр. збирникъ, I, 69, № 19. Якъ братъ брату за дви чвертки жыта очи выбравъ.

165. Ивашно-ведмеже вушко. Чубинскій, II, 229—238.

168. Три денежны. Moszyńska, № 6. Про милосердного хлопця.—Чубинскій, II, 52, № 14.

169. Якъ Богъ дасть, то и въ винно подасть. Литературная обработка у Стороженка: «Скарбъ» въ «Основѣ» за 1861, XI—XII.

173. Два браты, розумный та дурный. Kolberg. Rokucie, IV, № 60.

174. Дурысвиты. Kolberg, Rokucie, IV, № 52.

175. Воръ Антонъ. Харьковскій Сборникъ, VIII, 25, 325—326.

183. Глухой та губатый. Литературная обработка у Руданскаго: Зоря, 1886, стр. 253. Глухой и губатый.

211. Безъ Бога ни до порога. Различные рассказы о необходимости Божьей помощи: Харьковскій Сборникъ, VIII, 271—272, 269.

214. Лыха жинка. Moszyńska, № 20. Про двоохъ товаришивъ та про лыху жинку.

ТОМЪ II.

4. Песыголовци. Чубинскій, II, 85, № 21.

13. Ужана. Сумцовъ. Культурн. переживанія, § 149.

17. Зъ чого на свити табакъ. Ржегоржъ. Cert. Mozaika z lidowuch rodani halicko-ruskych. Zlata Praha. 1895, № 34. (Черть нашель табакъ, хороня свою мать).

Къ указателю въ концѣ отдѣла 2-го. *Лисовыкъ.* Похороны, списанныя со словъ поселянина, въ Харьковск. г. Записки о Ю. Руси, II, 281—290.—*Огіевскій.* Народныя примѣты. Черн. Губ. Вѣд. 1853, № 9; 1856, № 22.—*Ковалько П.* Очерки національныхъ типовъ въ укр. нар. словесности. Київ Стар., 1883, III, 667.—*Дикаревъ.* Рождественскія святки. Кубанскія Областныя Вѣдомости, 1895, №№ 1, 3, 5.—*Дикаревъ.* Масляница. Куб. Обл. Вѣд., 1895, № 30.—*Дикаревъ.* Великій постъ. Куб. Обл. Вѣд., 1895, № 69.—*Милорадовичъ В. П.* Рождественскія святки въ сѣверной части Лубенскаго у. Полт. Губ. Вѣд. 1893, №№ 42—44 и отд. оттиски. (Гаданія).—*Сумцовъ* Культурныя переживанія. 1890.—Сборник Харьк. Ист.-Фил. Об., III, 196 (вѣдьма обращается въ иглу—къ № 27-му 2-го тома).—*Сумцовъ.* Къ объясненію малорусск. гаданій. Київ. Стар., 1891, VIII, 314—316.—*Ржегоржъ Ф.* Kalendarik z národního života Vojkův. Zlata Praha. 1895, № 34.—*Кайндль Р.* а) Galizisch-ruthenische Weinachtbräuche. «Am Urquell», III, 1. б) Liebesrakel. «Bukowinaer Rundschau» 1887. в) Aus dem Volksglauben der Ruthenen in Galizien. «Globus» 1893. г) Die Ruthenen in der Bukowina, 2 тома, Czernowitz, 1889—1890. д) Die Huzulen. Wien, 1894. е) Neue Beiträge zur Ethnologie und Volkskunde der Huzulen. «Globus» LXIX Nr 5 и 6.

Къ указателю въ концѣ отдѣла 3-го. *Кайндль Р.* а) Die Wetterzauberei bei den Ruthenen und Huzulen. Mittheil. der k. k. geogr. Gesellschaft 1894, № 10. б) Baba Jaudocha Dokia. в) Aus dem Volksglauben der Ruthenen in Galizien. «Globus» 1893. г) Das Alpdrücken. «Am Urquell», II, 10. д) Der Eid im Volksleben. «Am Urquell», II, 10. е) Diebglauen. «Am Urquell», II, 11. ж) Zauber glauben bei den Ruthenen (Globus. LXI. № 18). *Коваленко Г.* Къ народной медицинѣ малоруссовъ. Этногр. Обзор., 1891, IV.

69. Вовкъ та святой Юрій. Этногр. збирныкъ, I, 13, № 1. Поденщыкы.

70. Чоловикъ, чорты и видьмы. Третій мотивъ: Чубинскій, II, 172, № 52.—Kolberg, Pokucie, IV, № 22.

71. Дурни чорты та хытрый наймытъ. Первый мотивъ: Чубинскій, II, 362, № 98.—Второй мотивъ: Малор. пред., 105, № 14.

Къ указателю въ концѣ отд. V. Die seele und ihr Aufenthaltsort nach dem Tode im Volksglauben der Ruthenen und Huzulen. «Globus» LXVII № 23.—Чубинскій, II, 366, № 101.

Къ указателю въ концѣ отдѣла VI. *Ржегоржъ Фр.* Cert. Mozaika z lidových p dani halicko-ruskych. Zlata Praha. 1895, № 34 (о сношеніи чертей съ вѣдьмами). *Кайндль Р.* Zauber glaube bei den Ruthenen in der Bukowina und Galizien. (Kleine studien, 31—40).

УКАЗАТЕЛЬ

къ томашъ 1 и 2-му „Этнографическихъ Материаловъ.“

I. Представленія и разказы о явленіяхъ природы и изобрѣтеніяхъ,

ТОМЪ 1.

1. **Зирны.** Звѣзда *Собачка* въ созвѣздіи *Визъ* показываетъ своимъ ходомъ приближеніе страшнаго суда. (1).

2. **Песыголовци.** Человѣкъ попалъ къ песыголовцамъ, готовилъ имъ для ѣды зѣй, попробовалъ самъ, сталъ знать силу травъ и дорогу домой; ушелъ, но на крикъ догонявшаго его песыголовца оглянулся назадъ и забылъ половину узаннаго (1—2).

3. **Комари** просили у Бога костей, на приглашеніе придти на Рождество отвѣтили отказомъ и не получили желаемаго (3).

4. **Комари (Ворожня).** По указанію ворожки человѣкъ нашелъ пропавшихъ воловъ въ лѣсу по красному столбу комаровъ надъ ними (8).

5. **Жабы** Гдѣ жабъ много,—тамъ хорошій картофель (4).

6. **Гадюны пидъ чеснаго Хреста** лѣзли «въ свои скоты» на зимовлю; видѣвшій это рубилъ ихъ топоромъ (4).

7. **Гадюна зъ золотымы рогамы**—царяца зѣй, ведетъ ихъ въ берлогу на зимовлю. Положи передъ нею красный суконный поясъ или ленту,—она сброситъ золотые рога; кто ихъ имѣеть,—будетъ счастливъ и богатъ (5).

8. **Гадюна.** Гадюна съ рогами; если попросишь,—сброситъ рогъ, и отъ того рога будешь счастливъ (5—6).

9. **Дви сыныци та орель**—воевали и орель одну съѣлъ, а другая хвастала, будто побѣдила орла (6).

10. **Зозуля на Петра мандрыкою** подавится (6).

11. **Соловейно** поетъ голько пока жито начинается колоситься (6).

12. **Кажанъ.** Происхожденіе кажана (7).

13. Черезъ що собака съ нишною грызутся. Въ голодный годъ Богъ далъ собакѣ хлѣба и расписку, по которой хозяинъ долженъ былъ кормить собакъ тѣмъ, что самъ ѣсть; собака дала расписку на сохраненіе коту, котъ забылъ бумажку въ печкѣ, гдѣ она и сгорѣла; это было причиною вражды между кошкою и собакою (7—8).

14. Корова. Чувствительность коровы къ дурному глазу. Необходимость вѣжливаго обращенія съ коровою (8).

15. Коваль и чортъ. Кузнецъ научился отъ чорта употреблять песокъ при кованіи, а раньше не зналъ этого (9).

16. Скло. Чумаки сдѣлали изъ селитры подставки для котелка, въ кот. варили пищу; селитра смѣшалась съ пескомъ, и образовалось стекло (9—10).

17. Про тютюнь. Сброшенный съ неба чертъ сгнилъ, зацѣпившись на деревѣ; изъ его праха выросъ табакъ (10).

192. Дринъ та виль. Волъ ушелъ бы отъ дрока, да боится, что земля провалится; а дрикъ за смѣхомъ не можетъ преслѣдовать вола (251).

193. Комаръ та оводень. Комаръ говорилъ, что если бы онъ былъ одѣтъ лучше, то и зимою кусалъ бы (252).

194. Гусы. Что говорятъ гуси, когда идутъ «у шкоду» (252).

195. Кулымъ. Что значить крикъ кулика надъ гречихою (252).

196. Сорона. Время, когда сорока гнѣздо дѣлаеть и начинаетъ нестись (253).

197. Зинсьне щеня. Богъ велѣлъ кроту насыпать столько кучекъ; сколько звѣздъ на небѣ. (253).

ТОМЪ 2.

1. Тепло въ старовыну было гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь (1).

2. Змій (метеоръ) летѣлъ къ женщинѣ молоко изъ груди сосать. На него грѣхъ смотрѣть, — нужно припасть къ землѣ. (1—2).

3. Огонь. Нельзя плевать на огонь: губы будутъ въ прыщахъ. (2).

4. Песыголовци. Мужикъ попадаетъ къ песыголовцамъ одноглазымъ, берется сдѣлать своему хозяину песыголовцу другой глазъ, выкалываетъ ему и тотъ, который былъ, а тогда уходитъ отъ слѣпаго песыголовца въ шкурѣ барана между овцами. (2—4).

5. Чоловинъ та ятель. Лисица общала окрестить дятленятъ и поѣла ихъ. Дятель съ горя сталъ долбить волю голову, человекъ хотѣлъ убить дятла, но убилъ вола; потомъ жена его такимъ же образомъ убила ребенка; поймала дятла, и мужъ проглотилъ его живымъ, но онъ вылѣзъ, жена хотѣла его ударить топоромъ и разрубила мужу задъ. (4—6).

6. **Кинь.** Конь предугадывает тяжелую работу въ будущемъ. (6).
7. **Сорока та ворона.** Подражаніе крикамъ сороки и вороны. (6).
8. **Соловейко** поетъ пока на ячменѣ появится колось (6).
9. **Жаба.** Лягушка прыгаетъ на чоловѣка и впивается въ него. (7).
10. **Гадюку** если убить,—сонце просіяетъ (7).
11. **Гадюка въ рота** влизла спавшей женщиѣ; запахъ земляники вызвалъ ее назадъ. (7—8).
12. **Гадюка, що зъ жинки** выскочыла. Животъ женщины ненормально увеличивался; знахарка изгнала изъ нея гадюку. (8).
13. **Ужана.** Женщина ударомъ, прогнала ужа отъ коровы; ужъ началъ сосать женщину; и корова, и женщина умерли (9).
14. **Жаба** если перебѣжитъ дорогу—бѣда. (9).
15. **Видиля блохы?** Старой бабѣ Богъ бросилъ въ пазуху клубокъ блохъ для развлечения. (10).
16. **Муха та блоха.** Блоха и муха говорятъ о томъ, гдѣ лучше жить—въ селѣ или въ городѣ: блохѣ лучше въ городѣ, ибо тамъ долго спать, а мухѣ въ селѣ, такъ какъ тамъ не жалѣютъ съѣстнаго. 10).
17. **Зъ чого на свити** табанъ. Богъ, св. Петръ и св. Навель хотѣли построить церковь, но черти не давали: что за день они сдѣлаютъ, то за ночь черти разнесутъ. Монахъ взялся построить. Черти его искушаютъ; онъ ловитъ одного и заставляетъ чертей навоситъ дерева; церковь, была построена, и Богъ въ награду далъ монаху треть всего знанія того, что въ мѣрѣ дѣлается. Монахъ остается при церкви, черти снова искушаютъ его (онъ летаетъ на чертѣ), наконецъ онъ закликаетъ черта въ дуплѣ дуба, дерево раздавливаетъ черта, и изъ его крови вырастаетъ табакъ. (13—15).
18. **Зъ чого осотъ** росте въ хлибови. Богъ подарилъ овесъ черту, а св. Петръ испугалъ черта, и тотъ, перепутавъ названія, подумалъ, что ему данъ осотъ. (15—16).
210. **Дерначъ.** Крикъ деркача. (313).
211. **Сонце на купайла** купается. (313).

II. Примѣты и повѣрья.

ТОМЪ 1.

18. Витерь (11).—19. Дошъ (11—12).—20. Градъ (13).—21. Завирюха (13).—22. Мисяць (13).—23. Рыбалкы (13—14).—24. Вовкы (14).—25. Вышни (14—15).—26. Хозяйскія примѣты (15).—27. Си-

но (15).—28. Скотына (15).—29. Квочка (16).—30. Зубы у скотыны (16).—31. Постъвъ (16).—32. Орихы та хлибъ (17).—33. Курчата (17).—34. Пятныця. Понедилокъ (17).—35. Золиння (17).—36. Дійкы у коровы (18).—37. Молоко и медъ (18).—38. Тканіс (волки, жито, гроза и градъ) (18).—39. Швачка (18).—40. Незаконнорожденный (19).—41. Злодійство (19).—42. Пожаръ (19).—43. Волосся (19—20). 44. Подушки (головная боль) (20).—45. Сонъ (21).—46. Гистъ (21)—47. Маты й дочка (21).—48. Замужество со вдовцемъ (21).—49. Лежачый (21).—50. Молебенъ на «обидныка» (22).—51. Смерть (22).—52. Страшный судъ (23).—198. Пыпоть (253).—199. Нове йасты (253). 200. Прыкметы одъ старыхъ людей (253—255).

ТОМЪ 2.

19. Молитва (17).—20. Яка колы годына бува (17).—21. Хазяйство: хата (18), начыння хатныс (18), одежда (18), йижа (19), хатня работа (19), свійська тварь (19—20), городына (20—21), садовына (21), хлиборобство (22), рыбалство (22).—22. Куця (22).—23. Дытына (23—24).—24. Смерть. Мрець (24—25)—25. Ворожиння (25—26).—26. Жыды (26).—27. Знахидка (27).—Указатель примѣтъ и повѣрій, напечатанныхъ въ другихъ изданіяхъ (27—30).—212. Примѣты (313—314).

III. Знахарство, заговоры и проч.

ТОМЪ 1.

53. Хворобы (24).—54. Сглазь (24).—55. Холера (25).—56. Пропасныця (25—26).—57. Дытына (26—31).—58. Отрута (31—34). 59. Мышки зирваты (34).—60. Спына (34).—61. Икавка (34).—62. Зубы (34—35).—63. Лышай (35).—64. Чырякъ (35).—65. Ожога (35). 66. Очи (36).—67. Переломъ кости (36).—68. Подкожные жировые нарывы (36).—69. Зилля (36).—70. Пошестъ на скоть (36—37).—71. Вымя у коровы (37).—72. Допросъ (37).—201. Якъ выпысуваты пропасныцю (255—256).—202. Сельскій лѣчебникъ (256—279).—203. Чары до любощивъ (280).—204. Книжка св. Зосимы о пчелахъ (281—282).—205. Щобъ рыба ловылась (282).

ТОМЪ 2.

28. Уроки (31).—29. Молытва знахарська одъ усякихъ хворобъ (31—32).—30. Молытва знахарська пияся кожного шептанья (32).—31. Видъ прыстриту (33).—32. Одъ пропасныци (34).—33. Чорна болисть (35).—34. Кровъ замовляты (35).—35. Переполохъ (36).—36. Крыкльвыцы (36).—37. Видъ бышыты шептанья (36—37).—38. Лышайн (38).—39. Дерево въ тили (38).—40. Онухъ (38).—41. Якъ укусе гадыва (38—39).—42. Бильмо на очахъ (39—40).—43. Зубы замовляты (40).—44. Одъ зубивъ (41).—45. Плиснявка (41).—46. Гыкавка (41).—47. Перелогы (41—43).—48. Грызъ (43).—49. Наростъ (43).—50. Спына (43—44).—51. Сечъ (44).—52. Якъ паня пана прычарувала (раскапывала могилу и добывала матеріи, которой оббитъ гробъ; звала въ трубу). (45).—53. Знае одъ блихъ (45).—54. Корова (46).—55. Баба, що змюкъ исклыкала (46).—56. Бджолы (47)—57. Карты (48).—Указатель матеріаловъ, относящихся къ этому отдѣлу, напечатанныхъ въ другихъ изданіяхъ (48—54).—213.* Яка бува хвороба (314).—214. Уроки (314).—215. Пропасныця (314—315).—216. Кровъ замовляты (315).—217. Молытвы молодыкови (316).—218. Що робыты, якъ немає чымъ жинци дытыны годуваты (316).—219. Одъ гадюкы (316—317).—220. Одъ зубивъ (317).—221. Жывить пидбираты (317).—222. Лѣчебныя средства, запис. въ с. Демянцахъ Переясл. у. (318—320).—223. Коровы (320—321).—224. Бджолы (322).—225. Заговариваніе гадюкы (323).—226. Выведеніе крысъ (323)—227. Чары до любощивъ (323—324).—228. Одъ пожежы (324).—229. Одъ ворогивъ (324).—230. Якъ клычуть до пана або въ громаду (324—325).—341. Щобъ судъ не прысудывъ (325).

IV. Вѣрованія и рассказы о сверхъестественныхъ существахъ.

ТОМЪ 1.

73. Не отдавши чортамъ душу, богатый не будешь. Черти везли тачку съ деньгами хозяину мельницы; мужики имъ помогли, и они имъ дали денегъ, которые превратились въ угли. Если бы они, какъ хозяинъ мельницы, отдали чертямъ душу, то у нихъ были бы деньги, а не

угли. Хозяинъ велитъ своему мельнику управлять чертями и заставлятъ ихъ вертѣть колеса мельницы. (38—39).

74. Чорты-слуги. Черти возили къ сапожнику червонцы и помогали ему въ работѣ. (39—40).

75. Обдуренный чортъ. Человѣкъ продалъ черту душу съ условіемъ, что чертъ тогда ее возьметъ, когда на деревѣ ни одного листа не будетъ; но на деревьяхъ и зимою кое гдѣ держатся листья, и чертъ не можетъ взять души. (40).

76. Скрыпаль. Скрипачъ продаетъ черту душу за умѣнье хорошо играть на скрипкѣ, но вмѣсто своей души отдаетъ «душу» изъ скрипки. (40—41).

77. Чортъ до меду ласый. Чертъ кралъ медъ изъ ульевъ, былъ побитъ и пересталъ воровать. (41—42).

78. Чорта окропомъ облыто. Вмѣсто мертваго колдуна легъ «на лави» въ его образѣ чертъ; его облили кипяткомъ, и онъ убѣжалъ. (42—43).

79. Грошолоубъ. Скупецъ, по совѣту чертей, проглотилъ передъ смертю свои деньги; когда онъ умеръ, чертъ ночью пришелъ, вытряхнулъ изъ его трупа дьячку, читавшему псалтирь. (43—44).

80. Лисовынь. Лѣсной богъ нанимаетъ поочередно каждаго изъ трехъ братьевъ пасти своего бычка съ условіемъ чтобы пастухъ принесъ то, что бычокъ ѣстъ. Два брата не исполняютъ договора, и онъ ихъ убиваетъ, а третій, дурень, переплываетъ за бычкомъ рѣку, видитъ, какъ бычекъ дѣлается священникомъ, ѣстъ булки и пьетъ вино. Исполнивъ условіе, пастухъ получаетъ «пидришитку» денегъ. (44).

81. Русалии зашекотали человѣка, ѣхавшаго лѣсомъ на «русалчынъ велькдень.» (45).

82. Про вовкулакивъ. Нарубокъ бросилъ свою дивчину и женился на другой; оставленная обратила его въ вовкулаку; въ образѣ волка онъ бѣгаетъ съ волками семь лѣтъ, послѣ чего снова превращается въ человѣка. (45—47),

206. Чорты, громомъ убывани. Счастливъ убитый громомъ: за нимъ чертъ прятался, и Богъ долженъ былъ поразить и человѣка. (282).

ТОМЪ 2.

58. Чортъ ягнямъ. Чертъ въ образѣ ягненка затащилъ старосту подъ мостъ; спасъ его случайно ѣхавшій черезъ мостъ священникъ. (55—56).

59. Чортъ багатого дурить и пьянаго тѣмъ, что сбиваетъ ихъ съ дороги. (56).

60. Якъ чортъ музыку дуривъ. Чертъ завелъ музыканта въ болото. (57—58).

61. Музыка у чортивъ. Чертъ въ образѣ мальчика является на свадьбу, проситъ у скрипача скрипку, тотъ не даетъ, и у музыканта лопается скрипка; онъ оканчиваетъ игру на свадьбѣ уже на скрипкѣ мальчика, а идя домой встрѣчаетъ на мосту черта въ образѣ кума, и тотъ ведетъ его въ оврагъ, который кажется музыканту хатой; помазавъ одинъ глазъ чудесной бѣсовской мазью, музыкантъ узнаетъ дѣйствительность, но черти выдавливаютъ ему глазъ. (58—59).

62. Скрипка й чорты. Чертъ продаетъ парубку скрипку со всѣми чертями, которые въ ней; скрипка сама играетъ и, сгорѣвъ, снова возражается; парубокъ едва избавляется отъ нея продажей. (60).

63. Чортъ зъ вершою та чоловікъ изъ жинною. Чоловѣкъ ушелъ отъ злой жены и заставляетъ встрѣтившагося черта подать ему воды «вершою»,— чертъ убѣгаетъ. (60—61).

64. Щырый чортъ. Излишне усерднаго черта прогоняють товарищи, а мельникъ бьетъ его по затылку «мяломъ.» (61—62).

65. Якъ чортъ оддячывъ чоловікови. Чертъ поймался въ «ятиръ»; выпущенный рыбакомъ, обѣщаетъ ему мѣшокъ денегъ, если тотъ придетъ съ вѣрнымъ товарищемъ. Рыбакъ приходитъ съ женой, но жена, поддаваясь искушеніямъ черта, хочетъ зарѣзать мужа; чертъ будитъ послѣдняго и уходитъ, не давъ ничего и сказавъ, что вѣрный товарищъ—собака. (62—63).

66. Чортъ козою. Волкъ напалъ на черта въ образѣ козы, человекъ убилъ волка и когда потомъ попалъ въ плѣнъ въ Турцію, то спасенный чертъ возвратилъ его домой какъ разъ въ тотъ моментъ, когда жена человека хотѣла вѣнчаться съ другимъ. (64—65).

67. Купецъ, що продавъ душу нечыстому, сдѣлался богачемъ когда умиралъ, то мучился и не могъ умереть до тѣхъ поръ, пока не сорвали крышу. (65—66).

68. Чортъ за понуту служыть тры годы у чоловіка. За излишне причиненное людямъ зло чертъ долженъ 3 года служить бѣдняку; молотитъ за него у пана и поражаетъ количествомъ сдѣланной имъ работы; обманомъ получаетъ отъ пана много хлѣба въ зернѣ, а потомъ, съ помощью чертей, и цѣлый магазинъ съ хлѣбомъ. (66—71).

69. Вовнъ та св. Юрій. Волкъ (чертъ) сѣдаетъ у бѣдняка послѣдній кусокъ хлѣба и за это осужденъ три года служить мужику; дѣлается у мужика кузнецомъ и начинаетъ перековывать старыхъ людей

на молодыхъ. Когда онъ ушелъ, мужикъ пробуетъ сдѣлать то же съ паномъ, но безуспѣшно; его трижды вѣшаютъ, но бывшій работникъ трижды его освобождаетъ. (71—76).

70. Чоловикъ, чорты и видьмы. Чортъ является вдовцу, любимшему пѣтуховъ, въ образѣ бѣлаго пѣтуха, срываетъ крышу, и пѣтухи вдовца исчезаютъ. Вдовецъ идетъ ихъ искать, попадаетъ къ вѣдьмѣ, улетаетъ за ней на Лысую гору, возвращается, везетъ на себѣ молодую вѣдьму, обманнымъ образомъ получаетъ отъ чертей сапоги-скороходы, шапку-невидимку и кошелекъ-самотрясъ. (76—79).

71. Дурни чорты та хытрый наймытъ. Поповъ работникъ обманываетъ чертей, говоря, что хочетъ ихъ всѣхъ половить. Происходитъ состязаніе между нимъ и чертожь: обносятъ лошадь вокругъ озера, борятся, смѣются кто сильнѣе, бросаютъ вверхъ булаву; обманнымъ образомъ работникъ побѣждаетъ, получаетъ мѣшокъ денегъ и чудесную дудку, которая заставляетъ танцовать и животныхъ, и людей. (79—83).

72. Чортова матиръ. Богатый братъ прогоняетъ бѣднаго съ вечерей на святъ-вечиръ къ чертовой матери; она даетъ ему за вечерю барана, принесшаго бѣдняку богатство; богатый братъ, узнавъ объ этомъ, отправляется къ чертовой матери, получаетъ мѣшокъ денегъ и, донеся ихъ домой, умираетъ. (83—85),

73. Якъ баба чорта дурыла. Чертъ пашетъ вдовѣ и виѣстѣ съ нею съѣсть сперва морковь, а потомъ макъ; чертъ беретъ отъ моркови то, что надъ землею, а отъ маку то, что подъ землею; разсерженный, хочетъ убить бабу; но баба хитростью побѣждаетъ его. Чертъ убѣгаетъ, заходить въ гости къ человѣку, но убѣгаетъ и оттуда, боясь, чтобы его не съѣли дѣти. (85—87).

74. Домовыкъ на инше мисце переганяе. Хозяина преслѣдуютъ несчастья; ночью домовый приказываетъ перейти въ другое мѣсто; когда это было исполнено,—хозяйство поправилось. (87—89).

75. Хлопецъ—побратымъ смерти. Хлопецъ служилъ годъ за обѣдъ и отдалъ его смерти. Смерть въ благодарность даетъ ему возможность, посредствомъ ея появленія, узнавать умереть больной или выздоровѣть и такимъ образомъ зарабатывать деньги. И до сихъ поръ тотъ хлопецъ живетъ вдвоемъ съ смертью въ землянкѣ. (89—91).

232. Про закліату нупцеву дочну. Купецъ проклялъ дочь, и она окаменѣла; парубокъ хотѣлъ ее отчитать, но испугался ночью чертей и умеръ; солдатъ, болѣе смѣлый, достигъ этого и женился на дочкѣ купца. (325—328).

V. Разказы о мертвецахъ.

ТОМЪ 1.

83. Про вдову, що вночи пряла. Вдова ночью при лунѣ пряла; кто то пришелъ и велѣлъ напрядь «жмутъ веретинъ»; она поспѣшно намотала по 3 нитки на каждое веретено и тѣмъ избавилась отъ бѣды. (48).

84. Якъ Нычпырь дилывъ вареникъ. Нычпырь заснулъ подь праздникъ возлѣ церкви съ вареникомъ во рту и долженъ былъ дѣлать вареникъ явившимся къ нему мертвецамъ; избавился только тѣмъ, что посредствомъ хитрости затянулъ время до пѣнія пѣтуховъ. (49).

85. Небоязый полковникъ. Полковникъ искалъ страха, ночевалъ на кладбищѣ и поймалъ упыря, воскресилъ умерщвленныхъ имъ, а трупъ взялъ съ собою и бросилъ его въ кашу разбойниковъ; ошпаренный упырь разогналъ разбойниковъ. Полковникъ ночуетъ въ домѣ, гдѣ ходила мертвая дочка пана, возвращаетъ ее къ жизни и женится на ней. Она показываетъ ему страхъ, привѣсивъ его на шелковой ниткѣ надъ адомъ. (49—52).

86. Упырь Солдатъ возвращается домой ночью и находитъ въ хатѣ отца упыря; ѣдетъ съ нимъ на свадьбу и видитъ, какъ отецъ пьетъ кровь изъ людей; развѣдавъ у отца о средствахъ, воскрешаетъ умерщвленныхъ имъ, а упыря отвозитъ къ могилѣ, и онъ самъ уходитъ въ землю. (52—56).

ТОМЪ 2.

76. Грихъ довго планаты по мертвому. Мать плакала за умершимъ сыномъ; онъ явился и показалъ ей ведро наплаканныхъ ею слезъ, которое онъ долженъ былъ съ собою носить; послѣ этого мать перестала плакать. (92).

77. Якъ мертвяки по церкви вночи ходять. Женщина, у которой умерло три дочери, пошла ночью въ церковь, чтобы увидѣть ихъ; дочь-мертвецъ бросилась на нее съ намереніемъ загрызть и разорвать острыми когтями; женщина упала въ обморокъ и на другой день умерла (93).

78. Столяръ-ирецъ являлся старостѣ на воротахъ своей хаты и отдавалъ взятую имъ у него еще при жизни пилу; затѣмъ онъ явился другому челоуку и избилъ его. (93—95).

79. Мертвый чоловикъ ходитъ до жинны. Мертвецъ-мужъ ходилъ къ женѣ; по при помощи посовѣтованныхъ ей средствъ она избавилась отъ его посѣщеній. (95—96).

80. Упырь пьет кровь съ хаты. Упырь пилъ кровь своей семьи изъ угла хаты; его пробили осиновымъ коломъ, и больные выздоровѣли. (96—97).

81. Упыряка и ганчарь. Ганчарь заночевалъ на кладбищѣ; виѣстѣ съ мертвецомъ идетъ въ село, видитъ, какъ тотъ пьетъ кровь; на другой день мертвеца пробиваютъ осиновымъ коломъ. (97—98).

82. Упырь и чоловикъ на кладовыщи. Мужикъ, увидавъ, какъ мертвецъ вышелъ изъ гроба, взялъ въ могилѣ обивку гроба; вернувшись мертвецу возвращаетъ взятое только тогда, когда тотъ указываетъ средство воскресить имъ умерщвленныхъ; послѣ этого мертвецъ пересталъ ходить. (98—99).

83. Москаль-упырь. Солдатъ-упырь возвращается къ женѣ; на похоронахъ ржетъ къ мертвецу, а мертвецъ къ нему; узнавъ, что онъ упырь, жена развѣдываетъ отъ него средство для укрощенія упырей (накинуть на упыря обротъ), поступаетъ такъ съ мужемъ, и онъ разливается смолою. (100—101).

84. Батько-упырь. Умирая, отецъ велѣлъ сыновьямъ каждую ночь ставить для него пищу. Возвратившійся сынъ-солдатъ съѣлъ, не зная въ чемъ дѣло, отцовскій ужинъ; явившійся отецъ хотѣлъ его съѣсть, но сынъ отрубилъ ему голову, потомъ повезъ его хоронить въ окованномъ гробу; оковы лопнули, отецъ погнался за сыномъ, сынъ убѣжалъ въ хатку; бывшій тамъ мертвецъ загрызся съ его отцомъ, а при крикѣ пѣтуоба упали мертвые; оказалось, что хатка была могилой; солдатъ похоронилъ отца, пробивъ его осиновымъ коломъ. (101—103).

85. Про салдата и мертвого чоловика. Умирая, отецъ велѣлъ сыновьямъ поручить похороны его кому либо чужому. Солдатъ за деньги согласился похоронить мертвеца; везетъ его въ гробу, онъ встаетъ, гонится за нимъ и падаетъ при пѣніи пѣтуха; солдатъ везетъ его дальше, оковавъ гробъ; привозитъ къ священнику, который закликаетъ мертвеца; но это не помогаетъ, мертвецъ встаетъ, ищетъ солдата и падаетъ при крикѣ пѣтуха. (103—105).

Указатель къ отдѣлу (105—107).

VI. Вѣрованія и рассказы о людяхъ съ чудсною силою (вѣдьмы, ворожки, волшебники).

ТОМЪ 1.

87. Вѣдьмы и вѣдьмаки. Вѣдьмы прирожденныя, ученныя и невольныя; какъ узнать вѣдьму; превращенія вѣдьмъ въ собаку, свинью, соро-

ку; занятія вѣдьмъ; средства отъ злоумышленій вѣдьмы; вѣдьмакомъ управляетъ не отъ него зависящая сила; вѣдьма, уходя ночью, оставляетъ свою кожу; вѣдьмы подбираютъ золу за прыгающими черезъ купальный огонь (57--60).

88. Видьма. Последняя въ семьѣ и первая не боятся вѣдьмы; вѣдьма доить молоко изъ подпорки въ хлѣвѣ. (60).

89. Кинь. Человѣкъ, ночевавшій у вѣдьмы, леталъ за нею по воздуху. (60—61).

207. Якъ видьму пизнаты. Способы узнавать вѣдьму: масляничный сыръ, полѣна дровъ, оставляемая каждый понедѣльникъ въ постъ. (283).

208. Литвынь и дивчата-видьмы. Двѣ дѣвушки вѣдьмы рвали колоски на полѣ, чтобы не было урожаю; литвинъ сдѣлалъ имъ такъ, что онѣ вцѣпились другъ другу въ косы, и никто, кромѣ него, не могъ ихъ разнять. (283—284).

209. Видьмы й парубокъ. На Рождество три дивчины летятъ на жуктѣ въ теплый край рвать горохъ; подслушавшій ихъ парубокъ летитъ виѣстѣ съ ними и тоже рветъ горохъ; въ наказаніе за это одна изъ вѣдьмъ превращаетъ его въ коня и ѣздитъ на немъ цѣлую ночь; затѣмъ, съ помощью невѣстки своей, парубокъ дѣлаетъ тоже съ вѣдьмою, а когда она умерла, то читаетъ надъ нею три ночи и остается живъ. (284—287).

ТОМЪ 2.

86. Маты видьма. Парубокъ отрѣзалъ ухо собацѣ, и оказалось, что то была его мать вѣдьма. (108).

87. Видьма й парубокъ. Вѣдьма душила ночью парубка; по совѣту сосѣда, онъ повернулъ вѣдьмино тѣло, когда ея душа ушла, и вѣдьма не могла войти въ свое тѣло до тѣхъ поръ, пока онъ не придалъ ему прежняго положенія. Отличіе вѣдьмы родимой отъ ученой. (109—110).

88. Москаль, две сестры видьмы та батько видьмакъ. Старшая сестра-вѣдьма ѣздитъ ночью на солдатѣ; младшая, съ которой онъ сталъ жить, указываетъ ому средство ѣздить на сестрѣ; старшая умираетъ и солдатъ три ночи лежитъ на ея могилѣ на освященныхъ щепкахъ, благодаря чему нечистая сила ничего не можетъ съ нимъ сдѣлать. Потомъ онъ ѣдетъ къ тестю-волшебнику; тесть притворяется мертвымъ, и солдатъ долженъ его везти хоронить; волшебникъ по ночамъ встаетъ изъ гроба, гонится за солдатомъ, тотъ прячется въ хатку, гдѣ лежитъ мертвецъ;

волшебникъ борется съ мертвецомъ; на третью ночь солдатъ прячется на дерево, волшебникъ грызеть дерево, но Богъ спасаетъ солдата, а волшебникъ брошенъ въ море. (110—115).

89. Про те, якъ жинна зрбыла чоловина собаною, а сама зизна-лась изъ нечистою сылою. Любимаго приказчика купецъ хотѣлъ женить на своей дочери, а онъ женился на горничной сосѣдняго купца; оказалось, что жена его летала на кладбище съ нечистою силою ѣсть мясо мертвецовъ; мужа за то, что узналъ эту тайну, превратила на 3 года въ собаку; умная собака отъ хозяина, у котораго пасла овецъ, попадаетъ къ купцу, а потомъ къ царю; меньшая царевна вышла за собаку замужъ, нищій возвратилъ собакѣ чловѣческой видъ и велѣлъ на бывшую его жену надѣть уздечку; она дѣлается кобылою, а нечистый жеребцомъ и 2 года возять бѣдныхъ людей, которые ходять на заработки; послѣ этого они превратились въ православныхъ и жили вмѣстѣ, а зять царя ушелъ къ своей второй женѣ. (115—120).

90. Панъ, що все знавъ, та кучерь. Кучерь полюбавалъ мяса змѣи, которую панъ приказалъ изжарить, и сталъ понимать языкъ животныхъ и растений; панъ хотѣлъ его убить, гнался, но не догналъ; кучерь легъ спать подъ чернымъбомъ и утратилъ свои знанія. (121—122).

91. Москаль у наймахъ у чаривныка. Солдатъ нанялся къ пану на годъ топить печь съ условіемъ не заглядывать въ котель; заглянувъ, онъ увидалъ тамъ скипающуюся кровь, а печь сказала пану, что солдатъ заглядывалъ. Онъ остался еще на годъ, снова заглянулъ въ котель и увидѣлъ, что тамъ изъ крови образовывается чловѣкъ; по просьбѣ его печь не сказала пану о заглядываніи, солдатъ ушелъ и получилъ способность отъ дыры въ дверяхъ узнать, гдѣ воры спрятали украденныя деньги. (122—124).

92. Якъ парубокъ хотивъ чаривныкомъ зрбытысь. Парубокъ на улицѣ показывалъ свои умѣнье превращаться въ животныхъ; его товарищъ попросилъ посвятить и его въ эту науку; наука оказывается тяжелою: его бьютъ вѣдмы, потомъ онъ на годъ дѣлается вовкулакою и уже послѣ этого не хочетъ далѣе учиться. (125—126).

93 Сынъ-вовкулака. Мужъ и жена согрѣшили подъ Великдень; родился сынъ-вовкулака; отецъ, узнавъ объ этомъ, отдѣлилъ сына; сынъ загрызъ жену и убѣжалъ волкомъ. (126—128).

Указатель къ отдѣлу. (128—140).

VII. О кладахъ.

ТОМЪ 1.

90. Скарбъ. Заклятый кладъ въ погребѣ; подходящихъ отбрасываетъ бурю; пастухъ бросилъ туда шапку товарища, и шапка возвратилась полною денегъ, а когда свою бросилъ—полною грязи. (61).

ТОМЪ 2.

94. Снарбъ свичною у труни. Является вечеромъ. (141).

95. Шнарбъ дидомъ. Явился пастуху. (141—142).

96. Шнарбъ киньмы тройкою въ лѣсу показался пастуху. (142—143).

97. Заздра на гроши. Свекровь, умирая, закопала свои деньги и заклала ихъ такъ, что только та рука ихъ могла взять, которая закапывала, и только тотъ ими могъ воспользоваться, кто съѣстъ нечистоты на мѣстѣ клада; слышавшая это невѣстка откопала кладъ рукою трупа свекрови, а нечистоты превратила въ порошокъ, дала съѣсть мужу и такъ добыла кладъ. (143—144).

Отдѣлъ VIII-й.

ТОМЪ 1.

91. Грихы. Мать выбросила своего ребенка. Когда этотъ сынъ, по имени Андрей, выросъ среди чужихъ, то случайно попалъ въ свое село, случайно убилъ отца и женился на матери. Узнавъ о грѣхѣ, Андрей идетъ къ священнику за наказаніемъ; священникъ велитъ ему ртомъ поливать горѣлый пень, пока выростутъ яблоки, — тогда ихъ сорвать; Андрей выростилъ яблоню, но не могъ сорвать двухъ яблокъ: это и были два его грѣха; священникъ заперъ его въ сторожку, а ключи бросилъ въ море. Черезъ 40 лѣтъ ихъ нашли въ рыбѣ и отперли Андрея, который уже сдѣлался праведнымъ. (63—66).

92. Про Пантелемона и 93. Про Свырыдона. На одну тему: парубокъ случайно убиваетъ дочь вѣдьмы и долженъ три ночи читать надъ ней; благодаря совѣту крестной матери и помощи свыше, избѣгаетъ погибели отъ нечистой силы. (66—71).

94. Янголь. За грѣхъ Богъ велѣлъ ангелу 3 года быть въ образѣ человека на землѣ. Ангелъ поступаетъ въ пріемыши къ мужику, разъясня-

сть ему долю бѣдняка и богача въ будущей жизни и, по окончаніи срока наказанія, улетаетъ на небо. (71—73).

95. Святой. Человѣкъ молился Богу, не зная молитвъ. Святой научилъ его молитвамъ, но увидавъ, что тотъ ходитъ по водѣ, велѣлъ ему молиться, какъ молился. (73—74).

96. Чому цыганови брехаты вильно. Цыгана заставили распинать Христа и велѣли прибить къ кресту и голову. Изъ жалости онъ этого не сдѣлалъ и сказалъ, что сидѣвшая на лбу у Христа муха—гвоздь. Поэтому цыганамъ дозволено лгать. (74—75).

97. Соломоновы лига. Христось послѣ смерти вывелъ людей изъ ада, а Соломона оставилъ, и тотъ съумѣлъ выдти самъ. Увидѣвъ, что въ раю записано людямъ 1000 лѣтъ жизни, приписалъ еще 700,—эти то 700 мы и доживаемъ теперь. (75—76).

210. Братъ у брата на тому свити. Бѣднякъ хотѣлъ жениться, пошелъ провѣдать могилу брата и посадилъ тамъ желудь, а потомъ позвалъ брата на свадьбу, могила раскрылась, и онъ уже былъ въ гостяхъ у брата. Они говорили и читали о жизни земной и райской, и за это время сгорѣло три свѣчи. Когда бѣднякъ вышелъ, оказалось, что онъ пробылъ подъ землею 300 л., посаженный имъ дубъ успѣлъ вырасти и сгнить, и не было бѣдняку на свѣтѣ родныхъ и знакомыхъ; тогда онъ опять ушелъ въ могилу къ брату. (287—291).

211. Безъ Бога ни до порога. Человѣкъ безъ помощи Бога, приходившаго къ нему въ видѣ странника, хотѣлъ сдѣлать лодку, а едва застрогалъ палочку. (291—292).

ТОМЪ 2.

98. Ленивому пара—працьовыта. Богъ и св. Петръ увидали дѣвучку, жавшую усерднѣ всѣхъ, и Богъ сказалъ, что она предназначена женою лѣнивцу, дожидавшему, чтобы груша упала ему въ ротъ,—иначе такой лѣнтій пропалъ бы. (145).

99. Чоловикъ, св. Петро та пророкъ Ілія. Человѣкъ далъ св. Ілію поѣсть, а св. Петру не далъ,—св. Петръ истребляетъ его хлѣбъ, а пророкъ Ілія возвращаетъ утерянное; собравъ хлѣбъ, мужикъ пошелъ раздать часть нищимъ и далъ и св. Петру, стоявшему около церкви въ образѣ нищаго; Богъ наказалъ св. Петра за мстительность тѣмъ, что онъ подавился поданнымъ ему хлѣбомъ. (146—149).

100. Христось по земли ходыть одъ Велькодня до Вшестя. (149).

101. Выхреста на тому свити не прыймае ништо, ибо у Моисея онъ вычеркнутъ изъ списка, а у св. Петра не внесенъ въ списокъ. (149—150).

Этнограф. матеріалы, II.

102. Про чоловіка, що роздавъ багатство на вбогихъ. Сынъ раздалъ бѣднымъ неправильно приобрѣтенное отцемъ багатство, а самъ ушелъ въ пещеру и началъ горевать о сдѣланномъ. Богъ велѣлъ ему плести лапти, и онъ забылъ свое горе и сдѣлался праведнымъ; но одна дѣвушка искусила, его и онъ снова теперь старается заслужить спасеніе. (150—151).

103. Два братья. Ходившему по землѣ Богу богатый братъ на вопросъ о томъ, что онъ посѣялъ, отвѣтилъ съ сердцемъ: «будяки,» а бѣдный съ почтеніемъ сказалъ правду; у бѣдняка изъ плохаго зерна выросла прекрасная пшеница, а у богатаго изъ хорошаго зерна—чертополохъ; тогда у братьевъ начался споръ за поле—гдѣ чье; съ тѣхъ поръ и споры за землю. (151—152).

104. Праведный у церкви и чорты. Праведникъ не ходилъ въ церковь, но по просьбѣ семьи пошелъ, переходя прудъ прямо по водѣ; въ церкви засмѣялся, увидѣвъ, какъ черти растягивали шкуру для записи грѣховъ, и уже не могъ идти по водѣ. Съ тѣхъ поръ не ходилъ въ церковь. (152—154).

105. Грихъ у свято робыты. Жѣнщина въ праздникъ хотѣла вытаскить изъ рѣки коноплю, да и до сихъ поръ не переставая все вытаскиваетъ. (154—155).

106. Такъ Богу угодно. Священникъ все приписывалъ волѣ Божіей, а панъ, желая показать несправедливость его словъ, хотѣлъ его убить, но безуспѣшно. (155—156).

233. Про Одама. Праведникъ Одамъ Ивановичъ училъ сиротъ, потомъ пошелъ въ Іерусалимъ и согрѣшилъ, пожаловавшись на дальнюю дорогу; Богъ отнял у него ноги, и онъ на колѣняхъ доползъ въ Іерусалимъ, гдѣ Богъ его простилъ; тамъ онъ училъ господскихъ и сиротскихъ дѣтей и умеръ. (328).

IX. Разказы о явленіяхъ жизни семейной и общественной.

ТОМЪ 1.

98. Неохайна господня. Жѣна держала нечистою «дичу», и хлѣбъ былъ плохъ; но по словамъ жѣны это происходило оттого, что дичу не святити; освящая дичу, священникъ указалъ на необходимость наказать жѣну. (77—78).

99. Хазяйновыта жинна. Неумѣлая жѣна задумала торговать паляницами, потомъ бубликами; но испортила муку, изъ которой уже сдѣлала ква-

шу, а когда вслѣдствіе ея хитрости мужъ разлилъ квашу, обвинила его въ томъ, что онъ испортилъ мѣшокъ муки. (78).

100. Чоловикъ та жинка. Жена бьетъ мужа, а мужъ увѣряетъ ее, что онъ страшень. (79).

101. Добра жинка жалѣла дать мертвому мужу новую сорочку. (79).

102. Якъ жинка чоловина годувала: изжарила ему щенка. (79).

103. Робоча жинка (дивна), равнодушная къ обвиненіямъ въ неумѣньи работать, обидилась, когда ее обвинили въ неумѣньи танцовать. (79—80).

104. Хытра видмова. Панъ, подозрѣваемый въ томъ, что къ нему по ночамъ ходитъ горничная, наглою ложью старается отклонить подозрѣніе. (80—81).

105. Вдова хвалитъ независимость отъ мужа. (81).

106. Ладъ у сийи. Человѣкъ попросилъ пустить его переночевать въ хату; ночью онъ видѣлъ, что на столѣ было много змѣй—это лѣнивыя невѣстки не прибрали со стола; что между старшимъ сыномъ и его женою лежала гадюка—это ненависть между ними; что со старшаго сына на его жену и обратно скакала лягушка—это любовь между ними; что въ четвертой хатѣ дубинка билась отъ полу до потолка—это корыстолюбіе меньшого сына; что украденное сѣно и забытыя на полѣ колоски кричали. Пояснивъ все это, путникъ ушелъ. (81—83).

107. Почему дѣти не могутъ ходить тотчасъ послѣ рожденія— вслѣдствіе непослушанія Евы Богъ велѣлъ ей носить дѣтей. (83).

108. Яко на неби и на земли. Имя Яковъ находится будто бы въ молитвѣ Господней. (83).

109. Маты й сынъ. Сынъ не далъ матери разговѣться на Христо-во Воскресеніе, и за это гадюка обвилась ему вокругъ шеи и впилась въ щеку;—такъ онъ и умеръ. (84).

110. Дитей не нагодуешъ. Мужикъ могъ накормить собакъ до отвала, а панъ своихъ дѣтей нѣтъ: хоть и сыты были, а, увидѣвъ орѣхи, бросились на нихъ. (85).

111. Дитя и царь. Дитя ухватило царя за усь; его рѣшили судить; но такъ какъ вмѣсто того, чтобы схватиться за золото, дитя по неразумію схватило огонь, то царь помиловалъ его. (85).

112. Прядиння. Мать обманула царя, сказавъ, что ея лѣнивая дочь любитъ прясть; царь рѣшилъ женить на ней своего сына и велѣлъ ей выпрясть 3 амбара пряжи; тогда явилось къ ней три бабы: одна съ отвислою губою—эта смачивала слюною пряжу, другая съ ногою какъ полозъ—эта вертѣла прялку, третья съ рукою, какъ рукавица—эта рвала съ гребня; онѣ спряли 3 амбара пряжи; царь, увидавъ до какого безобразія дово-

дять пряденіе, запретилъ невѣсткѣ прять, и обманъ матери не былъ раскрытъ. (85—86).

113. Лимовый работникъ. И хозяинъ, и работникъ, оба лѣнныя, выдумывали всякія препятствія для начала работы. (87—88).

114. Бидный просе богатства. Бѣдный обвинялъ богачей въ скупости и говорилъ, что со всѣми дѣлился бы если бы имѣлъ богатство; ему дали чудесный кошелекъ, изъ котораго онъ долженъ былъ вынуть столько денегъ, сколько захочетъ, а тогда бросить кошелекъ въ воду; но онъ и до смерти не могъ отъ него оторваться. (88).

115. Якъ чай пыли. Старые люди, не зная какъ пить чай, пили его безъ сахару, а писарь, подшутивъ, заставилъ женщину напиться чаю съ солью. (89).

116. Людська правда. Бѣдняку никто не вѣрилъ, хоть онъ и правду говорилъ, а когда онъ сдѣлался богачемъ, то повѣрили очевидной лжи, будто бы мыши проѣли у него сошникъ. (90).

117. Двое очей. Панъ нашель, что мужикъ не всѣ деньги принесть, а надѣвъ очки увидѣлъ, что всѣ; мужикъ благодарить стеклянные глаза, а живымъ елаетъ вылѣзть. (90).

118. Горе живетъ въ корчмѣ и банѣ, вѣсть кирпичъ и камень и беретъ слѣпыхъ и пьяныхъ. (91).

119. Розбійникъ старцемъ. Нищій попросилъ панскаго кучера, чтобъ тотъ его посадилъ въ экипажъ, и хотѣлъ задунить кучера; кучеръ столкнулъ нищаго-разбойника, а жѣпокъ его остался,—въ немъ оказались потомъ деньги. (91—92).

120. Вирный Иванъ. Панъ держитъ пари съ другимъ паномъ, что его работникъ Иванъ никогда его не обманетъ. Хитростью заставляють Ивана зарѣзать дорогаго вола съ золотыми рогами, ожидая, что онъ скроетъ это, но тотъ признается. (92—96).

121. Тры брата хотѣли научиться говорить по пански, но, вслѣдствіе незнанія панскаго языка, подвергають себя обвиненію въ убійствѣ и попадаютъ въ Сибирь. (97).

122. Пропала кобыла! Писарь писалъ объявленіе объ украденной лошади и когда, оканчивая, расчеркнулся, то хозяинъ лошади счелъ ее пропавшею. (97).

123. Де-дали—поганише. Съ каждымъ поколѣніемъ жить людямъ тяжелѣе. (98).

124. Жинчыне оповидання про те, що було. Воспоминанія старухи о прежнихъ лѣсахъ, раскопкахъ могилъ и надежѣ скота. (98).

125. Прынащыкъ та гадюна. Приказчикъ билъ мужиковъ; за это, когда онъ проѣзжалъ по лѣсу, гадюка обвилась ему вокругъ шеи и за-

ставила его служить себѣ три года въ своемъ домѣ; превратившись послѣ этого въ дѣвушку, она дала ему коня, саблю самобойку, торбу, дающую пищу, и сорочку, которая сама моется и надѣвается. Приказчикъ женился на дочери пана и побилъ войско другого пана, пошедшаго на него войною; но жена изменила ему и отдала врагу чудесную саблю; приказчикъ былъ убитъ, но воскрешенъ сестрою (бывш. гадюкою), давшою ему «зилля», съ помощью котораго онъ превращается въ селезня, посредствомъ хитрости снова овладѣваетъ чудесною саблею и побѣждаетъ врага. (99—104).

126. Неправедне дило. Человѣкъ продалъ на базарѣ кабана, искусаннаго бѣшеною собакою, случайно потомъ попалъ на ночлегъ къ купившему, поѣлъ сала съ проданнаго кабана, взбѣсился и умеръ, а купившій и семья его остались невредимы. (104—107).

127. Розумни чуманы—бьютъ человѣка, не зная за что. (108).

128. Охочый до шинку. Въ церковь идти грязно, а въ шинокъ нѣтъ. (108).

129. Коваль. Кузнецъ изъ пуда желѣза хотѣлъ сдѣлать сошникъ, но испортилъ; послѣдовательно пробовалъ сдѣлать чересло, топоръ, долото, швайку, шило и, наконецъ, пшикъ; явившись за деньгами былъ избить. (108—109).

130. Доля. У cadaго своя доля; бѣдный братъ хотѣлъ быть земледѣльцемъ, но безъ успѣха, ибо его доля—въ торговлѣ; наученный долею своего брата, находитъ свою долю, бьетъ ее по уху и потомъ при ея помощи, начинаетъ торговлю; разбогатѣвъ, возвращается къ семьѣ, которая сперва его не узнаетъ. (109—115).

131. Коза. Мужикъ продалъ нану за сто рублей козу, будто бы ловившую волковъ; волки потомъ разорвали козу. (115—116).

132. Велики вивци. Панъ лжетъ подводчику, говоря, что въ его краю овцы величиною съ коня или вола, но услышавъ, что по дорогѣ у нихъ рѣка, топящая лжецовъ, уменьшаетъ понемногу ростъ овецъ до обыкновенныхъ размѣровъ. (116—118).

133. Цыганъ-косарь. Цыганъ нанялся къ куму косить, ѣлъ хорошо и проспалъ цѣлый день не работая; на другой день хозяинъ заставилъ его работать и оставилъ до вечера безъ ѣды (будто бы побилъ горшки, когда жена принесла въ нихъ обѣдъ), а вечеромъ накормилъ кислымъ молокомъ до отвала, и тогда уже на столѣ появились вареники и курица, но цыганъ не въ состояннн былъ ихъ ѣсть. (118—122).

134 Видимля лывтыны взялыся. Св. Петръ дѣлаетъ бѣлорусса изъ тѣста, а когда собака его съѣдаетъ, бьетъ ее объ землю, и изъ нея выскакиваютъ бѣлоруссы. (122).

135. Лытвыны поздравляють. Бѣлоруссы желали поздравить пана, но спутались въ заранѣе приготовленныхъ рѣчахъ, и вышло ругательство. (123).

136. Лытвынъ-нюхарь исчисляеть пользу нюханья. (123).

137. Лытвынъ та жаба. Принявъ лягушку за рака, бѣлоруссъ ее съѣдаетъ. (124).

138. Лытвынъ та нашъ чоловинъ. Малороссъ, лежа въ больницѣ, никакъ не успѣваетъ постонать за слишкомъ скоро стонущимъ бѣлоруссомъ. (124).

139. Наука. Великоруссъ учится по малорусски и комично коверкаетъ слова. (124).

140. Роспыталыся. Великоруссъ и великорусска, жившіе вмѣстѣ, только тогда спросили другъ друга объ именахъ, когда поругались. (125).

141. Чоловинъ изъ Теребиловки. Великорусска, услышавъ, что прохожій, ужинавшій у нея, изъ Теребиловки, совѣтуетъ ему «теребить» (ѣсть). (125).

142. Пидслипа дочка. Плохо видѣвшая дѣвушка-великорусска посредствомъ хитрости скрываетъ свой недостатокъ и получаетъ надежду выйти замужъ. (125—126).

143. Баба та салдаты. Подъ предлогомъ сватовства, солдаты спрашиваютъ у бабы, гдѣ ея деньги, и крадутъ ихъ. (126—127).

144. Бабынъ салдаты. Солдаты запугиваетъ свою хозяйку крикомъ. (127).

145. Непамѣтный сынъ. Пробывъ на службѣ всего 9 мѣсяцевъ, сынъ показываетъ видъ, что забылъ, гдѣ его хата. (127).

212. Жиноча нара. Чумака, увидѣвъ, какъ жена дерется съ мужемъ, говорить, что нашель бы средство ее усмирить: услышавъ это, женщина пристаётъ къ нему на дорогѣ и приѣзжаетъ къ его семьѣ, гдѣ заявляетъ, что ниѣтъ па чумака права; громада присуждаетъ ей половину имущества чумака, но она уходитъ, открывши, что только хотѣла его наказать. (292—294).

213. Покарана жинна. Жена, рѣшившаяся за деньги переночевать съ паномъ, который оказался чертомъ, умерщвлена имъ. (294—295).

214. Лыха жинна. Бѣлоруссъ научилъ малоросса посредствомъ хитрости спеленать злую жену и тогда побить; жена исправляется. (295—296).

215. Батьно та сынъ. Сынъ кормитъ корками беззубаго отца, но вслѣдствіе хитрости послѣдняго, начинаетъ давать ему мягкій хлѣбъ. (296—297).

216. Добрый батьно. Добрый отец не разсердился на дѣтей даже тогда, когда, они съ цѣлью его разсердить, сожгли стогъ сѣна. (298).

217. Якъ москаль стрывавъ. Солдаты увѣряютъ, что онъ подпрыгнетъ выше Лаврской колокольни, и дѣйствительно колокольня не можетъ прыгнуть выше его. (297—298).

218. Злодійи. Солдаты подъ пѣсню крадутъ полотно. (298).

219. Хытрый цыганъ, которому на вопросъ о томъ, каковъ на вкусъ борщъ, нельзя было, подъ страхомъ быть битымъ, ни хвалить, ни не хвалить его, находить его одинаковымъ. (298—299).

220. Въ гостяхъ и дома. Привезенный домой изъ гостей пьяный панъ велитъ подать вина или пива, но узнавъ, что онъ дома, довольствуется водою. (299).

221. Два брата: скупой та добрый. Скупой, жалѣя оставлять зерно въ соломѣ, все вымолотилъ, а добрый оставлялъ кое что и для скота; у скупого пропала скоть. (299—300).

ТОМЪ 2.

107. Жинка чоловика дурыть. Жена посылаетъ мужа на охоту, вмѣсто ружья даетъ ему «рало» и увѣряетъ его, будто онъ убилъ дрофу; а потомъ хитростью удаляетъ солдата, котораго мужъ пригласилъ на обѣдъ. (157—159).

108. Про дыво. Невѣрная жена прикидывается больною и посылаетъ мужа искать «дыво», а сама угощается съ дьячкомъ. Принесенное «дыво» «стулыло» вмѣстѣ дьячка и жену и повело въ поле къ мужу, а по дорогѣ къ этой парѣ прилипли еще «дидько» и мельникъ. (159—160).

109. Якъ розжывалась царська дочка за шевцемъ. Царская дочь, противъ воли отца, вышла замужъ за сапожника и жила въ бѣдности; на предложеніе и подарить ему ночь отвѣчаетъ согласіемъ, но за плату въ сто руб.; то-же съ дьячкомъ и цыганомъ; всѣхъ троихъ она прячетъ въ сундукъ съ сажей, вмѣстѣ съ мужемъ везетъ къ озеру и встрѣтившемуся пану продаетъ какъ чертей. (160—162).

110. Якъ чоловикъ жинку ховавъ. Бѣднякъ, не имѣя нужной одежды, надѣлъ мертвой женѣ на голову «макороть» и накрылъ покрывкою; священникъ и дьячекъ были испуганы. (163).

111. Якъ жинка брань брала. Мужъ работаетъ въ полѣ, а лѣнивая жена сидитъ дома и, лежа на животѣ, ѣстъ горохъ, беря ртомъ; умышленно оставшіяся на чердакѣ мужъ придавливаетъ ее рожномъ за шею;

она думаетъ, что это сдѣлала «святая Прыштрыка», и перестаетъ лѣниться. (163—164).

112. Про Настечку-чму-чму. Неумѣлая жена хотеть сдѣлать изъ тѣста «лемишку», но не выходитъ, ничего тогда она, равно неудачно, пробуетъ сдѣлать галушки, перепички и наконецъ избивается за неумѣнье мужемъ. (164—165).

113. Уперта жинка. Городовой имѣлъ злую жену, которая постоянно его ругала и называла крючкомъ; разъ онъ, въ пьяномъ видѣ, началъ ее бить, но даже и тогда, когда она не въ состояніи была говорить, она все же показывала ему пальцемъ крючекъ. (165—166).

114. Удова, що хотила замимъ. Сынъ пошутить съ матерью-вдовою, сказавъ, что вышелъ отъ царя приказъ: если вдова заложитъ ногу за голову, то имѣетъ право выйти замужъ за парубка; легковѣрная мать заложила какъ требовалось ногу, и сыну пришлось освободить ее отъ неудобнаго положенія. (166—168).

115. Сынъ батьна на лубну вывозыть. Сынъ вывозилъ стараго отца на лубкѣ въ оврагъ, а внукъ старика попросилъ отца не выбрасывать лубка, чтобы было на чемъ вывозить и его, когда онъ состарится; пристыженный сынъ возвращаетъ отца домой. (168—170).

116. Недобра дочка. Отецъ пришелъ къ замужней дочери въ гости, а она не дала ему и куска хлѣба. (170—171).

117. Сынъ та маты. Пьяный сынъ увѣряетъ мать, что у нея долженъ быть страхъ къ нему. (171).

118. Якъ сынъ заступывся за батьна. Пьяницу-отца побили въ шинку парубки; сынъ идетъ съ нимъ туда же подъ предлогомъ наказать обидчиковъ, и отца бьютъ снова. (171—172).

119. Мачуха. Родная мать лгунья: сказала что не дастъ рубахи, и дала; а мачиха правдива: сказала, что не дастъ, и уже третью недѣлю мальчикъ въ грязной. (172—173).

120. Зять-прыймакъ. Зятя-прыймака обижаютъ бабы, а тесть учитъ его побить ихъ мѣшкомъ, въ которомъ спрятанъ камень. (173—174).

121. Дивчына не вмѣе прясты. Лѣнивая дивчына хвастала на вечерницахъ, что много прядетъ; парубокъ заткнулъ въ куделю кольцо, чтобы она его тамъ нашла, но она и не притронулась къ работѣ и потому не нашла кольца. (174).

122. Робоча дивка, приготавливъ на сватанье только одинъ рушникъ, оправдывалась тѣмъ, что онъ длиненъ. (175).

123. Про кравця, шо шывъ мишкы. Умѣя шить только мѣшки, самозванный портной беретъ шить пану шубу, портить все и вмѣсто денегъ получаетъ побой. (175—176).

124. Хлопци гириши за чорта. Черть шель искушать женщину, но возвратился, услышавъ, что тамъ уже есть парубки, которые и безъ него дѣло сдѣлають. (176).

125. Парубокъ хвалько та дивна. Парубокъ изъ другого села хвастаетъ богатствомъ; дивчина, въ видѣ нищей, ночуетъ въ его хатѣ, видятъ его крайнюю бѣдность и потомъ вышучиваетъ его въ компаніи. (177).

126. Писля меду. Пьяный рассказываетъ исторію попойки у тещи. (178—180).

127. Бидный мужыкъ та два лыгря. Мужыкъ нашель 2 серебряныхъ рубля, ихъ у него отнялъ слѣпой нищій; мужыкъ пошелъ слѣдомъ за нимъ въ его хату и тамъ взялъ у нищаго и его товарища по боченку денегъ. (180—181).

128. Старци. Нищій бросилъ въ пастуха палкою, которую пастухъ унесъ съ собою; она оказалось выдолбленною внутри и полною червонцевъ. (182—185).

129. Кара грошолюбови. Скуной отецъ, умирая, велѣлъ положить къ себѣ въ гробъ свою подушку; внучекъ раньше видѣлъ, какъ дѣдъ пряталъ въ подушку деньги, и послѣ похоронъ сказалъ объ этомъ родителямъ; откопали жертвеца и увидѣли, что деньги торчали у него во рту въ ухахъ, носу и глазахъ. (185—187).

130. Щастя одъ Бога. Зашедшій въ незнакомую хату парубокъ видитъ, какъ Богъ раздаетъ долю новорожденнымъ; спрашиваетъ о своей долѣ и, сообразно данному отвѣту, оставляетъ богатую невѣсту и женится на бѣдной; находитъ у порога кучу денегъ и покупаетъ все хозяйство богача, на дочери котораго онъ не захотѣлъ жениться. (187—189).

131. Про щастя та нещастя. Бѣдный челоуѣкъ встрѣчаетъ счастье и несчастье; несчастье дважды даетъ ему по много денегъ, но онѣ пропадаютъ безъ пользы; счастье же разъ дало 3 коп., за которые онъ покупаетъ щуку, а въ ней находитъ драгоценный камень и продаетъ его за большія деньги. (190—191).

132. Зъ мужычокъ пани. Мужичка, выйдя замужъ за пана, приказываетъ повару что варить и, не понимая слова «перемѣна», рекомендуетъ ему варить это кушанье. (192).

133. Панъ, що по немецьному баланавъ. Мужичка отдала дочь за панка; пріѣхавъ къ тещѣ въ гости, зять желаетъ показать свою ученость—говоритъ будто бы по нѣмецки и такъ какъ его никто не понимаетъ, то остается безъ обѣда, безъ ужина и безъ подарка. (192—195).

134. Скупый панъ. Скупой панъ плохо кормилъ слугъ; заблудивъ въ дорогѣ, сильно проголодался; кучеръ ѣлъ булку, а пану сказалъ, что ѣсть

сѣно, и панъ ѣлъ сѣно; послѣ этого онъ заботливо кормилъ слугъ. (195—196).

135. Вирша (урывокъ). Мужъ заставляетъ жену звать гостей—сельское начальство, письмомъ призываютъ и «волосного», который осуждаетъ за неуваженіе къ панамъ. (196—197).

136. Побалакалы. Панъ назвалъ мужика свиньей, а тотъ его собакою. (198).

137. Панъ та ланей його. Проходя съ паномъ въ лѣсу, лакей умышленно такъ пустилъ вѣтку, что она ударила пана, а потомъ говорилъ, что онъ ослабилъ силу удара. (198).

138. Ланей чай пѣе прямо изъ самовара и обжигается. (198).

139. Глузуютъ городовыны зъ чорноморськыхъ козанивъ. Насмѣшка въ формѣ непередаваемой «нисенитныци.» (199).

140. Черезъ вищо почалы замыкаты. Прежде и 2 мѣсяца лежить вещь въ полѣ—никто не возьметъ, а какъ пришли солдаты,—пришлось запирать. (200).

141. Солдаты и баба. Солдаты испортили бабѣ «мычки», а она ему вымазала тѣстомъ барабанъ въ срединѣ. (200—201).

142. Одноново. Солдату все равно—хлѣбъ или пирогъ ѣсть, но беретъ пирогъ. (201).

143. Салдаты ирадуть у пана сѣно, а у священника съ ногъ сапоги. (201—202).

144. Офицеръ и денщикъ. Офицеръ даетъ каждому деньщику водки и спрашиваетъ: какова? когда тотъ похвалитъ,—бьетъ его и прогоняетъ. Хитрыми отвѣтами одинъ деньщикъ избѣгаетъ общей участи, и офицеръ оставляетъ его. Деньщикъ дерется со служанкою; по порученію офицера, находитъ ему трехъ дураковъ. (203—204).

145. Про дурного денщика. Глупый деньщикъ даетъ невпопадъ отвѣты. (204—205).

146. Салдаты терпятъ отъ насѣкомыхъ,—избавляется отъ нихъ только въ банѣ. (206).

147. Салдатскый гвинтыкъ дороже курицы: проглотившая его курица была зарѣзана, и винтыкъ изъ нея вынуть. (206).

148. Салдаты дома. Солдаты возвращаются домой и увѣряютъ, что забылъ по мужички говорить; по, подъ вліяніемъ полученныхъ по собственной неосторожности ударовъ по лбу граблями и дѣпомъ, вспоминаетъ и этотъ языкъ. (206—207).

149. Зелени окуляры, по совѣту солдата, надѣты лошади, которая будто бы ѣсть тогда все, принимая его за зеленое сѣно. (208—210).

150. Ному швыдче йисты хлибъ. Цыганъ-кузнецъ и мужикъ-зем-

ледѣлец спорять, чья работа длиннѣе; при чемъ деруть другъ друга за чубъ во время разсказа о работѣ. (210—211).

151. Цыганъ-молотникъ. Нанятому цыгану хозяинъ сказалъ, что гречиха такая сухая, что ей только цѣпъ показывать нужно; цыганъ и не молотилъ, а только цѣпъ показывалъ, за что и былъ побить и переброшенъ черезъ плетень. (211).

152. Якъ цыгане обдурюють людей. Панъ просить цыганенка обмануть его, и тотъ уводить лошадей; панъ тащить на себѣ повозку, а обманувшій его кучеръ только хомутъ; наконецъ панъ покупаетъ за сто рублей пару плохихъ лошадей. (212—213).

153. Тры мужыны и цыганъ. На три вопроса: о разстояніи до села, глубинѣ рѣчки и своемъ имени цыганъ отвѣчаетъ однимъ отвѣтомъ. (213).

154. Чумакъ та прынащикъ. Чумакъ въ лавкѣ не понимаетъ слова «счеты», ссорится съ приказчикомъ и бьетъ его мазницею. (214).

155. Мужыкъ та купецъ. Мужыкъ нюхалъ конфеты и не купилъ; потребовавшему за это деньги купцу, онъ даетъ послушать, какъ деньги звенять. (214—215).

156. Не зрозумивъ. Указаніе великоросса о потерѣ мазницы малороссъ принимаетъ за брань и отвѣчаетъ бранью. (215).

157. Кавуны та штоли. Малороссъ полагаетъ, что слово «что-ли» значить—дыни. (215).

158. Мужыкъ та полянкъ. На приказанія и вопросы пана-поляка мужыкъ умышленно отвѣчаетъ глупостями. (215—216).

159. Очищеніе души. Молящемуся объ очищеніи души великороссу отвѣчаетъ спрятавшійся воръ, обѣщая его очистить, т. е. обокрасть, что и исполняетъ. (216).

160. Ласый до горилкы. Солдату запретилъ хозяинъ трогать водку, а онъ выпилъ и свернулъ вино на св. Николая. (217).

161. Москали й сахаръ. Не зная что такое сахаръ, великороссы бьдять вмѣсто него сальныя свѣчи. (217—218).

162. Бабушна Гаргарушка й Дуняша. Мать, отецъ и дочь плачуть о сынѣ дочери, который долженъ родиться, если дочь выйдетъ замужъ, и утонуть. (218—219).

163. Москали стреляють. Не зная какъ обращаться съ ружьемъ, великороссы сыпятъ въ него каждый по горсти гороху, всѣ берутся за него, а одинъ, препятствуя выстрѣлу, закрываедъ дуло; ружье разрываетъ. (219—220).

164. Чья молитва старша. Мельникъ спорить съ хозяиномъ-евреемъ о томъ, чья молитва старше—русская или еврейская, и, наугавъ

еврея, заставляя его увѣрять въ большую силу русской молитвы. (220—221).

165. Великорозумный Йосько зъ жыдамы на вѣйни. Йосько предводительствуетъ евреями, идущими къ царю воевать, но ведетъ ихъ солдатъ Иванъ. Иванъ издѣвается надъ евреями: заставляя ихъ спать на деревѣ, потомъ въ муравейникѣ, бьетъ ихъ; царь прогоняетъ еврейское войско, которое, испугавшись на возвратномъ пути собачки, почти все тонетъ въ рѣкѣ. (221—223).

166. Про жыда й наймыта його Ивана. Еврей поручилъ продать Ивану корову, а Иванъ не отдалъ полученныхъ за нее денегъ; по коварному совѣту пана, еврей дѣлаетъ Ивану, вещи, по его мнѣнію, пагубныя, но на самомъ дѣлѣ пріятныя Ивану и самъ подвергается побоямъ. (223—226).

167. Якъ чоловікъ похмелывся. Не имѣя денегъ, мужикъ рассказываетъ еврею-шинкарю, что на могилѣ отца еврея горятъ ночью двѣ свѣчи; еврей даетъ ему водки, послѣ чего оказывается, что тамъ сидѣлъ рябко и свѣтилъ глазами. (226—227).

168. Жыдъ и коза. Мужикъ продаетъ еврею за 200 рублей козу, которая будто бы ловить волковъ; волки разрываютъ козу. (227—288).

169. Жыдъ та його кучерь. Иванъ везетъ еврея; ночью дѣлаетъ видъ, что на нихъ напали разбойники и завладѣваетъ деньгами еврея; на обратномъ пути уже просто крадетъ деньги у своего пассажира. (228—229).

234. Панъ та брехуны. Провинціалъ въ Петербургѣ слушаетъ какъ лгунъ увѣряетъ, будто бы онъ ѣлъ языкъ, который двое несутъ на поднось, и спрашиваетъ, что было бы, если бы лгунъ началъ врать еще и этииъ большимъ языкомъ? (329).

235. Панъ та прымащымъ. Приказчикъ подольщается къ пану такъ, что тотъ дѣлаетъ завѣщаніе, въ которомъ все свое имѣніе отдаетъ приказчику; приказчикъ убѣждаетъ пана, что онъ живетъ безъ пищи, и панъ тоже желаетъ научиться не ѣсть; приказчикъ моритъ пана голодомъ во рву и послѣ его смерти завладѣваетъ имѣніемъ. (329—332).

236. Помырывъ. Два становые спрашиваютъ мужика, кто изъ нихъ лучше; мужикъ, при помощи побасенки о лошади, повозкѣ и саняхъ, выбранилъ обонѣхъ. (332).

Х. Преданія о лицахъ и явленіяхъ политиче- скихъ (историческихъ).

ТОМЪ 1.

146. Дарій та Мамыдонъ. Персидскій царь Дарій носоляетъ войско завоеваетъ Македонію; македонскій царь пришелъ переодѣтый; Дарій даетъ ему иѣшокъ маку и говоритъ, что у него столько войска, сколько въ иѣшкѣ маку; Македонъ, показывая силу, выдавливаетъ изъ маку сокъ, побѣждаетъ Дарія, «летучихъ», устраиваетъ струны, возвѣщающія его приходъ, и покоряетъ почти всю Азію. (128—129).

ТОМЪ 2.

170. Панъ Каньовскый та баба Зозуля. Потоцкій убиваетъ бабу Зозулю какъ кукушку. (230—231).

171. Панъ Каньовскый та жыдъ новаль. За нежеланіе перековать лошадей, Потоцкій надуваетъ кузнеца-еврея иѣхами такъ, что тотъ лопається. (231—232).

172. Панъ Потоцкый та Каньовскый. Панъ Каневскій за одного убитаго еврея посылаетъ Потоцкому возъ евреевъ. (232—233).

173. Якъ люде стали пансьнымы. Сперва панъ привлекалъ свободныхъ людей добротою, а потомъ понемногу закрѣпостидъ. (233).

174. Поштаръ та наслідникъ. Ямщикъ, везшій государя и наслѣдника, считаетъ и себя въ числѣ лицъ, ради которыхъ устроена иллюминація. (233—234).

ХІ. Преданія о мѣстностяхъ.

ТОМЪ 1.

147. Мазепщина. О пещерѣ, въ которой спрятаны шапка и сабля Мазепы. (130—131).

148. Мазепинъ замокъ,—въ немъ Мазена «замуровалъ» жену Марію съ ребенкомъ. (131—133).

149. Мазепинъ домъ въ Черниговѣ, въ которомъ бродитъ душа Мотри Кочубей или душа, осужденная стеречь клады Мазепы. (133—135).

150. Чорна могила въ Черниговѣ, насыпанная надъ истребленною ордою. (135—136).

151. Преданіе о дубѣ, посаженномъ преподобнымъ Антоніемъ Печерскимъ. Когда его рубили басурманы, изъ него текла кровь. (136--137).

152. Монастырь св. Троицы въ Черниговѣ. Церковь прячется въ землю отъ набѣжавшей орды, а затѣмъ снова появляется. (137—139).

153. Преданіе о болотѣ Замглай. Рѣку Замглай проклинаетъ мать за утопленіе своей дочери, и рѣка превращается въ болото. Разбойники Телепни. (139—143).

ТОМЪ 2.

175. Объ урочищахъ въ Черниговскомъ уѣздѣ. Въ Маліевожъ рову жилъ разбойникъ Малій. Въ урочищѣ Розора жилъ поѣдавшій людей змѣй, котораго поймалъ кузнецъ щипцами за языкъ и пахалъ на него, пока тотъ не издохъ. (235—236).

ХІІІ. Сказки фантастическія, игра словъ и остроумія.

ТОМЪ 1.

154. Ведмидь, виль та лысыця. Дѣдъ прячетъ медвѣдя отъ охотниковъ, медвѣдь хочетъ съѣсть дѣда, но, испугавшись лисы, велитъ себя связать какъ колоду и воткнуть въ себя топоръ; мужикъ убиваетъ его. (144—145).

155. Ятлыкъ-кумъ и лысыця-кума. То же, что и № 5, II-го тома. (145—147).

156. Дидъ та баба. Разбилось золотое яичко, поэтому дѣдъ и баба плачутъ, курочка кудахчетъ, ворота скрипятъ, сорока на себѣ перья оборвала, дубъ вѣтви опустилъ и листы оборвалъ, баранъ роги сбиль и т. д. (147—149).

157. Зла маты та сынъ, що побывъ змійивъ. Мать, въ сообществѣ съ змѣемъ, хочетъ отравить сына-богатыря; но конь его спасаетъ; сынъ уѣзжаетъ, освобождаетъ царство отъ змѣевъ и женится на царевнѣ. (149--155).

158. Зла маты та сынъ. Та-же тема; мать посылаетъ сына исполнить порученія, гдѣ его ждетъ смерть, и, наконецъ, змѣй убиваетъ его; три русалки воскрешаютъ его, и онъ убиваетъ змѣя, заточаетъ мать, а самъ женится. (155—159).

159. Чурыло, Иванъ царевычъ та Елена прекрасна. Змѣй укралъ Елену прекрасную, а ея сестрѣ, женѣ Ивана царевича, сдѣлалъ такъ, что она начала бить мужа; по просьбѣ послѣдняго, Чурыло отучаетъ ее отъ этого, а потомъ ѣдетъ добывать Елену прекрасную, трижды ее крадетъ и трижды догонявшій его змѣй прощаетъ ему за прежнюю услугу, а въ четвертый разъ убиваетъ; волкъ, братъ Чурыла, воскрешаетъ его; по его совѣту Чурыло добываетъ богатырскаго коня, снова похищаетъ Елену и убиваетъ змѣя. (159—165).

160. Зміева дочка. За воду въ безводномъ царствѣ человекъ отдастъ царю то, о чемъ не знаетъ, что оно есть; это былъ сынъ, родившійся безъ него; сынъ идетъ къ царю, который задаетъ ему различныя неисполнимыя работы; меньшая дочка царя помогаетъ ему и наконецъ съ нимъ убѣгаетъ; счастливо избѣгнувъ погони и умертвивъ змѣя (царя), они вступаютъ въ бракъ. (165—170).

161. Батько й тры сыны. Отецъ, умирая, велитъ тремъ сыновьямъ носить ему на Рождество вечерю; только дурень исполнилъ это какъ слѣдуетъ и за это получилъ отъ отца три чудесныхъ коня, при помощи которыхъ добываетъ себѣ въ замужество царевну. (170—175).

162. Якъ чоловикъ у царивны перстинъ узявъ. Царь объявилъ, что тотъ, кто сниметъ съ руки царевны кольцо, получитъ ее въ замужество и половину царства. Одинъ человекъ исполняетъ задачу, будучи внесенъ въ спальню царевны въ часахъ. (175—177).

163. Про двохъ бративъ: убогого та багатого. Богатый братъ выкололъ бѣдному за хлѣбъ глаза, отрѣзалъ уши, руки и ноги. Попавъ подъ дубъ, гдѣ былъ Юрій съ волками, и подслушавъ ихъ разговоръ калѣка исцѣляется росой, тамъ бывшею, затѣмъ исцѣляетъ царевну, открываетъ источникъ людяиъ, не имѣвшихъ воды, и получаетъ награду. Соблазнившись наградою, богачъ отправляется подъ тотъ же дубъ и погибаетъ отъ волковъ. (177—179).

164. Два браты. Богатый братъ посылаетъ бѣднаго къ черту; у черта бѣднякъ узнаетъ, какъ исправить гать, исправляетъ и получаетъ за это возъ червонцевъ; соблазнившись этимъ, богачъ идетъ туда же и погибаетъ. (179—181).

165. Ивашко-ведмеже вушно. Баба попадаетъ къ медвѣдю и отъ него родитъ сына Ивашка съ медвѣжьими ушами. Соединившись съ Дубовикомъ и длинноусымъ человекомъ, Ивашко идетъ воевать съ длиннородымъ старикомъ, сидящимъ въ ступѣ, погоняющимъ нестомъ и заметающимъ слѣдъ метлою. Только Ивашко остается живъ, убиваетъ старика, женится на его дочери и завладѣваетъ чудеснымъ яйцомъ. (181—183).

166. Хлиборобъ. Хлиборобъ за службу у пана беретъ богатырскаго коня; ночуетъ три ночи въ хатѣ, въ которую слетаются вѣдьмы и за это отъ бабы, хозяйки хаты, получаетъ мечъ-самобіецъ и совѣтъ не вѣрять женѣ 7 лѣтъ и 7 недѣль; съ помощію чудеснаго меча освобождаетъ царство отъ враговъ и женится на царевнѣ, которая, узнавъ тайну меча, выдаетъ ее врагамъ, убивающимъ хлибороба; та же баба оживляетъ его, и онъ женится на другой. (183—187).

167. Чоловинъ болтанський, багатырь бусурманський. Убивъ сразу 30 насѣкомыхъ, мужикъ выдаетъ себя за богатыря и принимаетъ къ себѣ на службу Бову-королевича, Еруслана Лазаревича и Илью Муромца; они совершаютъ за него подвиги; онъ женится на царевнѣ. (188—195).

168. Тры денежки. За три года службы парубокъ получаетъ три денежки и за нихъ покупаетъ кота, собаку и змѣю, которыхъ люди хотѣли убивать. Змѣя превращается въ дѣвушку, на которой онъ женится, а котъ и собака помогаютъ ему въ хозяйствѣ. (195—198).

169. Якъ Богъ дасть, то и въ вѣкно подасть. Два брата пошли искать денегъ и не нашли; оставшемуся дома третьему брату бросили въ окно дохлую собаку, которая превратилась въ деньги. (198—199).

170. Дивчына у разбойныкы. Купеческая дочь, въ отсутствіе отца, обороняясь отъ разбойниковъ, одиннадцатерыхъ убиваетъ, а одного, оставшагося въ живыхъ, ранить; онъ потомъ женится на ней, перодѣтый купецъ, и везетъ жену къ себѣ; она убѣгаетъ и счастливо спасается отъ погони, спрятавшись въ трактирѣ; разбойниковъ тамъ истребляютъ. (199—202).

171. Дурни люде. Первая часть сказки—вариантъ № 162-го II-го тома. Услышавъ о глупости отца и матери, сынъ идетъ искать болѣе глупыхъ людей, находить ихъ и возвращается домой. (203—205).

172. Дурный Йося хочетъ жениться; братья посылаютъ его закупить припасовъ къ свадьбѣ; онъ все купленное раздаетъ на дорогѣ; а когда мать отправилась покупать, онъ выпускаетъ пиво и плаваетъ по хатѣ въ ночвахъ; женившись, ѣдетъ въ гости къ тестю и дѣлаетъ тамъ рядъ глупостей: поѣдаетъ котятъ, выпускаетъ изъ бочки квась, рассыпаетъ муку. (205—208).

173. Два брата—розумный та дурный. Дурень при раздѣлѣ получилъ только бычка, продалъ его въ лѣсу пню, подъ которымъ нашель деньги; убиваетъ по глупости священника и самъ же проговаривается о преступленіи, но хитрость брата спасаетъ его. (208—211).

174. Дурысвиты. Хозяинъ лжетъ людямъ на ярмаркѣ о небывалыхъ разнѣрахъ качусты и гречихи и держитъ пари, которое выигрываетъ, т. к. работникъ подтверждаетъ ложь. (212—214).

175. Воръ Антонъ крадетъ козла, а потомъ у пана, по его желанію, коня, воловъ и барыню, которую и продаетъ чертямъ, а затѣмъ, по просьбѣ пана, выручаетъ ее, устроивъ съ чертями состязаніе, подобное описанному въ № 71 мѣ II-го тома. (214—218).

176, 177. Небылицы 1 и 2.—**178. Дидъ та я.**—**179. Кто чудни- шый.**—«Нисенитницы,» трудно передаваемые (см. №№ 241—247-й II-го том.). (218—225).

180. Якъ одынь чоловікъ та хотивъ забагатити: накопилъ сте- кляной посуды, размечтался о барышахъ отъ продажи ея и нечаянно разбилъ ее ногою. (225—226).

181. Боязьный чоловікъ, оставшись безъ жены, перепугался, зацѣ- пившись за скамью ножомъ, висѣвшимъ на поясѣ. (226—227).

182. Розумный батько. Воръ обокралъ комору; а хозяинъ, думая что это сынъ, еще и посовѣтывалъ ему что брать. (227—228).

183. Глухой та губатый. Глухой изъ положенія губъ губатаго заключилъ, что послѣдній свиститъ въ церкви, и побилъ его. (228).

184. Мазуръ та ксьондзь. Мазуръ сказалъ ксендзу о найденномъ имъ гнѣздѣ скворцовъ, которыхъ и взяли дѣти ксендза; поэтому въ другой разъ мазуръ отказался сообщить ксендзу имя своей невѣсты, боясь, чтобы и она не исчезла такъ, какъ сквордъ. (228—229).

185. Личыльныкъ. Человѣкъ, считая овецъ, никакъ не можетъ до- нескаться одной штуки; жена указываетъ ему, что онъ пропускаетъ бара- на. (229—230).

186. Охочый до соли работникъ ѣсть ее въ Крыму горстями (230).

187. Гоминка. Глухой разговоръ парубка съ дивчиною о несущихся гусяхъ. (230).

188. Смерть. Провѣдъ богослова надъ умершимъ о смерти-тога, которая «якъ морсне кого, то й ноги задере.» (230—231).

189. Не кинь, а кобыла. Черноморскій козакъ, услышавъ команду садиться на коней, не исполняетъ ее, такъ какъ у него кобыла. (231).

190. Прыказны.—**191. Загадны.** (231—250).

ТОМЪ 2.

176. Орель и тхиръ. Хоръ, желая спасти свою жизнь отъ орла, откупается отъ него своими дѣтьми; получивъ дѣтей, орель съѣдаетъ и хоря. (237).

177. Лысычка й вовкъ. Приключенія волка въ овчариѣ; лисица ведетъ его къ ловушкѣ и отказывается ѣсть мясо, находя его плохимъ; волкъ бросается на мясо и попадать въ ловушку. (238—239).

Этнограф. матеріалы, II.

25

178. Вовнѣ та лысыця. Лисица заводитъ волка въ ловушку, но сама не трогаетъ мяса, объясняя это тѣмъ, что въ этотъ день пятница; волкъ ловится, а лисица съѣдаетъ мясо; идетъ потомъ въ монастырь, гдѣ ее бьютъ; ведетъ туда волка, и тотъ подвергается той же участи. (239—240).

179. Лысыця й тенета. Попавъ въ тенета, лисица пробууетъ еще шутить съ ними. (240).

180. Вовнѣ, собана та митѣ. Хозяинъ прогналъ собаку, она подружилась съ волкомъ, который ее кормитъ, загрызая животныхъ; встрѣтившись потомъ съ котомъ, собака хочетъ подражать волку, но погибаетъ отъ копытъ лошади. (240—242).

181. Курка, пивень, быкъ, кабанъ та индыкъ, уйдя отъ хозяина, строятъ себѣ въ лѣсу хатку, защищаются отъ волковъ и потомъ возвращаются къ хозяину. (243—244).]

182. Вдячный орелъ. Воробыи и мыши воевали; воробьиный царь орелъ, потерпѣвшій на войнѣ, не могъ летать, сдѣлался человѣкомъ и пошелъ въ услуженіе къ мужику, котораго онъ дѣлаетъ сотскимъ, старостою, старшиною, экономомъ и, наконецъ, царемъ; сдѣлавшись снова птицею, орелъ несетъ царя къ своимъ сестрамъ, и царь получаетъ за него отъ меньшей сестры «золотоверхнюю скрынку,» дающую ѣсть и пить; возвращаясь домой, царь производитъ мѣну чудесными предметами: скрынку мѣняетъ на топоръ, потомъ на кнутъ, топоръ на бичъ; при помощи бича возвращаетъ себѣ все, что мѣнялъ; дома топоръ ему строить дворецъ, бичъ убиваетъ бунтовщиковъ, а чудесный кнутъ снова ихъ воскрешаетъ. (244—247).

183. Про гусочну, шо несла золоти яйца. Бездѣтный богачъ взялъ у бѣднаго брата на воспитаніе двоихъ дѣтей. Бѣднякъ купилъ на базарѣ гусыню, которая несетъ золотыя яйца; продавая ихъ, бѣднякъ прибрѣтаетъ богатство; богачъ покупаетъ у него гусыню; у нея на одномъ крылѣ написано, что съѣвшій его будетъ царемъ, а на другомъ— что будетъ плевать деньгами; богачъ хочетъ съѣсть гусыню, но ее съѣдаютъ два его пріемыша; одинъ изъ нихъ дѣлается царемъ; другой играетъ съ царевною въ карты, наплевывая денегъ, и женится на ней; царевна выбрасываетъ его ночью; блуждая въ лѣсу, онъ находитъ яблоню, плоды которой превращаютъ его въ полувѣря съ шерстью и рогами; другія яблоки возвращаютъ ему человѣческой видъ съ новой красотой; устраиваетъ такъ, что его жена съѣдаетъ яблоко, превращающее въ полувѣря, потомъ испѣляетъ ее и остается съ нею жить. (247—253).

184. Тры брата й царивна. Три брата идутъ по свѣту и находятъ себѣ трехъ названныхъ сестеръ. Отъ нихъ старшій получаетъ палку,

доставляющую что угодно, и дѣлается царемъ; средний — корзину, дающую деньги, а меньшій шапку невидимку; игравшая съ среднимъ братомъ въ карты царевна украла у него чудесную корзину; средний братъ пробуетъ добыть корзину съ помощью чудесной палки и шапки-невидимки, но царевна захватываетъ эти вещи; слѣдуетъ исторія съ яблоками, подобная описанной въ предъидущей сказкѣ, и оканчивается женитьбой на царевнѣ. (253—257).

185. Заяць. Купецъ не далъ пріюта Богу, пришедшему къ нему въ видѣ нищаго, и за это былъ наказанъ бѣдностью; царь женится на его дочери, не имѣетъ дѣтей; съѣвъ чудесное яблоко, жена его родитъ дочь, которая до 15 лѣтъ не должна никого видѣть; другое чудесное яблоко утащилъ заяць, а съѣла жена садовника, родившая сына Заяна; царевна видитъ его, влюбляется, Заянь уходитъ изъ города, а она умираетъ; Заянь проданъ въ неволю, но возвращается домой, и царь усыновляетъ его. (257—262).

186. Про царскаго сына. Царевичъ осуждалъ мать еще во чревѣ ея; за это она его вырѣзала изъ себя, велѣла кузнецу изжарить и хотѣла съѣсть; кузнецъ спасаетъ и усыновляетъ мальчика; царь задаетъ кузнецу неисполнимыя работы, но мальчикъ указываетъ, какъ выходить изъ затруднительнаго положенія; царь подозреваетъ, что сынъ кузнеца—его сынъ; мальчикъ уходитъ; царь посылаетъ искать его и узнаетъ по мудрому отвѣту о золотомъ плугѣ, но не можетъ отыскать; мальчикъ дѣлается полководцемъ, женится, змѣй похищаетъ его жену, сватываетъ его самого и хочетъ повѣсить; на звукъ трубы царевича является войско, вѣшающее змѣя и измѣнницу-жену. (262—269).

187. Семилитокъ. Семилѣтокъ не можетъ ходить; прохожій дѣдъ заставляетъ его встать; онъ идетъ и молотитъ цѣпомъ въ 40 пудовъ вѣсомъ. Конецъ сказки разрабатываетъ мотивъ о матери-предательницѣ (см. №№ 157—158 въ I-мъ томѣ). (269—271).

188. Голый кучеръ. Солдатъ ночуетъ у мужика и когда уѣзжаетъ, то висѣвшій въ хлѣву голый человѣкъ догоняетъ его и дѣлается его кучеромъ; это волшебникъ; солдатъ приходитъ домой, гдѣ его хочетъ убить мачиха, но волшебникъ убиваетъ ее и хочетъ женить солдата на своей меньшей сестрѣ; та требуетъ, чтобы женихъ доставилъ ей золотыхъ волосъ; братъ, превратившись въ жука, вырываетъ ихъ у своего отца; оканчивается свадьбой. (271—273).

189. Мудра дивчина пришедшихъ къ ней, въ отсутствіе отца и матери, сватовъ спрашиваетъ, чего имъ дать поѣсть: «одбутного, прыбутного, чы того, що въ гару дывыться?»; поясняетъ недоумѣвающимъ сзатамъ, что это—сало, молоко и лукъ; смѣется надъ фамиліями пришедшихъ, которые и уходятъ безъ результата. Отецъ жениха велитъ ему

гнать на ярмарку барана и на вырученные съ него деньги выпить, закусить и купить соли, а барана пригнать назадъ; мудрая дивчина научаетъ жениха продать шерсть съ барана; оканчивается свадьбой. (273—278).

190. Дурни люде. Мужъ велитъ жепѣ продать корову за 10 р., а курицу за 30 коп.; жена продаетъ евреямъ корову за 30 коп.; евреи напавляютъ женщину водкою, обмазываютъ смолою и облѣпляютъ перьями; она воображаетъ себя птицею. Пораженный ея глупостью, мужъ идетъ искать болѣе глупыхъ людей, находитъ ихъ и возвращается къ жепѣ. (См. № 171-й 1-го тома), (278—282).

191. Школяръ и дидъ. Старикъ соглашается перевезти школяра черезъ рѣку, но среди рѣки бросаетъ его; школяръ переходитъ по дышлу и выѣзжаетъ на берегъ на волахъ, оставивъ старика въ рѣкѣ; попадаетъ къ нему же на ночлегъ; старикъ учитъ его, таская за чубъ, что кошка—чистота, огонь—красота, стѣны—высота, вода—благодать; школяръ уходитъ ночью, поджегши хату. (283—284).

192. Хлопецъ та мужыкъ. Вариантъ предъидущей сказки; мужыкъ потомъ гонится за хлопцемъ, который еще претерпѣваетъ преслѣдованія. (284—287).

193. Якъ я йшовъ изъ зарибивъ. Вариантъ предъидущей сказки. (287—290).

194. Про полковныка Бабыча. Солдатъ выдаетъ себя за полковника; будучи въ отпуску, женится, на генеральской дочкѣ; возвращается въ полкъ вмѣстѣ съ женой, и все открывается; царь, видя его умѣнье командовать, дѣлаетъ его дѣйствительнымъ полковникомъ. (290—296)

195. Хытрый мужыкъ. Мужыку не хотѣли молотъ на мельницѣ; потомъ спрятали его хомуть; онъ заставилъ смолотъ свое зерно и возвратить хомуть мнимыми угрозами. (296—297).

196 Дурна дочка, не понявъ матери, которая велѣла ей хотя «по куриной головкѣ» (по немногу) прятать и прятать, собираетъ куриныя головки. (297—296).

197. Маты и сынъ. Мать идущему купаться сыну велитъ не смѣть и являться ей на глаза, если онъ утонетъ. (298).

198. Дурный парубокъ полагаетъ, что бубликъ и платокъ могутъ звенѣть въ карманѣ. (298).

199. Дядьны й горилка. Извозчики надили боченокъ съ водкой и долили водой, а потомъ ложью стараются покрыть грѣхъ, но неудачно. (298).

200. Старецъ казны наже. Ницаго пускаютъ на ночлегъ съ условіемъ, чтобы онъ всю ночь говорилъ сказки; онъ соглашается, но по-

томъ отказывается подѣ тѣмъ предложеньемъ, что послѣ ужина можно только спать. (299).

201. Дуже потрібне діло. Пастухъ зоветъ бабу для крайне необходимаго діла, которое оказывается предложеніемъ заиграть на губахъ. (299).

202. Дидь та баба поссорилась, а потомъ, по поводу поздравленія съ чиханьемъ, помирились. (299—300).

203. Розмова. Не поддающійся пересказу разговоръ о пребываніи въ городѣ. (300).

204. Дочки-недорослы. Мать велѣла плохо говорящимъ дочерямъ молчать въ присутствіи сватовъ, но дочери не исполняютъ приказанія, и сваты уходятъ. (300).

205. Старецъ и поводитарь. Слѣпецъ разсуждаетъ о томъ, какъ много грачей, которыхъ онъ не видитъ. (301):

206. Два злодійи обираютъ церковь, и одинъ изъ нихъ полагаетъ, что можно становиться на престолъ нечистою ногою, — лишь бы душа была чиста. (301).

207. Якъ Иванъ повисывся. Находя, что петля на шеѣ не дастъ дышать, Иванъ вѣшается, надѣвая петлю подѣ руки. (301).

208. Прыжки.—209. Загадки. (302—312).

237. Добре продае. Продаетъ коня (бычка), который, по собственнымъ словамъ продавца, нигде не годится. (33).

238. Якъ чоловікъ оддавъ жабамъ гроши. Пропивъ 3 рубля, мужикъ идетъ мимо пруда и ему кажется, что лягушки говорятъ *два* вмѣсто *трехъ*; онъ имъ бросаетъ свои деньги, чтобы онѣ посчитали. (333).

239. За що были. Старикъ спрашиваетъ плачущаго школьника, за что онъ побить; тотъ отвѣчаетъ: за то, чтобы не былъ такъ глупъ, какъ спрашивающій; послѣдній соглашается съ тѣмъ, что школьникъ умнѣе его. (390—391).

240. Свиню святы, а вона въ грязь лизе. Эти слова сказалъ крестьянинъ, у котораго выпалъ изъ рукъ въ грязь посвященный на Христова Воскресеніе поросенокъ. (334).

241—247. Небулицы 1—7. Непередаваемые «нсенитици.» (334—343).

248. Про багатыря Зверхдуба. Отецъ вывозитъ своего сына-багатыря въ лѣсъ; мальчикъ ходитъ по дубамъ и называетъ себя Зверхдуба; приходитъ въ жилище двухъ братьевъ-змиѣевъ и ихъ матеря и становится имъ названнымъ братомъ; не исполняетъ ихъ приказанія относи-

тельно нехожденія въ одну изъ конюшень; находятъ тамъ коня, который съестъ золото, и золотитъ себѣ руки и голову; уходитъ на волшебскомъ конѣ, а мать змѣевъ даетъ ему чудесные щетку, гребенку и платокъ; при помощи ихъ онъ избавляется отъ погони; нанимается къ пану съ понасомъ; убиваетъ змѣя, мѣшающаго ему пасть свиней, и выпускаетъ изъ заключенія трехъ богатырей; женится на меньшей панпочкѣ; змѣя требуетъ се на пожраніе; онъ убиваетъ его. (343—352).

Цѣна 2 рубля.

Кто выписываетъ эту книгу изъ Чернигова о Бориса Дмитріевича Гринченко, тотъ за пересылку не платитъ. Выписывающій не менѣе 10 экз. одного этого выпуска или обоихъ выпусковъ вмѣстѣ (по 5 экз. каждая) пользуется уступкою въ 25%; пересылка въ этомъ послѣднемъ случаѣ—на счетъ покупателя.
Цѣна перваго выпуска 1 руб. 50 коп.